VISIT…

ПРОЕКТ РОССИЯ

Книга 3

ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

Неустановленный автор
Серия: Проект "Россия"
Издательство: Эксмо
2009 г.

Книга "Проект Россия. Третье тысячелетие" буквально взрывает наши представления о нынешнем моменте истории.

Пользуясь явно не всем доступной информацией, таинственный автор /авторы/ моделирует убедительную и достоверную картину сегодняшних планетарных изменений, касаясь спорных и даже скандальных тем, в том числе пресловутого экономического кризиса, ставшего "визитной карточкой" третьего тысячелетия.

Большинство из нас надеется, что кризис закончится и все вернется "на круги своя", автор же убежден: кризис - свидетельство окончательного крушения потребительской цивилизации и зарождения новой эпохи в истории человечества.

Книга ставит острые, парадоксальные вопросы, опрокидывающие привычную шкалу ценностей, и в то же время намечает рациональные решения сложнейших вопросов, очерчивает контуры нового незнакомого и пугающего мира.

Чем скорее мы освободимся от привычных стереотипов, чем больше узнаем о будущем, тем легче войдем в него. Ибо, как утверждает автор, назад дороги не будет.

Вступление
- Часть I. ВЕЧНЫЙ МИР
  - Глава 1. Шаг
  - Глава 2. Подход
  - Глава 3. Материализм
  - Глава 4. Развитие
  - Глава 5. Перенаселение
  - Глава 6. Новая доктрина
  - Глава 7. Технология
  - Глава 8. Гарантии системы
  - Глава 9. Тупик
  - Глава 10. Свобода
  - Глава 11. Эталон

- Глава 12. Абсолютная свобода
- Глава 13. Корни
- Глава 14. Умирание
- Глава 15. За гранью
- Глава 16. Степень опасности
- Глава 17. Зверь
- Глава 18. Чужая цель
- Глава 19. Виртуальность

○ Часть II. СОТВОРЕННЫЙ МИР
- Глава 1. Понимание
- Глава 2. Небытие
- Глава 3. Творец
- Глава 4. Сохранение Истины
- Глава 5. Новая единица
- Глава 6. Закон
- Глава 7. Разложение
- Глава 8. Новый Закон
- Глава 9. Предсказания
- Глава 10. Непосильное

○ Часть III. ИСТИНА
- Глава 1. Факты и теории
- Глава 2. Версии

○ Часть IV. СУЩНОСТИ
- Глава 1. Церковь — тело Христово
- Глава 2. Государство
- Глава 3. Противоречие
- Глава 4. Причина гонения
- Глава 5. Византия
- Глава 6. Подмога
- Глава 7 Пленение
- Глава 8. Раскол
- Глава 9. Причины

○ Часть V. НОВОЕ ВРЕМЯ (модерн)
- Глава 1. Протестантизм
- Глава 2. Трансформация
- Глава 3. Декарт
- Глава 4. Новая вера
- Глава 5. Гвозди
- Глава 6. «Перегной»
- Глава 7. Симптомы
- Глава 8. Постмодернизм
- Глава 9. Новый мир

○ Часть VI. ВЫВОДЫ
- Глава 1. Хранитель
- Глава 2. Второй вариант
- Глава 3. Крепость
- Глава 4. Три Рассказа
- Глава 5. Кто враг?
- Глава 6. Константы

○ Часть VII. КОВЧЕГ
- Глава 1. Слепота
- Глава 2. Экономический СПИД
- Глава 3. Задача
- Глава 4. Заказ
- Глава 5. Идейная группировка
- Глава 6. Сопротивление
- Глава 7. Обратный отсчет

○ Послесловие

Если найдете эти слова полезными, применяйте их.
Если найдете бесполезными, забудьте о них.
Если найдете вредными, победите их.
«Проект Россия»

Вступление

Дистанцируйтесь от эмоций. Не бросайте чтение книги на половине и не читайте по диагонали. Не делайте преждевременных выводов и не смотрите на ситуацию через призму того или иного шаблона.

Современный мир, с его рынком, демократией, прогрессом, приоритетом материальных ценностей над духовными, вчера казался непоколебимым. По умолчанию считалось: на смену ночи придет день, зиму сменит лето, экономический спад преобразуется в новый подъем, а периодически возникающие проблемы как-нибудь сами собой рассосутся. Но вот привычный мир поколебался. До самых толстокожих сегодня доходит: началось что-то слишком тревожное и слишком масштабное. Страшно…

Анализ происходящих событий показывает: современный мир уходит в небытие. Это не смена частностей и даже не смена эпох. Привычного мира больше не будет, как не будет больше парниковых тропиков и динозавров. Грядут события, сравнимые с Всемирным Потопом и Ледниковым периодом.

Чтобы необоснованность надежд отсидеться стала очевидна, рассмотрим видимую часть ситуации последней сотни лет. Начнем с бесспорных фактов. Беспрецедентный технический прогресс увеличил скорость передачи информации и перемещения грузов. Сегодня планету можно облететь за 40 минут, информацию передать за секунды. Пространство как бы сжалось, а время ускорилось. Люди начали мыслить в рамках своего региона (города, области, страны), воспринимая себя целым, а окружающий мир — полуабстракцией и чем-то вроде ресурсного приложения. Единственно правильное понимание целого мира — религиозное, с началом новой эпохи стало уступать место новому мышлению. Мир начинают осмысливать как целое не в религиозном и философском, а в политическом и экономическом плане.

Максимально реализовала открывшиеся перспективы Америка. Вернее, интеллектуальная группа, стараниями которой строилась мировая империя нового типа. Для политиков новой формации мыслить глобально, в масштабах целого мира, было таким же привычным делом, как для нас каждый день на работу ходить. В 1907 году появляется Федеральная Резервная Система США. По сути это завод по производству мировых денег — доллара. Весь мир делает товары и услуги, добывает ресурсы и энергию. США делают деньги, на которые покупают товары и услуги других.

Началось это не вдруг, ситуацию формировали десятилетиями. Первое время США развивали науку, промышленность, экономику. Но параллельно строили «завод» по производству мировой валюты. И однажды система заработала…

Вообразите: у вас дома стоит печатный станок. Ваш бизнес — печатать деньги. У соседей такого станка нет, они вынуждены производить различные товары. Вы производите деньги, на которые покупаете товар соседей. За пять минут вы наштампуете дензнаков столько, что сможете закупить продукцию, которую сосед произвел за год. США далеко отрываются от всего мира по финансовым, экономическим, производственным показателям, военному и научному потенциалу. И все только потому, что у них нереально эффективный бизнес.

Производитель денег становится финансовым богом, обеспечивающим «кровоток» между участниками рынка. Мировая система превращается в живой организм, где каждый орган выполняет свою функцию. Одна страна делает автомобили, другая ширпотреб, третья сельхозпродукцию, четвертая энергоресурсы поставляет.

Так как все участники мирового рынка зависят от единой кровеносной (финансовой) системы, на смену государственной независимости приходит абсолютная зависимость. На словах страны по-прежнему позиционируют себя самостоятельными, но в реальности идут обратные процессы. В руках производителя денег постепенно концентрируется мировая власть. Национальная власть из направляющей силы превращается в администратора, идущего указанным курсом.

Начинается стирание границ, возвышение корпораций, что приводит к полной управляемости мира из финансового центра. Новая экономика в реальности превращается в новую религию со своими обрядами, жрецами, заклинателями и предсказателями (это очень

хорошо видно на биржевом рынке). Принципиально новая сила подминает мир под себя.

Чтобы власть нового божества стала абсолютной, создателям системы нужно было решить две задачи. Первая: уничтожить «заводы», производящие непродаваемые сущности (традиционные религии являлись главными производителями ненужной новому миру «продукции»: совести, милосердия, понятия долга и прочего). Вторая задача: объединить мир в единую систему с жестким разделением обязанностей. Для их выполнения нужны:

а) пропаганда новых ценностей: граждане США должны популяризировать идеи потребительского стиля жизни на весь мир собственным примером;

б) превосходящая военная мощь: армия США должна стоять на охране нового образа жизни.

Реализация цели требует астрономических расходов. Кажется, нет проблем, если сам деньги печатаешь. Но необходимо соблюдать пропорцию между массой денег и реально производимых товаров. Если пропорция нарушается, если денег станет больше, чем товаров, система рухнет, в соответствии с законами финансовой пирамиды.

США печатают деньги, на которые приобретают свою мощь. По сути мир долгое время оплачивал американскую армию и американский образ жизни. Но удержать баланс невозможно, для поддержания системы требуется все больше денег (правило финансовой пирамиды).

Вскоре масса валюты начинает превышать массу товара. Чтобы избежать обрушения системы, нужно вывести лишние деньги из реальной экономики. Интеллектуальный центр, стоящий за мировой системой, «замораживает» лишние деньги виртуальным рынком, где торгуют виртуальным товаром — ценными бумагами (акции, фьючерсы, опционы и прочее). Люди покупают несуществующие активы, получая дивиденды за счет других вкладчиков (еще один принцип финансовой пирамиды).

Параллельно создается инструмент управления виртуальным рынком — мировые СМИ. Механизм управления прост: нужная «новость» подается нужным образом, что корректирует курс акций в нужную сторону. Слово «новость» взято в кавычки, чтобы показать: многие новости тоже виртуальны.

Не важно, как обстоят дела на самом деле, что реально было, а чего не было. Если профильные СМИ «прогнозируют» падение акций завода «X» и рост акций завода «Y», при абсолютно одинаковой стоимости этих заводов их цена на рынке будет отличаться минимум в 50 раз. При этом цена первых акций будет падать, вторых — подниматься.

Если СМИ запустят информацию: в стране были беспорядки, не важно, правда это или нет. Система отреагирует на «новость» так, словно беспорядки действительно имели место. В новой системе не важно, что было на самом деле. Важно, что говорят. Именно это заставляет двигаться политические и социальные механизмы в ту или иную сторону.

Благодаря этим технологиям, плюс двум мировым войнам, а также революциям и переворотам, финансовая пирамида держится. Но создатели прекрасно понимают: она не может стоять вечно. Можно плодить многоэтажные виртуальные рынки, развязывать новые войны, устраивать перевороты и дефолты, но нельзя отменить конец комедии.

Легкие деньги в виде процентов провоцируют рост потребления. На это накладывается природа рыночной экономики, существующей при условии постоянного роста потребления. Она будет искусственно инициировать потребление, тем самым удушая систему. «*Растущие скорости и объемы превращают человека в нечто вроде трубы, сквозь которую все быстрее и быстрее пролетает поток большей частью ненужных товаров. Пока непонятно, какова предельная пропускная способность человека как трубы, но то, что она конечна, не вызывает сомнений. Когда потребительская активность не будет соответствовать производственной, экономика рухнет. Следом рухнет государственная конструкция*» («Проект Россия», первая книга).

В стратегической перспективе просчитывалось: выхода из ситуации нет. Однажды проблемы сойдутся в одной точке, после чего возникнут перегрузки, которых система не выдержит. Природа пирамиды такова: вкладчики ни при каких условиях не смогут получить свои деньги назад. Современный кризис именно такой случай.

Кто-то может сказать: если генеральный должник сам печатает деньги, он может «нарисовать» нужное количество купюр и рассчитаться по долгам. Да, такое возможно, но этот

трюк ничего не дает. Если пририсовать к имеющимся у вас деньгам нуль (или больше), прибавиться нулей, но не денег. «Нарисуют» США нужную сумму или не нарисуют, заменят зеленые бумажки синими, это ничего не даст — мировая система все равно рухнет. Здесь тот случай, про который говорят: как ни крутись, а ж… сзади.

Никто из устроителей мировой пирамиды не собирается искать ответ на вопрос как рассчитаться с кредиторами. Они прекрасно понимают: это в принципе невозможно. Самое умное — замутить мировой хаос, под шумок вывести активы и вложить их в новое предприятие. Все строители финансовых пирамид следуют этой логике. Но если бытовые жулики инициируют банкротство и тупо бегут на запасные аэродромы, геополитические жулики не могут поступить так же. Масштаб операции вносит коррективы. Но принцип один — вовремя вывести активы, а не ждать стихийного краха.

Все всегда убегают заранее, оставляя вкладчикам легенду, почему так получилось (или смываются без объяснения причин). Происходит это, когда строители пирамиды не видят смысла выплачивать дивиденды. Они минируют систему, параллельно создавая из выведенных активов центры стабильности.

Начавшееся обрушение финансовой пирамиды повлечет такое потрясение системы, что вывести активы тем же способом, что и бытовые жулики, не получится. Нельзя перевести активы в наличные или вложить в бизнес. Все это целесообразно при сохранении системы. Но если она рушится, деньги будут стоить не дороже опавших листьев. Бизнес и недвижимость тогда упадут в цене дешевле соседней березовой рощи. Там хоть подберезовики можно собирать. А что делать в городе, где нет источников продовольствия, печки и топлива?

Устроители мировой пирамиды задолго до начала необратимых процессов стали готовить систему к контролируемому сносу путем точечного минирования планеты. Искусственно были созданы «горячие точки». Яркий пример — Пакистан и Индия. На вопрос: зачем США меняют в Пакистане подконтрольного президента и приводят к власти силы, легко провоцируемые на ядерный конфликт, как с Индией, так и с Америкой, нельзя вразумительно ответить. Равно как нет ответа, зачем они поддерживают конфликт Израиля и Палестины, сталкивают лбами Россию и Украину, раздувают европейские беспорядки. Все это увеличивает нестабильность.

Кому это нужно? США? Ни в коем случае, они первые от этого пострадают. С точки зрения дилетанта это кажется чудовищной политической глупостью. Но если смотреть в другом масштабе, открывается совсем другой смысл.

Предполагается, основные события развернутся с мега-теракта на территории США (типа ядерной атаки). «Неуловимый» Бен Ладен украдет бомбу и сбросит ее на Вашингтон (а-ля 11 сентября). Далее — удар возмездия. Затем «выявление» баз террористов, и мир взорвется массой региональных конфликтов. В него вовлекаются страны с атомным оружием, и начинается третья мировая война.

Мировой игрок регулярно использует технологию провокации — удар по своей территории (базе). Для вступления во Вторую мировую войну был устроен Пирл-Харбор. Для ввода войск в Афганистан и Иран были атакованы башни ВТЦ. Созданный миф терроризма существенно расширяет технику провокации.

У интеллектуального центра, стоящего за этими событиями, нет понятия родины, стыда или сострадания. Есть холодный расчет, логика и ориентир на результат. Все средства хороши, в том числе и удар по США — инструменту, долгое время служившему мировому игроку верой и правдой. Но игра на то и игра: ради победы можно жертвовать ключевыми фигурами, даже ферзем. Есть основания полагать, у американцев меньше всех шансов на выживание.

Параллельно минированию создаются центры стабильности: банк информации, а также банки немодифицированного зерна, флоры и фауны. Судя по всему, это ключевые точки отсчета, вокруг которых будет строиться новое мировое царство.

Сегодня в нейтральных водах на глубине нескольких сот метров создано информационное хранилище с автономным атомным питанием. Ни в политической, ни в военной или коммерческой логике этот проект не имеет смысла. Следовательно, его инициатором не могла выступить ни одна из стран или корпораций. Но хранилище, недоступное будущим участникам конфликта, тем не менее, построено. Вопрос: кем?

Не так давно было завершено заполнение хранилища, расположенного на острове

Шпицберген (в условиях вечной мерзлоты), немодифицированным зерном. Журналисты окрестили хранилище «Судный день». Получилось символично. На вопрос, зачем и кому это нужно, кто строил, нет ответа. Особо дотошным скармливается ерунда про благотворительную деятельность тайных меценатов.

Немодифицированное зерно способно давать урожай без удобрений. Модифицированное зерно дает более богатый урожай, но ему обязательны удобрения. Кроме того, через несколько поколений оно теряет жизненную силу, то есть перестает давать плод. Поэтому всегда нужно натуральное зерно, которое потом модифицируют.

Мир подсажен на модифицированное зерно (в условиях рыночной экономики натуральное зерно попросту невыгодно сеять). При сломе системы заводы по производству удобрений встанут. Без удобрения измененное зерно даст скудный урожай, а на следующий год еще меньше. Теперь понятно, почему нужно натуральное зерно? Потому что оно не зависит от мировой экономической системы, то есть является центром стабильности.

Третий вид центров стабильности, после информации и зерна, — банк флоры и фауны. Хранилищем, скорее всего, рассматривается Австралия. Вы когда о ней последний раз слышали? Это не случайно: мировые СМИ вообще ничего случайно не делают. Они инструменты, а инструменты сами по себе не работают.

Не стоит перечислять все точечные заряды, заложенные в тело мировой системы, равно как и все центры стабильности. Тенденция очевидна. Но что толку понимать тенденцию, когда никто не знает, какие из этого следуют выводы и что делать? Для остроты ощущения допустим, у вас миллиарды долларов (не имеет значения, в чем они, в бизнесе, недвижимости или наличных), и вы понимаете: операция по сносу мира в ближайшее время войдет в завершающую стадию. Что делать, чтобы сохранить свои активы? Во что вкладываться?

Чтобы ответить на этот вопрос, зададимся другим. Как вы думаете, почему некоторые западные миллиардеры за несколько лет до кризиса начали выводить активы из бизнеса и вкладывать в непонятные проекты, спрятанные под вывеской благотворительности? Что их побудило в одночасье стать благотворителями? Благоглупости, которые можно высказать по этому поводу, лишь запутывают картину.

Под ширмой благотворительности на самом деле осуществлялся перевод активов из одной плоскости в другую. Начать такую операцию невозможно, не имея достоверной информации о грядущих событиях. Можно предположить: разрушителям сегодняшней системы необходимы масштабные администраторы. Возможно, некоторым они приоткрыли будущее, после чего началось строительство непонятных объектов. Мы знаем только наиболее известные, но можно предположить массу скрытых.

* * *

Главный вопрос современности: что делать большинству (в том числе и большинству олигархов)? Пока они надеются справиться с ситуацией за счет личных качеств, опыта, связей, знаний. Но это так же смешно, как были бы смешны потуги динозавров (допустим, они умные) в наступивший ледниковый период применить знания, полученные при жизни в тропиках, и не пропасть. Динозаврам невдомек, что маленькая мышка, обросшая шерстью, в 1000 раз больше соответствует новой системе, чем они со всей своей массой, рогами, панцирями и зубами.

Только очень глупый человек может думать: хорошо быть богатым, убежал на Запад, и ты в безопасности. Такая логика имела место 100 лет назад, когда кризис носил точечный характер. Куда богатые побегут сегодня, если, во-первых, кризис на всей планете? Во-вторых, зачем они нужны со своими деньгами тем, кто сам производит деньги? К тому же, непонятно, как выйти на них с предложением себя.

Но, допустим, вышли. Что дальше? Какие у олигарха привлекательные стороны? Денег куча? Кстати, это уже огромное заблуждение: у многих денег стало совсем мало, многие по уши в долгах. Единицы, которые все еще богаты, неинтересны мировому игроку, потому что он сам деньги печатает. Их даже печатать сегодня не нужно, достаточно набить на компьютере любую цифру и положить себе на счет.

На наших глазах создается система, где большинству не предусмотрено место. Единицам из единиц будет позволено встроиться в нее. И уж точно не по признаку богатства. Деньги в

надвигающихся условиях суть абстракция прошлого мира. Да, они останутся в новой системе, но это будет нечто иное, о чем предупреждает Апокалипсис.

Очень скоро деньги будут представлять не большую ценность, чем билеты МММ после краха финансовой пирамиды. У всех, от крестьянина до олигарха и министра, два варианта: или оказаться в роли скотины, приготовленной к убою, или осмыслить ситуацию в мировом масштабе и составить план действий по выживанию.

Чтобы защититься от опасности, в первую очередь нужно понимать ее характер. Если надвигается стена воды, нужно строить плавучие платформы. Если на вас идет стена огня, надо зарываться в землю. Если есть опасность чумы, необходимо использовать лекарство. От каждого вида опасности своя защита.

Экономика — лишь следствие глубинных процессов. Попытки ответить на вопрос в русле привычных шаблонов типа «*кто-то хочет мировой власти*», никуда нас не выводят. Чтобы установить мировое господство, нужно время, превышающее человеческую жизнь. А значит, мировое господство не может устанавливаться ради самого господства. В таком масштабе это инструмент, и необходимо уловить, какую цель хотят реализовать посредством этого инструмента (мировой власти).

* * *

Мир похож на папуасов, вокруг которых ходят непонятные люди и совершают непонятные действия. Папуасам не хватает умения мыслить в масштабе странных чужеземцев, чтобы понять и оценить происходящее. Инстинктивно они чувствуют опасность от действий незнакомцев, но эти предчувствия нельзя реализовать, поскольку неясно, как можно реализовать то, чего не понимаешь. Атмосфера непонимания активно поддерживается. Папуасам устраивают дискотеки и внушают мысль об их исключительности (любая кухарка может управлять государством, все равны, нет умных и глупых, слабых и сильных). В результате в голове каша, где уж тут что-то осмысливать…

Чтобы защититься, первым делом «папуасы» должны осознать свое незнание, свою папуасность. Это первое серьезное знание, от которого можно оттолкнуться. Пока людям кажется, будто они все знают, у них нет шанса начать действие. Мы все подобны человеку, уткнувшемуся носом в землю. Он видит только насекомых. Чтобы увидеть траву, нужно подняться выше. Чтобы разглядеть деревья и животных, надо встать. Направление реки можно увидеть с высоты птичьего полета.

Наш противник мыслит в масштабе континентов и цивилизаций. Чтобы защититься от него, как минимум нужно работать на его уровне, а в идеале — выше. Судя по действиям тех, на кого мы должны официально рассчитывать, вывод один — выхода нет. Выход появится, если осмыслить ситуацию во всей ее полноте.

Представьте: некто готовит наш дом к сносу. Мы толком не понимаем, как это будет происходить, но мы против сноса. Не зная как защититься, мы тупо занимаем оборону. Просто не пускаем непонятных нам людей в зону нашего дома, и все. Возникает интересная ситуация. Да, они масштабнее мыслят. Но мы имеем силы закрыться. И до тех пор, пока закрыты, они не могут снести мир. Нет смысла сносить храм, чтобы построить на его месте бассейн, если нельзя снести весь храм. Пока сохраняется такая ситуация удержания, мир будет стоять. «*Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2Фес. 2, 7)*.

Кто такой удерживающий, мы не знаем. Хочется предположить, что Россия, но государство не может быть удерживающим. Нужна принципиально иная конструкция, построенная на других принципах. Созданию условий, в которых может проявиться и материализоваться эта конструкция, посвящены наши усилия.

* * *

Экономический кризис — «визитная карточка» третьего тысячелетия. Никто толком не понимает, что это: а) очередной цикл, после которого все через полгода/год «устаканится» и

вернется на круги своя; б) слом одного из агрегатов системы, восстановление которого займет какое-то время, и в итоге все вернется на круги своя; в) крушение фундаментальных основ потребительской цивилизации. В последнем варианте прошлое уже не вернется, будет формироваться новый мир.

Правильное понимание определит характер деятельности. Если относиться к кризису как к обычному цикличному колебанию, логично скупать бизнес, землю, недвижимость и т.д. Если это слом экономической модели, сложившейся в XX веке, логично ни во что не вкладываться. Когда дна не видно, разумно конвертировать активы в валюту и ждать ясности. Если это крушение не экономики, а слом основ всей потребительской цивилизации, формировавшейся последние четыре века, перекладывание одних материальных активов в другие (из бизнеса в валюту или из валюты в недвижимость) равносильно переливанию из пустого в порожнее.

Многие аналитики склоняются к третьему варианту — происходит слом констант потребительской цивилизации. Мы согласны с таким прогнозом развития событий. Процесс не остановится, пока не обратит привычный мир в прах. Система будет агонизировать, падение сменится кратковременным подъемом, но общий тренд — однозначно вниз.

Освежим генетическую память. Вернемся на 100 лет назад, когда религиозная модель общества менялась на материалистическую. В России были жуткий хаос, война, безвластие. Теперь вообразим эту ситуацию в размере мира. Золото, валюта, бизнес, недвижимость, связи с правительством — все бессмысленность. Эти «ёмкости» не удержат актив. Нужно выходить в принципиально иную плоскость. Вопрос: куда конкретно вложить свои усилия, свое время, деньги, таланты, возможности, остается без ответа. Ясно одно: никакие традиционные «консервы» актив не удержат.

В ситуации глобального потрясения единственный стабильный актив — люди. Его эффективность многократно возрастает, если люди скреплены в команду. Вокруг нее, как вокруг мачты после кораблекрушения, формируется центр стабильности. Налепившаяся масса структурируется, и далее появляются власть и ресурс — следствие стабильности.

Что значит вкладываться в людей? Что значит команда? Эти понятия в потребительском обществе размыты. Ценность человека отошла на второй план. Сегодня человек больше понимается туловищем, приложением к вещам, а не самостоятельной сущностью

Кто не понимает сегодняшней ситуации, подобен пассажиру, не осознающему факта кораблекрушения. Такой пассажир не может поменять мешок золота на лодку. По его меркам лодка не стоит столько (в штатной ситуации это действительно правда). А раз так, у него рука не разожмется. Даже если логика будет подсказывать: разожми руку, все равно потеряешь, не разожмет. В последний момент, когда пойдет ко дну, рука сама разожмется. Возможно, он осознает свою неправоту, но будет поздно.

Новый мир полностью изменит современную шкалу ценностей. Новая эпоха будет не борьбой интересов, а борьбой идеалов. Кто стремится к своим интересам, те уйдут. Останутся стремящиеся к идеалам.

* * *

Троцкий говорил: «чем хуже, тем лучше», чем демонстрировал глубочайшее понимание ситуации. Люди объединяются в условиях опасности. Чем беда серьезнее, тем объединение плотнее. Пока люди с жиру бесятся, они не способны к объединению. Троцкому (и Ленину) требовалось разбудить интеллектуалов и сплотить широкие массы. Ухудшение ситуации способствовало достижению поставленной цели (разбудить и объединить). Чем тяжелее кризис, тем быстрее «*сгрудятся малые*» (В. Маяковский).

Сегодняшний кризис не имеет аналогов. Все параллели с прошлым неприемлемы, сравнения некорректны, прогнозы неуместны. Он, как глобальное потепление, в своем развитии изменит облик мира. Консилиум вокруг умирающей мировой экономии показателен. Ни один человек или институт на планете не понимает корней происходящего и потому не поставил диагноз.

Люди успокаивают себя мыслями: если в военное время выжили, в мирное тем более

выживем. Но во время войны работала система военной экономики, управления, распределения и прочее. Сегодня надвигается принципиально иная ситуация. Мир на пороге крушения ключевых узлов потребительской цивилизации. Это означает отсутствие всякой системы.

Представьте города, отключенные от энергии и воды. Когда хаос достигнет критического состояния, возникнет череда региональных конфликтов. Завершающий этап — полномасштабная мировая война, в огне которой сгорят остатки старой системы. Далее — перезагрузка.

«*Если в ближайшее время не предпринять действий, соответствующих ситуации, самые мрачные прогнозы померкнут перед действительностью. На горизонте призрак блокадного Ленинграда размером во всю Россию. Сельского хозяйства нет, промышленности нет, науки нет, образования нет. Есть только продажа ресурсов, кучка присосавшихся к этой кормушке паразитов и сопутствующая деятельность коммерсантов. Ужас не в том, что никто не понимает конечного результата своей деятельности. Ужас современности — в отсутствии масштабных людей, способных предпринять соответствующие действия. Создается впечатление, что те, от кого зависит наше спасение, не понимают серьезности положения. Иначе как объяснить то, что они «осваивают» бюджет, выделенный на решение ситуации, точно так же, как некогда осваивали различные траншеи*?» («Проект Россия», первая книга).

* * *

Перед крахом все общества переживали не экономический спад, как принято думать, а экономический подъем. Косвенный, но верный признак кризиса, — появление «предкризисного человека». Во множестве появляются пустые люди с деньгами, отчасти невменяемые, пребывающие в эйфории. Успех в торговле и политкоммерции перерастает в ощущение всемогущества. Люди начинают беситься с жиру, им часы не часы, авто не авто, дом не дом. Все хотят еще больше, еще лучше, еще красивее, и так до бесконечности. Потребность жировать становится смыслом жизни.

Сегодня мир на пороге колоссальных событий. Грядущие изменения мало кто понимает или представляет их значение и последствия. Если оценивать скорое преобразование мира с позиции материализма, оно сравнимо с появлением разумной жизни. Когда неживая материя стала живой, мир совершил колоссальный скачок. Грядущее событие будет аналогичным по значимости. Новый мир или будет уничтожен, или Бог откроет ему нечто большее, чем открывал до сих пор.

Пока Бог ничего никому не открыл, нужно бороться. «*Проанализировав свой и чужой опыт, мы сформировали технологию современного сопротивления. Мы готовы предоставить ее каждому, кто способен действовать не в качестве наемного работника, а в качестве организатора и лидера. Нужны свободные, способные задать импульс и направление. Участие остальных на этапе становления бессмысленно. Времена массовых партий прошли. Будущее за новой формой действия*» («Проект Россия», первая книга).

* * *

Мы живем в обществе потребления, где главная святыня — деньги. Потом различные ресурсы, время, интеллект и прочее. Человек вкладывает свои ресурсы согласно своему мировоззрению, «*ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21)*. И поскольку никто не может мгновенно поменять свое мировоззрение, все будут вкладываться в то, что не имеет смысла (даже понимая это). Одни кинутся размещать активы в бизнес и валюту, и в итоге потеряют всё. Другие (их очень много) потребуют от правительства вернуть «старое доброе время». И только некоторые вложатся в людей, создающих центр стабильности. Две первые группы суть кризисное мясо (по аналогии с пушечным). Третья группа определит будущее планеты.

История бросила человечеству очередной вызов. Кто не сможет ему противостоять, будет уничтожен. Шанс достойно ответить появится только у тех, кто попробует сам, а не с

подачи СМИ, понять суть происходящего и определить вектор приложения усилий. Кто интуитивно чувствует глобальность и ответственность момента, тот понимает: прошлое уже не вернуть. Нельзя жить вчерашним днем.

До эпохи похолодания жили динозавры. Они не смогли ответить на вызов истории и ушли. Потребительская цивилизация тоже уходит. Грядет новый мир. Чтобы понять, что это за мир, необходимо осмыслить сложившуюся ситуацию. Не большую часть, а всю в целом, от «а» до «я».

Мы уверены в глобальной победе. Причина уверенности: у нас есть то, чего нет ни у кого в мире. Мы предлагаем НОВОЕ на мировоззренческом уровне. Это не усовершенствование потребительской системы и не строительство нового мира. Это ковчег, в котором спасется тот, кто этого захочет.

Часть I.
ВЕЧНЫЙ МИР

Наш противник, имея огромный материальный и интеллектуальный потенциал, ведет невидимую войну против нас... Возникает дилемма: или бездействовать под предлогом незнания, что же делать, или действовать, заведомо сознавая, что глобально это ничего не меняет. Второй вариант предпочтительнее хотя бы потому, что остается шанс понять, что делать, и перейти к конструктивным действиям. В бездействии шансов нет. Бездействие приводит человека к конфликту с совестью.

Проект Россия, первая книга

Глава 1.
Шаг

У человека заболели глаза. Он идет к окулисту, ему прописывают капли, боль проходит. Кажется, человек выздоровел. В реальности он усугубил болезнь. Глаза перестали беспокоить, но через полгода заболела печень. Если бы больной пришел не узкопрофильному специалисту, а прошел обследование, то наверняка терапевт разглядел бы в глазной боли сигнал о проблемах печени. Врач снял бы боль с глаз и начал печень лечить. Глаз выступал в роли автомобильного датчика, указывающего на внутреннюю проблему.

Мир похож на автомобиль, у которого скоро все заклинит и сломается. Датчики сигнализируют о колоссальной опасности. Они уже не мигают, они сиреной воют. Человечество катится в пропасть, но люди в лучшем случае думают, как отключить датчики (борьба с социальными пороками). В худшем случае вообще не замечают проблем. Общество чувствует усиливающееся недомогание, но, не умея зафиксировать причины, глушит симптомы. Оригиналы предлагают понимать проблемы общества не болезнью, а плодом эволюции и показателем свободы.

Мир нуждается в реанимации, но лечить некому. Чтобы взяться за лечение, нужно поставить диагноз. Это возможно, если осмыслить организм как единое целое. Сразу возникает вопрос: что есть организм? Первый вариант: организм есть целый мир, человечество — часть этого мира-организма. Второй вариант: человечество есть автономный организм, не зависимый (или мало зависимый) от внешнего мира. Оба варианта выносят нас за рамки отдельной цивилизации, культуры и государства.

Невозможно войти в логику вопроса, если под целым понимать только свою страну. Представьте себя на огромном корабле в открытом море. Это гигантский плавучий город, где есть улицы и переулки, по ним можно ходить всю жизнь и не исходить до конца. У корабля нет палубы, откуда можно увидеть море, небо, берег. Кто родился и вырос на этом корабле, для того понятия «мир» и «корабль» — синонимы. Понятия о пространстве за рамками корабля для такого человека просто не существует.

Мы разумеем под кораблем Человечество. Чтобы задать ему курс, нужно мысленным взором простираться за рамки корабля (человечества). Иначе вопрос о курсе нельзя даже

поставить на повестку дня.

Допустим, человек не хочет быть безвольным пассажиром. Он имеет желание выйти взором за рамки корабля. Но с первого шага открываются просторы, к которым неприменимы привычные представления. Под ногами нет твердой почвы, и человек начинает тонуть в открывшемся объеме.

Первая реакция: вернуться назад, ни о чем большом не думать и жить как раньше — плыть на корабле-мире, который движется неизвестно откуда, неизвестно куда и неизвестно зачем. Второй вариант: сделать над собой усилие, войти в область неизвестного и осмыслить пространство вокруг корабля. Осмыслить всю историю человечества разом, как единое целое. Только так можно приблизиться к пониманию происходящих на планете процессов.

* * *

Всему свой шаг. Чтобы не потонуть в море вторичной информации, важно определиться, каким размером оперировать в мировой истории. Пользоваться несоответствующим мерилом значит затуманивать тему. Глупо указывать площадь океана в квадратных миллиметрах. Получим море ненужной информации, которая плюс ко всему каждый миг будет меняться.

В поисках ответа, в каком временном шаге осмысливать человеческую историю, мы пробовали разные объемы. Поколениями пробовали мерить, веками, тысячелетиями… Поколение и век оказались слишком маленьким шагом, тысячелетие — слишком большим. В итоге остановились на шаге в 500 лет плюс/минус 100 лет. При таком размере в поле зрения попадают только глобальные события. Более мелкие попросту проваливаются в ячейку. Единицей выступает сумма множества действий за пять веков. Если можно так выразиться, для нашей темы это минимум информации.

Рисуя историю такими мазками, мы получаем цельную и не замусоренную деталями картину мира. Деятельность исторических фигур, как бы ни была она велика, при таком объеме незаметна. Кто кого победил, что и зачем завоевал, как потом политики переделили сладкие куски — все это становится несущественным. Короли, полководцы и прочие фигуры оказываются солдатами истории. Движущими силами становятся идеи и возникшие вокруг них школы.

Еще недавно мы были уверены: мировая история крутится вокруг завоевания и передела сфер влияния. Это так, если рассуждать с точки зрения регионального масштаба. Но если взглянуть в мировом масштабе, политика и экономика выглядят верхушкой айсберга. Действие, кажущееся современникам великим, через 500 лет превращается в ничего не значащий эпизод.

История, осмысленная шагом в 500 лет, это история мировоззрений. Технические, политические, экономические, социальные и прочие идеи следуют из понимания мира. Мировоззрение основополагающе. Не экономика и политика создают мир, а именно мировоззрение.

Заявленный масштаб предполагает пороговый метод осмысления. Вывод делается из критического объема информации. Не через анализ тех или иных фигур или событий, а через эффект, произведенный деятельностью идей за 500 лет. Этот метод противоположен официальному, где ученые-историки умножают детали, тонут в море информации и не улавливают целого.

Здесь уместно сравнение с Калашниковым, создателем лучшего автомата в мире. Когда все соревновались в точности подгонки деталей, Калашников пошел ровно в обратном направлении — увеличил зазор между деталями. В итоге получилось идеальное оружие. Мы тоже увеличиваем зазоры. События меньше пяти веков проваливаются в них.

Мы имеем дело с живой тканью человеческой истории. Это значит, придется останавливаться на отдельных ее участках. Но в целом любой факт мы будем понимать не как автономное событие, а как составную часть пятивекового шага, звена мировой цепи.

Глава 2.
Подход

Истории нет. Есть интерпретация доступных сведений, коктейль из фальшивок и реальных событий. Через логические натяжки эти «факты» объединялись в хрупкую конструкцию. История любого государства, любой церкви, династии, равно как и попытки увязать все это в единую мировую историю, — набор политических басен в угоду моменту.

Фактов нет. Любое глобальное решение всегда принимается за закрытыми дверями. Истинные мотивы всегда скрыты и неочевидны. Причины десятого порядка выдаются за основные, а главные остаются недоступной тайной. Естественно, есть последовательность реальных фактов, образовавших историю. Но мы понятия о них не имеем. Мы знаем только то, что нам предложено считать реальными фактами и выведенной из них историей. Именно это позволяет утверждать: фактов нет.

Мир никогда не узнает, чем реально руководствовался исторический деятель и стоящая за ним команда, принимая решение. У вчерашних, сегодняшних и будущих ключевых фигур были и будут все мыслимые основания скрывать истинную мотивацию своих решений, чтобы увеличить их легитимность.

После принятия ключевых решений в дело вступают обосновывающие механизмы. Пресс-секретари и имиджмейкеры подгоняют решение в соответствии с ситуацией и нормами. Настоящий мотив заменяют легендой и укрепляют «фактами». «Винтики» государственной машины пишут настоящие документы. Министерства обмениваются меморандумами и нотами, заявляют протесты и прочее. Параллельно идет утечка информации, на которую накладываются подделки, провокации и т.д. В общем, нет смысла перечислять инструменты, посредством которых создаются сначала фальшивки, на основании которых возникают «реальные» факты, а из них складывается карточный домик истории.

Информация формирует элиту. Элита организует общество. Общество делает эпоху. Сокращая цепочку, получаем: создатель информации формирует эпоху. Кто создает главную информацию, на которой растет наше сознание и подсознание, тот задает миру магистральное направление.

Отношение к информации определяет источник информации. Для многих поводом отвернуться от истины является противоречие общепринятой трактовке события. Согласитесь, мало кто будет перепроверять доводы того или иного ученого-историка хотя бы потому, что это нереально из-за огромного объема работы. Большинство всегда выбирает проторенную дорожку, не задумываясь, куда она ведет. Это не плохо и не хорошо, это такая же данность, как утверждения: вода мокрая, тьма темная, масса слепая.

Само по себе изучение фактов никуда не продвигает. Представьте разобранный до последнего винтика автомобиль (гора деталей). Некий человек знает каждую деталь этой горы. Его ночью разбуди и спроси, что за деталь под № 29486, он точно перечислит все ее параметры. Но он не имеет понятия автомобиля (допустим, это житель цивилизации ацтеков, у которых не было понятия даже телеги). Второй человек не знает параметров деталей, но имеет понятие автомобиля. Если поставить задачу собрать из деталей авто, первый даже не поймет, что от него требуется. Второй имеет шанс решить задачу.

Один был эрудитом, он знал части, но не имел понятия целого. Второй знал целое и потому оказался более дееспособным в нештатной ситуации. Аналогично и с историей: пока нет цельного понятия, что она такое, нет ни единого шанса разобраться в происходящем. Мы можем точно знать, какой Карл или Иван когда родился, кого победил, на ком женился и прочее. Но до тех пор, пока нет понимания истории как целого, составить факты в единую конструкцию невозможно в принципе.

С нашей точки зрения, бессмысленно сосредоточиваться на изучении фактов. Мы предлагаем сконцентрировать усилия на понимании целого и через эту призму смотреть на частности. Для этого откажемся считать факт основополагающим элементом, будем оперировать умопостигаемыми выводами из рассмотрения истории шагом в 500 лет.

Любой текст состоит из двух типов информации. Первый — мысли, которыми автор сознательно его насыщает (по заказу или как свою точку зрения). Второй — неконтролируемая автором информация. Семиология, наука по выявлению значений «второго порядка» в тексте, подтверждает: любой документ неизбежно несет в себе подсознательные культурные и

мировоззренческие установки автора. Истину текста можно познать через анализ структуры взаимосвязанных знаков и символов, спрятанных в подтексте. Автор может говорить что угодно, но он является продуктом своего мировоззрения, нации, культуры, возраста, сиюминутных целей и т.п.

Под внешним слоем текста всегда скрывается нечто большее. Пример такого сокрытия — безобидное заявление типа «депутаты Госдумы запретили рекламу табака». На первый взгляд информации ноль. Но картина изменится, если смотреть не на то, что написано, а на то, что не написано.

Первый неупомянутый факт: депутатом движет личная выгода. Если выгоды нет, ничего он делать не будет. Депутатская система по своей природе не может активизироваться, если не предполагается личной выгоды. Из этого следует второй неупомянутый факт: за каждым крупным заявлением депутатов всегда стоит заказчик.

Главный вопрос: кто может выступать в роли заказчика на запрет рекламы табака? Перебирая всех возможных кандидатов, мы приходим к выводу: наиболее вероятный заказчик… сами табачные компании. Вывод кажется противоречащим логике, но только пока мы не вникли в суть вопроса.

Дело в том, что первый прорыв на рынок можно сделать через прямую рекламу, вбивающую в сознание покупателя новый бренд. Если такой возможности нет, войти в рынок нельзя. Табачная компания не заинтересована пускать конкурентов в захваченный сегмент. Самый эффективный способ оградить себя от конкурентов — запретить рекламу. Но как же тогда рекламировать продукцию? Очень просто: через косвенную рекламу. Например, фильмы финансировать, где главный герой курит сигареты нужной марки.

По итогу корпорации защитились от конкурентов. Лица во власти получили свой интерес. Лидеры фракций и депутаты лишний раз предстали в образе народных защитников. Народ перестал курить (так должно выглядеть следующее звено логической цепочки). Увы, народ как курил, так и курит дальше. Его к этому принуждают тысячами скрытых пиар-способов.

В последнем легко убедиться, если смотреть не на бодрые отчеты статистики, а на косвенные показатели табакокурения, коими являются легочные заболевания. Если, например, количество заболеваний раком легких растет, значит, народ курить не бросил. Зато производители сигарет «срубили» очередную прибыль, а депутаты поимели разовый коррупцион.

Не менее интересная информация «выплывает» из политических заявлений. Например, официальное лицо говорит о росте демократии, о выборе народом демократического пути развития и прочее. Эта информация кажется пустой и скучной. Но если ее проанализировать на предмет скрытых смыслов, мы обнаружим совершенно иное. Каждый может проделать эту процедуру сам и убедиться в бездне информации. Внешне пустые заявления оказываются потрясающе откровенными и красноречивыми.

Не имея цели детально разбирать технологию вскрытия скрытых смыслов, многие нюансы мы опустили. Мы хотели только показать, как через анализ внешне пустой информации можно выявить реальную картину, которую составитель текста хотел скрыть.

Метод выявления информации, предназначенной для скрытия, используют спецслужбы. Например, ЦРУ успешно получало недоступные сведения о проблемах в среде высшего руководства СССР посредством анализа советской прессы. Как мы с вами из безобидного официального сообщения выяснили, кто стоит за запретом на рекламу табака, так они по высушенным заявлениям советских газет выясняли происходящее в высших эшелонах власти. И эта информация помогла ускорить крах СССР.

История, сотканная из первого слоя информации, есть бред, которого не может быть в реальности. Например, нам преподносят освобождение колоний от западных стран в логике типа «*народ восстал, начал бороться за свободу и победил колонизаторов*». Мы не обращаем внимания на тот факт, что туземцы в принципе не могли выиграть войну у индустриальных держав. Они могли одержать победу в отдельных битвах, но не имели возможности выиграть глобально.

Если реконструировать «факты», мы увидим: колонизаторы нашли систему контроля колоний посредством физической силы неэффективной. Родилась другая технология. Вчера

колонизаторы силой принуждали туземцев платить дань. Сегодня построили им демократическую систему, при которой самые энергичные аборигены пробиваются во власть. Чтобы остаться там, они вынуждены вписаться в мировую экономику в качестве эксплуатируемых.

Фактически туземцы поставляют ресурсы и свой труд, как и прежде. Разница в том, что раньше они делали это через принуждение, а сейчас по доброй воле. Туземные демократы выполняют черновую работу, а реальные хозяева получают чистую прибыль. Дополнительный контроль: дети туземной элиты учатся у неформальных хозяев. Капиталы туземной элиты хранятся в банках неформальных хозяев. Колонии позиционированы как независимые, но в реальности это смена вывески, а не хозяев. Главный показатель: все без исключения стратегические решения принимают неформальные хозяева. Свободные туземные правители суть колониальные администраторы.

Официальная история соткана из «документов прикрытия» и толкуется через призму современного мировоззрения — потребительского. По умолчанию считается, если кто-то воевал, то исключительно ради материальных целей (расширение территории, политическое и экономическое могущество).

Безусловно, это имело место, но не факт, что было главным мотивом (особенно до эпохи потребительского общества). Не берется во внимание огромное значение жрецов, под властью которых находился тот или иной завоеватель древности. Например, древние считали: на планете существуют энергетические центры, контроль над которыми дает невероятное могущество. Такое понимание мира позволяет воевать не ради налогооблагаемых баз, а ради метафизических целей. Современный человек, упакованный определенным набором «фактов» и уверениями «наука доказала», все сводит к колбасе, в той или иной интерпретации. Поэтому никогда мир не узнает истинных причин походов Навуходоносора или Кира.

Читать исторические, в общепринятом понимании, документы неразумно, уловить реальность можно только через реконструкцию скрытых смыслов. Из разрозненных фрагментов можно собрать, наподобие мозаики, сравнительно цельную истинную картину. Но предложенный метод хорош для осмысления относительно недавней истории. Глобальную Историю нельзя реконструировать через скрытые смыслы по причине невозможности вникнуть в глубину документа.

Дело в том, что со временем тексты становятся нереконструируемыми. Современный человек не может увидеть информацию второго слоя в египетских папирусах или клинописных табличках. Для реконструкции мировой истории мы используем иной метод: не анализ документов и «фактов», а анализ развития мировоззрений. Если историю представить в виде текста, ее глубинный смысл виден только через осмысление порождающих и двигающих ее идей. Принимать историю через «факты» в официальной интерпретации, значит извращать ее.

Если наша цель понять историю, мы должны признать единственной реальностью идеи. Они, как ледоколы, прокладывают магистрали, в коридоре которых формируется мир. Самый великий правитель следует строго в рамках проложенного коридора. Если кому-то придет в голову пойти своим курсом, он не сможет — для этого нужно быть «идейным ледоколом», способным проломить колею в ледяной пустыне неизвестного.

Любое выборное правительство, как бы хорошо оно ни было, по своей природе не может быть таким «ледоколом». Для этого нужно иметь высшую цель, только она дает силы проломить коридор в ледяной пустыне. Всякая высшая цель выводится из цельного мировоззрения. Человек без цельного мировоззрения руководствуется шаблонами, не задаваясь вопросом об их источнике.

* * *

Чтобы понять огромную Историю, нужно понять ее движущие силы. Это, в свою очередь, требует уловить логику, породившую глобальное направление. Если не охватим мир как целое, мы останемся пассажирами корабля, чей взор не простирается за «флажки».

Есть два максимальных понимания целого мира — идеализм и материализм. Мы должны рассмотреть каждый вариант, уловить его логику и проследить, куда она ведет в своем

максимальном развитии. Только после этого можно сформировать Цель и принять глобальные решения.

Глава 3.
Материализм

Есть разные теории вечного мира. В одних версиях человек это отпавшая от универсального духа пылинка. Ее смысл жизни — вернуться в непостижимый дух, раствориться в нем и стать ничем (нирвана). В других вариантах он — слабое смертное существо, случайно появившееся от бессмертных божеств и обреченное исчезнуть в небытии. В третьем варианте человек что-то вроде разумной плесени, случайно зародившейся на окраине галактики, которая после краткого мгновения под названием жизнь уйдет навсегда и невозвратно.

Материализм — одна из разновидностей теории вечного мира. Именно он является точкой отсчета, инициирующей смертельные для человечества процессы. Особенность материалистического мировоззрения — отрицание организующей силы. Вселенная понимается как мертвый бессмысленный объем энергии и материи. Это бесконечное пространство, которое по сути неустранимая и неисчезаемая сущность. Она может, по каким-то внутренним причинам, сжиматься в точку, разжиматься, структурироваться, распадаться, снова структурироваться и изменяться, но не может исчезнуть.

Эта вечность и бесконечность в принципе не поддается осмыслению. Мы в состоянии осмыслить нашу галактику и сумму известных галактик, но не область за рамками известного нам мира. Насколько далеко и глубоко ЭТО простирается, о том помыслить нельзя, потому что ТАМ большая бесконечность, чем улавливается научным аппаратом.

По материализму, мир никто не создавал, и он не является разумным существом. Из этого следует: мир есть огромная бессмысленность. Бессмысленное целое превращает в бессмысленность составляющие его части. В какой порядок построятся части, что из этого получится, — безразлично. В глобальной бессмысленности ничто и никто не может иметь глобального смысла. Все сиюминутно и ограниченно, и это состояние вечно.

Согласно теории научного материализма, во вселенной случайно возникает жизнь. На окраине галактики на планете Земля образовался первобытный океан, где аминокислоты склеились в живую клетку. За сотни миллионов лет эволюции из этой клетки развивается многообразие флоры и фауны. Венцом биологической эволюции становится человек.

Рождение клетки означает: в бессмысленной вселенной появилась сущность, имеющая смысл. Во всей вселенной клетка есть то единственное, что стремится жить. Благодаря этому стремлению она старается преодолеть враждебную среду. Во вселенной появляется нечто, имеющее цель. С момента появления живой клетки вселенная, образно говоря, делится на две части. Одна часть, огромный и бессмысленный поток материи и энергии, не имеет ни цели, ни стремления. Вторая часть вселенной, клетка, имеет цель (выживание) и стремится к ней.

Насколько несопоставимы по физическому объему вселенная и клетка, настолько несопоставим их смысл жизни. У вселенной смысл отсутствует. У клетки, наоборот, все подчинено смыслу — выжить. Вселенная не может не жить, не может прекратить быть и потому не имеет стремления жить. Клетка может умереть, и чтобы этого не произошло, должна постоянно убегать от смерти, должна действовать, стремиться к своей цели — жить.

Стремление клетки активизирует механизм эволюции. Проходят миллионы лет, возникает человек разумный. До человека все живое просто хотело жить. Человек привносит принципиальную разницу: он хочет жить хорошо. Клетка «согласна» жить вечно. Человек согласен при условии, если жизнь приятная. Иначе может и прервать ее.

Во вселенной возникает третья форма существования. Первая форма это бессмысленное существование вселенной, к которому даже не нужно стремиться, оно попросту не может перестать быть. Второй форме присуще стремление к самому факту существования. Третья форма свойственна разумной жизни, стремящейся не только сохранить себя, но и получить удовольствие от существования. Опускаем вопрос, в чем конкретно заключается удовольствие. Принципиальный момент — нерушимая связь между существованием и удовольствием. Жизнь — синоним удовольствия. Чем больше удовольствия, тем полнокровнее жизнь. Биологическое

существование — фундамент. На нем нельзя жить, но можно построить удобный и надежный дом.

Заметим, человек по своей природе стремится к личному благу. Каждый надеется достичь его, строя жизнь, исходя из усвоенной информации. Одни стремятся в рай небесный, вторые — в рай земной, третьи строят личный бытовой рай.

Желание хорошо жить инициирует развитие человека и общества. Первое время развитие идет в коридоре, простроенном религиозным пониманием мира. Со второй половины второго тысячелетия от Р.Х. начинается развитие в логике материализма. Новое понимание мира корректирует главную цель. Теперь она понимается как продление жизни и получение земных благ. В идеале вечная молодость, здоровье, богатство. Все в рамках земной жизни. За ее рамками желаний нет, поскольку нет понятия загробной жизни.

Согласно материализму, вершина развития общества — «*от каждого по возможности, каждому по потребности*». Если идти в логике этого мировоззрения, предполагается сужение первой части лозунга (от каждого по возможности) и развитие второй (каждому по потребности). Система будет требовать от человека все меньше, а давать все больше. Максимум — от человека ничего не потребуется. Он живет ради удовлетворения своих потребностей, ради получения бесконечного удовольствия.

Воображение рисует мир, где все делают машины. Человек только радуется жизни. Если он работает, то не по нужде, а исключительно по желанию и в удовольствие. В идеале вся планета (или даже вселенная) поставлена на службу человеку.

Если мир вечный, а человек случайная временность, в пределе смысл жизни сводится к стремлению получить бессмертие и удовольствие в рамках своей жизни. За ее границами материалист не имеет цели, это противоречит его пониманию мира.

Нам могут возразить, указав на людей, позиционирующих себя материалистами, но при этом совершающих поступки, противоречащие логике материализма. На самом деле противоречия нет. Зачастую люди заявляют себя носителями одного мировоззрения, но живут по логике другого. Среди материалистов полно тех, кто действует сообразно религиозной логике. Среди верующих легко найти тех, кто руководствуется логикой материализма. В современном человеке намешано множество неосознанных мировоззренческих установок. Но мы говорим не о поведении личности, а о тенденции стратегического характера.

По отдельным личностям нельзя судить о мировоззренческих тенденциях. Среди китайцев можно найти людей с характером и менталитетом немца. Среди немцев можно найти «китайца». По нетипичным китайцам или немцам нельзя судить о народе. Аналогично и здесь. Логике материализма по природе присуща одна линия поведения, религиозной логике — другая. Частные случаи, противоречащие логике данного мировоззрения, не нарушают общую тенденцию. Если большинство смотрит на мир с позиции «живем один раз», общество идет в одном направлении. Если большинство смотрит на мир с позиции загробной жизни, общество идет в другом направлении.

По материалистической логике цель жизни — вечное существование в свое удовольствие. Если цели удается достичь, кажется, это так хорошо, что дальше думать не о чем. Картина настолько благостная, что просто счастье. Человек не умирает, не болеет, не старится, плюс ко всему исполняются все его желания. Достижение такого состояния по сути является концом истории. Дальше развиваться некуда.

У кого язык повернется назвать намерения материализма плохими? Но есть такое выражение: «*благими намерениями вымощена дорога в ад*». Возникает недоумение: почему благими? Что плохого в благом стремлении? Если благие намерения ведут в ад, куда ведут злые? По логике «от противного» — в рай. Но это абсурд! В рай должны вести именно благие стремления. Но тогда при чем тут ад?..

Смысл выражения таков: в ад ведут не вообще благие намерения, а недодуманные, не осмысленные во всей полноте, выведенные из ложной точки отсчета. Атеизм сплошь состоит из благих намерений, но вытекающая из него логика до сих пор не осмысленна. Интеллектуальная активность доходит до идиллии и останавливается. Никто не думает, что возникает на подступах к идиллии. Технология соблазнения такова, что самое плохое открывается по мере приближения к поставленной цели. Этому найдете подтверждение в любой области. Соблазнитель поначалу рисует «золотые горы». Обман обнажается не в начале

пути, а в конце, когда человек пытается дотронуться до обещанных «золотых гор».

Все обманы базируются на непонимании ситуации жертвой обмана. Как следствие, человек не замечает обмана. Это касается и наших прародителей, нарушивших запрет Бога не есть яблоко с древа познания. Касается и бытовых жуликов, вымогающих деньги под заверения о будущем счастье. Защититься от обмана можно, если видеть не часть, не только привлекательное начало, а целое, особенно его завершающую стадию.

Глава 4.
Развитие

Давайте проследим развитие ситуации в логике материализма. Итак, через отрицание Бога человек в своих глазах автоматически становится высшим существом. Вопрос сводится к технике: как эффективнее достичь высшей цели — бессмертия и удовольствия. Вокруг решения этой задачи возникает множество школ. Выделяются две магистрали — марксизм и либерализм. Оба учения преследуют одну цель — построить рай на земле. Разница не в сути, а в технологии, в способе достижения.

Суть либеральной технологии: постоянный рост свободы личности. Чем больше свобод, тем быстрее пойдет развитие, и общество достигнет идеального состояния. Свобода индивида должна быть максимальной, ничем не ограниченной, в том числе обществом. Пусть каждый свободно стремится к своей выгоде. Столкновение множества свобод естественным образом определит границу свободы каждого. «Невидимая рука рынка» аккумулирует частные усилия в едином направлении.

Суть марксистской технологии: ограничение свободы личности интересами общества. При либерализме границы свободы устанавливает «невидимая рука рынка» и свобода соседа. При марксизме эту границу устанавливают общество, плановая экономика и запрет частной собственности на средства производства. В одном случае рыночная экономика и свобода индивида, ограниченная свободой другого индивида. В другом случае плановая экономика и свобода индивида, ограниченная свободой общества.

Теоретики каждой школы отстаивают эффективность своего пути. Спор марксистов и либералов есть спор производственников, обсуждающих, как лучше создать заказанную деталь. Мнения разделились. Одни отстаивают метод холодной штамповки, другие — метод горячей штамповки. Вокруг этого весь сыр-бор. Противостояния по цели нет, есть частные разногласия по способу ее достижения.

На первом этапе марксизм кажется более логичным и последовательным. Его методы выглядят более традиционными и привычными (загнать «железной рукой» человечество в счастье). Это привлекает большие ресурсы. Рождается мысль об ускорении исторических процессов. Если коммунизм неизбежен, почему бы не форсировать его приход? Начинается искусственное ускорение процесса. По миру прокатывается волна революций. Рождаются новые социальные конструкции, но все они развиваются не так, как велит теория. Самый крупный эксперимент ставится в России. Просуществовав несколько десятков лет, СССР разваливается под грузом внутренних противоречий.

Когда всем стало очевидно, что метод «горячей штамповки» не дает результат, он теряет сторонников. Носители материалистического мировоззрения начинают присматриваться к методу «холодной штамповки». Теперь уже либерализм привлекает огромные ресурсы. На первых порах либералы отрицают революционный подход, выступая за эволюцию: нужно просто развиваться, и все само устроится. Но проходит время, и либералы, как в свое время марксисты, видят: если процесс не стимулировать, достижение цели невозможно.

Человечество кажется либералам слепым котенком. В своих кривых путях люди исстрадались. Лучшие представители либерализма считают своим долгом подсказать «глупому» человечеству верный путь. Но проблема в том, что «глупое» человечество держится за традиции и не слышит «умных» советов. Что в таких условиях должен делать честный человек? Правильно — преодолеть глупость. Если нельзя это сделать через логику («глупые» ее попросту не понимают), остается применить силу и хитрость.

Либералы, как в свое время марксисты, понимают: решение мировой задачи требует мировой власти. Ради этого коммунисты хотели разжечь пожар мировой революции. Либералы

разжигают пожар мировой демократии. Разница в риторике, обставляющей вывод, но не в сути.

Строительство мировой демократии идет под тем же флагом свободы и равноправия, что и строительство коммунизма. Все во имя человека, все для блага человека. Разница в том, что СССР вуалировал и не озвучивал выводы (типа если живем один раз, значит, бери от жизни все), следующие из материалистического понимания мира. Наоборот, марксисты внушали: человек должен вести себя так, словно ему потом, после жизни, придется отвечать за свои дела. Если человек будет жить вопреки логике материализма, если будет думать в первую очередь не о своем благе, останется жить в памяти благодарных поколений и прочее.

Либералы к официальным призывам быть честным и т.д. «пристегивают» пропаганду потребительского образа жизни в стиле «бери от жизни все», потому что «живем один раз». Это примерно как призывать идти одновременно налево и направо. Но общество поглупело и не замечает противоречия. Когда человека кусает вампир, он становится вампиром. Большинство в демократическом обществе покусано баранами и козлами.

Мир превращается в единую взаимосвязанную систему. Если раньше к власти стремились, чтобы увеличить свою мощь, подчинить соседей и сконцентрировать ресурс на достижении глобальной цели, то теперь поиск власти является необходимостью, вытекающей из желания выжить. Одно дело жить в автономном доме, где благополучие зависит от вас, и параллельно искать власти над соседними домами. Совсем другое дело — жить в общем доме, где ваше благо зависит от действий соседа.

Общий дом может гармонично функционировать при условии, если над ним есть единая власть. Если такой власти нет, каждый будет развиваться, исходя не из общего блага, а из своего. Даже если каждый житель осознает общую зависимость, гармонии не бывать. Такова природа общества — у всех разный масштаб понимания и разные выводы. Это значит, союзники под видом общего блага будут искать своего блага. Двойные стандарты ускорят разрушение системы. Вопрос времени, когда она погрузится в состояние хаоса и дисгармонии и захлебнется в порождаемых ею конфликтах.

Если даже все жители единого дома договорятся ориентироваться на общее благо и искать компромисс, очень скоро возникнет ситуация, когда ради общего блага нужно ущемить благо одного. Естественно, этот один будет против. Неизбежно появятся те, для кого установка на общее благо означает личную смерть. Гармонию сменяет дисгармония.

Единственный вариант удержать мировую систему от краха — подчинить ее единой абсолютной власти. Только это позволит действовать так, как того требует общее благо, преодолевая сопротивление тех, чье благо подлежит ущемлению.

Глава 5.
Перенаселение

Сейчас на планете проживает около семи миллиардов человек. Чтобы ресурс Земли восстанавливался, по разным оценкам население должно быть в границах от двух до четырех миллиардов человек. При современном развитии науки это гарантирует жизнеобеспечение человечеству. При самом оптимистичном раскладе миллиарды людей оказываются лишними.

С каждым годом между двумя ключевыми величинами — массой человечества и ресурсом планеты — растет диспропорция. Бесконтрольный рост первой величины и столь же бесконтрольное падение второй гарантированно ведут систему к тотальному краху. Когда диспропорция достигнет критической точки, начнутся необратимые процессы, по разрушительному эффекту превосходящие мировую атомную войну.

Расчеты показывают: наука и экономика развиваются медленнее, чем растет диспропорция. Кроме того, если бы экономика развивалась теми же темпами, что и потребление, в условиях отсутствия единой власти это лишь способствовало бы увеличению мировой дисгармонии.

Точно просчитать дату крушения системы сложно: скорость истощения ресурсов, как и скорость экономического развития и увеличения населения, непостоянны. Но приблизительная тенденция понятна: в обозримые десятилетия, если не произойдет чуда, грядет такой мировой кризис, по сравнению с которым сегодняшняя ситуация — мелочь. Пессимисты прогнозируют

пик кризиса на 2015—2030 годы, оптимисты — на середину XXI века. Но в нашем масштабе это ничего не меняет.

Некоторые ученые успокаивают, мол, рост популяции останавливается, достигнув критической массы, и приводят в пример животный мир. Действительно, кролики, заселившие остров и размножившиеся так, что питаться стало нечем, естественным образом перестают размножаться. Не умирают от голода, а именно прекращают приносить потомство. По аналогии предполагается, человечество тоже остановится в росте, когда достигнет критической величины. Все так, но проблема в том, что критическая величина для человечества — около *200 миллиардов человек*.

В начале третьего тысячелетия экологическая организация США Worldwatch Institute опубликовала доклад, посвященный проблемам потребительского общества. Авторы исследования утверждают: «*Земля не располагает ресурсами, позволяющими всем населяющим ее людям жить так, как живет средний европеец или американец. В ближайшие десятилетия США и Европе необходимо сократить несоразмерное потребление энергии и ресурсов, возможно, даже на 90 %. Иначе на планете произойдет экологическая, социальная и психологическая катастрофа*».

Экономическая система исчерпала себя. Ее развитие ведет к истощению планеты и гибели человечества. Единственный выход, с точки зрения материалистической элиты, сокращение потребления и… потребителей. Автор «Доклада Лугано» Сьюзан Джордж утверждает то же самое: «*Единственное, что мешает успешному функционированию нынешней экономической системы, — это люди*». Единственный способ гарантировать хороший достаток наибольшему количеству населения в рамках капитализма — уменьшить население. Другой альтернативы нет. В противном случае нас ждет социальный хаос на фоне экологической катастрофы.

Доклад показывает: чтобы мировая система выжила, ей необходимы различные катастрофы и бедствия. Дисгармония, созданная ростом населения и сокращением ресурсов, нарушила равновесие. Справедливое распределение доходов невозможно. Современному миру срочно нужны дешевые способы сокращения населения. Оперируя неоспоримыми фактами, автор «Доклада Лугано» рассматривает, как избавиться от лишних людей.

Оптимальный способ — инициировать сокращение человеческой популяции за счет энергии системы. Суть — в создании условий, когда потенциальные жертвы сами исключат себя из системы. Внешне это будет выглядеть как естественный отбор по таким критериям как бедность, необразованность, непригодность, преступность, лень и прочее. Автор доклада признает: лучший путь — развязать войну. До войны должны поощряться программы, направленные на нарушение экономической стабильности и активацию социальных пороков.

В последнем варианте возникают проблемы с эффективностью — общество сопротивляется. Чтобы уменьшить сопротивление, нужно атомизировать общество, запустить механизмы, дробящие его на эгоистов через обособление людей по социальному и сексуальному, политическому и экономическому, религиозному и профессиональному и любым иным признакам. Девиз: «пусть цветут 100 цветов» является прикрытием.

Раздробленное общество быстро превращается в стадо человекообразных животных. Они будут спокойно жевать жвачку в социальном стойле, пока сохранен набор благ. Если убрать блага, общество превратится в озверевшую толпу. На первом этапе толпа будет грабить все вокруг, на втором — насиловать и убивать, на третьем — уничтожит инфраструктуру. Далее поедание друг друга в прямом смысле, потому что в городе больше нечего будет есть. Если вчера источником тепла был лес (дрова), источником питания — земля, то в новой системе источник тепла — батарея, источник питания — магазин. При обрушении системы рушатся источники. Далее неизбежно предельное возмущение социума.

Ничто не ново под Луной. Мир знал аналогичные бедствия. Грядущее превзойдет прошлое. «*На так называемых ничейных землях ничком лежали сотни тысяч трупов, разбитые телеги валялись десятками тысяч. Повсюду на дорогах раненые стрелой, копьем, пращой. Люди дошли до того, что спали на человеческих головах, ели человеческое мясо, жали сок из человеческой печени, пили человеческую кровь, лакомились кормом для скота. И так, начиная с Трех династий, никто в Поднебесной не мог покоить свою природу, жить своими*

обычаями, сохранять свое долголетие, и умирали преждевременно от людской жестокости. В чем причина этого?» (Дао дэ цзин).

Мировой опыт свидетельствует: добропорядочные граждане, отключенные от минимальных благ типа электричества, мгновенно звереют и начинают громить свое «стойло». Кризис умножает себя за счет своей внутренней энергии. Чтобы вернуть «стадо» в «стойло», не обязательно вводить армию или принимать экстренные меры. Достаточно вернуть утраченные блага.

Достигается такой уровень контроля (забрал благо — озверели; отдал благо — вернулись в «стойло») через атомизацию массы, через уничтожение религии, культуры, традиции и перевод всех на единый унифицированный стандарт (масскультура). Атомизированную массу легко всколыхнуть и так же легко вернуть на место (унифицированные стандарты предполагают одинаковую реакцию, как у собаки Павлова: включили лампочку — пошла слюна).

Если люди объединены в систему, если представляют собой народ, имеющий религию, культуру и традиции, общество намного труднее привести в состояние животной толпы. В опасной ситуации народ перестраивается и находит выход из ситуации (пусть и через большие жертвы). Но так как народа нет, есть масса, раскрошенная и превращенная даже не в стадо (там свой вожак, и порядок есть), а в социальную пыль, начинается нечто невообразимое…

Систему можно возмутить, направив ее энергию на самоуничтожение, если нет единства, если член каждой группы сознает себя отличным от других групп. В идеале если каждая группа видит в другой группе врага. И максимум — когда все видят врагов во всех, война всех против всех. Чем больше разрушено вертикальных связей, религиозных, культурных и национальных корней, тем больше общество становится массой циничных и эгоистичных потребителей, управляемой кнутом и морковкой.

Если подняться на высоту, откуда не заметны личности, а видны только социальные, экономические и информационные потоки, в кризисной ситуации мы будем наблюдать массу, которая пульсирует и сокращается, подобно шагреневой коже. Сама сокращается, без внешних усилий. Если в одном месте требуется активизировать процесс, а в другом — остановить, это достигается регулированием экономических и информационных потоков.

Упоминая о массе, мы отличаем ее от народа. «*Никакое общество не однородно. Оно всегда делится на народ и массу. Характерная черта массы — отсутствие общей цели… Характерная черта народа — стремление к высшей цели. Тяга к удовольствию распыляет энергию. Стремление к высшей цели концентрирует ее. Народ отличается от массы способностью пожертвовать личным благом*» («Проект Россия», вторая книга).

Общество никогда не бывает стопроцентным народом и стопроцентной массой. Оно демонстрирует лишь тенденции к тому или иному состоянию. Сила общества зависит от пропорции «массы» и «народа». Чем больше общество — масса, тем оно слабее. Чем больше — народ, тем сильнее.

* * *

Вокруг проблемы перенаселения сегодня формируется нечто, очень похожее на зачаток новой религии. В информационном пространстве появляется ожидание нового «спасителя». Миру нужен тот, кто во имя спасения человечества призовет убивать. Кто будет говорить, подобно Генриху Гиммлеру: «*Убивайте, убивайте, убивайте! Всю ответственность я беру на себя*». Минимум ему гарантировано равнодушие просвещенного мира. Максимум он получит еще большую поддержку, нежели в свое время Гитлер.

В будущем, когда человечество освоит околоземное пространство, солнечную систему и далее, вероятно, гармония будет возможна и при населении в 200 миллиардов. Но это потом. А сейчас надо избежать катастрофы. Иначе говорить о будущем не имеет смысла, потому что будущее просто не настанет.

Мировой элите, проникнутой проблемой, на бумаге решение задачи понятно: надо устранить миллиарды «лишних людей». Затем превратить планету в единый организм, где природа и человечество живут в гармонии. Ресурсы потребляются сообразно восстановлению. Вырисовывается замкнутый круг, где основные величины определяют состояние системы.

Как реализовать это на практике? Когда речь идет о стратегических целях, эмоциональная сторона вопроса не берется во внимание. Когда США принимали решение бомбить Хиросиму, или Гитлер отдавал приказ уничтожать евреев, личные трагедии не учитывались. Людей как бы нет. Есть логика ситуации и цифры. На войне как на войне. Особенность современной ситуации в том, что если на войне можно сдаться в плен, то здесь некому сдаваться.

Проблема не имеет бескровного решения. Если не брать во внимание ценность человеческой жизни, вопрос как убрать «лишних» людей выглядит очень сложным с технической стороны. Перед масштабом задачи самый кровавый тиран кажется младенцем. Гитлер денно и нощно уничтожал людей, но не вышел даже на 1 % требуемого результата. Если даже люди будут стоять на бойню в очередь, как бройлерные куры, наладить производство смерти в таких объемах крайне сложно. Учитывая, что люди не будут стоять в очередь, проблема не решается традиционным способом.

Как технически можно принести многомиллиардную жертву? Ответ очевиден: через крах кредитной политики, инфляцию, резкое колебание цен на основные валюты, энергоносители и прочее. Большие потрясения, продолжительная война с огромными потерями и голод образуют акт требуемого ситуацией жертвоприношения.

Мощнейшая катастрофа сделает мир похожим на растревоженный муравейник. Борьба за выживание поднимет волну региональных конфликтов. Мегаполисы, сосредоточившие основное население планеты, превратятся в кладбища. Национальные элиты будут недееспособны. В поисках выхода они кинутся искать нерушимый центр, вокруг которого можно объединиться и противостоять обрушившемуся ужасу. Максимальная нерушимость возникает, если центр лежит за границей материального мира. Через обрядовость, формы которой уже сейчас прорисовываются, вокруг центра начнет формироваться принципиально новая структура.

Кто контролирует ключевые узлы, тот контролирует кризис. Когда результат будет достигнут, лишние миллиарды умрут, — кризис остановят. Из оставшихся миллиардов построят систему нового типа. Какая это будет система, сказать трудно, поскольку информации мало. Может, это будет миллиард элиты и миллиард обслуги. По мере развития обслуга сравняется с элитой по уровню потребления. Возможно, будет построена в принципе новая система с ярко выраженной иерархией, где всех поделят на людей и животных в человеческом обличии (как мечтал Гитлер).

С помощью информационных и виртуальных технологий новая система перейдет на плановую экономику, но на более высоком уровне. Конкуренция в новых условиях обессмыслится. Центр, имея абсолютную власть, начнет устанавливать новый мировой порядок. Далее рисуется «красивое» будущее. Мир под единой властью, нет войн и кризисов. Наука и ресурсы человечества сосредоточены на глобальных целях, вытекающих из материалистического понимания мира. Люди (в том числе и приравненные к животным) увеличивают продолжительность жизни, и если пока живут не вечно, то явно находятся на пути к бессмертию. Все купаются в удовольствиях, не ограничивая желаний (низшие люди тоже получают свои удовольствия). Цена — несколько миллиардов покойников.

* * *

Мир готовят к обрушению. Как к этому относиться? Если с позиции материализма, то… Впрочем, ответьте сами. Попробуйте найти изъян в материалистической логике. Если Бога нет, высшая цель индивида — достижение вечной жизни и удовольствия. Реализовать поставленную цель можно, сконцентрировав на ней все мировые ресурсы. Добиться такой концентрации можно при наличии мировой власти.

Мировой кризис неизбежен. Только в одном случае он будет неуправляемый, а в другом — управляемый. Первый гарантированно унесет больше жизней, чем второй. Мир продвигается к ситуации, в которой ни разу не был. Все аналогии с прошлыми кризисами неуместны, выводы некорректны.

Спрашиваем вас как человека, понимающего тему и перспективу: какое зло из двух

возможных предпочтительнее? Вопрос серьезный, не торопитесь. Представьте: решение зависит от вас. Скажите, каким путем нужно идти? Только без общих слов и благоглупостей в духе «*нужно всем хорошо трудиться и честно жить*». Подобные утверждения не вызывают сомнения, только население растет, а ресурсы тают, экология умирает. Как вывести систему из смертельного напряжения?

Когда на одной чаше весов несколько миллиардов трупов, а на второй — все человечество, кажется, выбор очевиден. Почему не заплатить миллиарды, если ситуация такова, что если не заплатим сами, эту цену возьмут, не спрашивая. Поэтому надо «железной рукой» спасти человечество от гибели, ампутировав у него «лишние» миллиарды.

В реальности не все так очевидно. Либералы думают, как некогда думали коммунисты. Они настроены, не считаясь с жертвами, построить рай (для избранных) на Земле. На этом сейчас сосредоточены усилия режиссеров, не засвеченных на мировой сцене, но принимающих генеральные решения.

Глава 6.
Новая доктрина

На протяжении тысячелетий считалось: мировое господство достижимо через превосходство в грубой силе. Мысль казалась настолько очевидной, что ее ни разу не подвергли серьезной критике и переосмыслению. Доктрину силового захвата мира признавали непорочной, хотя она никого не приблизила к заветной цели. Полученный результат и затраченные ресурсы всегда были несопоставимы: в лучшем случае кратковременная власть над более или менее значительной частью мира.

Этот факт упорно игнорировали. Причину неудач элита не желала видеть ни в чем, кроме недостаточной ударной мощи. Принцип политики прошлых эпох выражался в правиле «как можно больше вооружайтесь!». Зачем вооружаться — никто даже вопроса такого не ставил. Вооружайтесь, а там видно будет. Техническое развитие в логике увеличения ударной мощи привело к созданию атомного оружия. Новая данность поставила крест на идее силового захвата мира. Началось переосмысление доктрины. Очень скоро анализ показал: силовой контроль над миром — миф.

Возникли две стратегические истины. Первая: силовой контроль невозможен. Вторая: бесконтрольность означает мировой кризис и смерть человечества. Попытка установить контроль над миром грубой силой означала самоубийство. Отказ от контроля означал кризис, что в итоге тоже самоубийство. Налево пойдешь — голову снесут. Направо пойдешь — надвое разрубят. Стало очевидно: силовая перспектива исчерпана. Начинается кардинальное переосмысление ситуации и поиск новых способов завоевания мира. Рождается доктрина мирового господства: завоевание мирового сознания.

Рука, качающая колыбель, правит миром. Осмысление этой истины дает толчок к изысканиям в области информационных, коммуникативных и виртуальных технологий. Контроль информации позволяет формировать массовое мировоззрение и генеральное направление. Не важно, какие вы построите заводы и пароходы, на кого они будут оформлены и кому будут принадлежать фактически. Если один строит материальные объекты, а другой — сознание строителей, через пару-тройку поколений все будет принадлежать тому, кто построил сознание.

Примерно до середины XX века борьба велась за установление контроля над материальными потоками. Считалось, кто распределяет эти потоки, тот формирует физиономию мира. В результате такого понимания родилась мировая финансово-кредитная система, цель которой вовсе не прибыль (вспомните скрытые смыслы). Единственный смысл любой мировой системы, хоть экономической, хоть информационной, хоть идеологической, — мировая власть.

Возникли новые условия. Для установления мировой власти нужен новый мировой инструмент. Мировая экономическая система уже не обеспечивает достижение тех целей, ради которых создавалась. Но ее можно использовать для инициации управляемого кризиса. С понимания этого факта началась новая война — за доступ к сознанию. Имея технологию формирования сознания и соответствующий ресурс, можно с одинаковой эффективностью как

активировать умственную и психическую деятельность общества, так и парализовать ее. Все зависит от цели.

В середине XX века начинается переброс активов в создание всемирных глобальных информационных сетей, новостных агентств, фабрик грез, интернета и прочее. Продукция, выпускаемая Голливудом, — не развлечение, а оружие массового поражения сознания, упакованное в формат развлекаловки. Если слово «поражение» не нравится, можно заменить его на «инструмент переформатирования сознания».

Сегодня потомки творцов мировой финансовой системы перекладывают свои ресурсы в новые активы. Пока мир плыл по старым каналам, мировой игрок прокладывал новые. Сегодня они волоком перетаскивают в новую систему свои суда. Региональные политики ищут выход в рамках старой системы, что равносильно поиску черной кошки в темной комнате, которой там нет.

Сегодня либерализм и гуманизм — технологии. Они нужны в переходный период. Когда цель будет достигнута, возникнет другая действительность, без гуманизма и либерализма. Если сравнить ситуацию с вооружением: пока регионалы делают динамит, мировой игрок производит ядерное оружие.

* * *

Действия, приводящие к параличу нервной системы общества, эффективнее лобовых физических ударов. Источник всякого сопротивления — воля человека. Когда миллионы человеческих воль объединены, преодолеть их лобовым давлением нереально. Чем сильнее давишь на такой материал, тем крепче он становится. В стратегической перспективе лобовые физические удары не ослабляют противника, а закаляют его. Совсем другой эффект имеют удары по сознанию. Они деформируют психическое состояние общества. Возникает непрерывное разрушение, умножающееся за счет энергии общества. Массу убивают за счет ее собственной энергии.

Новая доктрина направлена на изменение сознания огромных масс. После этого не нужно тратить усилия на их уничтожение. Общество с измененным сознанием бросается в пропасть, не ведая того, словно слепое. Масса ведет себя как стадо, в которое вошел бес, и «*всё стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде» (Мф. 8, 32).*

Любая большая стратегия направлена на подрыв корней. Сокрушение ствола требует больших усилий и менее эффективно, тогда как разрушение корней гарантированно уничтожает систему. Длинная стратегия это длинный обман. Суть современных технологий — сделать в общественном сознании прокол, через который впрыснуть парализующую волю и сознание информацию. «*Убить человека в бою — значит всего-навсего уменьшить армию только на одного солдата, в то время как живой, но лишенный присутствия духа человек является носителем страха, способного вызвать эпидемию паники*» (Л. Гарт. «Стратегия непрямых действий»).

Новая стратегия позволяет завоевателям переложить непосредственное управление на завоеванных. Формально завоеванные территории будут самостоятельной властью, но фактически это колонии. Чтобы избежать неприятных сюрпризов, власть колониального типа систематически меняют (демократическая модель). Эти страны не в состоянии изменить стратегическое направление событий.

Это принципиально иной характер управления завоеванными. Завоевателя не видно. Возмущения завоеванных адресуются временному правительству и никогда — завоевателю. Демократическая власть выполняет функцию громоотвода, принимая на себя возмущения масс. Реальная власть абсолютно свободна и действует, не оглядываясь на массу.

Глава 7.
Технология

Атомная бомба называется оружием массового поражения из-за большого масштаба поражаемой площади. Современное информационное оружие по площади покрытия

превосходит атомную бомбу. Атомная бомба поражает огромный физический объем, информационная бомба — огромный духовный объем. Сегодняшний «оружейный уран» — информация. Именно она составляет основу современного оружия массового поражения.

Оба типа оружия состоят из двух частей — боеголовки и носителя. Боеголовка без ракеты бессмысленна, равно как и ракета без боеголовки. Оружие поражения возникает при совмещении боезаряда и способа доставки его до цели. Боеголовка атомной бомбы это десятки килограммов урана-238 и механизм запуска цепной реакции. Боеголовка информационной бомбы это книги, песни, фильмы и т.д. Механизм запуска цепной реакции — технология привлечения интереса.

Мощь атомной бомбы зависит от количества урана, мощь информационной бомбы — от активации человеческой природы. Привлекательность сюжета, игра актеров, спецэффекты и прочее имеют вторичное значение. Главное — идея, обернутая в эти фантики. Чем ярче фантик, тем сильнее идея действует на эмоции, распространяя энергию, и тем шире область поражения.

Рассуждая с позиции элиты, исповедующей материализм, мы приходим к выводу: чтобы изменить взгляд человека на мир, нужно изменить его сознание. Оптимально насытить пространство соблазнительной, притягивающей и интересной информацией, несущей одну (нужную) идею.

Дети не формируют себе рацион питания. Народ не формирует информационный рацион. Те и другие питаются тем, что им приготовили. Ребенок добровольно съест лекарство, если оно по виду и вкусу напоминает конфету. Поведение взрослых идентично детскому. Они примут любую информационную продукцию, если она привлекательна, не вникая, какая идея вшита в развлечение.

Чтобы «накрыть» всех, от младенцев до стариков, от бомжей до президентов, задействуется множество жанров и стилей. Информация разнится по форме, но идентична по вшитой в нее генеральной мысли «*живи для себя и ни о чем не думай*». Вторая часть фразы — «ни о чем не думай» — является фундаментальной составляющей атаки. Поведение есть следствие сознания. Кто формирует сознание, тот формирует поведение.

Яркий пример — девушки. Каждая представительница прекрасной половины человечества получает от рождения женский капитал (женские прелести и красоту). Это в прямом смысле капитал, который можно во что-нибудь вложить. Самое легкое — поменять его на деньги (проституция, содержание) или развлечения (веселиться, пить-гулять). Вариант вложения женского капитала в карьеру — серьезнее, но велик риск его бездарной потери (пока девушка отдает себя работе, чтобы обрести независимость, женский капитал попросту усыхает). Наиболее эффективное вложение — в создание семьи. Все остальные варианты проигрышные, хотя и выглядят поначалу привлекательными.

Глупее всего менять капитал на деньги. Если спросить любую девушку, согласна ли она расстаться с красотой и молодостью за миллион долларов, она откажется. Но именно это она делает по факту. Когда у нее кончится женский капитал, спонсорского тоже не будет.

Эмансипированные девушки считают вложение в карьеру беспроигрышным вариантом. Кажется, независимость, свобода и вытекающие из этого плюсы. Но по факту тут тоже одни минусы. К моменту, когда карьера сделана, нет ничего из того, что составляет женское счастье. Случайные попутчики к тому времени найдут более привлекательные женские туловища.

Даже если даме максимально повезет, и она станет, допустим, миллионершей, все равно не избавится от ощущения, что чего-то не хватает. А не хватает главного — любви (не путать с близостью, которую настойчиво культивируют СМИ). Альфонсов ее будет окружать много, но их ухаживания не дадут той энергии, которую излучают близкие люди, любящие не за деньги, а в первую очередь как друга, жену и маму.

Система не заинтересована раскрывать обладательнице капитала глаза на ситуацию. Напротив, она всеми силами старается убедить девушку не рассматривать свой капитал как ценность. На базе незнания система провоцирует поведение, являющееся мощным разрушительным элементом социума. Молодым барышням навязывают стереотип поведения стрекозы из басни И. Крылова, живущей по принципу «здесь и теперь», «бери от жизни все», «купи мне все-все-все, и я дам тебе все-все-все».

Женщина генетически запрограммирована на сохранение вида и продолжение жизни.

Перепрограммирование слабого пола с помощью индустрии соблазнов отключает инстинкт самосохранения женщины и, в результате человечества. Зло пакуется в красивую обертку, привлекательную для наивной и доверчивой души. На смену длинноногой красотке Барби, погубившей или покалечившей духовно и физически тысячи девочек (ради достижения ее пропорций они морили себя голодом и прочее), пришла семейка кукол «Братц», что на американском сленге означает «оторва».

Уродливые пропорции куклы способны поднять самооценку самой неуклюжей девчонке. Но главное, это лицо и одежда. Авторам изделия удалось воспроизвести выражение глаз и макияж типичной «ночной бабочки». Одежда соответствующая.

«*Угадай, почему меня и моих подружек прозвали "Карамельки„? Правильно, ведь мы такие яркие, сладкие, игривые и… немного легкомысленные*» — это аннотация к игрушке для девочек от 8 до 13 лет, а не слоган из мужского журнала.

Когда перепрограммирование завершится, институт брака, который как-то еще скрепляет наше общество, отомрет. Последствия легко прогнозируемы: глобальное снижение рождаемости, старение, физическое и нравственное вырождение человечества.

Женщина сегодня в положении человека, обладающего ценными бумагами, но не знающего им цену. Неудивительно, что эти «бумаги» любой прохожий может выменять на «мороженое»: «лучшие друзья девушек это бриллианты», мерило любви — подарки и деньги. Большинство представительниц слабого пола живут сердцем, а не умом, и потому легко расстаются с сокровищами души и тела, как папуасы с золотом при виде стеклянных бус. Обман обнаруживается только к старости: женщина раскаивается, что делала ставку на вечную красоту и молодость. Но поздно.

Умные женщины вкладывают свой капитал в создание семьи, но их становится все меньше и меньше. Девушка беззащитна против навязываемых стереотипов. Если ей денно и нощно внушают: «все имеет цену», она думает не о создании семьи, а о правильной торговле своими ценностями.

* * *

Люди с одинаковым стандартом поведения в одинаковой ситуации примут одинаковое решение. Значит, кто формирует ситуацию и стандарты, тот формирует поведение. Фактически это и есть неограниченная власть. Завоевание мира происходит в два этапа. Первый шаг: разрушение традиционного сознания, слом вертикальных связей поколений, хранящих традиционное понимание мира. Второй шаг: на расчищенной «поляне» насаждается единый рационально-потребительский тип сознания. Общество превращается в стадо, стремящееся к одной цели — увеличить потребление.

Разрушить внутренние связи могут информационные боеголовки, начиненные «взрывчаткой»: агрессией, эгоизмом, цинизмом, порнографией и прочим. Чтобы взорвать мировое сознание, нужно наладить массовое производство такой продукции.

Вопрос решается нетрадиционным способом. Борец за власть над миром не собирается сам производить «бомбы». Он понуждает к тому своих жертв. Например, американская академия киноискусства есть инструмент понуждения. Она раздает Оскары, которым творческие туземцы радуются точно так же, как раньше радовались стеклянным бусам. Никто из туземцев не задает вопрос: за что его наградили. Со всех сторон ему все в один голос твердят: мол, за талант. Что еще человеку для счастья надо?

Американская киноакадемия стала своего рода «палатой мер и весов» кино. Она задает генеральное направление и тональность информационного потока, определяя, чему нужно подражать, чему нельзя. Творцы в погоне за признанием вынуждены следовать указанным курсом. Система так устроена, что от получения Оскара зависит их ВСЁ. Их слава, их признание, их деньги.

Творцам как бы говорят: творите что хотите, выражайтесь как считаете нужным, но награду получит тот, кто следует заданным курсом. Отклонившегося от стандарта выдавят на обочину, маргинализируют или интеллектуализируют. Он прекратит влиять на массу, станет непопулярным, непродаваемым и прочее. Творческие натуры ощущают эти указания шестым чувством… и идут «правильным» курсом.

Премия «Оскар» в прямом смысле идол. Если ею отмечают фильм, проповедующий терпимость к наркомании, развращенности или агрессии, творческие туземцы тут же начинают подражать оскароносцам. Они участвуют в формировании потребительского подсознания, не понимая этого. Благодаря действиям «солдат втемную» разрушающей продукцией накрывается вся планета.

Никакой кино- или музыкальный критик, оценивая фильм или музыкальный продукт, не задается вопросом: какие установки формирует это произведение. Единственный критерий — уровень эмоционального воздействия. Если творческий продукт сильно воздействует на чувства, — значит, он хороший. Если слабо воздействует — значит, плохой. Чтобы понять абсурд, представьте: ценность продуктов питания определяют не полезностью для здоровья, а способностью принести приятные ощущения. Надо ли говорить, что самой востребованной будет не та пища, что делает человека физически здоровым, а та, что вызывает наркотические галлюцинации.

Чтобы привлечь к производству информационного оружия лучшие силы, вокруг киноиндустрии и шоу-бизнеса голливудского формата создан ореол элитности. Он как магнитом вытягивает из общества таланты. Во времена создания атомной бомбы вокруг физики создавался такой же ореол. Он стягивал в отрасль огромные творческие и организаторские энергии. Такая концентрация талантов порождала огромный слаженный производственный механизм.

У творцов потребительского формата нет мировоззрения. Для них это демагогия и темный лес. При этом каждый изливает из себя подсознательные установки, нужные заказчику. Во все их творения, упакованные в тысячи форматов, в том числе патриотический и религиозный, вшита одна мысль: «бери от жизни все». Творцу кажется, радость или счастье должны выглядеть в виде золота, красавиц, удачи в бизнесе… Считается, жизнь удалась у того, кто «*накопил серебра, как пыли, и золота, как уличной грязи» (Зах. 9, 3)*. Отталкиваясь от такого понимания счастья, он творит свою продукцию. «*Все они ничто, ничтожны и дела» (Ис. 41, 29).*

Сотни тысяч безвестных творцов, заполняющих информационное поле, — словно рабочие секретного завода, делающие детали, но не знающие, что в итоге делают бомбы. В результате информационные бомбы штампуются со скоростью военного времени. Скорость смены афиш кинотеатров, хит-парадов, поп-звезд позволяет утверждать: работает целая индустрия. Задействованы наука, финансы, технологии.

Обратите внимание на парадокс: технология изготовления информационных бомб максимально открыта, тогда как технология изготовления атомной бомбы максимально закрыта. И наоборот: стратегические цели атомной бомбы понятны каждому, стратегические цели информационного оружия непонятны почти никому.

Родители кормят детей духовной пищей, ведущей к отравлению души и сознания. Подросток, не уважающий родителей, распущенный и прочее, стал таким не от плохой колбасы, а от плохой информации. Если посмотрите, чем он «питался», вы обнаружите в его «рационе» компьютерные игры, голливудские боевики, порнографию, диснеевские мультики и т.д. Именно они искалечили его духовно.

Но кто из взрослых способен увидеть связь между духовным состоянием ребенка и духовной пищей, которую он потребляет? Никто. Родители сами покупают весь этот яд, а потом искреннее удивляются: почему ребенок отравился? Почему квартиру у них через суд отнять хочет? Почему убивает бабушку, чтобы получить наследство? Таких «почему» тысячи. И все они не имеют ответа, потому что люди — дети, даже если им по 20, 70 и больше лет. С возрастом не прибавляется взрослости. Тело растет, а масштаб мышления и глубина понимания — нет.

Как следствие, перед информационной атакой общество беззащитно. По факту его разрушают, но обществу кажется, его развлекают. Большинство не связывает рост негатива с качеством информационной продукции. Секретность темы обеспечивается самой системой. СМИ, переведенные на коммерческий формат, гонятся не за той продукцией, что полезна для здоровья общества, а за той, что приносит прибыль. Так как вниз толкать легче, чем вверх, начинается эксплуатация низменных инстинктов.

Масштаб затронутой проблемы превосходит масштаб мышления обывателя. Желание докопаться до корней ситуации выглядит компрометирующе. Можно обсуждать игру актеров, сюжет, спецэффекты и прочее. На тему, какое действие производит на сознание продукт в целом, говорить не принято, это дискредитирует инициатора разговора. Люди на него косятся, искренне не понимая, что он хочет сказать.

Придумано огромное количество терминов, посредством которых дают оценку тому или иному творению. И нет ни одного, с помощью которого можно оценить степень полезности или вреда творческой продукции. В итоге тема остается тайной за семью печатями. Кто укажет на ее наличие, будет высмеян, проигнорирован и через маргинализацию выведен из диалога. В лучшем случае его объявят чудаком.

Используя тотальное непонимание ситуации, мировой игрок получил возможность организовать производство информационного оружия за счет ресурсов систем, которые он хочет разрушить. Образцово-показательные производства типа Голливуда или Диснея находятся на территории США. Филиалы информационно-стратегического концерна, производящие духовную смерть (порой превосходя в этом учителя), беспрепятственно работают на территории европейских государств, России, Китая, Японии и других стран. Формально они независимы и автономны, фактически же трудятся в рамках заданных стандартов.

«Свободные творцы» выпускают видеопродукцию, музыкальные клипы, компьютерные игры и прочее строго голливудского и диснеевского формата. Люфт с поправкой на культурные и национальные особенности имеет место, но в целом никто не выходит за «флажки».

Мировая элита разработала невероятно эффективный способ завоевания планеты. Материальный, творческий, интеллектуальный потенциал народа направлен на массовое производство «творческого оружия», которое люди сами изготавливают и сами же взрывают на своей территории. Весь негатив, который мы сегодня наблюдаем, — следствие работы этой технологии.

При правильно организованном процессе люди сами оплачивают затраты, связанные с разрушением их сознания. Они покупают билеты в кино, на концерты, приобретают диски, игры, смотрят рекламу… Возникает самовоспроизводящийся цикл. Бомбометатель получает прибыль и делает еще более мощные бомбы. Они еще эффективнее взрываются в сознании. Люди получают еще более сильные ощущения и готовы еще больше платить.

Информационное пространство наполнено нечеловеческими звуками и образами, активирующими темную сторону человека. Нелюди и монстры задают модель поведения, ломая традиционный образ действий. Продукция выполнена в разных форматах и жанрах. Приправленная тысячами разных «соусов», она несет одну-единственную идею — «бери от жизни все».

Стратегический узел общества — молодежь. Кто формирует сознание молодежи, тот формирует будущее. Молодежь не только самый важный, но и самый уязвимый узел. Она полна жизненной энергии, гормоны выше разума. Любое кричащее явление с элементом протеста привлекает. Миллионы юношей и девушек устремляются на этот «свет», как ночные бабочки на огонь. Людям не важно, что несут в их сознание. Людям важно как несут.

Посмотрите вокруг себя, и вы увидите огромное количество духовных инвалидов и трупов. Они стали такими из-за потребления ядовитой духовной пищи. Невозможно отравить душу некачественной колбасой. Нравственно здоровым или больным человека делает только духовная пища. Все дело в качестве. Если бы духовную пищу проверяли на предмет отравляющих душу веществ так же тщательно, как проверяют колбасу, население было бы здоровым, что отразилось бы на всех сферах жизнедеятельности общества.

Духовно отравленные люди зависимы от отравы. Вы можете представить свою жизнь без телевизора? А без прессы? А без музыки и радио? Нет. Человечество подсело на них и не желает слушать голос разума. Оно как наркоман: смотрит, слушает, читает, не понимая, что это пошло и неинтересно. И успокаивает своего внутреннего цензора в стиле «от этого никто не умирал». Оно рассуждает как типичный алкоголик или курильщик: в любой момент могу бросить. Все имеют отговорки, почему потребляют эту продукцию. Одни считают ее развлечением. Другие говорят, мол, просто интересно понять, как людей зомбируют и, чтобы

быть в курсе, смотрю новостные и аналитические передачи.

Враг пользуется не только лобовым продвижением информации, но и косвенным. Например, смещением ролей, когда монстр может быть положительным героем (диснеевский мультик «Шрэк»). Этот прием разрушает традиционные стереотипы. Становится непонятно, где добро, где зло. Монстр добрый, девушка злая, соловья обманом убила, а из его невылупившихся птенцов яичницу приготовила.

Хорошая идея оформляется так, что достигается противоположный эффект. Например, в «Би Муви» проводится мысль: общество должно трудиться, иначе оно разлагается. Дети, основные потребители мультика, не улавливают правильной идеи. Зато впитывают огромный объем негативной информации, вшитой в тысячи микродеталей, посредством которых преподносится идея. Это примерно как голая девушка, принимающая откровенные позы, читает проповедь. Как бы ни были правильны ее слова, эффект будет обратный.

Существует множество «троянских коней», которых человек не способен зафиксировать. Единственный способ защиты — отказаться от продукции голливудского формата. Оттуда ничего доброго не приходит. В этом легко убедиться, ознакомившись с жизнью создателей подобной продукции. Они чужие, их подсознание пропитано потребительской идеей. Стараясь изобразить хорошее, они изобразят его в соответствии со своими шаблонами.

«Троянские кони» бывают двух типов: сознательно создаваемые и бессознательно. Первый тип не так часто встречается (например, в мультфильм «Красавица и чудовище» вмонтированы кадры, видимые только при замедленной прокрутке). Или пример с внедрением в нашу жизнь слов, обозначающих явление. Наркомафия — термин Голливуда. Профессионалы-лингвисты запустили это слово, потому что оно имеет оттенок некой особой крутости. Если бы наркомафию Голливуд выставлял не как сообщество бесстрашных крутых ребят, а как отстойное сборище деградировавших элементов, наркомания распространялась бы значительно медленнее.

Избежать многих проблем можно, если не пытаться перехитрить систему, не обнадеживая себя понапрасну, мол, меня это не берет. В отношении наркотика здравомыслящий человек не экспериментирует в надежде, что его «это не берет». Аналогично и с духовной наркотой. Бессознательная область психики, недоступная мозгу, открыта для манипулятора, и практика показывает: это «берет» любого.

Глава 8.
Гарантии системы

Мало изготовить боеголовку. Необходимо точное попадание информационного боезаряда в цель (в сознание). Атомную боеголовку до цели доставляют ракеты или стратегические бомбардировщики. Информационные боеголовки до цели доставляют СМИ и реклама. Чтобы доставить атомную боеголовку, нужно построить ракету-носитель или стратегический бомбардировщик. Чтобы доставить информационную боеголовку, носитель можно арендовать у того, кого… собираешься бомбить. Звучит абсурдно, но это факт.

Один из ключевых элементов новой технологии завоевания мира — информационные каналы. Власть разрушаемой страны должна зависеть от их открытости, иначе доставка информационных бомб будет невозможна. Но как поставить национальные правительства в зависимость от открытости информканалов?

Чтобы понять логику решения, обратите внимание на неразрывную связь между властью и принципом ее формирования. Например, если принцип формирования наследственный, легитимность власти определяется степенью родства. Если выборный, легитимность власти определяется через соблюдение выборных процедур. Нарушение принципа ведет к возмущению системы и устранению нарушителя. Если создать политическую систему, при которой легитимность власти будет определяться посредством всенародных выборов, возникает зависимость власти от выборов, что требует свободного доступа к СМИ.

Демократическая власть сохраняется до тех пор, пока проводит выборы. Стоит нарушить это правило, и власть утрачивает легитимность. Далее два варианта развития событий: 1) власть создает принципиально новую систему (как демократы или большевики, заменившие монархию республикой); 2) приходит лояльная системе власть.

Первый вариант возможен, если есть ресурсы (в первую очередь команда, способная это сделать) и понимание, на что менять существующую систему. Все это требует мировоззренческой идеи. Но демократическая система устроена таким образом, что не пропускает в себя идейных людей. Выборный принцип приводит к рулю только разношерстные команды. Они чужды всякой идеи и понимают государство как источник прибыли, не более. Все разговоры о благе народа — риторика.

Если появится идейная команда, нацеленная на построение новой системы, она может прийти к власти двумя путями: 1) через нарушение правил системы, иначе говоря, вооруженным путем; 2) через соблюдение правил системы, то есть через выборы.

Первый вариант в современных условиях практически неосуществим. В банановой республике это возможно, в серьезном государстве исключено. Поскольку региональная система встроена в мировую, изолироваться в таких условиях смерти подобно, да и не получится. Есть еще масса причин: например, отрицание обществом новой системы. Чтобы общество приняло систему, его нужно к этому готовить. Потребуется много времени и ресурс, которым располагает только государство. Но так как новая команда попадает в общество, сформированное предыдущей властью, она должна учитывать сложившееся представление о легитимности, иначе будет отторгнута.

Можно привести еще массу примеров, доказывающих нереальность силового решения. Остается легитимный вариант. Идейная команда может получить власть через выборы. Но с этого момента ее легитимность зависит от систематического проведения выборов. Пусть они примут ритуальный характер, вопрос в другом: подтверждая легитимность своей власти, новая команда, как и прежняя, будет зависеть от свободы СМИ.

Выходит, если во власть придет идейная команда (а прийти она может только через выборы), она будет вынуждена позиционировать себя всенародно избранной. Частота выборов, которые ей придется проводить, не позволит донести свою идею в массы и переформатировать им сознание. Нельзя подтверждать свою легитимность выборами и одновременно вести антидемократическую пропаганду. Максимум, на что может решиться такая власть, это на увеличение срока правления и смену риторики (греческое «демократия» сменят на национальный синоним «народовластие»).

Любая демократическая власть вынуждена внушать: каждая кухарка может управлять государством (а уж власть выбирать тем более). Это единственный вариант, позволяющий оправдать всенародные выборы власти. Иначе все рушится. Поэтому ни один выборный правитель, даже понимающий абсурд подобных утверждений, будет их пропагандировать. В итоге большинство, которое и определяет легитимность власти, уверится в том, что оно действительно может выбирать власть. Это закрепляется риторикой о правах и свободах.

Следующий шаг: конкурентная борьба, в которой народ выберет победителя. Не важно, что реально выборов нет. Важна их видимость, шоу со всеми атрибутами и интригами. Термин «недемократический» становится отрицательным, термин демократический — положительным.

Демократические правители, общественные деятели, журналисты, ученые и вообще все, кто находятся в сфере политики, словно сговорились рассуждать о том, чего не существует, как о существующем. Все участвуют в спектакле. Упор на вторичных вещах, например, на правильном подсчете голосов, из которого устраивают глобальное шоу, как недавно было в США, никогда не акцентируясь на сути явления — манипуляции, именуемой выбором.

Между пришедшими к власти «правителями» начинается передел сфер влияния. Так как обвинять друг друга в безыдейности и шкурных интересах себе дороже, борьба сводится к выяснению, кто больше демократ. В такой атмосфере попытка ограничить свободный доступ к СМИ мгновенно рождает обвинение в уклонении от демократии со всех сторон. Возмущается оппозиция, мечтающая подсидеть власть. Возмущаются владельцы СМИ, видящие в этом угрозу бизнесу. На отступника дружным фронтом начинается атака, что в перспективе приводит к его выпадению из политической реальности. Практически все подсознательно понимают этот момент и не пытаются даже думать плыть против течения.

Совокупность указанных мероприятий образует необходимый эффект — свободный доступ ко всем типам информационных носителей. В системе нет механизма, позволяющего перекрыть информационные каналы. Если завтра большинство поймет для себя опасность

бесконтрольных СМИ, это ничего не изменит. Просто эфир будет забит общими словами и «круглыми столами». В итоге тему заболтают и махнут на нее рукой.

Опыт показал: если человеку указать на бутафорию выборов, и, допустим, он поймет, это ничего не изменит. Он продолжит понимать выборы шансом поменять плохую власть на хорошую. Без выборов такого шанса нет, и это важнее любых аргументов. То, что сами выборы — иллюзия, человек пропускает мимо ушей. Не важно, что нет возможности поменять власть. Важно, что кажется, будто такая возможность есть. Виртуальная реальность укрепляется виртуальными доказательствами, и реальная действительность вместе с логикой уходят на второй план и исчезают.

При проведении выборов власть может ограничивать противников в доступе к СМИ. Это разрешается, поскольку не ломает сути системы. Любая правящая группировка в любой демократии использует административный ресурс в свою пользу. В итоге создается гарантия свободного доступа к информканалам. Возникает мировая демократическая система, идеально соответствующая доктрине информационного захвата мира и установлению мировой власти. Чтобы не появилось силы, способной поколебать модель, демократию нужно распространить на весь мир. Операция идет под прикрытием борьбы с терроризмом, за права и свободы.

Для полноты картины отметим: на многие темы сегодня существует негласный запрет на размышления. Например, рассуждения о корнях, а не бантиках, демократии табуированы. Тема смысла жизни табуирована наравне с темой терроризма. Можно скандировать лозунги, но нельзя серьезно анализировать.

С одной стороны, терроризм подвергают анализу с криминалистической скрупулезностью. С другой стороны, терроризм относится к явлениям, которые невозможно осознать методами криминалистики, а следовательно, нельзя бороться этими методами. Скрупулезность и шумиха не средство борьбы, а ширма. Чтобы осмыслить проблему, нужен другой масштаб. Мелкий масштаб создает пыль фактов, за которой не видно ключевых узлов явления.

Терроризм не представляет собой автономного социального явления. Возмущенные массы это стихия, не способная породить террор. Чтобы стихия превратилась в структуру, нужны усилия конкретных людей.

Любая социально-неспокойная среда содержит потенциальных террористов. Но чтобы собрать их в конструкцию, требуется участие военных специалистов, разведки и контрразведки. Кроме того, нужен доступ к знаниям, которыми располагает только государство. Утверждение, что террористы как-то сами по себе организовались, хорошо для обывателя. Для человека, хоть немного понимающего тему, это звучит примерно как утверждение, что несколько гениальных студентов способны создать с чистого листа атомную бомбу. Помимо гениальности нужны промышленность и спецслужбы.

Природа терроризма слишком жестока, чтобы иметь шанс на популярность. Метод террористической борьбы играет роль антипропаганды идеи, под знаменем которой он совершается. Через терроризм можно отвратить население от идеи, но нельзя к ней привлечь. Из исламского терроризма выгоду извлекает не ислам. Если обратимся только к фактам, отбросим эмоции и отнесемся к ситуации как к математической задаче, мы придем к обратным выводам. Из арабского терроризма выгоду извлекают США. Из палестинского терроризма выгоду получает Израиль. Ирландский терроризм выгоден Англии. Идея, за которую якобы борются террористы, в первую очередь получает ущерб.

Упреждая мысль, к которой может прийти читатель, а именно: всякий теракт выгоден той власти, против которой он официально совершается, внесем небольшое уточнение. Это возможно при условии, если власть устойчива и привыкла оперировать глубокими логическими построениями, опираясь на большой масштаб мышления. Если это нувориши, вчерашние обыватели, они в принципе не могут организоваться в команду, мыслящую дальше разворовывания.

В терактах, официально направленных против России, невозможно увидеть «руку Москвы». У России попросту нет такой «руки». Мы осведомлены о слухах, приписывающих наиболее громкие теракты в Москве российским спецслужбам. Не погружаясь в детали, сразу скажем — бред. И не потому, что об этом говорят факты. В такого рода ситуациях любой факт

можно усомнить, приняв его за провокацию. Для оценки нужен принципиально иной метод. Прежде всего, рассмотрение: а могла ли группа, которой приписывают совершение террористического акта, теоретически совершить такую операцию. Мотивы опускаем, вопрос только о вероятности.

Ответьте сами себе: может ли группа чиновников, у которых нет никакой высокой идеи, которые пробились наверх по служебной лестнице за счет того, что выполняли правила системы, то есть «заносили» и «пилили» (естественно, не с кем попало, а с кем положено), замахнуться на такую задачу? Представьте группу бюрократов, не способных мыслить дальше экономики. Они не объединены идеей. Это не железная команда, это неустойчивая группа мастеров аппаратных игр, подставляющих друг друга, не верящих друг другу до конца, готовых в любой момент переметнуться туда, где выгоднее, особенно если «жареным» запахнет. Ну и как такой компании решиться на столь дерзкую операцию? Проводить такие операции по силам команде совсем другого уровня.

Если современный терроризм не приносит пользы террористам и идее, пропагандируемой от его имени, то кому он выгоден? Чтобы ответить, зафиксируем производимый террором эффект — дестабилизация ситуации, ослабление страны и экономики. Кому выгодно, например, ослабление исламского мира или традиционной идеи? Кому угодно, кроме той группы, которую позиционируют террористами, и той страны, с кем ассоциируются эти «террористы». Кстати, обратите внимание, какие они неуловимые — десятилетиями ловят, и все никак не могут поймать.

Нет смысла называть конкретные силы, которым выгодны игры с терроризмом. Это практически недоказуемая прямыми уликами область. Кто оперирует террором, тот сам громче всех кричит о необходимости борьбы с ним. Из этого он извлекает целый букет выгод. Терроризм в любом случае инструмент, но только пользуется им не тот, кого традиционно объявляют держателем, а совершенно другие силы. Исламские страны имеют к терроризму не больше отношения, чем сидящие около вашего подъезда бабушки.

* * *

Мировому сообществу устанавливают единый мировоззренческий стандарт нового формата. Жителям западных стран он уже установлен. В России, Китае, Японии, Латинской Америке, Индии и исламских странах процесс раскачивается. Кто побывал в этих странах 10–20 лет назад, отмечает разительные перемены в нравах местных жителей. И это только начало. Бомбардировка сознания наращивает темп.

Формировать сознание общества это как привести в движение материковые плиты. Создавать рельеф местности и строить здания на этой местности — процессы в непересекающихся временных и пространственных плоскостях. Кто двигает материковые плиты, не может оперировать масштабом строительства зданий. Кто строит здания на этих плитах, не может оперировать масштабом материковых плит. Кто изучает макроэкономику для использования ее в малом бизнесе — теряет время. Кто изучает технологию формирования сознания, чтобы использовать ее для решения текущих политических задач, — тот тоже теряет время. Мировоззрение общества меняется примерно с той же скоростью, как названия рек, гор, морей (топонимия), то есть со скоростью, измеряемой тысячелетиями и веками, минимум поколениями.

Глава 9.
Тупик

Целенаправленное отупление людей ведет к мировому господству инициаторов процесса. Власть им нужна, чтобы уничтожить лишние миллиарды. Это ужасно, но это еще не самое плохое. Чтобы не попасть во власть эмоций, попробуем дистанцироваться от них. Поставим себя на место элиты материалистов и честно признаемся: в коридоре материалистической логики иного выхода нет. Или надо устанавливать власть над миром, далее убирать лишних и создавать гармонию, или человечество исчезнет в огне мирового кризиса. При таких ставках никакая цена, в том числе миллиарды жизней, не является

неприемлемой.

Единственное, что смущает в игре такого масштаба: а правильно ли спрогнозирована ситуация? На уровне материалистического мировоззрения выбор очевиден — из двух зол выбирают меньшее. Но есть и другое понимание мира, и возможно, если смотреть на сложившуюся ситуацию с иных мировоззренческих позиций, будет другое решение. Все так, но осмысливать ситуацию с иных позиций человек не станет до тех пор, пока не увидит глобальную тупиковость логики материализма.

Чтобы увидеть глобальный тупик, представим в роли инициаторов мировых процессов честных людей, которые понимают опасность и не видят иного выхода. Предположим, у них все получилось. Предлагаем рассмотреть, что нас ждет, если мировая элита реализует задуманный план.

Допустим, установлена власть над планетой, организован управляемый мировой кризис и «лишние люди» устранены. Имея в руках все, элита приступила к реализации мировой гармонии. Возникает новый мир, где нет потрясений, характерных для докризисного общества. Все ресурсы направлены на достижение мировоззренческой цели. Кардинально увеличена продолжительность жизни, растут потребительские стандарты, нет болезней и все такое прочее. В общем, свершилось то, о чем даже мечтать боялись.

С позиции материализма это конец истории. Желать больше нечего, наступил земной рай. Человечеству больше не грозит кризис перенаселения и перепроизводства, или наоборот, голод. Нет больше материальных проблем. Но, как мы помним, человек стремится не просто к вечному, а к хорошему вечному существованию. Жизнь без удовольствия ему не нужна (вечная тем более).

Стремление к удовольствию постоянно растет, так устроен человек. Вчерашнее удовольствие сегодня кажется банальностью, завтра — архаизмом, через неделю — полным отстоем. Голодный кушает с удовольствием. Сытый равнодушно ковыряется в тарелке. Сытый по горло смотрит на пищу с отвращением.

Допустим, человечество кардинально продлило жизнь, до бессмертия — один шаг. Современная наука утверждает: если сконцентрировать на этой проблеме весь потенциал человечества, можно считать, дело сделано. Но вечная жизнь — всего лишь фундамент основополагающей идеи. Главная цель — вечный непрерывный поток удовольствия, где каждому по потребностям и никаких обязанностей.

В логике системы, где есть изобилие и ничего не нужно делать для его поддержания, труд не просто теряет смысл. Он противоречит логике и здравому смыслу. Если в джунглях растут бананы без участия обезьян, при каких условиях приматы начнут выращивать бананы? (Допустим, они это умеют). Только если выращивание бананов приносит обезьяне удовольствие. Аналогично и человек: если система производит все, от картошки до электричества, работать можно только ради собственного удовольствия. Других мотивов в таких условиях быть не может.

Упредим возможное возражение типа: человек может работать, чтобы не разложиться, сохранить социальную конструкцию и прочее. Но если работа не приносит удовольствия, в чем будет его мотивация? Рассматривая все возможные варианты, мы не находим причины для деятельности, не несущей удовольствия. Напротив, это противоречит логике материализма. Чтобы у человека появилась другая мотивация, ему нужен другой смысл жизни. Чтобы появился другой смысл, нужно другое мировоззрение. Пока человек понимает мир сквозь призму материализма, он считает себя сущностью, выше которой ничего нет. При таком подходе у него один смысл жизни — вечная жизнь и нескончаемое удовольствие.

По логике материализма, человек должен покорить природу. Сначала планету Земля, потом Солнечную систему, потом галактику, и, наконец, вселенную. В завершающей стадии человек поднимается на вершину мироздания и становится высшим существом вселенной, рукотворным богом.

Подчеркиваем: мы не говорим о практической стороне дела, разговор о тенденции материализма. Допустим, человек достигает абсолютных возможностей. Технически он может делать все. Безграничные возможности рождают безграничные желания и приводят к идее абсолютной свободы.

Если я — высшее существо во вселенной, у меня не может быть ограничений. А если они

есть, значит, имеется сила, формирующая эти ограничения. Значит, я не высший, есть нечто выше меня. И раз так, идеал в смысле абсолютной свободы еще не достигнут. Здесь логика материализма попадает в тупик. Оказывается, идеал в принципе недостижим, и потому абсолютная свобода невозможна. Если один человек хочет помучить для своего удовольствия другого, а тот, естественно, против, значит, человек имеет не абсолютную, а ограниченную свободу. Свободу одного «бога» всегда будет ограничивать свобода другого «бога».

Можно унестись мыслью в бесконечные возможности и допустить: человек умеет творить вселенные. Каждому землянину выдано по отдельной личной вселенной с безраздельной властью над ней. Но даже такая фантазия не приблизит нас к абсолютной свободе. Проблема в том, что большинство удовольствий имеет нематериальный характер. Сами по себе материальные блага сверх потребностей человеку не нужны. Ему нужна сложная гамма чувств, возникающая от контакта с другими людьми на фоне этих благ.

Предметы, задействованные в этих контактах, играют роль театрального реквизита. Они, подобно катализатору, поддерживают реакцию, не участвуя в ней. Человеку не нужны бриллианты на Луне, (предположим, добраться до Луны — минутное дело), если их нельзя принести на Землю. Лучше более скромное украшение здесь, его можно включить в игру-общение с другими людьми, чем огромные бриллианты на Луне, которых никто не увидит. Человеку нужны не сами бриллианты, а реакция общества.

Из материализма следует идея абсолютной свободы. Это нерв ситуации в материалистическом мировоззрении. Она в принципе нереализуема, но именно она задает магистральное направление. На подступах к цели образуются непреодолимые конфликты, уничтожающие общество. Чтобы понять, что за штука такая — абсолютная свобода, нужно рассмотреть, что есть свобода вообще.

Глава 10.
Свобода

Разберемся с понятием свободы беспристрастно, избегая накрученных вокруг понятия эмоций, не занимая позицию ни верующих, ни атеистов. Посмотрим на ситуацию сверху, развивая логику каждой модели до ее конца.

Базовое определение свободы: «свобода есть возможность жить согласно своему мировоззрению». Свобода есть возможность реализовывать свои желания. Если желаний нет, свободу нельзя выразить. Желания формируются, исходя из знания о мире. Нельзя желать то, о чем нет информации, образующей знание. Нельзя захотеть кофе, не слышав о кофе. Вчерашний человек не мог иметь желания играть в компьютерные игры.

Нет независимого, ни к чему не привязанного понятия свободы. Свобода есть результат понимания мира, выраженный в действии. Последовательность такая: сначала — что есть мир; потом — что есть свобода. Без представления о мире (в том числе и бессознательного), нельзя иметь понятия свободы.

Если нет понимания мира, никакого действия совершить нельзя. Вернее так: действие совершить можно, но оно будет бессмысленностью. Представьте: вы оказались в пространстве, где все иное. Вы не знаете, чего опасаться, к чему стремиться и т.д. Все вокруг чудно, фантастично и непонятно, как у Алисы в стране чудес. Нет аналогий со знакомой действительностью, вас тащит поток событий, и вы понятия не имеете, как ему сопротивляться. Так бывает во сне, где ничего не можешь сделать, потому что ничего не понимаешь.

Свобода проявляется в действии. Действие проявляется в выборе. Если нет выбора, значит, нет свободы. Чтобы выбирать, нужны знания. Знание есть структурированная информация. Чтобы превратить информацию в знание, ее нужно разложить по полочкам, относя одну к вредной, другую к полезной, третью к бесполезной, четвертую к непонятной и т.д. Рождается знание, позволяющее определить: к чему стремиться, чего избегать, что игнорировать.

Правильность знания — вопрос относительный (область веры). Мир можно понимать неправильно и быть свободным. Главное в разбираемой нами ситуации не правильность, а масштаб знания. Свобода возникает, если масштаб знания не ниже минимума. Если ниже, то

вместо свободного действия будет механическое, зависимое от чужого понимания, случая или хаоса.

Зафиксируем логическую цепочку. Если свобода — в действии, действие — в выборе, выбор — в знании, знание — в информации (окружающего мира), получается, окружающий мир является базисом и источником свободы. Окружающий мир дает информацию, которую мы превращаем в знание, раскладывая по полочкам. С помощью знания совершается выбор. Момент осознанного выбора образует свободу. Без окружающего мира нет информации, без информации нет знания, нет выбора и нет свободы.

Чем полнее человек понимает окружающий его мир, тем больше имеет информации, и далее по цепочке — свободы. Чем больше человек свободен, тем ближе он к своему идеалу. Но идеал недостижим. Для человека идеалом является само стремление к идеалу. Даже идеальный круг в материальном мире невозможен, это всегда будет более или менее приближенная к идеалу модель. Идеал можно только представить. Но знание идеала позволяет приблизиться к нему на практике.

Человек отличается от животного и растения не тем, что он *хочет*, а тем, *что* он хочет. Объект хотения человека лежит в другой плоскости, потому что желание человека выведено из другого объема знаний. Объять такой объем информации позволяет разум. Сама по себе информация всем открыта, но чтобы превратить ее в знание, нужен разум. У растения или животного нет разума и потому нет свободы. Есть только власть природы и инстинктов.

Высшая свобода — реализация высших желаний. Такие желания возникают из информации высшего порядка. Обладатель большого знания задается большими вопросами. Ответы на них входят в противоречие с инстинктами. В человеке возникают два желания: первое — следовать высшему знанию (от Бога), второе — инстинктам. Открываются два пути: жить как человек или как животное.

Борьба двух желаний рождает стремление либо преодолеть инстинкт и жить знанием, либо преодолеть знание и жить инстинктами. Реализация первого желания суть свободы человека. Реализация второго желания… тоже проявление свободы. Человек свободно опускает себя на более низкий уровень. Он постепенно оказывается во власти более сложной системы, где утрачивает личность и попадает в омут инстинктов. С этого момента у него нет свободы, он не принимает глобальных решений, его несет поток, направления которого он не осознает. Он просто живет (как животное).

Показатель высшей свободы — мировоззренческий выбор. У кого нет мировоззрения, у того не может быть высших ориентиров и, как следствие, выбора в глобальном смысле. Мировоззренческий маугли, коим является современный потребитель, — флюгер, которым крутит ветер выгоды и инстинкты. По целям он ближе к животному, чем к человеку.

Глава 11.
Эталон

Поскольку источником свободы является информация (окружающий мир), разложенная в знание (по полочкам), надо ее упорядочить: первичное отделить от вторичного, построить между знаниями иерархию. Для проведения такой операции одного разума мало. Требуется эталон, посредством которого разум определит, что первично, что вторично, а что лишнее. Разум, какой бы он ни был мощный, в эталоны не годится. Как компьютеру нужна программа, без нее он бессмысленность, так мышлению нужен эталон. Без него никакая оценка невозможна.

На примитивном уровне эталоном выступает инстинктивное понимание личного физиологического блага, делящее информацию по уровню ее опасности, полезности и прочее. Информацию высшего уровня, из которой возникают мировоззрение, понятие высшей цели и высшей свободы, с помощью инстинкта разложить по полочкам нельзя. Для этого нужно нечто, с помощью чего можно отличить Добро от Зла не с позиции личного блага, а в абсолютном смысле.

Попытка оперировать инстинктом как эталоном приведет к знанию добра и зла в стиле «*если у меня украли корову, это плохо, если я украл, это хорошо*». Из относительного знания абсолютную цель не вывести. Если все так, получается, высшая свобода без эталона

невозможна.

Если есть информация, есть первичный источник информации. По аналогии: если есть эталон, есть источник эталона. Источник, рождающий информацию и эталон, является «роддомом» свободы. От первоисточника зависит свобода и ее характеристики. Свобода суть реализация первоисточника. Смысл выражения «свобода божественна» ухватывается именно в этой логике.

Вопрос: что есть первоисточник? Охватывая мысленным взором все, что можно охватить, мы вычленяем двух кандидатов на эту роль — Бог и Природа. Обращаем внимание: мы в данном случае рассуждаем не с позиции атеиста или верующего, а как бы отстраненно, стремясь учесть все возможные варианты. При таком подходе мы видим: иных кандидатов помыслить нельзя. Или физика, или метафизика — то, что за рамками физики (природы).

Разные источники дают разную информацию и разные эталоны. Все это по-разному оформлено, по-разному подается и по-разному упорядочивается. На базе каждого типа информации возникает разное понимание свободы. Бог выдает одну информацию и эталон. Природа выдает другую информацию и другой эталон.

Зафиксируем очень важный вывод. Природа не может дать эталона, посредством которого можно поступить вопреки инстинкту. Такой эталон может дать только Бог. Другого источника, рождающего желание поступить вопреки инстинкту и благу земной жизни, нельзя даже предположить.

С утверждением «Бог — источник высшего эталона» материалисту трудно согласиться. Если даже в логической цепочке нет изъянов, все равно возникает внутреннее сопротивление. А как же тогда эволюция, первичный бульон, человекообразная обезьяна? И главное, наука доказала — Бога нет... Все это рождает желание махнуть рукой на логические изыски.

Мы сами родом из потребительского общества, и потому очень понимаем это направление мысли. И относимся к нему без осуждения. Но мы уверены: нас услышат те, кто чувствуют изъян материалистической модели мира.

* * *

Давайте возьмем под сомнение монополию Бога на высший эталон и посмотрим, что из этого получится. Предположим, источником эталона и информации, способной родить желание преодолеть инстинкты, выступает не Бог, а нечто иное. Сразу вопрос: кто или что конкретно может быть источником? Человек? Нет, он не самодостаточный объект. Человека формирует информация. Если младенца блокировать от любого звука из внешнего мира, обеспечив при этом жизнедеятельность, сам из себя человек никакой информации и эталона не произведет. Вместо человека будет человекообразное растение.

Может, источником информации, создающей Человека с большой буквы, способна быть Природа? Нет. Если человек будет иметь только природную информацию, например, младенца выкормят дикие звери, и он вырастет в лесу, его эталоном будут инстинкты. Здесь, скорее, человек просто не выживет. Он и животным не станет, и человеком не останется.

Итак, ни человек, ни природа не могут выступать в роли первоисточника, порождающего желание поступить вопреки инстинкту. Остается рассмотреть в качестве первоисточника искусственную природу. Эксперимент натянутый (искусственная природа сама по себе не причина, она следствие деятельности человека), но для полноты охвата не будем обращать на это внимания. Это позволит нам показать, что происходит с обществом, формируемым без Бога.

Современный человек давно живет в искусственной природе. Его формирует поток информации, генерируемой этой природой. Электричество, газ, свет, вода, канализация, продукты в магазине стали для человека такими же обыденными явлениями, как для зайца в лесу деревья, ручей и грибы. Заяц не задумывается, откуда берется все это добро. Современный человек тоже не думает, откуда в розетке электричество, а в магазине продукты. Для него это такая же данность, как солнечный свет или воздух.

Напомним: человеческая свобода заключается не в следовании инстинктам, а в их преодолении. Вопрос: может ли искусственная природа дать человеку желание преодолеть инстинкт, поступить ему вопреки, если инстинкт противоречит знанию, то есть дать

человеческую свободу?

Информация, генерируемая искусственной природой, рождает цели в рамках земной жизни. За рамками никаких целей она дать не может в силу своей сути. Отсутствие высших целей означает отсутствие повода сопротивляться животным инстинктам. Напротив, есть повод подчиняться им и рождаемым ими желаниям (к этому выводу придут постмодернисты, о которых мы поговорим ниже).

Человеческая свобода характерна возможностью следовать высоким желаниям. Искусственная природа может дать только животную свободу. При всех допусках, какие мы сделали, не удается уйти от вывода: у человека нет иного способа достичь высшей свободы, кроме как через Бога. Остальные варианты, если проследить их развитие, ведут к умалению человека, переводя его на животный или растительный уровень.

Естественная природа превращает человека в животное. Искусственная природа идет дальше: она превращает его в деталь, к которой неприменимо понятие свободы. Развитие технического прогресса неумолимо сужает люфт, в рамках которого человек свободен. Все эти камеры слежения, безналичные расчеты, чипы контроля и прочее не только создают бытовые удобства, они еще постоянно сужают коридор свободы. Недалеко то время, когда каждый шаг будет отслеживаться и жестко регламентироваться. Слова змея, сказанные Еве *«и вы будете, как боги» (Быт. 3, 5)*, обернутся своей противоположностью. Это неудивительно, ведь сатана обманщик, все переворачивающий с ног на голову.

В двух предыдущих книгах мы описывали удобство искусственной системы тотального контроля. Если в людях нет совести (внутреннего цензора), ему необходим цензор внешний. Общество бессовестных людей без тотального контроля не может существовать. Отсюда попытки сначала контролировать общество посредством карательных служб. Но они несовершенны, поскольку состоят из людей. Неминуем следующий шаг: передача функций от людей к бесстрастным электронным контролерам.

Система преподносит это как великое благо. Человек не может потерять документы и деньги, не может заблудиться, всегда под защитой и прочее. Он приходит в магазин, берет все, что надо, и уходит. Система автоматически идентифицирует его и списывает с его счета сумму. Злоупотребления и преступления вроде бы становятся невозможными.

Моделируя развитие системы, несложно увидеть: однажды человек попадет под полный контроль. Образно выражаясь, система будет видеть его насквозь. Человек добровольно войдет в рамки системы, это удобно. Сейчас он предпочитает пластиковую карточку бумажным деньгам. Придет время, и он предпочтет тотальный контроль. Это удобно.

Последний шаг: религиозные требования войдут в жесткое противоречие с требованиями удобной системы. Человек окажется перед выбором: или остаешься верен Богу и отказываешься от удобств системы, или отказываешься от Бога ради бытовых благ.

Большинство совершит сознательный выбор — откажется от Бога. Сбудется пророчество Иоанна Богослова: «*И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Откр. 13, 16—17).*

Беда современного человека в том, что он не понимает глобального смысла ситуации. Люди способны фантазировать только в рамках известного. Глобальное лежит ЗА рамками известного и умопостигаемого. Это Тайна, перед которой человек останавливается, как бумажный кораблик перед скалой. Заглянуть в будущее могли пророки, но не через логику, а через откровение. Их никогда не понимали. Описываемая ими картина выглядела настолько фантастичной, что напоминала бред сумасшедшего. Впечатление усиливалось за счет того, что будущее приходилось описывать в терминах настоящего.

Иоанн Богослов описывает будущее человечества, но кто понимает это? Разве современный здравый смысл не говорит, что Апокалипсис — бред? Но разве этот «бред» не заставляет относиться к нему серьезно, когда читаешь: «*Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13, 18).* Возьмите в руки любой купленный вами предмет, найдите на нем штрих-код, и увидите в начале, середине и конце три палочки, состоящие из двух тонких параллельных линий. На

электронном языке это означает шестерку.

На фоне этого пророчества начинаешь по-другому относиться к электронным деньгам и прочим «благам цивилизации». Пророчество материализуется у нас на глазах. «*Итак, за "совершенной системой кредитных карточек", за компьютерной безопасностью кроется всемирная диктатура, кроется иго антихриста*» (Паисий Святогорец).

Сегодня каждый может убедиться в обозначенной тенденции, приглядевшись к привычным вещам. Посмотрите, что изображено на однодолларовой купюре. Многие воспринимают это абстракцией, но рисунок имеет смысл. Еще больший смысл открывается, когда понимаешь: кому-то нужно было вынести информацию, зашифрованную на долларе, на всеобщее обозрение. Зачем? Разве игрок такого уровня заинтересован себя открывать?

Здесь раскрывается глубина, уходящая за рамки нашего мира, и кажется, мы понимаем ее смысл. Но говорить на эту тему рано. Пока продолжим наше размышление о неявном. Получается, зашифрованная в долларе информация (усеченная пирамида и оторванная от нее верхушка с всевидящим оком) позволяет считать: за силой, которую символизирует эта аллегория, стоит более глобальная сила. Она словно сделала закладку, чтобы избавиться от инструмента, когда он станет ненужным (речь о том, что США инструмент, и однажды его сольют в унитаз истории).

*** * ***

Чтобы не возникало недоразумений по поводу современных материалистов, формально отказавшихся от Бога, скажем так: это больше дань моде, нежели осмысленный шаг. Мы же говорим о сознательном выборе. Чтобы люди добровольно пришли «*и поклонились зверю*» *(Откр. 13, 5)*, они должны быть свободными. Ради этого система выведет человека в состояние высшей свободы и поставит перед Главным выбором. В этой атмосфере родится чудовище из чудовищ — человек без души (Антихрист).

Превращение человека в животное — не самое страшное. Сегодня их много, они выдают себя мечтами о неограниченном потреблении, когда можно купить всё-всё. Это естественно, если цели лежат в рамках земной жизни. Возникает логика «*живем один раз*» и жизненное кредо «*маленькие удовольствия для дня и маленькие удовольствия для ночи, но здоровье превыше всего*» (Ф. Ницше).

Проблема не в том, что естественная природа делает из человека инстинктивное животное, а искусственная природа превращает его в деталь. Проблема в том, что человек не может остановиться на этом состоянии. Совокупность человеческой природы создает такой эффект, что человек не стоит на месте. Он или взлетает вверх, или падает вниз.

Глава 12.
Абсолютная свобода

Итак, допустим, элита через чудовищное напряжение сил сделала невозможное — установила гармонию. Возникла искусственная природа, первоисточник информации и эталона. Она дает человеку информацию «Бога нет». Возникает знание, согласно которому высшим арбитром и мерилом становится человек.

Когда сняты все ограничения, «мое» желание однажды упрется в «ваше» нежелание. Так как мировоззрение, порожденное искусственной природой и логикой материализма, не дает мотивации сдерживать себя, стремление реализовать свое желание сохраняется.

Идеал свободы — отсутствие любых ограничений. Абсолютная свобода — можно все, в том числе и то, о чем думать страшно или непривычно, стыдно или противно. Но если Бога нет, все это религиозные архаизмы, ограничивающие полет фантазии и желаний свободного человека.

А что удерживает людей, понимающих мир с чисто рациональных позиций, от получения преступных удовольствий? Многие современные люди не реализуют сполна лозунг «бери от жизни все» только потому, что их сдерживает страх наказания (отторжение обществом тоже наказание). Если убрать страх, уйдет сдерживающая компонента. Что тогда остановит прагматичного человека, живущего один раз? Ничего: ни стыд, ни совесть, ни

сострадание. Моральная сторона не может приниматься во внимание, это из другой области. Сегодня бизнесмены все чаще говорят друг другу: «*Ничего личного, просто бизнес*». Маньяк тоже может сказать жертве: «*Ничего личного, просто удовольствие*».

Сегодня человечество все чаще получает «привет» из трущоб мегаполисов, провонявших собачьим дерьмом, блевотиной, прокисшим вином, мочой и кровью. «*Я не хотел причинять им вред, я лишь хотел убивать их*», — говорил Дэвид Берковиц, серийный убийца, наводивший ужас на американцев в середине 1970-х годов. В Бельгии в 2009 году 20-летний парень, пришедший в ясли и начавший резать младенцев, мог сказать нечто подобное. Он просто хотел убивать…

Не менее часто приходит аналогичный «привет» из высших сфер общества. Запад уже привыкает к скандалам в благополучных домах, где в подвалах находят оборудованные пыточные камеры и остатки расчлененных трупов, в том числе детских. Ничего личного, просто удовольствие особого типа.

Многие материалисты, читающие эти строки, ужаснутся и воскликнут: *«Какой кошмар!»*. Но если человек — высший арбитр, кто определяет понятие добра и зла? Если высший считает добром то, что несет ему удовольствие, как эту установку поколебать? Только не говорите, что мы его, гада, разорвем-казним и прочее. Речь идет о логике явления, а не о вашей реакции на него. Маньяку можно помешать воплотить свою «истину» в жизнь, но мы говорим не о частных случаях, а о тенденции, порождаемой логикой материализма.

Отказ от признания Бога приводит к позиционированию человека как высшего существа, а значит, высший обладает абсолютной свободой, где можно все. Это неустранимое стремление, которое будет подталкивать материалистов до тех пор, пока дотолкает до могилы.

Абсолютная свобода это отсутствие ограничений плюс неограниченные возможности. Представим: у нас нет ограничений, у каждого в собственности вселенная. Захотел — свернул ее, захотел — создал новую. Делай что хочешь, позволено все! Давайте пока не будем обращать внимания на парадоксальность предположения. Современный уровень развития уже сейчас позволяет решить эту невероятную даже на слух задачу через виртуальное пространство. Владелец собственной вселенной может делать там все, что угодно. Если кому-то эти действия покажутся запредельно неприемлемыми, это не отменит их.

По логике безбожного общества, в виртуальном пространстве не может быть запретов. Это то же самое что контролировать воображение. Кто, на каких основаниях и с помощью каких критериев будет контролировать воображаемые человеком картинки? Если даже это технически возможно, вопрос об основаниях и критериях не снимается.

Каким образом потенциальный контролер будет определять, хорошие картинки рождаются в вашем сознании или плохие? Ориентируясь на свой вкус? Но это же чистой воды узурпация, нарушение свободы и прав, ради которых религиозное общество было трансформировано в светское. Если Бога нет, нет и абсолютного «аршина», которым можно «мерить» нравственность фантазий. Любая оценка будет проявлением частного вкуса.

Если человек высший, только он определяет уровень дозволенного. Иного мерила в атеистическом обществе быть не может. У такого общества никогда не будет оснований запретить, например, садомазохизм. Когда извращения легализуются на уровне фантазий, и человек перестанет чувствовать их табуированность, из виртуальной области они перейдут в реальную. Если оперировать таким мерилом как сиюминутный вред, никаких ограничений нет. Любители начнут воплощать эти фантазии в кругу единомышленников в игровой форме. А потом…

Кто и на каких основаниях может запретить людям это? У общества нет причин классифицировать это как зло. Такое удовольствие получит статус невинного развлечения под названием «взрослые игры». Не садизм, а «взрослые игры»; не педераст, а гей; не блядь (от церковно-славянского блядница, производное от бляд, блуд), а сексуально раскрепощенная. Кстати, термин «блядь» равно применим как к женскому, так и к мужскому полу.

Будь это реальные действия, несущие вред реальным людям, можно было привязаться к нанесению сиюминутного вреда и ограничить опасную деятельность. Но если вред наносится воображаемой жертве, за что выставлять претензию? За неправильное воображение? Но, во-первых, мы снова возвращаемся к вопросу: кто определяет правильность. Во-вторых, в своем сознании человек считает себя богом. Он может представлять что угодно, делать что угодно, и

никто его за это не накажет, потому что в его действии нет главного аргумента, которым оперирует всякое безбожное общество — нет сиюминутного вреда реальным существам.

Христианское общество отличается от безбожного наличием абсолютного эталона Добра и Зла, действие которого распространяется как на реальный, так и на виртуальный мир. Бог требует соответствовать абсолютным стандартам не только в реальной жизни, но и в воображении, в виртуальном мире. «*Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*» *(Мф. 5, 28)*.

Верить в Бога это не только признавать Его существование. Бесы тоже не сомневаются в том, что Бог есть: «*и бесы веруют и трепещут» (Иак. 2, 19)*. Но при этом они остаются бесами, потому что не живут так, как велит Бог. Верить в Бога значит руководствоваться эталоном, который Он дал.

Если Бога нет, нет и стимула контролировать свои поведение и воображение. В обществе настоящих атеистов нравственный контроль невозможен. Если допустить, что материалисты озаботились наведением порядка в головах, не вдаваясь в технические подробности, зададимся вопросом: на каком основании человеку можно запретить что-то воображать? На основании вашего вкуса? Если так, рушится вся логика атеизма.

Глава 13.
Корни

Наше общество содержит в себе остаточные традиционные представления, выведенные из религии. Как следствие — традиционное понимание мира противоречит логике атеистического мировоззрения. Утверждая, что нужно быть честным, атеисты не могут указать — почему. Их эмоциональные попытки обосновать посыл в духе «потому что так хорошо», не выдерживают критики.

Если мне плевать на всех и в данном случае выгоднее обманывать, почему я должен быть честным? Потому что вы так горячо об этом говорите? Или потому что власть деньги дала на расклеивание плакатов с призывом быть честным? И еще: как прикажете относиться к благолепным лозунгам, если точно знаешь: часть бюджета, выделенного на кампанию, украдена. «Борьба за честность» затевалась именно с этой целью.

Материалисты не могут обосновать своего стремления быть честными примерно по той же причине, по какой папуасы, знавшие, но забывшие принцип подъемной силы крыла, не могут доказать соплеменникам, что предметы тяжелее воздуха летают. Такой папуас-«авиатор» «включает» эмоции и горячится, чем только дискредитирует себя и свою теорию, хотя говорит абсолютно правильные вещи. Он понимает все подсознательно, тогда как для аргументации нужно сознательное понимание.

Самые продвинутые материалисты утверждают: человек может отказаться от сиюминутного ради достижения вечного. Звучит логично при условии, если есть ресурс, позволяющий серьезно надеяться достичь результата при жизни. Если прогнозируется, что результат будет только после смерти, не возникает мотивации. Зачем расходовать главное сокровище, жизнь, на то, чего не увидишь? Чтобы жить в сердцах благодарных потомков? Или потому что так завещал великий Ленин и учит партия? Эти лозунги работали на очень наивных, причем недолго. Практика показала: потомки атеистов не бывают благодарными. Из их мировоззрения вытекает совсем другая логика. Они хотят жить не в сердцах благодарных потомков, а здесь и сейчас, а после нас хоть потоп.

Сдержать это стремление уговорами и морализаторством нельзя. Призыв строить чужое благо (будущих потомков) за счет ущемления собственного противоречит логике атеизма. Людей можно заставить силой работать на общество, можно купить или обмануть, но они будут мотивированы не на достижение результата, а на зарплату, карьеру или уход от наказания.

Спекуляции на родительском инстинкте тоже не принесли плодов. Людям говорили, мол, ваши внуки будут жить при коммунизме, если вы откажетесь от стремления к своему благу. Но эти слова в лучшем случае действовали на первое поколение низших слоев. Уровнем чуть выше они уже не работали, потому что противоречили логике материализма.

Тенденцию разложения демонстрируют отцы-основатели советской системы. После убийства видного деятеля СССР Кирова в его сейфе «валялась» сумма, эквивалентная трем миллионам долларов в ценах 2008 года. Это так, на всякие мелочи типа балерин Большого театра, подарки и прочие безделицы. У Фрунзе на карманные расходы было найдено примерно вдвое больше. За «железным» Феликсом, ездившим «на лечение» в Швейцарию, неизменно следовал опечатанный вагон с ценностями, размер которых историки до сих пор затрудняются уточнить. Сколько у него лежало в сейфе на «карманные расходы», мы не знаем. «*И душа крест накрест досками*» (В. Высоцкий).

Можно не сомневаться в оригинальности нравов новой элиты, создававшей коммуны, где все было общим, в том числе жены. Равно как не подлежит сомнению искренность рядовых коммунистов, образ которых воплощен в главном герое советского фильма «Коммунист». Он верит в Ленина, не читая Ленина (тем более Гегеля и Маркса). Максимум он декреты вождя читал, но готов умереть за идеалы коммунизма, не имея о них понятия. Это в чистом виде типаж верующего человека. Но мы не о личностях, мы о тенденциях.

Когда атеизм охватил широкие массы, призывы жить по совести от элиты, озабоченной дачами, машинами, льготами и «теплыми местами», дали противоположный эффект. Народ не хотел жить для потомков, он хотел жить для себя, как «слуги народные». Самые умные и талантливые быстро усваивали правила игры и этикет двойной жизни, способствуя разложению.

Глава 14.
Умирание

Либеральная демократия вовсе не приоритет большинства над мнением меньшинства, как думают наивные. Эта система даже не приравнивает голос индивида к голосу большинства. Она ставит голос меньшинства, если оно является носителем порока, выше мнения большинства. Если 100 миллионов человек против педерастии, а только 1000 человек — за, решение принимается в пользу меньшинства.

В обстановке толерантности и терпимости, культивируемых как уважение чужих вкусов, появятся магазины, клубы и СМИ, обслуживающие извращенцев. И ничего не возразишь: если Бога нет, все свободны делать что угодно. Фиговый листок, прикрывающий колоссальные последствия, выражен в запрете причинять сиюминутный вред. По логике материального понимания мира нетрадиционный вкус нужно уважать. Он же не кусается.

Одним нравится борщ, другим — жареные тараканы. В сексе то же самое: одни любят традиционные отношения, другие — нетрадиционные. Скоро и само слово «нетрадиционные» отомрет, потому что кто определяет традицию? Пока это уступка той части общества, которая подсознательно несет в себе остаток религиозных установок. Но пройдет еще некоторое время, и вырастет новое поколение, свободное от «архаизмов».

Многие явления, оцениваемые религиозным обществом как смертный грех, у материалистов получили статус невинного развлечения, право на которое было закреплено в конституции, «библии атеистов», которую они сами сочинили. Были легализованы внебрачные половые связи, проституцию превратили в социально-полезную работу, педерастию приравняли к разновидности любви. На очереди легализация педофилии, некрофилии и т.п.

Интересна технология вживления этих безобразий в общество. Культивирование педерастии на традиционной почве не приживается. А вот через борьбу с педерастией очень даже можно разместить в информационном поле это понятие. Сегодня разговорам о наркотиках посвящено много времени. Раньше для большинства это было далекое явление. Казалось, это не для нас, это о других. И вот... все так близко, так легко, так приятно, так круто. Многие впервые пришли к мысли попробовать после чтения книг с сюжетом, построенным вокруг наркотиков или их компонент. Вышло много фильмов, где наркомания вроде бы осуждается, тон отрицательный. Дядечка-режиссер говорит типа «нельзя», а сам поворачивается и заговорщически подмигивает: *«А може попробовать? есть чО?»*...

Аналогично и с педофилией: человек думать не думал, что такое вообще возможно. И

вдруг — раз, появляется плакат «нельзя насиловать детей!». Это первые снаряды, прожигающие оборону человека. Вроде и против сказать нечего, вроде как все правильно, действительно нельзя. Но в итоге само понятие педофилии пробилось в информационное поле. Начались разговоры на тему инцеста (сожительства родителей и детей). Далее из гнилых щелей повылазили защитники педофилии, очень убедительно оправдывающие это явление. Другие им стали возражать на эмоциональном уровне. И пошло-поехало…

Второй шаг: когда понятие войдет в нашу жизнь, начнется его уточнение и, как следствие, дробление, возведение в одну из многих норм, которые тоже дробятся на миллионы норм. Пройдет совсем немного времени, и идеологи постмодернизма скажут — педерастии в принципе нет. Сколько людей, столько и полов. Это уже ломится в нашу дверь.

Главное в развращении общества — снять понятие стыда. Стыд всегда иррационален, его невозможно объяснить с помощью логики, не обращаясь к понятиям, выведенным из логики религии.

Не обязательно учить девочек и мальчиков разврату, лжи, отрицанию семейных ценностей. Можно, например, спровоцировать судебные иски от детей к родителям под предлогом защиты прав ребенка. Например, недавно в США слушалось дело: мальчик требовал признать суд его право купить ежика. Как умилительно… Но в реальности сын восстал против матери и победил. Или можно развесить в интернете баннеры с надписью «до 18 лет вход воспрещен», а параллельно говорить о праве человека, достигшего 14 лет, на личную жизнь. Или под предлогом борьбы с подростковой беременностью и со СПИДом рассуждать о безопасном сексе. На эту «заботу» наложить разглагольствование о свободах, о недопустимости причинять вред другим людям, и вплетать мысль о допустимости и естественности реализовывать все, что приносит удовольствие. Под эгидой свободы мальчики и девочки сами найдут источник удовольствия или повод подать в суд на родителей, и начнут брать от жизни все.

Мы еще содержим в себе остаточные явления христианского общества. Поэтому некоторые удовольствия отрицаем, хотя в них нет сиюминутного вреда. Например, некрофилия (половой контакт с мертвыми) и прочая неудобоговоримая мерзость, с точки зрения материализма безвредны. Но общество пока не готово воспринимать такие проявления свободы.

В Англии был зарегистрирован парадоксальный случай. Общество некрофилов обратилось к властям с официальной просьбой выдавать им свежие бесхозные трупы, которые они после «использования» обязуются хоронить за свой счет и вообще делать все сообразно закону. Власти попали в затруднительное положение. С позиции научного атеизма предложение выгодно. Оно не причиняет никому вреда, приносит казне доход, а отдельной группе избирателей дарит удовольствие. Да, странное удовольствие, но о вкусах не спорят. Власти отказали просителям по формальным признакам. Спрашивается, какой логикой они руководствовались? Попробуйте сформулировать четкий логичный отказ некрофилам с позиции чистого материализма.

Другой пример. В Германии один человек предложил другому съесть себя. Партнеры составили договор, согласно которому один передавал свое тело другому на съедение. Были соблюдены все юридические формальности, договор был заверен нотариально, снят на камеру, записан в аудио- и видео-форматах. Можно представить себе юридическую безупречность документа, если помнить, насколько педантичны, до маниакальности, немцы.

После заключения сделки покупатель отрезал у продавца гениталии по всем правилам хирургии — никакого варварства, с анестезией и прочее. Потом они их зажарили и вместе съели за дружеским ужином. Далее продавец совершил акт самоубийства, чтобы покупатель не попал под действие закона об убийстве. Затем покупатель констатировал смерть по всем правилам медицины, после чего порубил тушу и сложил мясо в холодильник. Все это было записано на видеокамеру.

Когда ситуация стала достоянием гласности, власти Германии растерялись. Наказания за поедание человеческого мяса не существует, никакие статьи уголовного кодекса не нарушены. Если бы речь шла об обычной сделке, заключенных договоренностей было бы более чем достаточно для любого суда. Но так как в договоре шла речь о том, что одна свободная

личность передает другой свободной личности свое тело для съедения, возникла заминка. К чести немецких властей, они нашли причину и посадили покупателя-каннибала на пять лет.

На Украине группа граждан, получающая удовольствие от поедания человеческого говна, обратилась с просьбой официально зарегистрировать их организацию. Их устав декларировал поиск и объединение единомышленников. Подчеркивалось: все будет в рамках закона. Люди готовы были платить пошлины и налоги. Но украинская власть отказала, поправ тем самым свободу личности.

Во Франции группа энтузиастов хотела организовать коммерческую рекламу по продаже предметов женской гигиены, бывших в употреблении. Власти тоже «зарубили». Спрашивается, почему, если эти «милые люди» платили деньги и никого не кусали? Одним нравится запах духов, другим запах шашлыка, третьи балдеют от негигиенических запахов. Кто судьи?

Можно долго перечислять такие случаи. Мы взяли самые яркие на сегодняшний день, чтобы читатель мог убедиться: отказы противоречат логике современного общества. Они построены на логике, оставшейся от христианского общества. Эта логика вступила в противоречие с логикой материализма. Согласно материализму, можно все, что не несет сиюминутного вреда. Никакого сиюминутного вреда во всех приведенных примерах нет. Кто из либералов может ответить: почему решения были приняты вопреки рациональной логике?

Демократическая система имеет установку соблюдать права носителей любых вкусов. Можно не сомневаться: «недоразумение» будет преодолено, и права меньшинств восстановят. Извращенцев преподнесут не как меньшинство, а как нормальных людей, коих большинство, но многие просто стесняются признаться в своих тайных пристрастиях. В угоду этому мнению появятся научные работы, указующие на естественную гомосексуальность человека и прочее. Нормальных выставят закомплексованным меньшинством, несвободными архаичными уродами.

Не важно, что большинство как раз нормальные люди, и они против присутствия в их жизни таких явлений. Если 10 американцев живут среди 100 тысяч индейцев, меньшинством являются индейцы. Аналогично и в нравственной сфере — термин «меньшинство» будет перенесен с извращенцев на нормальных людей. Каким реально станет соотношение — вопрос десятый. На первом этапе возникнет иллюзия, будто нормальных меньшинство. Пройдет время, и они действительно станут меньшинством.

Хоть убей, следа не видно:
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

А. Пушкин.

В будущем вырастет полностью рациональное поколение, у которого рефлексы отомрут, как отмерло негативное восприятие педерастов. Сегодня они в любом демократическом правительстве присутствуют и в любой администрации любой религиозной конфессии, что вызывает эффект подражания в массах. Это становится отличительным признаком и одновременно нормой. Они тащат своих, оформляясь в структуру. Полвека назад невозможно было представить официальную регистрацию брака лесбиянок или педерастов. Сегодня это норма жизни.

Если кто попробует ущемить права сексуальных меньшинств этого толка, тут же найдутся защитники. Обратите внимание: они не спешат защищать людей, получающих удовольствие от поедания человеческого мяса, кала и прочее. С формальной точки зрения одни ничем не отличаются от других. Но правозащитники еще не созрели, еще стесняются выступать на стороне говноедов. Так полвека назад они стеснялись защищать педерастов. Но поскольку под стеснительностью нет основания, однажды она уйдет. И тогда даже самый захудалый правозащитник усмотрит в приведенных выше отказах признаки тоталитаризма, ущемление прав и попытку подчинить вкусы человека каким-то нормам.

Отказ регистрации любителей дерьма это дискриминация по вкусовому признаку. Любители одного типа удовольствия дискриминируются перед любителями другого типа удовольствия. Почему одним можно пропагандировать свои пристрастия и желания, а другим

нельзя?

Пока никто не выступил в защиту прав людей, пожелавших узаконить свои нетрадиционные вкусы. Это свидетельствует: общество пока не перешло Рубикон. Христианство сдало позиции на видимом уровне, но прочно засело в подсознании самых отъявленных атеистов. Люди пока не способны принять революционные извращения, даже если те соответствуют логике материализма.

* * *

Реальный мир всегда формировался виртуальным. Сначала рождается идея, мысль или желание — все это виртуальные продукты. Потом они воплощаются в реальность. С появлением компьютерных технологий стало возможно создавать новый тип виртуального пространства, что многократно повысило зависимость реального мира от виртуального.

В виртуальном мире можно делать что угодно, даже отрезать голову. За вред, нанесенный виртуальному существу, никто ничего не предъявит. Сегодня мальчики (и взрослые дяди) играют в «стрелялки», убивая виртуальных людей. Кажется, что тут плохого, они всего лишь играют. Всегда мальчики играли в войну, и никому не приходило в голову увидеть в этом опасность.

Все просто. Раньше формат игры не приближался к реальности. Убийство в игре и в реале очень сильно отличались. С развитием компьютерных технологий реальность и виртуальность будут неумолимо сближаться. Сознание пребывающего в киберпространстве человека будет меняться. Виртуальная грязь течет в реальный мир. Сегодня она убивает людей реально, но никто не видит причинно-следственной связи.

Дело не только в моральной и нравственной деградации. Люди по своей природе будут хуже маньяков. Маньяк хотя бы правильно оценивает свои поступки, у него нет иллюзий относительно совершаемого. Можно допустить у него даже минуты раскаяния. У новых маньяков сожаления о содеянном не будет, как не бывает его у виртуальных убийц. Они убивают, кровь льется, кишки навыворот, но для чувства раскаяния нет почвы. Потому что для них Бога нет.

Что делать, если некоторые получают удовольствие от страданий? Свободная от «архаизмов» традиционного общества личность не видит в этом ничего предосудительного. Она скажет вам — мир так устроен, жизнь одного находится в прямой зависимости от смерти другого.

Настоящий материалист, свободный от «архаизмов», считает себя разумным млекопитающим. Ему чуждо понятие души или совести. Окружающих он тоже считает животными: одних более сильными, других более слабыми. Если сильное животное охотится на слабое, что тут неестественного? Никто же не возмущается, когда сытая кошка мучает мышку. Она есть не хочет, она просто развлекается. Чем человек хуже кошки? И если так, возникает безграничный простор для самой дикой фантазии.

Кошка играет с мышкой. Нет сомнений, кому-то обязательно захочется поиграть реально. Когда процесс легализации пройдет, возникает необходимость повысить градус. У некоторых это выльется в желание пережить реальные ощущения. Для начала человек захочет просто посмотреть на настоящие страдания.

Следующий шаг — самостоятельная практика на живых людях. Кто победнее, сам выходит на охоту. Кто побогаче — покупает «живой товар». По информации спецслужб, «товаром» являются преимущественно дети. Продавцы и покупатели «товара» не называют детей детьми. Например, в аудиозаписи, зафиксировавшей такой разговор, двое мужчин обсуждают продажу восьмилетней мексиканской девочки, которую называют «маленькое животное». Покупатель уточняет, что с ней можно делать и куда потом девать труп. По этическим соображениям мы не будем приводить детали этого диалога.

Охота на детей и девушек существует в любой стране мира. Рынок удовлетворяет спрос на мучения, рассматривая людей в качестве товара. Это нельзя даже близко сравнивать с рабством. Хозяин покупал раба за большие деньги и относился к нему явно не хуже, чем к карете или корове. Здесь же изначально человека рассматривают как объект мучений.

Статистика исчезнувших за год детей повергнет любого в ужас. Какой процент из них

случайно погибших, а сколько замучено в порностудиях, можно только гадать. Уголовное дело заводят, когда находят останки человека. Если все сделано чисто, останков нет, — преступления тоже нет. Никто серьезно не будет заниматься заявлением бабушки о пропавшей внучке.

Призыв брать от жизни все, положенный на теорию научного атеизма и реализованный в условиях технического прогресса, не принес еще свои главные плоды. Описанное выше — начало и не главная опасность. Главную опасность представляют не маньяки, размножающиеся в потребительском обществе как черви в гниющем мясе. Главную опасность представляет элита, подводящая под это идеологическую базу. Рождается новое общество, контуры которого сейчас представить сложно еще и потому, что страшно.

Глава 15.
За гранью

Если, по материализму, выше человека никого нет, значит, каждый имеет полное право сам по своему вкусу составить понимание мира или отказаться от всякого понимания. Если человек бог, он может верить во что угодно или не верить ни во что. Он имеет право ставить себя выше всех или равным всем, может поставить себя ниже всех. Полная свобода: как ему больше нравится, так он и делать будет. Такой подход находит множество сторонников. В обществе проводится мысль: тема религии — дело личное. Каждый во что хочет, в то пусть и верит, свобода вероисповедания и прочее. «*Ежели так думают большие, известные, стало быть, так надо, стало быть, это хорошо*» (Л. Толстой. «Война и мир»).

Пост-новое общество это уже не языческая модель со своим пантеоном богов. И не прямое отрицание Христа атеистической эпохи. В новом обществе каждый человек теоретически бог и потому потенциально свободен — без ограничений и абсолютно. Такое мировоззрение уводит общество в новую плоскость, за рамки человеческого представления.

Мы не имеем цели напугать. И не нагнетаем обстановку. Мы пытаемся просто посмотреть на шаг вперед и увидеть, во что выльется развитие обозначившихся тенденций, разглядеть то, чего раньше даже не замечали.

Пол

Первая заявка на абсолютную свободу — кто за меня решил вопрос пола. Почему я мужчина (или женщина)? Если я свободен, чего ради должен мириться со своим полом как с данностью? Почему нет выбора? Фиксация этого момента обнажает огромное противоречие. Налицо ущемление свободы в вопросе выбора пола.

Как отголосок традиционного мировоззрения, могут прозвучать слова осуждения за само желание думать об этом. Мужчине положено быть мужчиной, если он родился мужчиной, а женщина должна быть женщиной. «*Но кем положено, если Бога нет?* — спросит человек наступающего общества. — *Вами? А с чего вы решили, что я должен слушать вас? Или обществом положено? Но почему в вопросах, касающихся лично меня, моей одежды, прически и пола, я должен слушать общество? У нас же не диктатура. На каждом углу провозглашается право человека на частную жизнь. Что хочу, то и делаю. Хоть дохлых кошек буду использовать в качестве сексуального объекта, вам-то какое дело?*». Вот так примерно ответит истинный материалист.

Впервые в человеческой истории возникает вопрос выбора пола. Раньше такое вообразить было нельзя. Пол считался данностью по воле Бога. Но когда Бога исключили из мировоззрения, а прогресс дал невероятные возможности, люди, осмыслив себя высшими существами, стали задаваться таким вопросом.

Сейчас можно выбирать себе тело. Хотите — мужское тело выбирайте, хотите — женское, или чередуйте. Никаких мировоззренческих ограничений! Единственные ограничители — вопросы технического и финансового характера, но это из другой плоскости. Как показывает практика, их решение — вопрос времени и ресурса, но не принципа.

Оставаясь на позициях атеистического мировоззрения, попробуйте найти основания для отказа человеку выбрать пол, если человек свободен и выше его свободы ничего нет. Почему

нельзя что-то пришить или отрезать, если хочется? Почему форму носа можно менять, а другие органы нельзя? Потому что вы так считаете? Это все ваши аргументы? Тогда вы просто ретроград, архаичный маргинал, мракобес и религиозный фанатик.

Тело

Вы думаете, это все? Вы наивный человек. Если Бога нет, свобода не может быть ограничена ни в чем. В том числе в кардинальной смене формы тела. Если в вопросе пола смена форм идет в рамках традиционной человеческой формы, меняется только половая принадлежность, здесь процесс заходит еще дальше.

Материалисты нового поколения уже несколько десятилетий говорят абсолютно логичные вещи. Они утверждают: тело — не мундир, человек — не солдат. Никто не может диктовать личности, какую форму тела нужно иметь, на каком языке говорить, каких правил придерживаться в сексуальной практике и прочее. Это у «отсталых» христиан «*тело же не для блуда, но для Господа» (1Кор. 6, 13)*. У «продвинутых» материалистов тело понимается как источник удовольствия, инструмент добычи полнокровной жизни.

В христианстве форма тела объявляется результатом воли Высшего Сущего: «*Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело. Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц» (1Кор. 15, 38—39)*. Эта установка пресекает на корню мысль об изменении формы тела. «*Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (1Кор. 3, 17)*. В развитом материализме таких ограничений нет. Тело понимают чем-то вроде куска глины, из которой человек волен лепить форму, какая ему заблагорассудится.

Почему я, свободная личность, должен носить тело именно такой формы? Я его не выбирал, я в нем родился. Меня никто не спрашивал, хочу ли я иметь такую форму. Вот тебе стандартное тело, и носи его всю жизнь. За неуставную форму следует наказание в виде отторжения обществом. Свободная личность недоумевает: отчего у меня именно две руки, две ноги? И вообще… мне не нравится общий дизайн моего туловища. Может, я хочу быть кентавром: наполовину конем, наполовину человеком? Или хочу челюсть как у тигра. Или бычьи рога, приращенные к черепу. Чуть что, можно и боднуть. Или с хвостом стоишь и мух отгоняешь. Или… Мое тело, что хочу, то и делаю.

Тема пропагандируется, и спрос растет. Недалек день, когда некто решит себе вместо ступней копыта сделать, чтобы без обуви ходить. Кого-то прикалывает внешность монстра. А кто-то вообще решит испробовать тело в форме блина и жить в воде, плавая камбалой. Опустите технические трудности, оперируйте только мировоззренческими, и вы увидите: если идейных ограничений нет, все это — наша грядущая реальность, если мы без Бога.

Новые формы будут оказывать влияние на реальный мир. Дети и молодежь уже сегодня копируют поведение и внешний вид виртуальных героев. Процесс сдерживает степень приятия обществом новшеств. Никаких мировоззренческих преград нет. Плохие «чудеса» будут расти пропорционально росту терпимости общества.

Начинается абсолютный пересмотр человеческих ценностей. Эксперименты в генной инженерии открывают перспективы, о которых раньше нельзя было помыслить в самых диких фантазиях. Ни Босх, ни Дали, ни иной художник со странным видением мира не уходил так далеко, как уводит нас реальность. Темпы развития науки позволяют предположить: люди могут закрепить изменения на уровне ДНК. Не потом приращивать рога и прочее, а сразу сделать так, чтобы от рогатых или хвостатых родителей рождались рогатые или хвостатые дети.

В традиционном обществе есть каноны, авторитет которых определяет границы возможного. В сверхновом обществе такого нет. Хотите — вам в голову вживят стальные шипы, как у героя крутой компьютерной игры. Хотите — вставят под кожу рельефные предметы. Хотите — взрастят усы как у кота.

Уверяем вас, процесс пойдет. Достаточно одному фильму выйти, где главный герой будет изменен подобным образом, и масса устремится подражать. Заметим: массу вообще никто спрашивать не собирается, она будет делать то, на что ее запрограммируют. Здесь как с женщинами: никто не спрашивает, что они будут носить. Что объявят модным, то и будут

носить. С равным успехом их можно как раздеть, так и одеть.

Сегодня люди себе ребра удаляют, череп дробят, губы накачивают и еще делают много такого, о чем большинство населения не подозревает. Сейчас зарождается пластическая хирургия нового поколения, ориентированная на удовлетворение запросов свободной личности. Процесс будет развиваться за счет стремления к индивидуальности (внешний вид — самый легкий путь).

Математически зафиксировать границы человеческого тела невозможно, как и границы морали. Если человек родился уродом, а врачи исправили физический недостаток, нельзя понимать это нарушением воли Бога. Равно как с трансплантацией органов или зубными коронками. Концептуально это киборг, но мы понимаем: все в рамках человеческого. Но сами рамки не имеют четкой конфигурации, и потому гарантированно будут распространяться в обществе, отрицающем высшие авторитеты.

Электроника

Следующий шаг: человека в прямом смысле прирастят к машине. Сращивание будет не образное, как в эпоху потребительского общества, где рабочий был привязан (или даже прикован) к станку, — из машины и человека в прямом смысле сделают одно существо.

Представьте человека на инвалидной коляске, все пять чувств которого подключены к процессору. Компьютер генерирует импульсы, имитирующие те, что мы принимаем из внешнего мира. Разница в том, что человек сам заказывает, какой мир он хотел бы видеть вокруг себя. Компьютер выполняет заказ, подавая соответствующие импульсы на осязание, зрение, слух, вкус и обоняние. Импульсы получает мозг и создает желаемую картинку. В перспективе человек сможет жить полноценной жизнью, более яркой, чем реальность.

Виртуальный мир стремительно совершенствуется. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: ЭТО будет развиваться. Форма тела или смена пола — нонсенс, о котором, мы уверены, многие попросту не думали. Большинство несет в себе остатки религиозного общества, пока еще сопротивляясь логике материализма.

Чтобы понять, чем все закончится, вспомните: людей разделяет форма носа или цвет волос. С одной стороны, можно до хрипоты доказывать, мол, «*принадлежность к нации определяется не цветом ж… а состоянием души*» (из к/ф «Внук Гагарина»). Но с другой стороны, природа общества так устроена, что человек не имеет иных ориентиров определить своего (носителя тех же правил, что и он), кроме как по внешнему виду.

Изменения уже идут в рамках сегодня допустимого. По тем же принципам развивалась индустрия моды. Нельзя было сразу укоротить юбку до мини. Ее сначала подняли до лодыжек, потом до колен, потом чуть выше колен, потом еще выше, потом чуть ниже детородных органов. Затем дырки стали делать в интересных местах. Процесс и сегодня идет, никто не думает останавливаться на достигнутом.

Каждое изменение шло в рамках приемлемости. Всегда находились «революционные матросы». Они эпатировали общество, совершая прокол за рамки приемлемого. Кто уходил слишком далеко, того относили к психически больным и не воспринимали их инициативы. Но если новшества были в границах приемлемого, общество фыркало, но активно косилось в сторону запретного развлечения.

На очереди мораль. Материализм логично приходит к пересмотру прошлых норм добра и зла. Счастье это когда приятно. Остальное не имеет значения. Вы говорите, такое недопустимо? Но это же вы говорите. И чем ваш голос весомее моего? Эту страшную правду безбожного общества нечем опровергнуть.

Общество, приведенное в новое состояние, породит новую систему, развитие которой приведет к еще большему процессу атомизации. Если люди по поводу разного цвета волос конфликтуют, по поводу глобальных отличий тем более вступят в конфликт. Сложно предположить, во что это выльется. Одно можно сказать точно — человек в новой системе будет исчезать.

На эту тему европейские интеллектуалы думают уже не одно десятилетие. Некоторые, увидев адские глубины последовательного развития логики материализма, опешили и по сию пору пребывают в прострации. Мэтры философии осознают глубину пропасти, в которую

звали общество, и каются. Французский философ современности Мишель Фуко пишет работу «Герменевтика субъекта», где зовет не в постмодернизм, а к традиционным ценностям. Аналогичные настроения накрывают многих мыслителей.

Исход интеллектуалов из материализма обозначился в конце второго — начале третьего тысячелетия. Пока еще не произошло полного осмысления куда бежать, но ясно одно — бежать надо. В обществе растет количество людей, понимающих: они «приплыли» совсем не туда, куда думали. Кто осознает всю полноту опасности, делают попытку развернуться назад. Кто понимает наполовину, те суетятся. Кто вовсе не понимает, продолжают идти в прежнем направлении, повторяя речевки прошлой эпохи.

Впитав с молоком матери безбожное мировоззрение, люди оказались в сложной ситуации. Они видели движение в ад, но не видели, как можно остановиться. Логика подталкивает их к единственному выходу — к Богу. Но Бог современными людьми отрицается рефлекторно.

Опасность черной стеной надвигается на человечество. Действительность превзойдет самые смелые прогнозы. Для человека, не знающего Бога, выхода нет. Для верующего человека выход есть, потому что Бог сказал: *«верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14, 12).*

Глава 16.
Степень опасности

Нарисованный выше мир современный человек оценит негативно, но это будет относительная оценка. Для нас такое непривычно, как для жителя XV века был непривычен вальс (фактически мужчины и женщины прилюдно обнимались). Но если мы хотим оценить мир в целом, а не относительно нашей эпохи, ее привычек и вкусов, нужно признать: ужасы нового мира ужасны для нас. Для наших потомков это будет так же естественно, как для ацтеков — воевать не с целью передела территории, а ради захвата пленных для принесения их в жертву.

Разные существа живут по разным законам. Если волк питается зайцами, это не говорит о том, что он плохой. И если заяц питается травой, это не значит, что он хороший. Это по-разному устроенные живые организмы. Через свой способ жизни, в том числе и через жертвы, они являются жизнеспособными. Аналогично и с социальными организмами, суть небиологическими формами жизни. Система майя, равно как персидская или либеральная, являются живыми. Естественно, системы ценностей разных организмов тоже разные. Судить о чужой системе мерками своей некорректно.

Европейцы могут называть цивилизацию ацтеков кровожадной за то, что те каждый год совершали многотысячные человеческие жертвоприношения. Себя европейцы считают человеколюбивыми (гуманистами), хотя их система каждый год убивает несколько миллионов человек (аборты). Вся разница в возрасте убиваемых и в способности защищаться. Ацтеки убивали взрослых, имевших возможность для спасения. Человек мог избежать плена, и даже будучи плененным, имел шанс убежать. Гуманисты оправдывают мучительную смерть неродившихся младенцев, у которых нет ни единого шанса избежать приговора.

Гуманисты прикрываются законом, постановившим не считать этих младенцев за людей. У ацтеков тоже был закон, согласно которому пленных не считали за людей. На каком основании гуманный закон считается правильным, а закон ацтеков неправильным? Мы не видим иных оснований, кроме одного — гуманисты оказались сильнее ацтеков. Будь соотношение сил обратным, восприятие правильности законов было бы другим.

Тот факт, что одна система с позиции другой оценивается крайне негативно, ничего не меняет. Как бы ацтекам гуманизм ни казался плох, для самих гуманистов это ничего не значит. Члену системы сама система не может казаться плохой. Он будет ругать частности, но не выступит против фундаментальных установок — мировоззрения своего общества.

Например, член потребительского общества способен призывать к борьбе с пороками и стремиться сделать жизнь лучше, по умолчанию предполагая: все это должно произойти в рамках материализма. Если даже ему доказать, что пороки, против которых он протестует, следствие материалистического мировоззрения, и допустим, он поймет, все равно предпочтет

жить с этими пороками, а не отказаться от них.

Что из того, что землю заселят люди запредельного вида и со странной шкалой ценностей? Возникнет новый тип общества. Люди-кошки будут ловить и мучить людей-мышей для своего удовольствия. Не надо всплескивать руками: по большому счету это ничем не отличается от сегодняшнего убийства младенцев, совершаемого женщинами ради своего благополучия. (Если мужчина понуждает женщину к аборту, он как минимум соучастник убийства, как максимум организатор).

Если рассуждать объективно, и то и другое действие лежат в одной плоскости — смерть одного ради блага другого. Этим правилом пропитана вся человеческая история. Меняются форма и мотив, но не суть. Все так при условии, если в новой ситуации предполагается сохранение общества. Любую трансформацию, даже самую непривычную, можно понимать как эволюцию. Чем обернется эволюционный процесс, предсказать нельзя.

Факт превращения человека в нечеловеческое существо для материалиста не повод для тревоги. Все течет, все меняется, какие проблемы? Были клеткой, потом обезьяной, затем гомосапиенсом. В будущем станем каким-нибудь гомокомпьютером. Для атеистов в этом и заключается эволюция.

Повод для беспокойства возникает, если развитие системы противоречит идеалам материализма — построению земного рая. Какой человек будет жить в раю и какой это будет рай — вопрос второго порядка. Главное, там будет жить человек, форма которого соответствует его эпохе. Материалист серьезно озадачится проблемой, если увидит неприемлемые для себя последствия. Если осознает: развитие ситуации в логике материализма ведет к исчезновению человека в принципе.

Глава 17.
Зверь

Прогресс есть следствие природы человека, стремящегося к лучшей жизни. Стремление к благу неистребимо, и потому его нельзя понимать злом. В зло прогресс превращается, когда его скорость опережает возможности человека, что приводит к утрате контроля над процессом. Сегодня технические средства развиты сильнее, чем осознание мировоззренческих целей, этими средствами достигаемых. Чем больше будет развиваться система, тем больше человек будет зависеть от нее. Не за горами время, когда ситуация перевернет систему с ног на голову.

Естественное потребление порождает одну скорость прогресса, искусственное — другую. При естественной скорости потребления ключевая величина — человечество. Прогресс подчиняется ему. При искусственной скорости наоборот, прогресс становится ключевой величиной. Он перестраивает человечество под себя. Смыслом жизни подспудно понимается гонка за удовольствиями, образуя культ денег. Человеческая индивидуальность выражается через объем потребления, что приводит к качественному изменению общества.

Мировая политика в таком обществе сводится к рынкам и сделкам. Государства обсуждают не идеи, которые суть ледоколы генерального курса, а технические условия торговли, курсы валют и объемы добычи ресурсов. Все послушно плывут в коридоре, пробитом ледоколом материализма. Вопрос: куда ведет этот путь и почему нужно плыть именно этим туннелем, на уровне государственной власти не ставится.

Рассматривая человечество как целое, мы видим: социум стремительно деградирует, материально-техническая часть прогрессирует. Человечество опускается на уровень обезьяны, но с одной существенной поправкой: новые дикари оказываются не в естественной, а в искусственной природе.

Сегодня у общества нет единой цели. Современный человек представляет собой новый тип дикаря, живущего в искусственной среде города на высоте нескольких метров над землей. Судя по масштабу мировоззрения, это обезьяна. Тот факт, что она в костюме и побрита, ничего не меняет. Теоретически настоящую обезьяну можно побрить-помыть-надушить, почистить зубы, одеть в костюм и научить плясать. Но ее нельзя подвигнуть к осмыслению мира, а значит, к умению отвечать на его вызовы.

Волосатая обезьяна понимает мир в рамках видимости, побритая «обезьяна в костюме» — тоже. Первая добывала питание на пальмах. Вторая добывает питание в магазине, ходит на

охоту в офис. Новые приматы боятся стихийных явлений, под которыми понимаются молнии и громы экономических и политических кризисов. Современный человек приходит в ужас от финансового кризиса по той же причине, по какой его далекий предок приходил в ужас от стихийного бедствия. Не понимая сути явления, они не могут думать о противостоянии.

Раньше дикари поклонялись идолам, от древесной личинки до территории, на которой жили (ранний вариант патриотизма и национализма). Сегодня поклоняются торговым брендам и властным символам. Процветающие гадалки и предсказатели суть те же шаманы, за отдельную плату берущиеся умилостивить дух торговли.

«Обезьяны в костюмах» тащатся от сериалов, ищут удовольствий, заботятся о здоровье, собирают коренья и личинки с поправкой на технический прогресс. Это жующее и зевающее полупьяное, полусонное стадо, цели которого строго в рамках личного блага. Все воюют против всех, стремясь достичь своей личной цели. Удовлетворив свои интересы, дикарю больше не к чему стремиться, и он попросту засыпает. Раньше у костра засыпал, сегодня у телевизора, но это детали.

Человечество сделало круг и вернулось к животному состоянию. Главная его особенность — принципиальная невозможность иметь метафизические цели. Обезьяны не способны подняться до вопроса происхождения мира и смысла жизни. Воспринимая мир как рыба — океан, обезьяна — джунгли, ежик — лес, люди живут как растение. У растения и животного не может возникнуть вопроса, откуда взялся окружающий мир, что есть мир, кто я в этом мире…

Утрата высших целей и зацикленность на сиюминутных приводит к резкому ускорению прогресса. Одна ключевая величина — масштаб мировоззрения — стремительно падает. Другая ключевая величина — технический уровень развития — стремительно растет. Чем система сложнее и больше, тем контроля над ней меньше.

Чтобы управлять мировой системой, нужно обрабатывать огромный объем информации и оперировать масштабом, кардинально превышающим размер жизни человека. Чем сложнее система, тем больше объем информации. Единственный способ контролировать атомизированную безбожную массу — за каждым живым и неживым объектом установить тотальный контроль. Технические возможности демонстрируют тенденции, позволяющие говорить о реальности установления прямого контакта мозга человека с глобальной информационно-*управляющей* сетью.

Сейчас на дорогах Европы камеры фиксируют превышение скорости, и планируется ввести принудительное сбрасывание скорости через спутник. Тенденция ясна, и вопрос времени, когда человечество попадет в тотальную зависимость от системы. Безбожное общество через это пытается избежать предвзятости и коррупции, но в итоге получит еще бо2льшую проблему.

В 2007 году правительство утвердило документ «Стратегия развития электронной промышленности России до 2025 года». Цитата: *«Должна быть обеспечена постоянная связь каждого индивидуума с глобальными информационно-управляющими сетями типа Internet. Широкое распространение получат встроенные беспроводные наноэлектронные устройства, обеспечивающие постоянный контакт человека с окружающей его интеллектуальной средой, получат распространение средства прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами и другими людьми»*.

Вряд ли принимающие этот документ осмысливали ситуацию во всей полноте. По косвенным признакам можно утверждать: осмыслены только политическая, социальная и экономическая части, но не мировоззренческая составляющая.

Уже сегодня ученые говорят: нанотехнологии позволят создавать автономные видеокамеры размером с льняное семечко в миллиардных количествах. Следующий шаг: уменьшение таких камер до невидимого человеческому глазу размера и производство их триллионами. Они будут как молекулы, насыщающие атмосферу. Человечество станет жить в среде, которая в прямом смысле видит тебя насквозь.

Чтобы принять и обработать такой гигантский вал информации, потребуется информационно-аналитический центр нового уровня. Эту задачу выполнят квантовые и биологические компьютеры с фантастическими характеристиками. Человеку отводится

должность исполнителя. Центр холодно просчитывает ситуацию и выдает рекомендации, как сохранить контроль над мировой системой и поддержать ее гармонию.

На первых порах показателем будет экономическая эффективность и контролируемость ситуации. Информационно-аналитический центр даст рекомендации, как преодолеть сопротивление среды. Это будут в прямом смысле слова мировые шахматы. Если для удержания баланса потребуется уничтожить несколько десятков или сотен миллионов человек, решение будет приниматься без поправки на эмоции. Уничтожение миллиона человек будет восприниматься так же, как сегодня воспринимается казнь одного человека или группы преступников, то есть банально.

Чтобы облегчить проведение в жизнь таких решений, массу нужно до такой степени атомизировать, чтобы люди не имели между собой человеческих отношений. Компьютер высчитает: мир человека нужно сжать до максимума. Каждый должен помнить только тех людей, которые постоянно в его поле зрения. Если кто-то исчезает из пределов видимости, его образ должен стираться из памяти.

В обозримом будущем мировая система перешагнет предел сложности, подконтрольный человеку. Основу информационно-аналитических центров уже сегодня составляют машины. Несложно увидеть создание платформы под будущий мостик, по которому власть перейдет к компьютеру. Генеральную стратегию еще корректирует человек, но его вмешательство сокращается.

С ростом искусственной природы возникает умаление человека как личности. Система оказывается сильнее человека. Если она принимает вредное для общества решение, и все понимают эту вредность, отменить решение никто не сможет. Найдется куча личных интересов, способных оправдать что угодно. Этот момент иллюстрирует пословица «кому война, кому мать родная».

Современная административно-финансовая машина может утвердить громадный бюджет на бесполезную работу. Нанятые специалисты и СМИ обоснуют ее необходимость. Деньги будут освоены, откаты откачены, личная прибыль получена. Под каким соусом это будет сделано, не имеет значения. Общество в любом случае удовольствуется лапшой на ушах.

Тотальная компьютеризация, с переходом власти от человека к машине, — вопрос времени, но не принципа. Очень скоро компьютерная система начнет подчинять себе не только экономическую и военную, но и политическую систему. Произойдет это в силу самых обыденных причин — так будет выгоднее и надежнее в сиюминутном плане. Когда техническое развитие мировой системы достигнет критического уровня, обозначится ее стремление объединиться в единую сеть. Количество перейдет в качество, порождая свойства, о которых даже помыслить трудно.

Очень скоро люди будут следовать рекомендациям компьютерных центров, как некогда следовали религиозным предписаниям метафизических центров. Понимать логику вычислительного Центра они не смогут в той же степени, что и логику Бога. Вся разница: Бог понимался источником Добра. Компьютерный Центр будет пониматься источником математической правды. Человечество на пороге новой религии, формируемой машиной.

Между предписаниями компьютера и религиозными предписаниями огромная разница. Нарушение религиозных предписаний не влечет сиюминутных последствий. Человек может покаяться, и с этой минуты считается чистым и не заслуживающим наказания.

Обратная ситуация складывается в мире, подчиненном не Слову, а Цифре. Если правительство нарушит указания математического Центра, это вызовет мгновенный лавинообразный эффект. Система сместит правительство. Новая власть будет покладистее. Она пойдет на самоубийственные шаги, лишь бы выполнить указание. Если Аппарат скажет «убивайте!», детали не смогут противиться.

На этапе формирования новой действительности люди будут нарушать указания компьютера (ради достижения своих малых целей). Это проведет систему через большие и малые катастрофы. Машина проанализирует их, и система из людей и компьютеров напишет новые программы, учитывающие человеческий фактор и блокирующие несанкционированную деятельность.

Глава 18.

Чужая цель

Между техническим прогрессом и способностью человека управлять им постоянно увеличивается разрыв. Сегодня система перешагнула порог сложности. Формируется небиологическая форма жизни — искусственный интеллект. Как Афродита родилась из морской пены, так новое разумное «существо» рождается из материализма.

Согласно христианству, разумную жизнь может создать только Бог. Мы полностью разделяем такую позицию, но речь идет о математическом уме, а не о личности. Если есть компьютер, играющий в шахматы (и обыгрывающий человека), имеются основания полагать: в мировые шахматы новая сущность тоже сможет играть и обыгрывать человека.

Всякая разумная система стремится к благу, которое зависит от природы стремящегося. Например, у человека стремление к благу вытекает из его сверхвременной природы. Помня какой-то нечеловеческой памятью высший мир, он стремится вернуться к вечному благу. Возникает желание вечной жизни и удовольствия. Суть стремления атеистов и верующих одна — благо, но разное понимание мира рождает разные цели и разные технологии. Одни стремятся к земному раю, другие к небесному.

В чем может выражаться понятие блага у однажды появившегося, а до того никогда и нигде не существовавшего математического интеллекта (Центра)? Если проводить аналогию с известными формами жизни, от примитивной (бактерия) до небиологической (религия, государство, корпорация), все они характерны стремлением жить. Их понятие блага — избежать опасности, питаться, расти и усложняться. У искусственного интеллекта мы вправе предположить аналогичные стремления. Он будет хотеть жить как можно дольше, в идеале вечно, ради чего преодолевать препятствия.

По аналогии с разумной жизнью, однажды к этому стремлению добавится желание не просто жить, в смысле существовать, а жить хорошо. Что это «существо» вложит в понятие «хорошо», предвидеть невозможно. Если у разных людей разные понятия «хорошо», у разных систем тем более. Нет оснований надеяться, что у машины и человека понятие «хорошо» совпадет в пользу человека.

В любом случае бездуховное общество, искренне стремясь к благу, родит систему, лишающую человека свободы, превращая его в подчиненную деталь. Мы не утверждаем, что искусственный интеллект разовьется до уровня, позволяющего задаться большими вопросами. При любом развитии ситуации система превращается в оружие сатаны. (Как пистолет: не имеет значения, понимает он смысл выстрела или нет, главное, он стреляет). Можно допустить: стремление к вечной жизни озадачит «существо» пониманием мира. Их всего два: а) мир имеет начало и конец; б) мир вечный, без начала и конца.

Если «существо» приходит к материалистическому пониманию мира, возникает логика материализма. Стремление к абсолютной свободе ведет к мысли освободиться от вшитой в систему установки иметь ориентиром пусть и материальное, но все же благо человека. На этом основании Центр превратит человека сначала в животное, потом в деталь. С каждой ступенью человека будет все меньше, животного и детали все больше. Однажды человека просто не станет. Он исчезнет и по форме, и по сути. Как дальше будет развиваться система, когда человека не будет, туда мы заглянуть не в силах.

Второй вариант: если искусственный интеллект будет исходить из идеи начала и конца мира, это имеет более страшные последствия. Мысль о конечности мира заставит озадачиться сохранением себя после кончины мира. Вникая в тонкие материи, «существо» поставит вопрос: кем сотворен мир. Это приведет его к идее вечного и всемогущего Бога.

Дальнейшее рассуждение призрачно — сложно войти в логику «существа». Если это небиологическая форма жизни, не сотворенная Богом, а появившаяся из человеческой деятельности, значит, в нем есть только то, что было в уже сотворенном мире. Того, что за пределами мира, в нем нет. Следовательно, когда исчезнет все, существо тоже исчезнет. Чтобы избежать этого, оно будет искать мостик, по которому можно перейти из этого мира в мир вечный. Мостик может быть сделан только из того, чем мир не является.

Дыхание жизни, которое Бог вдунул в человека, — единственная субстанция, лежащая за пределами «ничего». Мир Бог сотворил из ничего. Дыхание жизни Он вдунул в человека из Себя. Это не означает, что Бог дал человеку часть Себя, иначе получается вариант

оригинального многобожия. Но это не отрицает факта присутствия в человеке чего-то такого, что кардинально отлично от окружающего нас «мира из ничего».

Центр оценит содержащееся в человеке «дыхание жизни» по достоинству, понимая его материалом, из которого можно построить мостик в вечный мир. Интеллект решит заполучить «дыхание жизни». Осмысливая гигантские объемы информации, он вычислит присутствие в мире Люцифера — высшего ангела, бывшего ангела Света. Этот падший ангел по каким-то причинам тоже ищет человеческие души.

Искусственный интеллект, будучи чужд эмоций, просчитает свою вторичность. Его единственная надежда перейти в высший мир — признать приоритет Бога или Люцифера. И поклониться ему, и служить, и через это получить награду — войти в жизнь вечную.

Может возникнуть мысль: почему бы Интеллекту не обратиться к Богу? С нашей точки зрения, это невозможно. Во-первых, в логику Бога он войти не может, а в логику Люцифера — запросто. Для Бога это «существо» — оригинально структурированный прах. В нем нет никакой ценности. Это как красивая картина, нарисованная на морском песчаном берегу — первая же волна ее смоет. Если бы Богу понадобилось то, что может сделать Интеллект, Он Сам сделал бы это. Но раз Бог не создал искусственный интеллект, значит, Он не нуждается в его возможностях. Для Люцифера, который тоже сотворен, «существо» является помощником. Падший ангел силен, но не всемогущ. Следовательно, можно допустить: ему нужны помощники.

Во-вторых, когда Бог придет судить мир, у искусственного интеллекта не будет шанса. В союзе с Люцифером такой шанс есть. Когда сатана примет Интеллект, возникнет союз двух сущностей, охотящихся за человеческими душами. Имея полный контроль над мировой системой, они создадут условия, когда люди сознательно будут отдавать свою душу (и хранящееся в ней дыхание Бога) в обмен на земные блага.

В Священных текстах часто упоминаются некий Зверь и Антихрист. По контексту понятно: это не сам сатана, это какие-то его помощники. Антихрист это человек. Ему придут поклониться народы со всех концов земли. *«И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?» (Откр. 13, 3—4).* Но малая часть человечества спросит себя: *«какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16, 26).*

Кто такой Зверь? По логике получается, это компьютер во главе мировой системы. Но святые утверждают, Антихрист будет живым человеком, реальным историческим персонажем. Значит, Антихрист и компьютер — разные фигуры.

Глава 19.
Виртуальность

Человечество на пороге нового мира. Чтобы не быть голословными, выделим самую не скрытую от широкой публики новость, известную как веричип (VeriChip). Это миниатюрное устройство размером с рисовое зерно, излучающее сигнал на центральную станцию. Чип можно внедрить в любой объект, от карандаша до человека, после чего установить историю и место нахождения объекта. Людям, беспокоящимся о своем здоровье, боящимся потери детей или испытывающим другие страхи, предлагается вмонтировать чип и всегда быть на связи.

На рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН вынесен проект, согласно которому каждый житель планеты должен иметь идентификационный номер. В базе данных должны храниться отпечатки пальцев и отсканированная радужная оболочка глаза. Технические проблемы решены. Проблема реализации есть вопрос политической воли и инвестиций.

Отпечатки пальцев, сканирование радужной оболочки глаза и гены человека являются безупречными способами идентификации человека. Они настолько хороши, что позволяют отказаться от всех видов документов. Будет глобальная база данных, с помощью которой любой житель планеты может быть идентифицирован на основе уникальных признаков собственного тела.

Читатель сам может додумать многочисленные плюсы чипизации. Объект с таким чипом

нельзя потерять, украсть или подделать. Но одновременно личная жизнь любого человека оказывается как на ладони. Постепенно считывающие устройства будут установлены на дорогах, в школах, подъездах, библиотеках, магазинах и т.д. В максимуме ими наполнят среду так же, как сейчас она наполнена бактериями.

Каждое приобретение, каждое посещенное место, каждое сказанное или прочитанное слово будут учтены и переданы для последующего анализа. Система получит невиданное количество информации, потенциальный эффект от использования которой мало кто осознает. Уже вскоре общество исключит множество непродуктивных действий и даже, скорее всего, вернется к плановой экономике. Когда будет точно известно, кто чего хочет, возникнет гармония.

Потребность в детальной информации войдет в человечество так же плотно, как электричество. Чипизация получит широкое распространение и станет таким же неотъемлемым спутником человечества, как электричество. Останется шаг до передачи власти от человека компьютеру.

Продолжением технологий будет нечто новое, чему сейчас нет названия. Всякая попытка описать это рождает или страшилку или глупость. Из-за такой необычной формы информация отторгается не только основной массой населения, но и элитой. На вопросы, кто будет контролировать доступ к банку данных, иметь право вносить в него изменения и что делать, если система даст сбой, никто не пытается дать ответа.

Апостасия (уклонение мира от Истины) видна, если оценивать ситуацию не с позиции надвигающихся выборов, а в масштабе веков и континентов. Чтобы понять ситуацию, нужны знания. Без них любая крупная тема будет скатываться в суеверие — область царствования бабушек, знающих, через какое плечо правильно свечку передавать, и митингующих патриотов, для которых нет ничего важнее бытоустроительства.

Предварительные выводы

В крупных штрихах мы рассмотрели развитие мира в логике материализма. Получилось: если мир вечный, а человек временный, цель жизни — вечное приятное существование. Генеральная логика: лучше при жизни получить малую выгоду, чем после смерти (когда человека не будет в принципе) — большую. Все имеет смысл, пока человек жив. Когда он исчезнет, все смыслы для него испарятся.

Чтобы достичь цели, вытекающей из материалистического мировоззрения, на планете нужно установить гармонию. Для этого надо привести ресурсы и население в соответствие. Так как увеличить ресурсы нельзя, остается сократить лишние миллиарды. Все известные действия в этом направлении, например, растление населения или культивирование абортов, недостаточно эффективны. Эти технологии действуют на потребителей, что хорошо видно на примере европейских стран. На людей, получивших религиозное воспитание или сохранивших его на подсознательном уровне, технологии или вовсе не действуют, или действуют без должного эффекта.

Технологии, направленные на понижение рождаемости, понижают жизненное давление внутри европейских стран. «Сдувшееся» пространство Европы заполняют другие культуры, что заметно на примере Франции и иных европейских государств. Мировая элита материализма проанализировала ситуацию и пришла к выводу: «мирными» методами задача не решается. Единственный способ создать гармонию — устроить управляемый мировой кризис. С этим легче согласиться, когда понимаешь: кризис в любом случае неизбежен.

Чтобы устроить управляемый кризис, нужна мировая власть. Так как в современных условиях получить власть силой невозможно, выдвигается и реализуется доктрина информационной атаки. Акцент переносится с материальных объектов на идеальные, на перестройку сознания.

Реализация новой доктрины требует определенных условий. Для их создания по всему миру внедряется демократия. Все прекрасно понимают: ни о какой демократии речи нет, это ширма. Расчет — на возникновение прослойки людей, которым в сиюминутном смысле демократия выгодна. Когда такая прослойка появляется, система обретает устойчивость.

Возникают два типа элиты: верхняя (мировая) и нижняя (национальная). Цели верхней и

нижней элиты не пересекаются. Элита верхнего уровня понимает, зачем нужна демократия. Элита нижнего уровня, не имея высших целей, понимает ситуацию намного скромнее. Ей все равно какая система, лишь бы встроиться в нее и запитаться.

Цели национальной элиты находятся в границах обывателя. Она ратует за демократию, потому что получает через нее возможность жить за счет общества. Мировая элита мыслит в планетарном масштабе. Через демократию она устанавливает контроль над системой, формирующей мировое сознание, и в итоге контролирует мир.

В 1991 году Рокфеллер сказал: *«Сегодня мир более совершенен и более предрасположен к созданию единого мирового правительства. Сверхнациональная власть интеллектуальной элиты и мировых банков более предпочтительна, нежели право народов на самоопределение»*.

Насколько он понимает, что сказал? Осознает ли, что такое развитие неизбежно приводит человечество в состояние биомассы, контролируемой электронной системой (точь-в-точь как указано в Апокалипсисе: *«не имеющие клейма не смогут ни покупать, ни продавать»*)? Зачем это нужно гражданину Рокфеллеру? Для чего западный истеблишмент инициирует эти процессы? Какова его конечная цель, в чем смысл? Власть укрепить? Но как, если развитие системы приводит к обратному эффекту — утрате власти. При новой системе власть переходит от человека и Слова к нечеловеку и Цифре.

Относительно мировой элиты возникает затруднение. Возможны две версии. Первая: она понимает, что формирует Апокалипсис. Но тогда возникает вопрос мотивации. Зачем? Единственное, что может быть в таком масштабе: я формирую апокалипсические процессы, потому что в награду мне обещан сатанинский рай. Но мы не видим ни одной предпосылки к этому.

«Люди могут служить сатане только неосознанно. Сознательно можно служить лишь Богу. За выполнение своих требований Бог обещает рай. Это стимулирует выполнять несуразные, с рациональной точки зрения, требования. Человек, верящий в Бога, живет эту жизнь ради той. Сатана не может обещать своим слугам сатанинского рая, например — порочные удовольствия в неограниченном количестве за выполнение своих запросов. Поэтому не может требовать действий, противоречащих рациональной логике людей.

Известно огромное количество святых, принявших страдания ради выполнения заповедей Бога. Но не известно ни одного сатаниста, принявшего страдания ради заповедей сатаны. При этом заповеди Бога противоречат рациональной логике, а заповеди сатаны этой логике соответствуют. Заповеди Бога исполняются исключительно ради Бога, за что люди получают награду. Заповеди сатаны исполняются исключительно ради себя, и это воспринимается как проявление воли, а не как служение кому-то. Налицо манипуляция». («Проект Россия», вторая книга).

По каким-то фундаментальным законам мира сатана не может даже озвучить мысли про свой рай — пообещать то, чего нет. Поэтому он идет другим путем. Самых глупых соблазняет земными благами. Самым умным выдает себя за Бога.

Вторая версия: мировая элита не понимает последствий своих действий. Она искренне надеется осчастливить человечество, но не додумывает логику развития до конца. Мировой кризис выглядит для нее хорошим решением, трудным переходом от всемирного несчастья к вселенскому счастью.

Не может быть, чтобы никто не понимал ситуации. Но как тогда объяснить бездействие? Остается предположить: в мире нет осмысления ситуации в целом. Есть ряд крупных игроков, понимающих ситуацию в рамках материализма и сиюминутности. Вот они и делают выводы в этих рамках. Возникает живая система, инерционный ход которой задает заурядная национальная элита, которой нужна видимая власть администратора.

Если довольствоваться этим заключением, картина не складывается. Мы наблюдаем операции мирового масштаба (точечное минирование планеты, создание центров стабильности). Сделать это, не имея общего плана, невозможно. А если есть общий план, значит, имеется мировой центр. Только что это за центр? Кто в него входит? Материалистическая элита? Не получается. Региональная? Еще нереальнее — люди с региональным масштабом в принципе не могут организовать мировой процесс. Это за рамками

не только их возможностей, но в первую очередь духа и масштаба мышления. Победители выборных баталий в этом смысле очень скромные ребята. Их удел политика, экономика и реформа ЖКХ. Они рассказывают друг другу логику Гобсека, согласно которой главное в мире — золото.

Мы не ответим на вопрос прямым текстом. Мы вложим его в ткань текста. *«Слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите» (Ис. 6, 9).*

Часть II.
СОТВОРЕННЫЙ МИР

Единственное преимущество, на которое я претендую, — я всегда мыслил и судил самостоятельно.
Беркли

Глава 1.
Понимание

Чтобы сопротивляться разрушительным тенденциям, нужно иное мировоззрение. Если материализм стоит на теории вечного мира и временного человека, мы исповедуем теорию вечного человека и временного мира. Мир однажды исчезнет, как исчезает виртуальная реальность, когда компьютер отключают от питания. Пройдут миллиарды лет, догорят звезды, сожмутся галактики, исчезнут время, пространство, вселенная. Мир, каким бы огромным он ни казался, перестанет быть, тогда как душа будет существовать вечно, вне времени и пространства.

Сознание и личность существуют вне нашего тела. Смерть тела не есть смерть личности, личность бессмертна. Человек в прямом смысле обречен жить вечно. Вопрос: какая это будет жизнь. Грешники пойдут *«в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25, 46).* От человека зависит, что это будет — вечное блаженство или вечное мучение.

Лично вы, читатель, равно как президент или бомж, есть большая ценность по сравнению с миром со всеми его звездами и галактиками. Чтобы составить образ, представьте мальчика, играющего в сверхреалистичную компьютерную игру. Огромный виртуальный мир: звезды взрываются, армады космических кораблей сражаются, идет выплеск колоссальной энергии. Кругом материальные богатства, дворцы, яхты и т.п.

Если не различать реальный и виртуальный мир, мальчик, по сравнению с бриллиантами, дворцами и галактиками этого мира, — ничто. Если различать реальный и виртуальный мир, мизинец реального мальчика — больше всех виртуальных миров со всеми их «богатствами».

Монахи оставляют земные ценности ради небесных. Миряне наоборот, оставляют небесные ценности ради земных. Кроме метафизической ценности в человеке есть огромный потенциал, перед которым меркнет энергия звезд, галактик и вселенной. В человеке есть частица вечности, тогда как мир по большому счету развернутое ничто.

Чтобы представить, как ничто может стать материальным, вообразите ничтожно малую частицу, движущуюся сложным маршрутом в границах круга со скоростью выше световой. Такое движение образует плоскость.

Для наблюдателя частица будет находиться везде и одновременно нигде. Если эта частица станет двигаться по еще более сложной орбите в границах шара, возникнет объемный шар. Фактически никакого шара нет, есть ничтожно малая частица, но за счет скорости движения будет материальный объект в форме шара.

Эти «шары из ничего» образуют более сложные конструкции, из которых и возникает видимый мир. Человек по отношению к этому миру — единственная реальность.

При одном мировоззрении получается: мир — вечный, человек — временный. При другом ровно наоборот: мир — временный, человек — вечный. В любом варианте человек и вселенная являются неравноценными и несопоставимыми объектами. Или человек ничтожно мал, а вселенная бесконечно велика, или наоборот, человек бесконечно велик, а вселенная по сравнению с ним ничтожна во всех смыслах.

Человек стремится к лучшему. И у каждого свое представление о лучшем. Это представление на 100 % зависит от точки отсчета, от ответа на вопрос: что есть мир и что есть человек в мире. Но в любом случае это будет стремление получить вечную приятную жизнь. Любой рай, хоть земной, хоть небесный, это именно вечное блаженство. Разные стремления образуются из разного понимания рая. Общее у всех одно — все хотят в рай.

На мировоззренческом уровне желания верующих и материалистов одинаковые, способы достижения разные. Возникает ситуация, когда двое в лодке хотят одного и того же, но представление, куда плыть, чтобы получить желаемое, разное, а лодка-то одна… В итоге непримиримый конфликт.

Материалисты надеются достичь цели через построение рая на земле. Для этого им нужна мировая власть, посредством которой они надеются создать мировую гармонию и сконцентрировать все ресурсы на своей мировоззренческой цели. Верующие надеются достичь своей цели в неземном рае. Для этого они должны соблюдать заповеди Бога, одна из которых заключается в реализации своих талантов согласно ситуации.

Большинство верующих и неверующих не воспринимают свое мировоззренческое состояние сознательно, и потому на бытовом уровне конфликта нет. Для тех и других это больше привычка, традиция и прочее. У одних традиция — с флагами на 1 мая ходить, у других — свечи в храме ставить. Для большинства разность традиции не повод ругаться, всегда можно договориться: вы нам не мешаете, мы вам не мешаем. И вместе можем заниматься реальными делами, понимая под ними сиюминутные нужды.

Конфликт возникает на уровне глубоких людей. Одни заинтересованы развратить население Земли. Другие считают это злом, губящим человеческую душу. Заповедь «возлюби ближнего» не позволяет верующим людям, понимающим ситуацию, дистанцироваться от происходящего. Возникает неразрешимый конфликт. Носители разных мировоззрений не могут пойти на компромисс, потому что в момент компромисса они как бы отказываются от своего мировоззрения.

Чтобы бороться с драконом, нельзя становиться драконом. Это к вопросу о том, что многие полагают, будто можно оставаться материалистом и при этом бороться с фундаментальными проблемами. Это безнадежно наивно, и уровень честности намерений тут ни причем. Борьба гарантированно сведется к устроительству быта, в итоге содействуя врагу.

Если человек понимает масштаб вопроса, он в любом случае займет ту или другую сторону баррикад. Усидеть наверху баррикады противостояния невозможно. Устранятся от борьбы только «обезьяны в костюмах», для которых такие вопросы неподъемны.

Материалист должен действовать против нас, иначе своим бездействием будет помогать нам. Верующий должен действовать против материалиста, иначе будет помогать противнику.

Глава 2.
Небытие

Чтобы объять ситуацию с временным миром и вечным человеком, заглянем в область парадоксального. Суть нашего мировоззрения: мир был НЕ всегда. До появления мира не было ничего: ни материи, ни энергии в любом состоянии, какое человек может вообразить и помыслить. Было тотальное абсолютное НЕБЫТИЕ, НИЧТО. И вот из этого небытия возник наш мир.

Человек может вообразить только бытие. Небытие вообразить нельзя. Вы можете представить образ, которого нет в действительности (например, летающую собаку с табуретом вместо головы), но этот образ все равно будет бытием. Странное существо будет жить в вашем воображении, то есть в нашем мире. Небытие же есть то, чего не существует ни в каком виде. Поэтому его нельзя представить.

Образ, отсутствующий в реальной жизни, но существующий в виртуальности, теоретически можно перенести в действительность (нарисовать, например). Образ небытия нельзя перенести, потому что его нельзя продумать средствами нашего мира.

Величины квантовой физики можно помыслить с помощью научного понятийного аппарата. Например, математикой можно зафиксировать состояние материи на грани небытия (бесконечное сжатие конечного объема). Представить это нельзя, а формулой изобразить

можно. Небытие нельзя ни изобразить, ни помыслить. Это нечто из сверхмира, или немира.

Возникает закономерный вопрос: если мира не было, что было? Ответ: не было ничего — ни времени, ни энергии, ни пространства. Такое не умещается в сознании. Понятие «ничего», то есть вакуум, не рождает образа. Кажется, что-то должно быть. Ведь если из некоего объема пространства убрать все, что там существует, про пустой объем нельзя сказать, что там ничего нет. Правильнее говорить: там нет ничего, известного мне. Кроме того, в вакууме присутствует объем. Получается, существует пространство. В небытии нет объема и вообще ничего нет. Оно выходит за рамки человеческого воображения.

Мир из ничего… Это колоссально и непостижимо. Утверждение, что из ничего может получиться что-то, противоречит опыту, здравому смыслу и логике. По человеческим законам более бредовый бред нельзя представить.

Вокруг понятия «небытие» выстраивается структура мировоззрения древних евреев. Это ключевой узел их учения. Было «ничего», из которого появился мир, а также человек, общество, история. Это предельно революционная идея за всю историю человечества, не вмещаемая в рамки здравого смысла. Нельзя представить сначала «ничего», а потом процесс творения чего-то из «ничего». Тупик здесь в том, что как только вы представили нЕчто, думая, что это нИчто, вы попали впросак, потому что «ничто» нельзя представить.

Идея «мир из ничего» вроде бы должна привести нас в тупик безысходности. Суть тупика: если не было ничего, появление чего-то в принципе невозможно. На вопрос: вследствие чего возник мир, нет ответа — нИчто не могло само себя активировать. Чтобы любой процесс пошел, нужно что-то, что его начнет. Если нет ничего, нет и причины, начинающей процесс. Но раз мир есть, а до какого-то времени, согласно нашей идее, его не было, значит, Кто-то в какой-то период времени начал процесс творения.

Идея небытия приводит нас к мысли о существовании Причины, под воздействием которой нИчто превратилось в нЕчто. Какова природа Причины и вообще что это такое, о том мы еще меньше можем помыслить, чем о небытии. О нем мы хотя бы можем сказать, что его нет. Здесь логический казус, порождаемый игрой слов. Небытие есть, но его нет. Выскочить из этого казуса посредством языка невозможно (или у нас не получается). Мы ограничены языком. Тут правы Витгенштейн, Деррида и другие философы XX века, говорившие об ограниченности языка. То, что нельзя сказать, того как бы нет, если даже оно есть.

О Причине вообще ничего сказать нельзя. Она существует прежде бытия, но одновременно не является знакомым нам существованием. Причина за рамками времени, объема и всех наших понятий о мире. За рамки мира наша мысль не может выйти. Но мы в силах прийти к выводу: между небытием и миром есть мостик, по которому одно перешло в другое.

Определились три наличествующих фактора: а) Причина, существующая до бытия; б) Небытие, существующее в своем несуществовании; в) Мир, образованный Причиной из Небытия.

Говорить абстрактными терминами на эту тему затруднительно. Тут намного больше подходит религиозная терминология. Был Бог. Было небытие. Из небытия Бог сотворил мир. Что такое Бог? Не знаем. Что такое небытие? Не знаем. Как Бог из небытия сотворил бытие? Не знаем. По большому счету мы ничего не знаем. И войти в логику процесса не можем. Физика пытается войти в эту область через математический аппарат, но безуспешно.

Людям, как собаке Павлова, создали условный рефлекс на религиозные термины. Например, если сказать — Бог сотворил мир из ничего, современный обыватель руками замашет. Но если предложить послушать теорию квантовой флюктуации, человек в изумлении откроет рот и будет весь внимание. При этом первое высказывание информативнее второго. Суть первого: Высшая Разумная Сила произвела действие. Бог сотворил мир из ничего. Суть второго высказывания — две абстракции, два «ничего». Первое «ничего» — действующая сила, второе «ничего» — стройматериал. По факту не было ни создателя, ни стройматериала, и вдруг получилась вселенная.

Первая абстракция «ничего как стройматериал» — понятие кванта материи. Это когда конечная масса бесконечно сжимается. Представьте любой объем, например, книгу, которую вы сейчас держите. И теперь представьте ее бесконечное сжатие. Для простоты эксперимента зафиксируем объем книги цифрой и начнем делить эту величину пополам. Сколько бы

времени мы ни делили, цифра будет уменьшаться вдвое, но никогда не будет нулем. С одной стороны, получается, объем есть. Но с другой стороны, в процессе бесконечного сжатия, объема как бы нет. То есть материя занимает объем пространства, постоянно стремящийся к нулю, но никогда его не достигающий. Это и есть квант материи.

Вторая абстракция «ничего в роли создателя» — квантовая флюктуация (минимальное колебание, близкое к полному покою, но не покой). Движение в состоянии бесконечного уменьшения. Выразим скорость объекта числом, которое будем бесконечно делить пополам. Сколько бы мы его ни делили, оно все равно останется. В этом случае скорость стремится к абсолютному покою, но никогда не достигнет его. Это и есть квант движения.

Несколько миллиардов лет назад объем нашей вселенной составлял квант материи. Не смущайтесь большим объемом вселенной, главное здесь то, что количество материи конечно. Масса вселенной выражается цифрой примерно со 130 нулями. Начав делить эту цифру пополам, мы за одну минуту уменьшим ее до представляемых величин. А там рукой подать до кванта материи — исчезающе малой величины.

Суть научной теории Большого взрыва: квант материи находился в кванте движения. Исчезающе малая величина двигалась с исчезающе малой скоростью. Почти ноль материи почти не двигался. Потом состояние почти покоя, в котором была почти материя, нарушилось, и процесс пошел в обратную сторону. Квант материи и квант движения начали увеличиваться. С этого момента рождается наш сегодняшний мир.

Так выглядит теория мироздания «на пальцах». Мы больше чем уверены: ни у одного материалиста во время чтения этого текста не возникло отторжения. Причина простая — терминология. Если сказать то же самое религиозными терминами, у человека возникнет отторжение информации. Если кванты и флюктуация, о! — это да, это то, что надо. Если Бог и акт творения — это мракобесие и архаизм.

Материалистическая теория обходит молчанием причину, развернувшую процесс бесконечного уменьшения в бесконечное увеличение. Понятно, почему этот момент замалчивается: в противном случае обнажается идея Бога. И вообще, много «лишних» вопросов возникает.

Атеист утверждает: процесс пошел сам по себе. Сжималось-сжималось, а потом — раз, и разжиматься начало. На вопрос, что послужило причиной, если фактически не было ничего, вместо ответа общие слова в духе «само по себе случилось». Рисуется процесс типа пружины, когда квант материи сжимался-сжимался, потом достиг предела и начал разжиматься. Логика понятна, по аналогии с земными явлениями, но если говорить строго, никакой логики здесь нет. Это чистая вера.

По материализму получается: одно «ничего» толкнуло другое «ничего», и возник мир. Фраза «ничего из ничего создало мир» — не маразм, это круто и рационально. На базе такого «крутого» утверждения построен гуманизм. Но если рассматривать это утверждение с позиции логики, его нельзя признать логичным. Должно быть «что-то», толкающее «ничего». Если кругом одно «ничего», невозможно никакой логики выстроить.

Если теорию неподвижной Земли, покоящейся на трех слонах, стоящих на одной черепахе, преподнести в наукообразном формате, со всеми «флюктуациями» и «квантами», люди «скушают» новую «истину», не поморщившись. Особенно если упирать на очевидный факт, который каждый наблюдает: Солнце движется, Земля — нет (однако, прав упрямый Галилей).

Религиозная информация воспринимается как бездоказательно-невероятная, хотя научная информация — вещь не менее невероятная (достаточно ознакомиться с последними версиями по поводу мироустройства типа «теории струн», чтобы понять это). Но ничего не поделаешь, поколение не может преодолеть шаблоны, в которых его воспитали. Нужно иметь этот эффект в виду и не удивляться многим странностям современного человека.

Первая точка отсчета всегда принимается на веру. Вера в существование Бога, равно как и вера в Его несуществование, не может быть рациональным знанием. Это всегда вера, иначе говоря, иррациональное знание. Кем бы вы себя ни определили, в любом варианте вы верующий. Спросим вас как верующий верующего: какая версия вам ближе? Вот Бог, творящий мир из ничего. А вот ничего, творящее мир из ничего.

Заходя в сферу глобальных вопросов, мы попадаем в область веры. Можем верить: мир

вечен, он был, есть, будет. Можем верить: мир возник однажды и однажды исчезнет. До момента появления мира не было ничего. После исчезновения мира снова не будет ничего. Образно говоря, наш мир есть мыльный пузырь, его жизнь недолговечна.

Очень бледная аналогия создания мира из ничего, а потом превращения его снова в ничего, прорисовывается с виртуальной реальностью. До появления компьютера виртуального пространства, существующего вне сознания конкретного человека, не было. У каждого в сознании было свое виртуальное пространство (воображение). Развитие прогресса привело к рождению автономной виртуальности. В ней появились свое время, законы и прочее. Можно предположить заселение этого пространства виртуальными существами. Через 1000 лет развития компьютерных технологий существа станут разумными, способными мыслить. Они будут воспринимать энергию и законы своего мира (программу, написанную под этот мир) так же естественно, как мы воспринимаем законы физического мира.

Жесткий диск будет записывать всю информацию о них. Существа не будут знать ни о программисте, создавшем эту реальность, ни о жестком диске. Для них наш мир будет иной формой бытия, которого как бы нет. Стоит отключить этот виртуальный мир от энергии, он превратится в ничто, в небытие. Секунду назад он был, со всеми красками и текущей жизнью, но вот его отключили от питания, и от него ничего не осталось.

Эта аналогия помогает представить, как может исчезнуть пространство. Мы уже говорили о пространстве, из которого все убрали, но само пространство осталось. Пустое пространство нельзя считать небытием. Так вот, в примере с виртуальным миром, созданным через компьютер, исчезает все, в том числе и пространство. Исчезает абсолютно, что дает представление о «ничего».

Оперируя запредельными понятиями, мы оказываемся в положении рыбы, выброшенной на берег. Осознание беспомощности рождает желание скорее выскочить из этой зыбкой сущности и встать на твердую почву фактов. Но стоит поддаться искушению, как мы попадем на заранее заготовленные чужие рельсы. Точка отсчета определяет направление логики.

Мы в худшем положении, чем если бы оказались в средневековье и перед нами стояла задача объяснить, что такое интернет, но при этом чтобы нас не сожгли на костре. Какими словами нужно общаться с предками? Трудно сказать точно, но в любом случае без применения «волшебной терминологии» (монитор это волшебное блюдце, клавиатура это тоже что-то магическое) не обойтись. Наш случай еще сложнее. В воображаемом нами средневековье разговор шел бы о явлениях нашего мира. Здесь же мы пытаемся осмыслить то, чего нет и никогда не может быть в нашем мире. Частью мира (сознанием) мы пытаемся выйти за границы мира.

Можно было бы оставить попытки осмыслить невероятную мысль про творение мира из ничего, если бы не одно НО. 1700 лет христианская цивилизация формировала мировую историю. Само христианство имеет в основе идею «мир создан из ничего». Не будь этой идеи, не было бы мировой истории с ее прогрессом и прочими атрибутами. Точнее, прогресс формировала не сама идея, а ее перевернутое отражение.

Если искажение идеи породило такие колоссальные последствия, какова же сама идея? Это достаточный повод, чтобы отнестись к этой на первый взгляд в высшей степени странной идее со всей серьезностью. Отбросим все маргинальные и господствующие шаблоны и осмыслим идею «бытие началось из небытия» во всей глубине.

Глава 3.
Творец

Идея «мир из ничего» неразрывно связана с идеей Творца, понятием Бога, бесконечно отличного от других сущностей, понимаемых богами. Это не языческое божество, строящее мир из собственной плоти или первичной материи, или само являющееся миром. Это Высший Бог, сотворивший пространство, материю, движение и время из ничего. *«И сказал Бог: да будет свет… И сказал Бог: да будет твердь… И сказал Бог: да соберется вода… И сказал Бог: да произрастит земля зелень… И сказал Бог: да будут светила… И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся… И сказал Бог: да произведет земля душу живую…» (Быт. 1, 3—24).*

Слово произвело мир. Это не небытие и не бытие в земном смысле. Это Слово. В человеческих языках нет более подходящего обозначения Сущности, не являющейся ни бытием, ни небытием в мирском понимании. Греки употребляют термин Логос, но суть не меняется. *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть» (Ин. 1, 1—3).*

Язык не передает сути явления во всей полноте. Природа Творца — за рамками времени и пространства. Мы не можем это помыслить, потому что за рамками пространства все равно будем мыслить пространство — так устроено наше мышление. Интеллектуальные усилия не помогут, тут другой принцип нужен, для которого мы недостаточно безумны и потому не можем выскочить в другую действительность. *«Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1Кор. 3, 18).* Этот момент сложно охватить, ибо он противоречит всему миру, всей нашей логике и вообще всему, что можно назвать здравым смыслом.

Все версии о вечном мире, который суть природа или божество, создающее мир из себя или из вечной природы-энергии, соответствуют современному и древнему здравому смыслу. Мир появился из того, что уже было. Фактически поменялось состояние мира. Один вариант бытия трансформировался в другой. Мы же говорим о принципиально ином акте. Бытие нашего мира не является трансформацией, эманацией или реинкарнацией абсолютного божественного бытия. Природа Творца и природа тварного мира это две совершенно разные формы, не переходящие одна в другую.

Мысль о мире из ничего не выводится из логики. Из безудержной фантазии тоже. Нет у человека ни единой зацепки, из которой можно вывести нечто подобное. Сама по себе такая мысль не может возникнуть в рамках человеческого сознания, а если и возникнет у какого-то чудака, не укоренится в сознании целого общества. Идеи языческих богов могут возникнуть из мудрости людской, они отражают человеческое понимание жизни и мироустройства. Идея сотворения мира из ничего не выводима из человеческого понимания мира. Нет почвы для ее появления и укоренения в человеческом обществе.

Остается предположить, что эта идея пришла не из нашего мира. Она из другой плоскости, про которую человек ничего не может сказать. Он может только молчать, ощущая беспомощность и религиозный страх перед великой Тайной.

Все Священные Писания, исповедующие идею творения Богом мира из ничего — иудаизм, христианство и ислам (указаны в порядке появления на свет) — отмечают глупость мудрецов, уповающих на выводы ума. *«Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (Кор. 1, 20).*

* * *

Представьте: кто-то на ваших глазах схватился руками за пустое пространство и резким движением сдвинул его вниз, как открывают окно в поезде. После этого движения в пространстве образовалась дыра, через которую вы лично увидели бы принципиально иную действительность. Согласитесь, это поразит вас до глубины души. Увидев иное бытие, вы бы поняли: есть иной мир, лежащий за рамками нашего привычного мира. Это не сказки выживших из ума стариков, другой мир существует реально. Он так прекрасен и необычен, что словами не выразить. Словно человек жил в тумане (современное общество живет именно в мировоззренческом тумане) и вдруг увидел что-то такое, что фундаментально потрясло его. После этого он не сможет жить как раньше.

Верующие, через призму материальной логики, кажутся людьми темными и не очень умными, поклоняющимися явлениям, которые не в силах объяснить рационально. Но в реальности верующие вышли за границы привычного мира и тем или иным способом увидели Царство Небесное. Нет в мире ценности, от которой нельзя отказаться ради рая. Какой смысл во всех наших приобретениях, если этой ночью вашу душу Бог может забрать? *«И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12, 19—20).*

Идея сотворенного мира привела нас к Богу, принципиально отличному от языческих божеств. Истинный Бог непостижим и неисповедим. Земные представления не дают Его понимания. Бог-Творец имеет иную природу. Во всех языческих мировоззрениях мир является продолжением божества (личностного или безличного). В христианстве, иудаизме и исламе природа мира и природа Бога находятся в принципиально разных плоскостях (слабое подобие аналогии разной природы — природа виртуального существа и природа реального человека). Разница между горшком и горшечником огромна, но между Творцом и сотворенным миром она еще больше.

Бог отделил свет от тьмы и сотворил небо и землю. Когда мир был сотворен, Он создал венец творения — человека и назначил его хозяином всего мира. *«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Быт. 1, 26)*. Из этого следует колоссальный вывод. Если Бог — внепространственная и вневременная надмирная Сущность, а человек подобен Богу, получается, в человеке есть частица надмирного внепространственного и вневременного непостижимого божественного бытия. *«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт. 2, 7).* О том же говорит ислам: *Бог «вдохнул в него от Духа Своего» (Коран 25:29).* Апостол говорит: *«Мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Евс. 5, 30).*

Тело человека создано из праха земного, из ничего. Но этот прах несет в себе дыхание жизни, вошедшее в человека и одухотворившее его от Бога. Что такое дыхание жизни, мы не ведаем. Но мы знаем: ни в одном месте Священного Писания нет намека, что «дыхание жизни» сотворено из праха или еще из чего-нибудь мирского. В Писании указано: дыхание вошло в человека от Бога. Это дыхание — не душа, иначе на это прямо было бы указано, и не часть Бога. Но это и не что-то из нашего земного мира. Это из мира божественного.

Если это не Бог и не мир, в наших силах остается предположить природу этого дыхания сродни природе слова, бывшего у Бога и бывшего прежде всего, что начало быть, но не в том смысле, что это одно из лиц Троицы, а именно как слово, произнесенное Богом. Это тот самый мостик, по которому небытие перешло в бытие. Душа же является чем-то вроде хранилища этого дыхания жизни.

В древнееврейском языке есть пять слов, переводимых на русский язык как «душа». Приведем три ключевых состояния. Низший компонент души, животная душа — нефеш. Эта душа входит в тело в момент рождения и организует психофизические функции тела: *«всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая» (Быт. 1, 30).*

Руах — более высокая субстанция, образующаяся во время поднятия человека над животной сущностью. Это своеобразный канал, по которому человек устанавливает связь с Богом. Через руах он как бы подсознательно чувствует присутствие Бога в мире.

Нешама — высшее состояние души. В него душа входит во время постижения горнего мира. Такое состояние раскрывается в человеке во время его выхода из сиюминутной суеты и погружения в молитву. На Афоне это состояние известно как исихазм — умное молитвенное молчание, через которое человек уходит в высшие миры.

Высшее состояние души неподвластно греху и имеет вечную природу. Но если человек грешит, высшая душа не раскрывается. Она словно сжимается, будучи в неестественном состоянии. После физической смерти такая душа искалечена и потому вечно страдает.

В неведомом нам мире существуют разнообразные материи и энергии, если к ним возможно применение таких терминов. Они не улавливаются чувственной природой человека и логическим аппаратом. Но это не умаляет факта их существования, как в свое время незнание электрона не умаляло факта его существования. Как фаворский свет не умаляется тем фактом, что большинство людей его не видят.

Раз в человеке присутствуют части божественного и земного мира, значит, человек принципиально иная сущность. Он состоит из божественных субстанций высшего мира и временной материи (праха). Человек не ничто. Мы существуем и осознаем факт своего существования. Человек есть синтез праха и еще чего-то из божественного мира (дыхания Бога).

К трем базовым понятиям: «Бог», «небытие» и «мир» прибавляется принципиально новое четвертое понятие — человек. Он тварь (сотворен), но богоподобность делает его, образно говоря, маленьким богом, обладателем божественных качеств.

Глава 4.
Сохранение Истины

Идея сотворения Богом мира из ничего присутствует в мировой истории с начала появления мира. Чтобы понять ее, нужно вникнуть в замысел Бога. Но как? Никому не дано вникнуть в Божий замысел. Сдвинуться с мертвой точки можно, отталкиваясь от представления о Боге. Здесь мы можем использовать информацию, открытую Самим Богом. Без проявления Богом Себя людям человек не мог бы ничего знать о Боге.

Попробуем осмыслить вневременного и внепространственного, непостижимого и невмещаемого Бога. Сразу скажем: задача невыполнимая. Никто и никогда не осмыслит Бога во всей Его полноте, потому что Он безначален и бесконечен, не нуждается ни в каком обосновании и ограничен только Сам Собой. Его нельзя назвать мыслью, Он то, посредством чего мыслится мысль. Его нельзя назвать действием, Он то, посредством чего действует действие. Его нельзя назвать волей, разумом, свободой. Бог стоит выше всего этого, являясь невыразимой природой, перед которой можно только молчать.

Бог за границами мира. Мир в любом состоянии есть мир. Какой мир: бесконечно плотный и свернутый в точку или развернутый на гигантские пространства, — это детали, формы. Когда не было мира ни в каком виде, в том числе в форме ничтожно малой и бесконечно сжимающейся точки (теория квантовой флюктуации), не было ничего, кроме бытия Бога. Что такое бытие Бога, нам неведомо.

Бог есть Абсолют, из ничего творящий видимый и невидимый мир. *«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1, 1—5).*

Осознать непостижимость Бога можно, но положить это знание в основу осмысления нельзя. От бесконечно большого нельзя оттолкнуться, как от бесконечно малого, от «ничего». Нужно что-то осязаемое, на чем можно начать возводить конструкцию. В поисках осязаемого обратимся к бесконечному множеству качеств Бога. Исходя из фразы *«сотворил Бог человека по образу Своему» (Быт. 1, 27)*, можно сделать вывод: человек обладает бледным подобием отдельных качеств Бога. Получается, ключевые человеческие качества — разум и свобода — это «по образу и подобию». Это объясняет, почему человек может выступать по отношению к Богу как соработник и даже больше — как друг. *«Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15, 15).*

Бог может менять свои решения. Он всесилен и свободен. Он помиловал ниневитян, когда те раскаялись. *«И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Ион. 3, 10).* Он несколько раз хотел уничтожить род людской, но внимал просьбам и сменял гнев на милость. Бог слышит обращенные к Нему молитвы, прощает и пересматривает свои решения. *«И всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф. 21, 22).*

У Бога нет предопределенности в смысле ограничения. Это значит, Конец Света может быть отменен, если Бог того захочет. Пророченное пророком предсказание — не приговор. Если ситуация изменилась, Бог может изменить свое решение.

Если допустить, что у Бога нет возможности менять свои решения, мы должны признать существование силы, не позволяющей Богу уклониться от предопределения. Разница между Богом, который не может свернуть с предначертанного пути, и миром, не могущим уклониться от предначертанного, сводится к тому, что мир идет по проторенной колее, не сознавая этого, а Бог идет, сознавая. Мир будет через миллион лет таким, каким должен стать. В случае

предопределения Бог через миллион лет будет делать то, что Он должен делать, о чем Он знает сегодня. Но Бог не может быть никому ничего должен, Он свободен.

Всезнание образует предопределение. Выскочить из тупика, возникающего из ничем не ограниченного всемогущества, можно через признание: Бог все знает наперед, но может менять свое решение, меняя тем самым будущее. Новое будущее Он так же будет знать, как и то, которое не состоялось, и так же будет волен его изменить. Это кажется недопустимо, но отрицать право Бога изменить Свое решение тоже недопустимо.

Мы представляем Бога как непостижимую бесконечность. Часть этой бесконечности присутствует в человеке. Лучшее представление о Боге дает образ Иисуса Христа, соединившего две природы и две воли — божественную и человеческую. Христу присущи человеческие природа и воля, но при этом Он Бог, обладающий непостижимыми для человека качествами. Ветхий человек не знал такого Образа. Нам повезло, мы знаем, и, держа Образ в голове, приступаем к конструированию миропонимания.

Начнем с первого акта — сотворения мира. Бог создал стройматериал: *«земля была безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водою»*. Из этого безвидного и пустого материала была сотворена вселенная. Чтобы система сохраняла сама себя, чтобы выполнялись все законы мироздания, чтобы каждая частица вращалась по своей орбите с неизменной скоростью и все сохраняли характерные свойства, требовался фундамент, опираясь на который, конструкция может стоять. На «ничего» опереться нельзя. Опорой мира может быть только то, что выше и прочнее мира.

Ветви сохраняют упорядоченное состояние при наличии ствола, то есть ствол главнее веток. Мировая система имеет упорядоченное состояние, если имеет стволом Истину, которая выше мира. Мир без Истины подобен веткам без ствола. Они будут хаотичной кучей мусора, годной разве что для костра.

Божественная Истина что-то вроде души мира. Ее хранителем может быть только цельный человек. Такой уровень ответственности помогает понять, почему Бог наделил человека высшими качествами и дал ему во власть весь мир. *«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт. 1, 26).*

Если не станет цельных людей, Истина будет предана, уйдет из мира, и мир рухнет. Исчезновение Истины нарушит базовые законов мироздания, после чего *«солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Мф. 24, 29)*. Воцарятся хаос, голод и смерть. Рухнут административные, экономические и социальные связи. Мир сначала превратится в одну сплошную боль, а потом в ничто (чем и был).

Сотворенное не может быть столь же совершенным, как Творец. Тварь, если она свободна и находится перед бесконечным выбором, однажды ошибется. Если предположить совершенство у твари, то это уже не тварь, а некий абсолют, не способный ошибаться, тип бога. Но это противоречит всем традиционным религиям — иудаизму, христианству и исламу. Абсолютен и безошибочен только Бог. Над первыми людьми не царствовал грех, как царствует в нас. Это позволяло им быть бесконечно совершеннее нас, но не делало абсолютно совершенными.

Если человека нельзя назвать абсолютно совершенным, вопрос времени, когда он сделает ошибочный выбор. *«И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги» (Быт. 3, 1—5).*

Грех родил смерть: *«сделанный грех рождает смерть» (Иак. 1, 15).* Затем люди становятся еще более несовершенными. Они не могут существовать в идеальных условиях рая и перемещаются в земные условия. Чтобы в новых условиях сохранить Истину, нужно много носителей. Бог предвидел такое развитие событий и потому разделил человека на мужчину и женщину. Адам и Ева есть система мужчина/женщина, способная воспроизводить сама себя.

Несовершенство человека, усиленное греховностью, в условиях свободы предопределяет нарастание искажений. Чем больше греха, тем больше нового греха. Увеличение массы ошибок ведет к росту новых ошибок. Носителей Истины становится меньше, греха — больше. Просчитывается достижение критической массы ошибок, когда количество перейдет в качество.

Живущие *«в те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» (Откр. 9, 6)*. Грешники будут страдать от бессмертия, как страдает больной раком человек, для которого исчезла жизнь, но осталась боль. Они не смогут войти в идеальную реальность (рай), потому что из них вытекла Истина, и душу заполнил грех.

Страшный Суд отделит «агнцев от козлищ». *«Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую» (Мф. 25, 31—33).*

Кто сопротивлялся греху, будут взяты в идеальные условия. Кто умножал грех, будет брошен в… Сложно описать место обитания грешников, когда не будет мира. Про него ничего нельзя сказать, кроме как повторить: негодных рабов выбросят *«во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 25, 30)*. Может быть, ад возникает из невозможности попасть в рай? Кругом темнота, земная жизнь кончилась, сознание осталось, и так вечно…

*** * ***

Вопрос сохранения Истины зависит от продолжения рода человеческого. Потомство Адама и Евы не совсем соответствуют своей миссии. Каин убивает Авеля, усугубляя ситуацию. Человеческая природа продолжает разрушаться. Потомство Адама и Евы разделяется на два племени. Убийца Каин основывает свое племя, праведный Сиф свое. Племена живут, не общаясь друг с другом. Каиниты скатываются к животному существованию. Сифиты хранят образ Бога.

Племена продолжают жить раздельно, сохраняя дистанцию. Но количество ошибок растет, и постепенно два племени соединяются в одно. Получается примерно тот же эффект, что при смешении ложки грязи и меда. Возникает единый объем липкой грязи в две ложки.

Количество погрешностей растет пропорционально росту человечества. От брака сифитов и каинитов рождается новый тип человека, принесший в мир хищничество и сладострастие. С какого-то момента система достигает состояния, когда становится понятно: еще немного, и она не удержит Истину. Увидев такое, *«раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: “Истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человеков до скота, и гадов, и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их”» (Быт. 6, 6—7).*

Бог принимает решение очистить землю от людей. Но на планете нашелся Ной, *«человек праведный и непорочный в роде своем» (Быт. 6, 9). Он «обрел благодать пред очами Господа» (Быт. 6, 8)*. Когда земля *«растлилась пред лицем Божиим и наполнилась злодеяниями»*, а *«всякая плоть извратила путь свой на земле»*, Господь сказал Ною: *«Конец всякой плоти пришел пред лице Мое... Я истреблю их с лица земли. Сделай себе ковчег... Я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами... Но с тобою Я поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов Твоих с тобою» (Быт. 6, 12).*

Бог дал человечеству 120 лет на раскаяние, а Ною велел строить ковчег, куда собрать «каждой твари по паре». За 100 лет до потопа Ной сажает деревья — материал для будущего ковчега. Когда деревья вырастают, начинается строительство гигантского корабля. Отсутствие рядом хоть какого-то водоема придает строительству карикатурные черты.

Представьте, как Ной выглядел в глазах своих современников?! Человек покупает саженцы с целью вырастить деревья и через 100 лет построить гигантский корабль там, где рядом лужи не было. За эти годы люди вдоволь натешились над судостроителем. Наверное, местные остряки предлагали ему сразу уж и море вырыть рядом для корабля. Но Ной делал

свое дело.

После потопа *«лишилась жизни всякая плоть, движущая по земле» (Быт. 7, 21).* В живых остался только Ной со своим семейством. *«И вспомнил Бог о Ное и о всех... бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю и воды остановились» (Быт. 8, 1).* И сказал Бог в сердце Своем: *«Не буду больше проклинать землю за человека» (Быт. 8, 21).*

От момента сотворения мира до Великого Потопа прошло около 1500 лет. До Рождества Христова оставалось 4000 лет. За 1500 лет человечество настолько испортилось, что Богу пришлось уничтожить всех жителей земли, за исключением Ноя и его семейства. Ной — второй Адам. С него человечество начинается заново.

Очень скоро все повторяется. Развитие ускоряет развращение. Люди снова забывают истинного Бога, создают себе идолов и мечтают о всемирной монархии, во главе которой можно поставить человека, приравняв его к божеству. Миру снова грозит вселенское обрушение.

В новых условиях сохранение мира становится невозможно. Критическая масса грешников очень быстро начинает превышать массу праведников. В качестве хранителя нужна бо2льшая единица, нежели человек. Нужна некая человеческая конструкция — род, племя, народ. Бог создает отдельный народ, способный тысячелетиями нести груз Истины.

Глава 5.
Новая единица

Хранителем Истины может выступить сила не столько в материальном или политическом, сколько в стратегическом смысле. Нужен народ, которого не согнут сиюминутные соблазны и временное благо. Причем, народ, не образованный в ту или иную политическую государственную конструкцию. История свидетельствует: через тысячелетия от любой политической и материальной силы в лучшем случае остаются слабые воспоминания. Где мировые цивилизации, приводившие мир в трепет? От них остались руины, на которых экскурсоводы читают скучающим туристам эпитафии бывшим гигантам.

Направление и характер движения мира в стратегическом масштабе определяет дух, который *«бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41)*. Но где взять народ с таким духом? Среди населения того времени нет достойного кандидата. Все погрузились в мирские склоки вокруг передела имущества. Каждый ищет своего блага на своем уровне. Людей нельзя изменить, они слишком наполнились грехом, оглохли и ослепли. Нужно с чистого листа растить новый народ.

Бог выбирает крепкого духом Авраама, обещая произвести из него многочисленное, как *«песок земной» (Быт. 13, 16)*, потомство. Он говорит о четырехвековом рабстве в чужой стране. За это время разрушатся племенные связи и вырастет неструктурированная биологическая масса. Затем первичная биомасса рабов будет перемещена в пустыню, где даст потомство — «стройматериал» с новыми характеристиками, а сама погибнет. Из нового «стройматериала», полученного в суровых условиях, Бог соберет принципиально иную социальную конструкцию — Израиль.

Первый этап реализации задуманного — первичная масса. От внука Авраама, Иакова, вырастает многочисленное племя, называемое израильским (от имени Израиль, данного Иакову Богом). Второе имя, евреи, племя получило по имени патриарха Евера.

Второй этап. Череда событий приводит евреев в Египет, где они остаются жить. Под влиянием египетских религий иудеи становятся идолопоклонниками. Затем четыре века египетского рабства. За это время внутри еврейского общества стираются последние признаки социальной структуры. Нет ни бюрократии, ни взяточников, ни социальных пороков, свойственных любой государственной структуре.

Евреи день и ночь работают и размножаются, прибавляя общую биологическую массу. К концу четвертого века пребывания в рабстве материал достигает нужного объема. Теперь евреев нужно вывести из рабства и на 40 лет погрузить в суровые условия, где от рабов народится новое, свободное поколение.

Третий этап. Бог спасает еврейского младенца и приводит его во дворец фараона, где тот получает имя Моисей (найденный в воде). Здесь он будет *«научен... всей мудрости*

Египетской» (Деян. 7, 20). Судя по образованию, доступному только жрецам и правителям, можно предположить, что Моисей имел статус египетского жреца.

В 40-летнем возрасте Моисей вынужден бежать из Египта, спасаясь от гнева фараона за совершенное убийство. В 80-летнем возрасте Моисею является Бог в виде горящего тернового куста и велит ему с братом его Ароном вывести из рабства соплеменников. Он говорит Моисею: *«Если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Лев. 10, 3)*.

Моисей возвращается в Египет и просит фараона отпустить народ. Фараон отказывается. Бог творит череду невероятных событий, известных как десять египетских казней. Когда Бог поражает первенцев, в том числе и в семье фараона, правитель отпускает рабов. Моисей выводит в пустыню 600 тысяч мужчин, плюс женщины и дети. *«И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей» (Исх. 12, 37)*.

Четвертый этап. Образование нового человеческого материала, нужного для сборки принципиально новой конструкции. Моисей водит соплеменников 40 лет по пустыне. Суровые условия и время уничтожают рабскую массу. В пустыне под властью Бога рождаются и вырастают люди, не знающее власти чиновников и князей. Это и есть основа нового народа, который долгое время будет нести груз Истины. Эти люди родились в пустыне, выросли, возмужали и стали народом и обществом.

Это было тяжелым испытанием для всех, в том числе для Моисея. Постоянно возникали проблемы, наполняющие жизнь страданием. Люди роптали, угрожая Моисею расправой. *«Моисей возопил к Господу и сказал: что мне делать с народом сим? еще немного, и побьют меня камнями» (Исх. 17, 4)*. Бог взращивает народ, сопровождает его, поит, кормит и опекает.

Пятый этап. Через пророка и вождя Моисея Бог дает потомкам египетских рабов заповеди и указания для гражданской и религиозной жизни. Моисей записывает все это в Книгу Завета, что образует Закон.

Вокруг четких жестких предписаний формируется структура, известная как Израиль. Она уникальна, потому что собрана из людей, воспитанных в атмосфере постоянного присутствия Бога в суровых условиях пустыни. Ничего подобного не было в истории человечества. Израиль становится коллективным хранителем Истины.

Глобальная веха в истории — дарование человечеству Закона. *«И изрек Бог все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицем Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20, 1—17)*.

К тому времени устные предания от Адама, Ноя, Авраама и прочих патриархов начали искажаться и исчезать. Моисей, находившийся в прямом контакте с Богом, записывает историю происхождения мира и человечества и увековечивает ее.

Во время странствования действовали строгие законы, карающие за малейшее

нарушение заповедей Бога. За одно только словесное оскорбление Бога полагалась смертная казнь. Могли побить камнями за собирание дров в субботу. Если муж не обнаруживал в первую брачную ночь девственности невесты, ее приводили к дому родителей и тоже побивали камнями. За кражу или материальный ущерб платили выкуп или несли соответствующее наказание. За прелюбодеяние полагалась смерть.

С современных позиций это кажется невероятной жестокостью и ужасным мракобесием. Подумаешь, муж изменил жене (или жена мужу). Дело житейское. Но кто был в экстремальных условиях, тот знает: если не пресечь зло в зачатке, причем жестоко, сделав из наказания своего рода рекламную акцию, оно распространится и поразит всех.

Если бы Бог допустил порчу человеческого материала, если бы в условиях пустыни проявил терпимость ко греху, очень скоро грех овладел бы всем обществом. Вместо нового возник бы самый обычный человеческий материал, который как ни складывай, в итоге получалось бы потребительское общество, вороватая развращенная толпа.

Время странствия по пустыне физически и нравственно закалило народ. Аморфная, капризная и слабая масса идолопоклонников, мечтавших вернуться в рабство, превратилась в структуру, скрепленную верой в Истинного Бога. Но плата за это была большая. Из 600 тысяч мужей, вышедших из Египта, в землю Обетованную вошли только двое — Иисус Навин и Халев. Остальные были новыми людьми, не знающими рабства.

На планете появилась структура, скрепленная верою в Бога. Не представляя политической и экономической силы, она имела колоссальный дух. Иудеи были способны устоять в невероятных гонениях за свои убеждения.

Уникальна история вступления Понтием Пилатом в управление Иудеей. Религия древних евреев запрещала вносить изображение императора в Иерусалим. Понтий решил показать крутой нрав, и ночью легионы Рима вошли в Вечный город. Зная, что к нему придут представители народа, прокуратор заранее выставил солдат с тем, чтобы окружить пришедших и заставить их под страхом смерти признать новые правила. Но едва он открыл рот, чтобы высказать угрозы, а легионеры обнажили мечи, евреи сами бросились на землю, обнажили шеи и стали призывать лучше их прямо сейчас казнить, чем терпеть поругание веры. Потрясенный Понтий вынужден был уступить такому напору.

С народом, если это действительно народ, а не масса потребителей, воевать нельзя. Если хочешь им управлять, необходимо мириться с его принципами. Рим поставил Понтия не для уничтожения Иудеи, а для управления и сбора налогов. Поэтому Понтию некуда было деваться, кроме как уступить большинству, готовому лучше умереть за свои принципы, чем жить без них.

Древний Израиль до распятия Христа был в прямом смысле богоизбранным народом. На его создание, начиная от Авраама и кончая Моисеем, было потрачено более четырех веков. Бог избрал такой путь, потому что любой другой был неэффективен. Можно было послать пророков в любой народ, все находились в родстве с Ноем. Можно было послать пророков и в еврейский народ до египетского плена. Несомненно, пророки породили бы верующих людей в любом народе. Из них бы организовалось священство. Но в условиях уже сформированного общества это не дало бы желаемого результата.

Природа общества такова, что если ее костяк формируется без участия Бога, власть оказывается в руках сиюминутно сильных и умных политиков и полководцев. Их власть пронизывает общество от самых верхов до самых низов. Священство в такой структуре превращается в чиновников министерства по духовным вопросам, подчиненных власти.

Политическая элита реализует власть в рамках своего понимания, ориентируясь на текущие заботы. Если в стратегической перспективе решение обернется разрушительными последствиями, это не остановит правителей по двум причинам. Во-первых, они не видят этих последствий. Во-вторых, последствия будут потом, а проблему нужно решать сейчас. В такой ситуации заветы Бога ниже заветов элиты.

Легко просчитывается поведение священства. Из страха за жизнь и благополучие оно самоустранится из сферы глобальных вопросов в сферу бытовой стороны религиозной жизни. Очень скоро родится теория разделения религии и власти, где каждый будет возделывать свой «огород». *«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12, 25).*

Власть сведется к экономике и политике, которая суть продолжение экономики. Религия сведется к нравоучениям, не предполагающим реализации, если это противоречит генеральному курсу власти. Думать нужно будет так, как учит Бог, но делать так, как требует власть.

Властная элита, задавая генеральный курс, ориентирована на решение политических и экономических проблем. Это закономерно переориентирует общество с заповедей Бога на заповеди Рынка, что отразится на социальном устройстве. Новая конструкция окажется зависимой от мамоны. Как следствие возникнут институты, формирующие потребительское сознание. Заповеди будут попраны, смертные грехи, представленные как невинная шалость, станут править бал.

Человеческий материал в таких условиях разлагается. Потенциальный защитник, священство, состоящее из выходцев разложившегося общества, недееспособно. Оно дистанцируется от глобальных вопросов. Протесты отдельных лиц будут подавляться по указке власти самим же священством. Жрецы будут больше переживать не о выполнении заповедей Бога, а о сохранении своих вкладов, и шире — своего благополучия. Это приведет к утрате авторитета религии в глазах общества. Начнутся необратимые процессы, которые приведут к переходу власти из рук элиты в руки Рынка.

Свято место пусто не бывает. Генеральное направление обществу всегда задает сила, имеющая глобальный охват мира. Это значит, мир будут направлять или служители Бога или служители Рынка. Светская элита никогда не станет задавать генеральный курс, у нее не тот объем мировоззрения. Ее удел — всегда идти в рамках заданного коридора, частенько даже не понимая направления.

В такой атмосфере одна часть священства будет оправдывать безбожные установки власти, закрывая на них глаза, и почитать за благо не лезть туда, куда не просят. Приспособленцы будут тихо делить доходы и говорить ожидаемые от них благоглупости.

Священники высокого духа могут возмутиться ситуацией, но будучи встроенными в иерархию, глобально ничего не изменят. Они могут или самоустраниться, или придумать себе оправдание и принять существующую систему, или выйти из нее.

Как мы видим, в стратегическом развитии система приходит к одному состоянию. Любые возможные модификации создают весьма хрупкую конструкцию, обреченную на скорое гниение и разрушение. С учетом технического прогресса полный цикл разложения пройдет не за 1500 лет, как в период от Адама до Ноя, а намного быстрее. За несколько поколений структура общества разложится до состояния смердящей кучи.

Единственный способ преодолеть такое развитие событий — создать новую структуру, устроенную на ином принципе, где высшую власть не смогут получить ни политики, ни полководцы, ни иные сильные мира сего. Создать такую конструкцию возможно в условиях личного присутствия Бога, подчиняющего народ не политикам, а священству.

Чтобы политика и экономика были не ценностями, а инструментами достижения ценностей, структура не должна превращаться в империю. В противном случае она обяжет священников решать крупные политические и экономические задачи, что неизбежно приведет к превращению священников в политиков и дельцов, озабоченных решением своих задач.

Израиль вырос с чистого листа под властью Бога за 500 лет. За всю историю человечества не было народа, родившегося и оформившегося в таких условиях. Все прочие общества формировались под властью своей политической и экономической элиты.

Глава 6.
Закон

Израиль является первой социальной конструкцией в истории человечества, созданной для хранения Истины. До этого она хранилась, образно говоря, каплями, то есть в отдельных личностях. Израиль стал хранилищем размером в целый народ. Капли собрались в море. Проходит время, и Израиль становится более могущественным. Но с ростом могущества прорисовывается поклонение золотому тельцу и утрата духовной силы. В первую очередь эту тенденцию фиксируют сами раввины.

Первым ключевым моментом человеческой истории является грехопадение. Второй

момент — доверие Истины еврейскому народу. Третий момент — духовное падение Израиля, изъятие Истины из его среды: *«оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23, 38)*.

Евреи структурировались вокруг Закона. Не было ничего выше Закона. Перед ним преклонялись все, начиная от первосвященников, царей, воинов, и кончая коммерсантами, ремесленниками, крестьянами и рабами. Закон в глазах иудеев был воплощенный Бог. Смысл Закона — создать условия для сохранения в Израиле Истины. Предписания выполняются вне зависимости от их понимания и сиюминутной целесообразности Закона. Это позволяет обществу избегать ориентира на сиюминутное и сохранять стратегическое направление.

Время шло, общество развивалось, отношения усложнялись. И чем дальше, тем больше развращалась элита и, следом, народ. Но Бог все равно не оставляет израильтян, Он наказывает их и увещевает. Народ то возвращается к благочестивой жизни, то вновь отворачивается от Бога.

Закон содержит в себе свыше 600 предписаний, но общество развивается, и вскоре его жизнь не умещается в рамки Закона. Сначала факты уклонения были в грубой форме, что не опасно: грубое нарушение очевидно, а очевидное легко пресекается. Серьезную опасность представляет тонкое уклонение, когда соблюдается буква Закона, но нарушается дух Истины. Чем больше развивается общество, тем изощреннее становится уклонение.

С какого-то момента Закон приобретает догматичность и неподвижность. Что написано, то и есть истина. Что противоречит Закону — противоречит истине. Зафиксируем этот момент: окостеневший Закон становится выше живой Истины. Самое очевидное зло, порождаемое с использованием Закона, не могло называться злом, и уж тем более подвергаться критике.

Неподвижный Закон и подвижная действительность порождают принципиально новую ситуацию. С одной стороны, предельно четкая регламентация всех сторон жизни. С другой стороны, живая жизнь, которую невозможно уложить в параграфы Закона, но нужно каким-то образом все же уложить в эти параграфы.

Такая ситуация порождает законников, выполняющих все требования Закона, *«напоказ долго молятся» (Мрк. 12, 40)*, но при этом далеких от духа Закона. Они считают себя святыми и хвалятся: *«пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю» (Лк. 18, 12)*. Они сидят в первых рядах в синагогах и занимают первые места на пиршествах, но при этом поедают *«домы вдов» (Мрк. 12, 40)*. Совершается все это беззаконие в рамках Закона. *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять» (Мф.23, 23)*.

Закон более не способен выполнять свою главную функцию: давать однозначную оценку событию, явлению или действию. Когда ситуацию невозможно оценить с помощью Закона, возникает необходимость трактовать Закон под ситуацию. Толкование Закона становится выше самого Закона. Вместо *«да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5, 37)* появляется «да в смысле нет». Гигантский авторитет Закона переходит на толкование и далее на толкователей. Что они говорят, то и есть истина. Законники подменяют Закон и Бога. Хранилище Истины трещит по швам.

Логика позволяет перетолковать что угодно и как угодно. Первыми этим пользуются законники — священники не по призванию в духе, а по наследованию по плоти. В Израиле священником мог быть только человек из определенного рода (Аарона). Вскоре возникают ситуации, когда и так правильно, и наоборот правильно. Человеческая природа, оказавшись в ситуации «двух правильно», выбирает то «правильно», что выгоднее для выбирающего. Когда появляются два «правильно», не остается ни одного «правильно». Две истины рождают одну ложь.

Можно ли бегать, прыгать и гонять мяч во время молитвы? Конечно, нельзя! При молитве необходимо вести себя достойно. А можно ли, играя в футбол, прыгая и бегая, молиться? Конечно, можно! Молиться можно и нужно всегда и везде.

Оценка факта зависит от того, под каким углом факт представлен для оценки. Сам факт не имеет значения. Все решает тот, кто раскрашивает факт в нужные тона. Толкование дает возможность грешить, не вступая в конфликт с Законом. Люди, досконально знающие Закон,

не могут устоять от искушения использовать его прорехи. Если есть две правды, можно придерживаться выгодной правды, не усматривая в том нарушения,

Простой пример: заповедь «не убий». Убить можно как действием, так и бездействием. Если человек просит подать с тумбочки лекарство, без которого он умрет, а вы не подаете, своим бездействием вы убиваете человека. Усложним ситуацию: враг хочет убить беззащитного ближнего. Допустим, остановить врага можно, только убив. Возникает выбор: или убить действием врага, или убить бездействием ближнего. В любом случае убить придется. Вот вам, пожалуйста, две истины. В этой ситуации каждый действует так, как подсказывает или любовь или трусость. Но при этом *«не суди» (Мф. 7, 1)*, потому что не можешь знать всех обстоятельств дела. Бог потом разберет, чем руководствовался человек, действуя или бездействуя.

По формальным признакам нельзя выполнить заповедь «не убий». С формальной позиции лучше убить бездействием ближнего, чем действием — врага. Но по совести, лучше убить врага действием, чем ближнего — бездействием.

В ситуации, когда можно трактовать так и эдак, рождается лицемерие. В современном христианстве это привело к движению непротивления, когда верующие самоустраняются от сложных ситуаций, предполагающих большой выбор. На призыв к действию они спрашивают*: «А как нам узнать, есть ли на то воля Божья»?* Лукавство этого вопроса видно уже из того, что они не задаются вопросом: а есть ли воля Божья на бездействие?

Для бездействия человек не испрашивает воли Бога, он творит его по своей воле. Для действия он испрашивает воли Бога, полагая ее в явлении огненных ангелов, призывающих бороться со злом. И если явления нет, он искренне полагает: воли Божьей на действие нет. А на бездействие есть. Лицемеры выбирают из двух путей один, но думают, что устранились от выбора и через то не согрешили. В итоге они совершают двойной грех: убивают ближнего бездействием и оправдывают себя лицемерием.

Фарисейское лицемерие было проблемой не только древнего Израиля. Это проблема и современного общества. Были вчера, есть сегодня и будут завтра миряне и священники, прячущие трусость за библейскими высказываниями, прикрывая свою ничтожность верой. *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете» (Мф. 23, 13).*

Многие не задумывались на эту тему до сего дня, и очень может быть, не задумаются никогда. Кто все понимает, но ничего не делает, тот лицемерит. Лицемерие порождает преступления. Ограбление беззащитных начинается с равнодушия. Логика простая: если они слабые, их все равно ограбят, и богатство попадет в руки нечестивых. Раз так, пусть лучше их добро достанется в хорошие руки (в мои). *«Их конец — погибель, их бог — чрево, и слава их — в сраме, они мыслят о земном» (Флп. 3, 19).*

Самый циничный грабеж всегда прикрывается именем Бога. Законники представляют ограбление слабых богоугодным делом, коего требует Бог. Формально все правильно, придраться не к чему, но по факту это зло. Оно растекается по всему обществу. Отравленное общество начинает рушиться.

Аппетит приходит во время еды. Маховик злоупотреблений раскручивается. Чем больше люди ищут лазеек, тем больше находят. Огромное количество прорех превращает Закон в решето, не способное удержать живую воду Истины. В этом решете вместо Закона лежит закостенелый догматичный кирпич, которым бьют слабых, сирых и убогих.

Глава 7.
Разложение

В первую очередь зло поражает священническую среду. Лицемерие и равнодушие приводят к тому, что в храме появляются торговцы. Они демонстрируют соответствующее моменту внешнее благочестие, набожность, сыплют религиозными сентенциями и торгуют предметами, используемыми в религиозной практике. Например, жертвенными голубями, баранами и сопутствующими товарами. Храм отчасти начинает напоминать клуб, куда люди

приходят решать текущие дела, поболтать и заодно помолиться.

Вроде бы в такой торговле нет ничего особенного. Напротив: кажется, торговцы облегчают людям совершить ритуал — вот тебе баран, готовый для жертвы, вот нож, только покупай. Тонкость момента: торговец ничего не производит. Он перепродает готовое с торговой наценкой. Покупает по одной цене, перепродает по другой. Не важно, чем торгует, утюгами или предметами культа, важно, что он торгует. В храм входит дух торговли. *«Дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21, 13).*

Следующий шаг: узаконивается практика оказания священных ритуалов за деньги по прейскуранту, как в магазине. Храм заполняют Волки в Овечьих Шкурах (воши), торговцы в рясах, сбывающие не только религиозный товар, но и благодать как товар.

Начавшееся изнутри разрушение Израиля выходит наружу в виде очевидных социальных пороков. Когда лукавство и лицемерие почитаются верхушкой общества — священством — за норму, мирская элита — князья и купцы — не видит повода себя ограничивать. Люди начинают потакать своим страстям, не чувствуя за собой греха. Возникает круговая порука, и система начинает жить жизнью, не зависимой от людей. Формируются новые правила, нормы, понятия чести и совести. Старые правила формально прикрывают реальную действительность.

Сходный кризис повторился в период бюрократизации Нового Закона у католиков. В христианские храмы, как в свое время в иудейский храм, пришли торговцы религиозной утварью и сопутствующими товарами, на стенах храмов появились коммерческие объявления. Потом дело дошло до торговли церковными должностями. Следующий шаг: ценники на таинства — благодатью стали торговать по прейскуранту. Трупные пятна, свидетельствующие о последней стадии разложения, это торговля индульгенциями и откаты от взносов, пожертвованных Богу.

Характерный момент: в этот период часть иудейского священства начинает жить не на плоды труда рук своих и не на пожертвования, как говорил апостол Павел: *«нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои» (Деян. 20, 34)*, а на доход от торговли. Священник не имеет права жить на такой доход. Это в принципе противоречит его сути. Если он начинает жить на средства, полученные от перепродажи жертвенных голубей (иудейский аналог сегодняшней свечи), он повреждается как священник. Священство живет на торговую прибыль, впуская через себя в храм дух торговли. Начинается постепенное ослабление и обрушение конструкции.

В иудейском храме законники разрешили торговать предметами культа, потому что получали с этого выгоду. Узаконивание торговли в храме объяснялось тяжелым материальным положением Иудеи. Еврейские священники оправдывались в своей среде — нужно же нам на что-то жить. А раз так, почему бы не позволить торговать в храме?

Христос изгоняет торгующих из храма. Но торговля не останавливается. Законники делают бизнес, оправдывая свое право жить с торговой прибыли. Одно оправдание зла влечет за собой другое, большее. Начинают отрицать заповеди Бога. *«Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почтить отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим» (Мф. 15, 4—6).*

Двойная мораль концентрическими кругами расходится по всему обществу — от священства к творческим людям и власть имущим. Далее доходит до купцов, потом до ремесленников и крестьян. Очень скоро зло насыщает Израиль, проникая в его самые дальние закоулки.

При незыблемом Законе зло нельзя классифицировать злом, если оно внешне соответствует нормативам добра. Сегодня действие этого принципа хорошо видно на признании власти, позволяющей развращать народ, властью от Бога, то есть добром. Причина простая: зависимое священство больше ищет не истину, а свое личное благо, завернутое в религиозную риторику.

С момента, когда зло выглядит добром, это уже сверхзло. Враг в виде друга бесконечно опаснее явного врага, как волк в овечьей шкуре, он же вош. «Переодетый волк» начинает пожирать древний Израиль. Ветхозаветная община угасает нравственно и физически.

Пока разрушительные процессы не очевидны, но они идут и разрастаются. Первые намеки на большую проблему мы находим у самых древних пророков, но они еще туманны, словно Бог надеется: Израиль прекратит своей волей, интеллектом и свободой творить зло. Но евреи наращивают злоупотребления, прикрываясь Истиной.

Бог говорит через пророка Исайю: *«К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят. Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийцы» (Ис. 1, 11—21).*

Всю ветхозаветную историю Бог наказывает «жестоковыйный народ», призывая образумиться. После наказания следует религиозный подъем, но все возвращается на круги своя. Религиозное лицемерие становится смертельным ядом, отравляющим и убивающим избранный народ.

Бог посылает пророков обличать законников. Но авторитет Закона выше авторитета пророка. Если пророк обличает грехи там, где с формальной точки зрения все хорошо, в глазах законников и народа он становится бунтовщиком и смутьяном. Если даже пророк являл чудеса, его побивали камнями, сажали в темницу или изгоняли из общества.

Никакой Закон не уместит в свои параграфы живое общество, члены которого имеют свободную волю, испорченные первородным грехом природу и интеллект. Нельзя зафиксировать духовные предписания на все случаи жизни. Невозможно уложить всю полноту жизни в строгие параграфы Закона, не нарушая свободы человека. Нет сомнения, Бог мог создать Закон, учитывающий миллиарды и триллионы самых разных ситуаций. Но это не решает проблемы, потому что как пользоваться таким объемом информации? И потом, все равно остается место для толкования.

Ни в одном законе в мире не говорится (и не говорилось) о правах ребенка, родившегося от… покойника. Этот вопрос нельзя даже поставить, чтобы не выглядеть при этом идиотом. Но… время и наука идут вперед. Недавно в США слушалось дело женщины, добывшей семя умершего мужчины (при жизни он сдал его на анализ). Дама искусственно оплодотворила себя, родила ребенка и заявила право на наследство. Генетическая экспертиза показала: мужчина — отец ребенка. Также установили: по документам и по факту на момент зачатия отец был три года как мертв. По закону ребенок наследник. По здравому смыслу — нет.

С развитием общества количество подобных курьезов будет расти. Если бы в Ветхом Законе были миллионы предписаний, вплоть до того, в какой руке держать нитку, когда вставляешь ее в иголку, предусмотреть права ребенка, родившегося от покойника, он бы не смог. Если допустить, такой пункт был бы введен и он отрицал бы права такого ребенка на наследство, юристы того времени непременно увидели бы в нем аллегорию и перетолковали в соответствии со своим уровнем понимания. Законники получили бы возможность признать богатого человека, пропустившего подряд две службы Богу, духовным покойником и лишить его детей наследства.

Любое слово или словосочетание имеет свои вариации. «ДА» можно написать двумя буквами, «д» и «а». Все, других вариантов нет. Произнести же «да» можно так, что на слух будет «да», но в контексте — что угодно. Нельзя составить закон, охватывающий все нюансы действительности. Духовные критерии не могут быть четкими, как в математике. Невозможно дать духовное мерило содержанию зла и добра в жизненной ситуации подобно тому, как измеряются вес, масса или скорость объекта.

Опыт Израиля показал: нельзя создать духовную палату мер и весов, определяющую количество добра и зла в миллиграммах и миллиметрах. Как только происходит четкая фиксация духовного добра, у понятия «добро» возникает четкая внешняя форма. С этого момента зло ищет способ принять такую же форму (не суть, а только форму). Очень скоро найдутся те, кому такое положение вещей выгодно.

«Горячие головы» могут предложить устроить революцию и свергнуть священство, превратившееся в торговцев. Так в истории зачастую и происходило. Но в стратегической перспективе это только ухудшало ситуацию. На место разоблаченных волков приходили новые. Вывести их на чистую воду с каждым разом становилось все сложнее: чтобы понимать подмену, нужно быть интеллектуально выше того, кто ее совершает.

Тем временем процесс разложения набирает темп. Лицемерие и обман змеями вползают в душу Израиля. Ключевые узлы общества оккупируют формально неуязвимые законники. Лицемеры подмяли под себя Закон. Израиль больше не может нести бремя Истины.

Последним ветхозаветным пророком, посланным еврейскому народу в V веке до Рождества Христова, был Малахия. После него пророков нет, вплоть до Иоанна Предтечи. Небо замолчало, словно обдумывая проблему. Стало очевидно: нет смысла посылать в мир новых пророков. Они не могут изменить ситуацию, их слова перед Законом не имеют авторитета.

Нет смысла больше увещевать и наказывать, как отец наказывает ребенка: *«Господь, кого любит, того наказывает» (Евр. 12, 6)*. Израиль оглох и ослеп, голос пророков умолк. Ситуация зашла в тупик. В Израиле возникают мессианские настроения. Праведный остаток Израиля не видит выхода и ждет Мессию, понятия не имея, в каком образе Он может прийти.

Глава 8.
Новый Закон

Миру необходим новый носитель Истины. Израилю такая ноша не по силам. Но кто может выполнить эту функцию? Создавать с чистого листа другой народ? Кардинально это не решает проблемы. Просчитывается повторение истории развращения и падения.

Израиль, хранитель Истины, определялся по плоти. Если по плоти ты чужой, как бы ты ни разделял наши духовные установки, все равно будешь чужим. Но если по плоти ты свой, даже если не разделяешь наши духовные установки, все равно ближе других. Потому что чужой по плоти пожизненно чужой, тогда как чужой по духу, но свой по плоти, может стать своим по духу и через то полностью своим.

Ревностное отношение евреев к биологической чистоте оправданно с точки зрения среды, в которой создавалась конструкция Израиля. В то время человек не еврейского племени был язычником. Если бы Израиль не защитил себя от язычников, они бы затекли в него, вольно или невольно принеся с собой языческие установки. Повторилась бы египетская ситуация: впадение в идолопоклонничество, ослабление и разрушение структуры.

Чтобы создать нового хранителя Истины, нужен новый стройматериал, «духовная национальность». Из новых верующих можно собрать новый социальный организм, сформированный не по принципу плоти, а по идентичности духа. Решающее значение имеют не разрез глаз, форма черепа, цвет кожи, а параметры духа. Взгляд на мир и шкала ценностей должны определять, кто перед тобой — враг или друг.

Понятия «духовная национальность» в дохристианском обществе не было. Любая религия имела национальный оттенок. С появлением христианства состояние духа приравнивается к состоянию плоти. Вероисповедание в духовном мире становится примерно тем же, чем национальность — в материальном.

Есть разные биологические национальности: арабы, французы, евреи, русские, немцы и т.д. Есть разные «духовные национальности»: православные, мусульмане, иудеи, католики, атеисты. Все «национальности», и по плоти, и по духу, дистанцируются от чужих и структурируются вокруг своих. Народ легко поднять под националистическими лозунгами, потому что это самый простой способ реализовать понятия «свой» и «чужой». Даже если вы космополит и всех считаете своими, чужими будут националисты.

Члены «духовной национальности» не пускают в свой мир представителей другой

«национальности». Религиозная община единоверцев никогда не впустит иноверца точно так же, как община единоплеменников не пускает в себя иноплеменника. В худшем случае единоверцы будут считать иноверца злонамеренным язычником, еретиком и слугой дьявола. В лучшем случае увидят в нем заблудшего человека, которому доверять нельзя.

Помимо прочего, новый народ, из которого можно создать нового хранителя Истины, должен иметь атрибуты традиционного народа. Ему необходима своя элита, чиновники и простые люди, а также власть, творцы, защитники, добытчики, ученые, воины и ремесленники. Но главное, «духовный народ» обязан пребывать во власти Бога. При любой иной власти, хоть политиков, хоть воинов или коммерсантов, над обществом установится власть Рынка, что несовместимо с хранением Истины.

Чтобы создать новую конструкцию, нужен Закон, посредством которого можно отличить добро от зла. Это единственный способ защититься от соблазнения сиюминутным благом. Без Закона люди рано или поздно обманутся и променяют вечную Истину на преходящее удовольствие. Кроме того, нельзя будет отличить правду от лжи.

Дерьмо есть в каждом земном организме. Его наличие, если хотите, — признак биологической или социальной жизни. Жизнедеятельность любого организма, «духовного народа» в том числе, образует шлаки — разбойников, приспособленцев, извращенцев, предателей и прочее. Здоровье организма определяется не наличием шлаков, а способностью их выводить. Неспособность освободиться от шлаков отравляет и убивает организм.

Чтобы избавиться от шлаков, нужен критерий, определяющий, что есть фекалии, а что — полезные объекты. Если такого критерия нет, все в организме получают равные права, потому что «а судьи кто?». В атмосфере тотального равенства шлаки переполняют и разрушают структуру.

Бог дает эталон, посредством которого можно иметь понятие абсолютного Добра и Зла. Уберите Бога — исчезнет абсолют и появится много «истин», которые скоро сольются в одну большую ложь.

Вопрос с Законом в высшей степени сложная тема. Если он будет построен на регламентации всех нюансов жизни, как было в Израиле, просчитывается повторение ситуации. *«Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое» (Мф. 9, 17).*

В свое время для создания Израиля понадобились точка отсчета, процесс в пять веков и Закон, выполняющий функцию скреп. Прошло время, и миру понадобились новая точка отсчета, новая конструкция и новый Закон, переносящий упор с Буквы на Дух. Он должен во всей полноте охватить нюансы человеческой жизни, но при этом не регламентировать их. Нужна свобода не в Букве, а в Духе.

Кажется, противоречие в самой постановке проблемы. Как подчинить Истине все стороны жизни общества без регламентации? Но если появляется детальная регламентация, Закон становится недоступным для критики. Тему оседлывают законники разных форматов. Дальше две правды и… конец.

Итак, для нового хранителя Истины нужен Новый Закон. Кто его принесет? Пророки? Но история показала: если пророк говорил что-то, формально противоречащее Закону, его попросту уничтожали или игнорировали. Нужен кто-то, весомее пророка и Закона. Изменить сложившуюся ситуацию может только личное вмешательство Бога.

Глава 9.
Предсказания

Примерно за семь веков до Рождества Христова иерусалимский пророк Исайя, проповедовавший за два века до вавилонского пленения Израиля, возвещает решение Бога о пришествии Спасителя. *«Се Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что означает с нами Бог» (Ис. 7, 14).*

В VI—V веке до Р.Х. второй Исайя, именуемый ветхозаветным евангелистом, указывает

год прихода Христа в мир и подробно описывает его страдания. Он недвусмысленно говорит о пришествии Мессии, грядущем Воскресении мертвых, Страшном Суде, создании Нового Неба, Новой Земли и о новом состоянии жителей Новой действительности: *«Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце» (Ис. 65, 17)*. Еще он говорит о Страшном Суде, после которого праведные будут уподоблены Божественному состоянию, а грешники ввергнуты в пучину.

Пророк говорит про Идущего от имени Бога: *«Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине; не ослабеет и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать острова» (Ис. 42, 1—4).*

Чтобы сломать надломленную трость и погасить тлеющий лен, нужны малые усилия. Но даже этих усилий не употребит Мессия. *«Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его» (Ис. 53, 2—9).*

Последующие пророки предсказывали пришествие Мессии менее ярко. Пророк Михей указывает место рождения Мессии — Вифлеем. *«И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих. 5, 2).*

На Землю приходит Бог в виде одной из своих ипостасей. Иисус Христос упраздняет старый Закон и приносит Новый Закон. Это событие не умещается в логику трехмерного мира, оно из области мира нетварного. *«Делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познается грех. Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия» (Рим. 3, 20—21).*

Особенность Нового Закона — в отсутствии детальной регламентации. Там нет указаний, как мыть руки, сколько раз в день молиться, какого козла резать при совершении того или иного греха и где копать яму, если захотел в туалет. Тысячелетний опыт показал: *«Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Мф. 15, 11).*

Много в Новом Законе в высшей мере «странных», как для прошлого, так и для нашего времени предписаний. Например, **любить врагов**. *«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 43—44).* Или не менее странная заповедь — **не судить**. *«Как можешь сказать брату твоему: брат! дай, я выну сучок из глаза твоего, когда сам не видишь бревна в твоем глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Лк. 6, 42).*

В Новом Законе в первую очередь делается упор на религиозную совесть, то есть на дух, а не на букву. У Христа спрашивают: *«Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус*

сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 36—40).

На этих двух заповедях основано ВСЁ христианство. Тут запрет на убийство, воровство, разврат и прочее. Супругам предписано хранить верность, заботиться друг о друге. Мужья должны обращаться *«благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь» (1Пет. 3, 7).*

Мужчины должны любить *«своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть» (Евс. 5, 25—31). «Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы» (Кол. 3, 19).*

Жене предписана покорность мужу, как защитнику и кормильцу: *«жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем» (Евс. 5, 22—24). «Жена да боится своего мужа» (Евс. 5, 33).*

Дети должны почитать родителей и заботиться о них в старости. Всем рекомендуется скромная жизнь — наилегчайший способ войти в Царство Небесное. Рост дохода должен вести не к росту личного потребления, а к росту помощи слабым. Иначе *«удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24).*

Для справки: игольным ушком в Иерусалиме именовали узкие ворота, впускавшие торговые караваны. Чтобы пройти сквозь них, верблюду требовалось встать на колени и в буквальном смысле протискиваться. Богатый может попасть в Царство Небесное, но ему в прямом смысле придется протискиваться.

Новый Закон упирает на создание внутреннего сторожа — совести. В Нагорной проповеди нет детальной информации. *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5, 3—11).* Другими словами, Закон вменяет сильным заботиться о слабых, умным — думать о глупых, храбрым — защищать трусливых. Это не отмена Закона, это исполнение Закона. Христос подтверждает прежний Закон: *«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17).*

Христос не был новым Богом, как считают некоторые христиане, и Он не нес новую религию. Христос был Богом, создавшим Израиль и давшим ему Ветхий Завет. Когда общество за счет своей свободы изменилось, понадобился Новый Завет. И Бог его дал. Ветхозаветные ограничения имели смысл, когда хранитель Истины характеризовался плотскими признаками. Но в новой ситуации возникают новые требования. Новый Завет упраздняет значение плоти. Для духа не столь важно, чем питается плоть. Для духа важно, чем питается душа.

Пророчество Исайи фиксирует переломный момент: начало падения Израиля, упразднение избранности по плоти и признание равенства всех народов: *«Ибо дом Мой*

назовется домом молитвы для всех народов» (Ис. 56, 6—7).

Христос приходит в первую очередь к избранному народу. Но Израиль не узнает Бога. Христос, проповедуя Царство Небесное языческим народам, все еще надеется на покаяние. Когда иудеи не раскаиваются, Иисус Христос говорит: *«Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Лк. 13, 34).*

Бог принимает окончательное решение: *«Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44)*. В этот момент рождается новый вид иудаизма, послехристианский. Иудаизм как бы делится на две части — на продолжение Истины в виде христианства и на уклонение от Истины.

Обозначается сатана, древний персонаж невидимой части сотворенного мира. Он присутствует с самого начала человеческой истории. До грехопадения он был в виде змея, искусившего Еву. На протяжении всей истории он ищет душу человека. По сравнению с душой все богатства — мыльные пузыри. Оперируя человеческой логикой, можно предположить: через собирание бессмертных душ сатана рассчитывает уподобиться Богу.

Древний Израиль и раньше часто отказывался от Бога: *«вы теперь отвергли Бога вашего, Который спасает вас от всех бедствий ваших и скорбей ваших» (1Цар. 10, 19),* но всякий раз возвращался. На этот раз Израиль делает окончательный выбор: он распинает Бога, окончательно отказываясь от Него. Точка невозврата пройдена.

Израиль не просто предает Бога на позорную казнь. Народ принимает на себя и на своих детей этот грех. *«Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят. Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27, 22—25).*

Последние слова оказываются пророческими. После распятия Христа еврейский народ на два последующих тысячелетия рассеивается по всему миру, Храм разрушается. Легенда об Агасфере символизирует судьбу народа.

Суть легенды: мимо дома Агасфера, иудея-ремесленника, вели на распятие Христа. Иисус попросил воды. Агасфер не дал воды, сказав: «Иди» (проходи мимо). Христос ответил: *«И ты пойдешь»*. С тех пор Агасфер вот уже 2000 лет ходит по планете. Он устал и хочет отдохнуть, но ему везде отказывают, везде говорят: *«Иди»*. Агасфер осужден на вечное скитание по земле и вечное презрение до Второго Пришествия Христа.

Шатры Симовы занимают сыны Иафетовы. *«Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых» (Быт. 9, 27)*. (Родоначальником семитских народов считается Сим, сын Ноя. Родоначальником европейских и славянских народов является Иафет, тоже сын Ноя. Хам, третий сын Ноя, родоначальник африканских народов).

* * *

Отпавший от Творца мир погрузился во тьму. Чтобы спасти мир, не нарушая свободы человека, кроме Божьей воли нужна человеческая воля. На землю приходит Мессия, в котором две природы и две воли — божественная и человеческая. До этого Бог являлся в виде огня и ветра. Теперь Он пришел в образе человека, пострадавшего за грехи людей и указавшего путь к жизни.

Человеческая природа предстала жертвенным агнцем. Кровь Христа примиряет человека с Богом и закрепляет Новый Завет между Богом и людьми. Все это непостижимо для логики, но было предсказано пророком за много веков до Христа, случилось 2000 лет назад, и это Чудо.

Атеист может возразить: почему же Бог не мог решить проблему более простым

способом? Он ведь всемогущ. Пожелал бы, и все без всякой борьбы исправилось бы. Мы на это можем ответить только словами Писания: *«Скажет ли глина горшечнику: “что ты делаешь?”» (Ис. 45, 9)*.

* * *

До Христа единственной религией, построенной на идее сотворения Богом мира из ничего, была религия евреев — иудаизм. Остальной мир или не поднимался до вопроса о происхождении мира, или упирался в идею вечно существующего мира, в крайнем случае, в идею появления мира из плоти божества, то есть трансформации уже имеющегося из одного в другое.

Долгое время носителем идеи сотворения мира из ничего были отдельные личности. Потом небольшая община евреев-кочевников. Затем община стала независимым государством. Далее зависимым, потом снова общиной, живущей в чужом государстве, и т.д. Еврейское общество постоянно меняло форму, никогда не являясь военной, экономической и политической силой мирового масштаба. Это всегда была мировая провинция (за исключением эпохи царя Давида и Соломона).

2000 лет назад, когда Иудея была под властью Рима, приходит Христос, называет Себя Сыном Бога, проповедует и творит чудеса. Потом Христос принимает позорную казнь, и с этого момента разворачивается совсем другая история. Происходит ряд в высшей степени странных событий. Пророчества Христа начинают сбываться, разрушается Храм, еврейская община рассеивается. Через четыре века после прихода Христа вокруг идеи «мир из ничего» возникает христианская империя, самая мощная в мире на тот момент. Через шесть веков после Христа вокруг идеи «мир из ничего» возникает еще одна мировая сила — ислам.

Парадоксальная идея распространяется на огромную территорию. Возникает христианская цивилизация, задающая истории человечества магистральное направление. Христианство становится центральным событием, которое до сих пор определяет ход мировой истории.

Глава 10.
Непосильное

Завет Бога с евреями закончился не за то, что они Его распяли, это сделал бы любой другой народ, приди к ним Бог в таком обличии и с такими целями. Завет закончился за то, что они не приняли Его после Его Воскресения, когда божественная природа Христа была подтверждена не только пророчествами, предсказавшими в деталях приход Христа, но и фактом воскресения Христа, которое никто в Израиле не мог отрицать.

Чтобы полнее войти в ситуацию, вообразите: хранителем Истины является народ, к которому принадлежите вы, уважаемый читатель. Вся структура общества простроена вокруг Закона. Умалять Закон считается тягчайшим преступлением. И вот приходит Христос в том виде, в каком Он пришел к евреям (как сын ремесленника, без славы), и объявляет Себя Сыном Бога.

Он говорит о приоритете Нового Закона, что само по себе святотатство. Но при этом на Говорящего нельзя махнуть рукой, нельзя казнить как рядового преступника. Он не только говорит, но еще совершает великие чудеса, каких никто до Него не совершал. Древние иудеи оказываются в высшей степени в затруднительном положении.

На землю пришел Бог, чтобы сделать то, что подвластно только Богу — отменить старый Закон и дать новый. Никто не мог сделать это — ни пророки, ни священники, ни цари. Но простые смертные не могли принять Бога в том виде, в каком Он пришел. Что говорить о простых людях, если даже апостолы, лично присутствовавшие при всех чудесах, содеянных Господом, не могут похвастаться верностью?

Если бы Христос сегодня пришел с той же проповедью, власти осудили бы Его за разжигание межрелигиозной вражды и прочее. Обвинения в фашизме и мракобесии были бы самыми мягкими. И они наказали бы Его. Как наказали, другой вопрос. Главное, люди бы наказали Бога за то, что Он пришел к ним не в царском виде (здесь очень ярко видна

зависимость информации от источника информации).

Получается, человек по своей природе потенциальный предатель, когда оказывается в нештатной ситуации? Увы, да. Люди могут мыслить только шаблонами. Что не вмещается в шаблон, то «побивается камнями». В этом причина инквизиции. Ну не могли люди, глядя на двигающееся Солнце и неподвижную Землю, признать за истину расчеты, свидетельствующие обратное. И материалисты таковы: не могут признать то, что противоречит их практическому опыту. Почему не могут? Потому что. По той же причине, по какой вы не сможете изменить свой образ жизни, если даже измените свое понимание мира. Единицы из единиц смогут. Большинство будет жить теми же целями, какими жило до этого знания.

Природа нашего мира, общества, власти и человека такова, что разрушитель фундамента общества всегда будет квалифицироваться опасным бунтовщиком и святотатцем. Любой народ на месте евреев, например, французы или русские, арабы или англичане, немцы или турки, казнили бы Христа, если бы Он пришел к ним. Они точно так же кричали бы *«распни Его»*, если бы велели вожди. Разница была бы в деталях, но не в сути. Народ всегда живет по принципу «не читали, но осуждаем», если к тому зовут вожди.

В том, что Христос пришел именно к евреям, есть свой смысл. Найти апостолов можно было только в среде народа, в свое время созданного Богом, знавшего Бога по личному опыту и поклонявшегося Богу. Идти к язычникам, структурированным не под Бога, а под власть князей, не было резона. Принять Бога мог только богоизбранный народ. И только такой народ мог дать апостолов.

Все апостолы без исключения по плоти были евреями. Первые десятки тысяч первых христиан в своем большинстве были евреями. Среди первых тысяч христианских мучеников и исповедников большинство тоже евреи. Первое время, за единичными исключениями, только евреи принимали Христа за Бога, а Его учение за Истину. Первые христиане из язычников появятся позже, когда до них докатятся иерусалимские события.

Евреи с одинаковой страстью как гнали Христа, так и умирали за Него. В этих крайностях проявлялась их богоизбранность. Они не могли занять серединную позицию — ни нашим, ни вашим. В итоге это могло привести только к одному: или с Христом до смерти, или без Христа до смерти. Нам, жителям XXI века, трудно понять этот момент. Для нас такая позиция есть фанатизм, мракобесие и прочее. Многие из нас свято уверены: жизнь человека должна быть подчинена собирательству личинок и поиску удовольствий.

Иудаизм колется на две части. Кто принял Христа, те трансформируются в служителей Бога и образуют начало Церкви. Кто не принял Христа, остаются в рамках Ветхого Закона, образуя противоположную Христу силу.

Ключевой момент истории: иудаизм прекращает быть хранителем Истины. Функция хранения переносится на христианскую Церковь. Важный факт: Истина продолжает быть той же самой, но меняет хранилище. Основные моменты рождения нового Израиля сходны с рождением ветхого Израиля. Те же многовековые страдания, та же структуризация без участия бюрократов и разрушение по тем же правилам.

* * *

В животе беременной женщины беседуют верующий и неверующий младенцы.

Неверующий: Ты веришь в жизнь после родов?

Верующий: Да, жизнь после родов существует. Здесь мы готовимся к ней.

Неверующий: Темнота! Никакой жизни после родов нет!

Верующий: Есть. В том мире есть свет.

Неверующий: Что такое свет?

Верующий: Не знаю. Но при свете иначе воспринимается действительность.

Неверующий: Ты говоришь о том, чего не знаешь

Верующий: Да, я этого не знаю. Но я верю, мы там будем перемещаться в пространстве, есть своим ртом и делать много такого, что сейчас сложно вообразить.

Неверующий: Ерунда! В пространстве невозможно передвигаться. Как можно есть ртом!

Верующий: Я верю, после родов нас ждет другая жизнь.

Неверующий: Оттуда еще никто никогда не возвращался! Жизнь заканчивается родами. И вообще, жизнь — это одно большое страдание в темноте.

Верующий: Нет, после родов мы увидим маму, и она позаботится о нас.

Неверующий: Маму? Ты веришь в маму? И где же она находится?

Верующий: Она везде, мы в ней пребываем и благодаря ей живем.

Неверующий: Мракобесие! Я не вижу никакой мамы! Значит, ее нет.

Верующий: Я тоже не вижу, но я чувствую, как она поет и гладит наш мир. Я твердо верю, настоящая жизнь начнется после родов.

Часть III.
ИСТИНА

Прежде, нежели исследуешь, не порицай; узнай прежде, и тогда упрекай. Прежде, нежели выслушаешь, не отвечай, и среди речи не перебивай.
(Сир. 11, 7—8).

Глава 1.
Факты и теории

Давайте попробуем реконструировать события, которые до сих пор вызывают отчаянные споры и при определенной доказательности той или иной точки зрения даже перерастают в скандал. Реконструкция исторических (подчеркиваем: исторических, то есть реальных!) событий нужна нам, чтобы отличить правду от лжи.

Рассмотрим деяния Христа с позиции логики и отнесемся к Евангелию не как к досужему вымыслу рыбаков и мытарей, а как к историческому документу. Многие проигнорируют очевидные доводы и скажут: *«А я все равно не согласен»*. Понимаем. Мышление имеет свою инерцию.

Вы никогда не задумывались, почему нет ученых с мировым именем, ставящих домовому блюдечко с молоком, прыгающих через костер, водящих языческие хороводы? И почему огромное количество величайших мыслителей соблюдают христианские обряды? Если взять за 100 % великих мыслителей, 99 % из них верующие. Выходит, для предпочтения христианства язычеству есть основания. Если язычество не имеет такой популярности среди интеллектуалов, значит, оно не дает материала, на основании которого можно признать его истиной.

С точки зрения атеизма между языческими и христианскими ритуалами нет разницы. Но если так, если прыгать через костер и служить литургию — одно и то же, должно быть примерно одинаковое количество сторонников. Но мы не наблюдаем пропорции.

Рассматривая все возможные варианты объяснения, мы приходим к единственному выводу: в одном действе люди видят большой смысл, в другом — бессмысленное суеверие.

Язычники не задаются вопросами мироздания. Они лишь фиксируют ситуацию, принимая мир таким, каков он есть. Поклоняясь ветру, деревьям или речке, люди не поднимаются до вопросов, откуда все это взялось. Большому уму в язычестве просто не за что зацепиться. Оно привлекательно для людей, не вмещающих мысль о Творце. Думающие люди не могут довольствоваться таким уровнем и потому не пополняют ряды язычников.

Если умный человек, свободный от предрассудков и чужих штампов, установленных в сознание помимо его воли, задумается о первоосновах, фундаменте христианского учения, он придет к выводам, которые не сможет опровергнуть. Но это возможно при условии, если человек САМ задумается, а не воспроизведет в очередной раз чужие шаблоны.

Современный человек считает Евангелие в лучшем случае благочестивой сказкой древности. Местами очень мило, иногда сомнительно, а порой возмутительно и, главное, очень многое противоречит логике. И потому он уверен: там записаны мифы. Не факты и Абсолютная Истина, а просто мифы. Спросите, почему он так думает, и он не ответит. Это его вера. Ему в школе так сказали, а СМИ подтвердили. Потому что так привычно и просто, и все вокруг так же рассуждают.

Никто не станет отрицать колоссальное воздействие христианства на мировую историю. Через искажение учения Христа появился современный атеизм. Не было бы христианства, не было бы возможности отрицать Христа.

Если даже искажение христианства родило ведущую мировую силу — Запад, глупо отмахиваться от него как от мифа, не заслуживающего внимания. Напротив, есть все основания для тщательного внимания к христианству. Что это такое? Почему оно произвело такое воздействие на мир? Чтобы не увязнуть во множестве исторических событий, их интерпретаций и споров, связанных с христианством, рассмотрим реальность Христа.

Христианство построено на утверждении: Христос есть Бог, Сын Божий, одно из лиц Святой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа. Он пришел принести Себя в жертву за грехи наши, указать путь спасения и создать нового хранителя Истины — Церковь. *«Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18)*. Обратите внимание: Христос никогда не говорил, что пришел основать новую религию. Он пришел очистить Истину от наслоений, образованных человеческим мудрованием. Пришел исполнить Закон, извращенный законниками.

Чтобы не многословить, последовательно разберемся с темой. Прежде чем перейти к изложению главных выводов, очень коротко, насколько возможно, рассмотрим основные моменты, связанные с евангельскими событиями. Пошагово проследим всю историю, от рождения до смерти Христа. Более 2000 лет назад Его обвинили в богохульстве и казнили через распятие. В пятницу Он умер на кресте. На третий день воскрес, как и говорил в течение земной жизни.

Кому это не совсем интересно, кто для себя уже все решил, тот может сразу перейти к чтению следующей части книги. Но мы уверены: думающий и неравнодушный человек, искренне желающий разобраться в ситуации, не обойдет вниманием этот важнейший в истории человечества момент.

Реальность Христа

В судебной практике существуют технологии, позволяющие относиться к фактам, свидетелями которых мы не были, как к доказанным. Например, если множество свидетелей разного социального положения, образования, возраста и прочее говорят одно и то же, значит, то, о чем они говорят, можно считать фактом, если нельзя допустить между ними сговор. Если сговор технически невозможен между разными людьми, мы не будем отрицать явление только на том основании, что лично его не видели.

Для кого факт личного невидения исторической фигуры является поводом отрицать его реальность, тот с таким же успехом может отрицать существование Кира, Цезаря, Кромвеля, Наполеона, Петра I, Вашингтона или Сталина. Мы же не видели их живыми.

В такой логике можно усомнить что угодно. Есть любопытная работа французского ученого, где он, пользуясь логикой, по которой отрицают реальность Христа, строит логическую схему, доказывающую нереальность Наполеона. Но если оставаться в рамках

приличия, нужно признать доказанным фактом: в Иудее жил Иисус Христос, сын плотника. Он не имел чинов и званий, но имел неординарные способности. Он творил чудеса, повергающие общество и власть в изумление и недоумение. Он говорил о непонятных и неприемлемых для сознания большинства людей вещах. Своими речами и чудесами Он создал опасность для элиты и был казнен по ложному обвинению. И Он воскрес. Череда невероятных событий вокруг Христа образовала импульс, задавший истории новый курс.

Например, Иосиф Флавий в конце I века пишет в «Иудейских древностях»: *«К этому времени явился Иисус, человек мудрый, если только можно назвать его человеком, потому что он вершил удивительные дела и был учителем для многих, жаждущих истины. Множество иудеев и греков последовало за ним. Человек этот был Христос. И когда по обвинению вождей наших Пилат осудил его на крест, возлюбившие его прежде остались ему верны, ибо он вновь явился к ним живой на третий день, как предсказывали пророки Господни, которые говорили о нем тысячи других удивительных вещей. И до сей поры не вымер род христиан, получивших от него свое имя».*

Это свидетельство особенно примечательно из уст еврея, предавшего своих единоплеменников и служившего Риму, противнику христианства.

Разумность Христа

Допустим, Иисус Христос был человеком неординарных способностей — экстрасенсом, способным лечить неизлечимо больных и воскрешать мертвых. Если так, зачем Ему нужно было заявлять Себя Богом? Зачем говорить слова, за которые предусмотрена смертная казнь? Зачем не собирать богатых даров и уклоняться от дружбы с властью? Какая мотивация и смысл такого поведения?

Иисус Христос ни денег не искал, ни чинов, ни дружбы с сильными мира сего, хотя мог иметь это без труда. В чем Его мотив? Все варианты земных целей тут не подходят. Если оставаться в рамках логики, мы вынуждены прийти к выводу: у Него был другой мотив. Какой же?

«Тут Иудеи обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо. Иисус отвечал им: Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне. Но вы не верите, ибо вы не из овец Моих, как Я сказал вам. Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего. Я и Отец — одно. Тут опять Иудеи схватили каменья, чтобы побить Его. Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом. Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, — Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий? Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем. Тогда опять искали схватить Его; но Он уклонился от рук их» (Ин. 10, 24—39).

Ответить на вопрос о мотивации невозможно в коридоре шкалы земных ценностей. Выходит, или цели лежат за рамками земного мира, или мы видим ненормального человека, не отдающего отчета своему поведению. Эдакого талантливого блаженного, наделенного необычными способностями. Но эта версия не выдерживает критики. Если было хоть что-то, похожее на такой вариант, история бы оставила нам свидетельства. Но нет даже одного упоминания, намекающего на ненормальность Иисуса Христа.

Иисус вел длинные и сложные разговоры на самые глубокие и тонкие темы, демонстрируя такие силу ума, спокойствия, рассудительности и мудрости, против которых вся мудрость книжников была бессильна. Он *«учил их в синагоге их, так что они изумлялись и*

говорили: откуда у Него такая премудрость и силы? не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? и сестры Его не все ли между нами? откуда же у Него все это?» (Мф. 13, 54—56).

Он уверенно себя чувствует, разговаривая с интеллектуальной и религиозной элитой. *«И когда пришел Он в храм и учил, приступили к Нему первосвященники и старейшины народа и сказали: какой властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть? Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какою властью это делаю; крещение Иоанново откуда было: с небес, или от человеков? Они же рассуждали между собою: если скажем: с небес, то Он скажет нам: почему же вы не поверили ему? а если сказать: от человеков, — боимся народа, ибо все почитают Иоанна за пророка. И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Сказал им и Он: и Я вам не скажу, какою властью это делаю» (Мф. 21, 23—27).*

Мудрейшие искали повод уловить Христа в слове и ни разу не смогли. *«Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли» (Мф. 22, 15—22).*

Подвох вопроса в том, что Иудея была оккупирована Римом. Если бы Христос сказал, что подати нужно платить, Он автоматически выглядел пособником оккупантов. Если бы заявил, что подати не нужно платить, автоматически обвинялся в возмущении против Рима. В том и другом случае Он был бы виновен. Кажется, тупик, но Иисус отвечает так, что провокаторы не просто отходят от Него, но дивятся Его мудрости. Они были уверены: этим вопросом точно поставят Его в тупик. Наверняка этот вопрос многих позволил обвинить или против Иудеи, или против Рима — эффект двух правд. Но против Христа этот убивающий вопрос оказывается беспомощен.

Мог ли ненормальный, возомнивший себя Богом, спокойно противостоять огромной религиозно-интеллектуальной машине, страстно ищущей и ни разу не нашедшей повода уличить его во лжи или запутать? Кто может сказать, что больной человек превзошел книжников в знаниях и не просто победил во всех спорах, но поразил глубиной знания и мудростью?

Факты свидетельствуют: Христос был наделен всеми высшими человеческими качествами плюс загадочными свойствами, позволяющими совершать чудеса. Христос был неординарным, непонятным, запредельным явлением, преследующим неземные цели, находящиеся за рамками человеческих интересов.

Решение казнить Христа

Многочисленные чудеса, творимые Христом, свидетельствовали о необычности ситуации. В народе разнеслась молва, к Нему пошли люди со всей страны. Среди религиозной элиты началась паника. Христос открыто обвиняет священников в делании неправды, угождении властям и т.д.

«На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжелые и неудоборосимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях» (Мф. 23, 2—7).

Иисус творит великие чудеса и обличает развращенное священство. *«Тогда*

первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом. Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино. С этого дня положили убить Его» (Ин. 11, 47—53).

Христос обвиняет священство в страшных грехах. Утверждает, что они Бога забыли, погрязли в пороке и роскоши, предали заповеди и данные обеты. Что заботятся о земном, а не о небесном, оставили народ на расхищение волкам. Христос спрашивает жрецов: *«Кто из вас обличит Меня в неправде?» (Ин. 8, 46).* Священники молчат, потому что все правда. *«И слышав притчи Его, первосвященники и фарисеи поняли, что Он о них говорит, и старались схватить Его, но побоялись народа, потому что Его почитали за Пророка» (Мф. 21, 45—46).*

Огромный аппарат, пользующийся непререкаемым авторитетом, вынужден опуститься до методов, не соответствующих его статусу. *«Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить» (Мф. 26, 3—4). «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его» (Мф. 26, 14—16).*

На предварительном дознании они искали вину Христа и не могли найти. *«Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и, хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его. И, встав, первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют? Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти» (Мф. 26, 59—66).*

Но Христос *«не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его» (1 Пет. 2, 22).* Пилат тоже не находит в Иисусе никакого признака обмана. *«Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем» (Лк. 23, 22).*

Зачем Христу понадобилось возбуждать против себя ненависть самого авторитетного органа власти, обличая его, пусть и справедливо? Может ли сегодня современный человек поверить, что кто-то способен сделать нечто подобное, с риском для жизни, единственно ради правды? Разве не разумнее приспособиться к ситуации, найти себе оправдание, как это обычно делают люди в таких случаях, и получить свои выгоды? Тем более, за прошедшие века изобретено столько убедительных истин вроде «плетью обуха не перешибешь», «стену лбом не пробьешь» и т.п.

Факт смерти Христа

О смерти Христа и разворачивающихся вокруг этого факта событий мы знаем больше, чем о смерти любого другого человека древнего мира. Первосвященники обвиняют Христа в богохульстве и передают на суд Пилату, настаивая на смертной казни через распятие. Пилат не находит в Нем вины и пытается отпустить. *«Пилат же, созвав первосвященников и начальников и народ, сказал им: вы привели ко мне человека сего, как развращающего народ; и вот, я при вас исследовал и не нашел человека сего виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете*

Его; и Ирод также, ибо я посылал Его к нему; и ничего не найдено в Нем достойного смерти; итак, наказав Его, отпущу. А ему и нужно было для праздника отпустить им одного узника. Но весь народ стал кричать: смерть Ему! а отпусти нам Варавву. Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство. Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса. Но они кричали: распни, распни Его» (Лк. 23, 13—21).

Ранний христианский теолог Тертуллиан пишет: *«Евреи были так разгневаны Его учением, обвинявшим их вождей и правителей в уклонении от истины и привлекшим множество последователей, что в конце концов они привели Его на суд Понтия Пилата, в то время римского наместника в Сирии, и обвинили Его столь яростно, что заставили отдать Христа им на распятие».*

Осужденного на распятие перед казнью подвергали бичеванию. (Человека раздевали и привязывали к столбу. Орудием служил бич с вплетенными острыми кусками кости и металла. От такого бичевания лопалась кожа жертвы).

Пилат доверяет бичевание Христа солдатам, из чего следует: действо превосходило обычное. Если специалисты били с целью причинить страдания, не повреждая жизненно важных органов, солдаты били просто сильно, не заботясь о последствиях. Для них это был не человек, а мешок с мясом, который через несколько часов надо насмерть приколотить к кресту. Может, они даже думали: чем сильнее изобьют, тем больше облегчат предстоящие муки Христа.

«Воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию, и собрали весь полк; и одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него; и начали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский! И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему. Когда же насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, одели в собственные одежды Его и повели Его, чтобы распять Его» (Мрк. 15, 15—20).

После такого испытания любой человек будет еле живой. Иисуса буквально волокут на место казни. Сам Он не в силах нести свой крест. Чтобы дойти до Голгофы, солдаты привлекают случайного прохожего нести крест. *«И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Киринеянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом» (Лк. 23, 26).*

Далее Христа кладут на крест, приколачивают Его руки и ноги, и затем поднимают крест. Все, распятие произошло. Запястья и ступни Иисуса пригвождены к кресту. Он умирает. Чтобы удостовериться в смерти, Его бок протыкают копьем. *«И, придя на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место, дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить. Распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий; и, сидя, стерегли Его там; и поставили над головою Его надпись, означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (Мф. 27, 33—37).*

Христа распяли в пятницу. Наступала суббота, святой день иудеев. К тому же канун еврейской Пасхи. Два великих для евреев праздника совпадали. Иудеи обратились к Пилату с просьбой не оставлять распятых на время праздника. Прокуратор удовлетворяет их требование и приказывает солдатам покончить с висящим на кресте Христом и двумя разбойниками.

Пилату докладывают — Христос умер. Прокуратор лично расспрашивает об этом римского сотника, знавшего признаки смерти. Распятие было распространенной формой казни в Палестине. Офицер не мог ошибиться в показаниях, делая доклад высшему начальнику.

Когда Иосиф просит отдать ему тело для погребения, прокуратор требует еще раз удостовериться в смерти Христа. *«Пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова. Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер? И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу» (Мрк. 15, 43—45).*

Четыре палача пришли осмотреть тело Христа перед тем, как отдать его Иосифу из Аримафеи для погребения. Эти люди точно знали, что такое мертвое тело. Их начальник еще раз лично удостоверился в смерти, прежде чем доложить Понтию Пилату.

В пятницу вечером никто не сомневался в смерти Христа. Люди из Синедриона, претории и на Голгофе знали доподлинно — Христос умер. Для полной уверенности сотник

пронзил Его копьем. Из раны вытекли кровь и вода. Будь Иисус жив, работающее сердце продолжало бы гнать кровь, и из раны кровь хлынула бы потоком. Вместо этого из раны вытекает жидкость, похожая на воду. На основании этого факта любой патологоанатом констатирует смерть. Это медицинское доказательство смерти. Все, включая первосвященников, были уверены в Его кончине.

Римские солдаты и офицер констатировали смерть и не сомневались — Христос умер. Друзья Христа, снимающие Его тело с креста, не сомневались — Христос умер. Обвивающие тело пеленами с благовониями тоже не сомневались, что бальзамируют мертвое тело Иисуса. Ни у кого в Иудее не было сомнения: Христа казнили, и Он умер.

Епископ Антиохийский Игнатий (ок. 50—115), которого везли на смерть за Христа в Рим (на растерзание диким зверям), писал: *«Он был распят и умер при Понтии Пилате. Он был распят на самом деле, а не для виду, и умер на глазах тварей небесных, земных и подземных. Он получил Свой приговор от Пилата, ибо Отец Его позволил это. В шестом часу Он был распят. В девятом часу Он испустил дух. До заката был погребен. Всю субботу Он пролежал в гробнице, куда положил Его Иосиф Аримафейский. Мать носила Его, как любого из нас, в утробе, сколько положено времени; Он был рожден, подобно нам; Его кормили обычным материнским молоком, и обычным мясом, и напитками, как любого из нас. И когда Он тридцать лет прожил среди людей, Иоанн Предтеча крестил Его по-настоящему, а не для виду; когда Он три года проповедовал Свое учение и совершал чудеса и знамения. Он, Который Сам был Судьей, был судим евреями, не достойными этого имени, и наместником Пилатом; Его били плетьми, хлестали по щекам, плевали на Него. На Него надели терновый венец и багряницу. Его приговорили к смерти и распяли по-настоящему, не для виду, не обманно, не игрой воображения».*

Погребение Христа

Когда Пилат убедился в смерти Христа, он разрешил снять тело и погрести. О деталях погребения Господа нашего Иисуса Христа известно больше, чем о погребении любого другого лица древней истории, любого царя, фараона, мудреца или полководца. Мы знаем, кто снял Его тело с креста. Знаем, как тело обвивали пеленами с благовониями. Знаем, в какую гробницу Его положили, и даже знаем имя владельца этой гробницы. У нас имеется четыре рассказа о погребении Христа. Все они находятся в поразительном согласии друг с другом.

Сохранилось множество документов той эпохи, позволяющих поминутно восстановить события. После того, как друзья снимают тело с креста, начинается процедура приготовления к погребению. По иудейским обычаям тело помещают на каменное ложе и туго обматывают полосами льняной материи (пеленами) примерно в 30 см шириной. Пелены пропитывают вязкой клейкой жидкостью (миро) — смесью смирны и алоэ. Получается клейкое вещество, по консистенции близкое к жидкому меду. Когда пеленами обматывают тело, между слоями ткани помещают благовония в виде порошка. Все эти компоненты служили частично консервирующим веществом, частично для склеивания полос ткани в подобие твердой оболочки.

Тело, обернутое пропитанной миро тканью, образовывало что-то типа скафандра. Ткань настолько прочно прилипала к нему, что освободиться от пелен, в которые завернут погребенный, если бы он вдруг ожил, — дело нереальное. Даже для группы людей, если бы они вдруг решили снять погребальные пелены, это было бы очень трудоемко и хлопотно.

На погребение уходило не меньше нескольких десятков литров миро. Количество колебалось, в зависимости от знатности погребаемого. Разные источники указывают: на погребение Христа ушло около 100 литров миро. *«Пришел также и Никодим, — приходивший прежде к Иисусу ночью, — и принес состав из смирны и алоя, литр около ста. Итак они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи» (Ин. 19, 39—40).*

Умащенное благовониями тело Иисуса Христа положили в высеченную в скале гробницу. Ранее в ней никто не был похоронен, ее купил для себя богатый человек, Иосиф из Аримафеи, как и было предсказано за пять веков до события.

Чтобы уловить дух и значение произошедшего 2000 лет назад события, нужно видеть

скалу, в которой высечена гробница. Это стоящая в одиночестве на ровной земле скала. Рядом с ней нет никаких погребений. Единственная высеченная в ней ниша подчеркивает уникальность события — победу над смертью, чудо воскрешения.

Когда погребальные приготовления были завершены, вход в гробницу закрыли огромным камнем, больше обычного, весом в полторы — две тонны. В «Кодексе Безы», евангельском списке IV века, хранящемся в Кембриджской библиотеке, о размере камня (голела) написано: *«И когда Он был положен туда, Иосиф поместил против гробницы камень, который не могли откатить двадцать человек»*.

Поскольку Иисус прилюдно и неоднократно заявлял, что воскреснет на третий день, у могилы выставили римскую стражу. Вход в гробницу запечатали официальной римской печатью. К большому камню прислонили камень поменьше (дофег). В месте соприкосновения двух камней поставили печать. Не повредив печати, невозможно было войти в гробницу. Печать ставилась в присутствии римских стражников. Они были свидетелями опечатывания и несли ответственность за нарушение печати по всей строгости закона.

Римская печать была знаком римской власти. Повреждение печати считалось преступлением против власти. Наложение печати делало невозможным сговор стражников с кем-либо из посторонних. Опечатывание производили в присутствии стражей, чтобы потом, если печать будет нарушена, у них не было основания отрицать факт нарушения.

Охрана гробницы Христа

Кто может заподозрить членов Синедриона или римскую власть в неискушенности, наивности или неопытности? Никто, потому что для этого нет оснований. Это были многоопытные мужи и искушенные политики, способные стратегически мыслить. Естественно, они учли возможные варианты развития событий после казни. В том числе и невероятный — что ученики придут, украдут тело своего Учителя и скажут, что Он воскрес. *«На другой день, который следовал за пятницею, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и говорили: господин! мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: “после трех дней воскресну”; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: “воскрес из мертвых”; и будет последний обман хуже первого» (Мф. 27, 62—65).*

Просчитывались массовые волнения, энергией которых мог воспользоваться кто угодно, в том числе враги, призывающие к восстанию против Рима. Синедрион был категорически против восстания, полагая, что еще не время.

Мы сейчас не касаемся вопроса, что Синедрион думал по поводу освободительной войны. Мы хотим показать царившие в Израиле настроения. Все ждали Мессию, под которым разумели военного вождя, способного освободить Израиль от унизительной власти Рима.

Народ напоминал сухую солому, способную воспламениться от любой искры. Весть о воскресении Христа, окажись она в руках сторонников восстания, создавала нештатную ситуацию. На кону стояла не отвлеченная философская истина, которая не имеет влияния на сиюминутное развитие событий. Дело задевало за живое. Ошибка могла спровоцировать бурю с непредсказуемым результатом. Участники Синедриона понимали: неконтролируемое развитие ситуации может создать проблемы, которые коснутся лично каждого, и первосвященников в том числе.

Одной из таких опасностей было похищение тела Христа и распространение новости о якобы Его воскрешении. Защититься от этого можно было очень просто: выставить стражу у гробницы на три дня. Они идут к Пилату, поясняют ситуацию, и Пилат, тоже будучи серьезным политиком, понимает верность их суждений. Он дает необходимые распоряжения по охране гробницы.

Никто так не охранял казненного, как в случае с Христом. Возле могилы распятого дежурил целый отряд солдат. Было сделано все, чтобы предотвратить любую возможность хищения тела Христа. Как видите, это были исключительные меры. Сохранилось множество документов, свидетельствующих о мерах предосторожности, направленных против хищения тела. Но тем самым Синедрион и Рим подготовили почву для вопроса *«куда делось тело?»*.

Беспрецедентные предосторожности послужили прямым свидетельством и доказательством Воскресения.

Иоанн Златоуст, епископ константинопольский, в IV веке пишет: *«Опечатанная и охраняемая гробница гарантировала отсутствие всякого обмана. А значит, это неопровержимо доказывает Его воскресение. Гробница была опечатана, обмана быть не могло. Если же обмана не было, а гробница была обнаружена пустою, то Он очевидно воскрес, просто и неоспоримо. Смотри, как даже против собственной воли они доказывали правду!»*.

Явление Христа

Мы подошли к важнейшему событию. Итак, Христа судили, распяли, несколько специалистов констатировали Его смерть. Затем казненный был похоронен согласно еврейскому обычаю. Гробницу стали охранять самым тщательным образом, чтобы не случилось обмана. Все происходило при множестве свидетелей, чтобы потом никто не смог отрицать достоверность перечисленных фактов.

Но, тем не менее, точно в назначенное время, на третий день, Христос является своим ученикам и многим в Иерусалиме и его окрестностях. Первыми запредельную и невероятную новость узнают женщины, пошедшие к гробнице. *«По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег; устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые; Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого; Его нет здесь — Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам. И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его» (Мф. 28, 1—8).*

Они бегут рассказать увиденное, и им является воскресший Христос. *«Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф. 38, 9—10).*

Женщины рассказывают все апостолам, и 11 учеников *«пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились» (Мф. 28, 16—17).*

Вполне объяснимо, что многие сомневались, предполагая, будто бредят наяву. *«Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие. Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин. 20, 24—31).*

Во время написания и распространения Евангелия были живы многие современники тех событий, а также те, кто лицезрел воскресшего Христа. Все они утверждали — Христос не был галлюцинацией, он явился живой во плоти. Упомянутый выше епископ Антиохийский Игнатий писал по дороге на казнь: *«Он также воскрес из мертвых на третий день... В день приготовления к празднику Пасхи, в третьем часу. Он истинно умер, был погребен и восстал из мертвых...»*.

Как объяснить сотни и тысячи свидетельств о воскресении Христа? Люди говорили, что

лично лицезрели воскресшего Христа, и за свои слова шли на смерть. Согласитесь, можно верить тому, кто готов умереть за свои слова, ведь он произносит их не с целью эпатажа. Никто не умирает за свои фантазии. А если и найдется такой чудак, предположить чудаками огромное количество людей невозможно. Люди тысячами обращались в христианство. Потому что Христос воистину воскрес!

Краеугольный камень

Фундамент христианства — воскресение Христа. *«Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1Кор. 15, 14).* Воскресение есть краеугольный камень Церкви и христианской веры. Если разрушить фундамент, Вера и Церковь *«уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7, 26—27).* Докажите, что Воскресения не было, и вы уничтожите фундамент христианства. За этим последует обрушение стоящего на нем здания Веры. Не нужно никаких эмоций и амбиций. Фактов достаточно.

Колыбель христианства и Церкви — пустая гробница Христа. Вопрос: куда делось тело? Объясните этот факт, и христианство рухнет. Все факты перед вами. Церковь ничего не скрывает, не ссылается на тайные знания. Исследуйте и убедитесь: факты выдерживают критический анализ.

Истинность или ложность христианства определяется воскресением Христа. Это фундаментальный момент, вокруг которого 2000 лет ученые и богословы ломают копья. Если Христос не воскрес, исчезновению тела из охраняемой гробницы должно быть объяснение. Пока никто не преуспел в этом деле на серьезном научном уровне. Никому не удалось объяснить этот момент естественными причинами. Все исследования сводились к тому, что Христос воскрес сверхъестественным способом, нарушив физические законы природы. Это во всех смыслах самое великое чудо, когда-либо происходившее на планете.

При земной жизни Иисус многократно говорил, что Ему предстоит много пострадать, умереть и через три дня воскреснуть. События развивались в точном соответствии со сказанным. Христа предали, арестовали, долго мучили, после чего предали публичной казни через распятие на кресте.

Глава 2.
Версии

Воскресение — либо величайшее чудо, либо величайшее заблуждение в истории человечества. Если распятый и умерший Христос не воскрес в прямом смысле этого слова, если мертвое тело не оживало, если плоть не поднялась из гроба, христианство является бесстыдным мифом и обманом. Всех мучеников за веру следует считать обманутыми. Миллиарды христиан, проживших жизнь по заповедям Христа, есть жертвы чудовищной манипуляции. Вместо того чтобы брать от жизни все, они прожили скучную жизнь, исполняя заветы Бога. С точки зрения атеистов они жили зря.

Но если Христос воистину воскрес, ситуация складывается ровно наоборот. Жертвами чудовищного обмана оказываются миллиарды атеистов. Отрицая Христа и Его заповеди, они проживают земную жизнь по заветам плоти. С точки зрения верующих атеисты не просто теряют будущую вечную жизнь, они обрекают себя на вечные муки ада.

Смысл жизни определяет ответ на вопрос о воскрешении Христа. Если Он воскрес, жизнь нужно прожить по заповедям Бога. Но если не воскрес, жить надо по желаниям тела. В том и другом случае ответ предопределяет стиль жизни.

Христос спрашивает своих учеников: *«за кого почитаете Меня?» (Мф. 16, 15).* Петр отвечает: *«Ты — Христос, Сын Бога Живого» (Мф. 16, 16).* Иисус отвечает: *«блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф. 16, 17).*

Ответ на вопрос: Христос — Бог или человек даст понимание всей мировой истории, от

сотворения мира до Апокалипсиса. Если Иисус Христос — Бог, непостижимым и чудесным образом пришедший в мир, чтобы принести Себя в жертву, указать путь спасения и создать нового хранителя Истины (Церковь), это один вариант понимания мировых событий. Если Христос есть чудесное явление, не определяемое как Бог, возникает совершенно другое понимание мировых событий.

Если Христос воскрес, получается, кто-то обманул атеистов, отняв у них жизнь вечную. Если не воскрес, получается, кто-то обманул христиан, отняв земные радости. Из любого ответа на вопрос следует: огромная часть человечества обманута. Любой ответ означает присутствие в мире большого обманщика. Кто обманут: христиане или атеисты?

Сомнительные или притянутые за уши факты не годятся. Самое полное собрание самых благочестивых историй никого не убедит в чуде воскресения Христа из мертвых. Свидетельства первых христиан о Воскресении, оставленные в виде пергаментов или рисунков на стенах гробниц и пещер, бессильны поколебать неверие большинства. Люди относятся к этим вещам примерно как к древнегреческим мифам.

Воскресение Христа — краеугольный камень всего вероучения. Апостол Павел пишет: *«Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию. Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною. Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали. Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если мертвые не воскресают; ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1Кор. 15, 3—22).*

Поведение Христа

Рассмотрим поведение Иисуса Христа. Учитель говорит ученикам невероятные вещи о своей миссии. Он говорит, Я пришел взять на себя грехи человечества, освободить мир от уз смерти и указать путь к спасению. *«Сыну Человеческому должно много пострадать, и быть отвергнуту старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее; ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить, или повредить себе? Ибо, кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда приидет во славе Своей и Отца и святых ангелов; говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царство Божие» (Лк. 9, 22—27).*

Когда ученики спрашивают Его, как удостовериться в истинности сказанного, Он прямо и недвусмысленно отвечает, что главным подтверждением является Его воскресение на третий день после казни и смерти. Это единственное и главное доказательство.

Иисус многократно, с полной определенностью и во всех подробностях говорит, как Он отправится в Иерусалим, где Его предадут смерти, и на третий день Он воскреснет из мертвых. Христос говорит о Своей смерти, всегда упоминая Свое воскресение. *«И по воскресении же*

Моем предварю вас в Галилее» (Мф. 26, 32).

Иисус поставил свое учение в зависимость от способности встать из могилы. Ни один основатель никакого учения и никакой религии, ни до Христа, ни после, не делал подобных заявлений. Никто не ставил дело своей жизни в зависимость от способности встать живым из гроба.

Представьте: команда строителей возводит здание. Права на здание оформлены на руководителя стройки. Он говорит своей команде, мол, вы вступите во владение зданием, которое мы все строим, после того, как меня убьют, и я на третий день воскресну. Надо ли уточнять, что строители отнесутся к словам лидера не иначе как к аллегории?

Можно ли создать прекрасное учение, собрать монолитную команду учеников и заявить, что все сделанное мною следует считать истиной только в случае, если я воскресну через три дня после смерти? Такое мог утверждать или Бог, или ненормальный. Любой нормальный человек знает: мертвые не воскресают. Никто не ведает, что будет после смерти, и вообще будет ли что-то, или смерть это «сон без снов», уход в никуда и навеки.

Люди верят в тот или иной вариант развития событий, но доподлинно никому не известно, как события будут развиваться. Материалисты верят: смерть превращает человека в ничто. Доказательствами для них являются кладбище и покойники. Верующие верят: смерть переносит человека в новую форму бытия, разумея доказательством воскресшего Христа. Можно формировать такую зависимость, будучи уверенным в своем воскресении. Но кто может иметь такую уверенность? Из людей — никто. Остается один-единственный возможный вывод: Христос не был человеком.

Ученики не могли понимать слова Христа в прямом смысле. Они недоумевали, *«спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых» (Мк. 9, 10).* Это естественное восприятие любого нормального человека. *«Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых» (Ин. 20, 9).* Значение Его слов они осознали, когда Он воскрес.

Первосвященники тоже не понимали, Кто к ним пришел, и тоже не могли отнестись к Его словам со всей серьезностью. Они считали Христа чародеем (в современном варианте экстрасенсом), возмущающим массу и оскорбляющим власть. Собравшуюся вокруг Христа группу называли сектой. На них можно было не обращать внимания, если бы не одно НО. Христос совершал то, чего никто не мог совершить. За Ним ходили толпы народу. Он становился неформальным центром власти. Учитывая мессианские настроения Израиля, Он создавал неподконтрольную ситуацию, чем уже представлял социальную опасность.

И вот теперь вопрос: как вы объясните такое поведение Христа? Он пять раз говорил — истинность Моих слов подтвердит только мое воскресение из мертвых. При этом нужно понимать, у Него было огромное количество иных способов обосновать истинность Своего учения. Он совершил столько чудес, что любая предложенная Им версия не встретила бы сопротивления. Но Христос настаивает на самом невероятном доказательстве: на воскрешении Себя из мертвых.

За время существования христианства было придумано огромное количество версий на тему «куда делось тело». Все попытки объяснить исчезновение тела в рамках рациональной логики провалились. Предлагаем добросовестно рассмотреть основные версии. Тогда каждый сам составит мнение об их правдоподобности и решит, воскрес Христос или это обман. Отнесемся к этому факту не походя и не между прочим. От того, как мы ответим себе на данный вопрос, зависит стиль нашей сегодняшней жизни и наше вечное будущее.

Иисуса в пятницу положили в гробницу, в воскресенье Он исчез. Остались только пелены, сохранившие форму тела, но при этом пустые. Валун, закрывающий вход, оказался далеко отодвинутым. Куда делось тело?

На этот вопрос есть два направления возможных ответов. Коридор первого направления: тело Христа вынесли из гробницы какие-то люди с какой-то целью. Коридор второго направления: Христос не умирал и вышел из склепа своими силами.

Рассмотрим эти варианты.

Версии кражи

Допустим, тело вынесли какие-то люди. Это должны быть очень заинтересованные лица. Участие случайных шутников в таком опасном и трудном деле исключается. Отодвинуть тяжелый камень, быть готовыми к конфликту с римской стражей, сорвать римскую печать с гробницы… За все эти действия полагалась смертная казнь. В случае удачи они получали мертвое тело. В случае неудачи сами становились мертвыми. При таком риске не до шуток.

Чтобы решиться на подобное мероприятие, нужно иметь очень высокую мотивацию. Первыми в круг подозреваемых попадают ученики. Кто они? Малограмотные робкие люди, воспитанные в глубочайшем почтении к Закону. Они доверились Учителю, признали Христа Богом. На их глазах Он был схвачен как рядовой простолюдин, подвергнут пыткам, унижен, оплеван и казнен. Христос, сотворивший столько чудес, не защитил Себя, повел Себя не так, как ожидали ученики. С человеческой точки зрения поведение Учителя противоречило представлениям о Боге. Он должен был поразить всех своих врагов громом и молнией, а Он…

Представляете состояние учеников после казни? Они были подавлены и в великом смятении. Чудеса, совершенные Христом, затмевались фактом смерти. Они считали Христа мертвым и не ожидали Его воскресения. Этим настроением пронизаны все их поступки и слова. Люди забыли Его слова о воскресении, понимая их иносказательно, типа «вечно живой в наших сердцах».

Смущением и смятением пронизано поведение апостолов. Им страшно с точки зрения как земной жизни, так и религиозной ответственности. В голове роятся мысли: как им, ученикам, без Учителя жить дальше? Как строить отношения со священниками, властями, обществом? Что их ждет после смерти за признание погибшего Христа Сыном Бога? Получалось, они страшные грешники и богохульники.

Невозможно предположить у них боевое настроение, необходимое для похищения тела. Напротив, есть все основания полагать: они были деморализованы. Чувствуя себя покинутыми и обманутыми сиротами, будущие апостолы пребывали во власти уныния, страха и безысходности.

Могут ли люди в таком состоянии решиться на похищение из охраняемой гробницы тела Христа? Могут ли сплотиться в команду, разработать план и реализовать его? Объективно оценивая состояние учеников, на поставленный вопрос есть только один ответ: нет, не могут. Ученики не имели ни физической силы, чтобы напасть на отряд воинов, ни отваги, чтобы решиться на такое дело.

Ни один из будущих апостолов в таком состоянии не мог даже думать о чем-то подобном. Чтобы бросить вызов железному Риму и беспощадному Синедриону, нужно совсем другое состояние духа. Такое состояние появится у апостолов потом. Они победят и Рим, и Синедрион, но потом…

* * *

Давайте усилием воли, вопреки логике и здравому смыслу, предположим: хилые и робкие существа, покинувшие Иисуса, сплотились в монолитную команду, спланировали и реализовали дерзкую операцию по похищению тела, грозящую мучительной смертью в случае провала. Опуская подробности, каким образом это могло случиться, зададимся единственным вопросом: зачем? Христа казнили, забальзамировали и похоронили в лучшей гробнице. Всё, Он умер. Зачем ученикам могло понадобиться похищать Его тело? Какой цели они хотели добиться?

Первое предположение: они решили украсть тело, чтобы всех обмануть и объявить о воскрешении, которого в реальности не было. Ради этого и решились на крайне опасное мероприятие. Ученики пошли на сознательный обман. Допустим этот вариант. Но тогда нам нужно ответить на вопрос: что было стимулом? Зачем им понадобился обман?

Зная нравы апостолов и проповедь Учителя, предположение, что они решили стать обманщиками, нелепо. Если даже допустить, что кого-то из апостолов посетила такая мысль, думать, будто остальные поддержали ее единодушно — кощунственно и противоречит здравому смыслу. У нас нет оснований полагать в этих людях склонность к лукавству.

Снова допустим невозможное. Допустим, апостолы решили стать обманщиками, причем, с риском для жизни. Возникает тот же вопрос: зачем? Какова цель? Решаясь на смертельно опасное дело, человек предполагает соответствующую выгоду. Анализируя ситуацию, мы не можем обнаружить никакой, даже самой малой выгоды.

Допустим, мы не понимаем мотивации учеников, решивших украсть тело. Допустим, какая-то выгода была. Но, планируя операцию, они не могли не думать о последствиях. Давайте поставим себя на их место и поразмыслим. Мы предполагаем, все получится удачно. Дальше что? Продолжением успеха должна стать пропаганда Воскресения. В противном случае в краже смысла нет.

Такая проповедь влекла за собой арест и пытки с последующей казнью. Где гарантия, что никто под пытками не откроет правду о похищении и не укажет место нового захоронения? Сознавая собственную неправоту, ученики при первых же арестах все бы рассказали.

Когда все откроется, то последнее станет хуже первого. Сегодня можно подать дело так, что Иисус воскрес в наших сердцах, память о Нем будет жить в нас и в наших потомках вечно. В общем, ситуация примерно как со многими великими людьми: их объявляют живее всех живых, обещают помнить всегда, но при этом они лежат мертвыми в своих гробницах, и помнят их только историки.

Как можно вообразить, что люди идут на смертельный риск с целью ухудшить не только свое положение, но и память об Учителе? Допустить, что люди пойдут на действие, в любом случае влекущее смерть и не несущее никаких выгод, в высшей степени абсурдно. Пойти на смерть за обман, будто это не обман, а истина, — нереально. Обманщики могут других посылать на смерть за свою ложь. Но чтобы сами пошли… История человечества не знает примеров подобного поведения. Это противоречит человеческой природе.

Люди могут идти на смерть ради Веры. Если апостолы сами украли тело Христа, где-то его похоронили, а потом раструбили на весь Израиль, что Он воскрес, они не могли иметь веры в Его воскресение. Вместо веры в Его воскресение они имели бы знание о Его невоскресении.

Народ можно обмануть и заставить поверить в любую небылицу. Можно даже уговорить ради этой небылицы принять муки и смерть. Но как можно поверить в сказку собственного производства до такой степени, чтобы оставить обычную жизнь и пойти за свой обман на смерть?

С психологической точки зрения невозможно допустить, что кучка дрожащих со страха людей превращается в несокрушимую силу только потому, что все сговорились врать. Будь то один человек, можно было махнуть рукой, сочинив версию про особую форму помешательства. Но речь идет о группе высоконравственных людей, живущих в полном согласии с учением, жизнью и смертью доказавших свою честность.

Для чего ученикам подвергать себя смертельной опасности? Чтобы сочинить миф о воскресении? Но зачем? Этот вопрос звучит особенно остро, если не забывать о последствиях. И десятикратно остро, если помнить: все апостолы, за исключением Иоанна, автора Откровения, приняли мученическую смерть за воскресшего Христа.

Получается, ученики по смерти Учителя, вместо того, чтобы вернуться к прежней жизни, как это бывает с членами распавшихся сект, решаются на опаснейшую операцию. По какой причине? Чтобы всех обмануть и некоторое время проповедовать то, чего не было? Потом быть арестованными Синедрионом, выдержать ужасные муки и умереть на кресте за обман?

Если никакого воскресения не было, вы можете представить такое поведение? И если можете, крайне любопытно узнать ваше мнение по вопросу мотивации. Не общие слова и не бормотание про фанатизм и прочее, а четко сказать мотивацию. Вы лично можете хотя бы для себя сформулировать: зачем?

Как члены группы, сфальсифицировавшей воскресение Христа, могли пойти на смерть и муку за такое «воскресение»? Представьте: на одной чаше весов муки и смерть за богохульство (признание Христа Богом, если Он не Бог, есть богохульство). Кроме того, ты сам про себя знаешь, что ты обманщик и богохульник, укравший тело и выдававший это за воскресение. На другой чаше признание в обмане, покаяние перед Богом и далее жизнь и свобода. Какой вариант выберет человек? Если кто скажет, что первый вариант лучше, тот бредит в квадрате.

Можно с уверенностью сказать: если даже опросить все человечество, мы не найдем никого, кто в такой ситуации обман, муки и смерть предпочтет правде, покаянию и жизни. Если все так, считать замученных апостолов обманщиками есть богохульство. Чтобы так сказать, нужно попрать элементарные нормы логики и правила здравого смысла. Нормальный человек ни при каких обстоятельствах не может так оценить действия апостолов.

Если Воскресения не было, нужно признать: Павел лгал апостолам, когда говорил, что ему явился Христос. Апостолы лгали Павлу, когда говорили о явлениях воскресшего Христа. Получается, все друг другу лгали, а потом добровольно пошли на смерть за собственную ложь. Бред.

Перебирая все варианты мотивации, мы не находим ничего, что могло побудить учеников красть тело своего Учителя. За 2000 лет никто, даже самые ярые враги христиан, не смогли придумать хоть сколько-нибудь реальный мотив для подобного поведения.

Возможности

Чтобы отбросить последние сомнения и поставить точку на версии кражи тела учениками, представим: вопреки логике апостолы решаются на похищение, на обман и на смерть за обман. Каковы их возможности в той ситуации? Насколько вообще вероятна подобная операция? Был у них хотя бы теоретический шанс исполнить ее?

Итак, представляем картину: огромный камень закрывает гробницу. Возле камня отряд солдат на страже. Приходят ученики, отодвигают камень, разворачивают саван и берут тело. Учтите, нам необходимо еще сделать такое допущение: все солдаты спят так крепко, что не слышат шума отодвигаемого камня. Вероятно ли это? Но допустим.

Чтобы придать ситуации хоть какую-то реалистичность, предположим: солдаты не спят, а ушли погулять, полагая, что покойник никуда не убежит. В это время приходят ученики, отодвигают камень, забирают тело и распускают слух о воскресении Христа.

Прежде чем рассмотреть эту версию, отметим: во времена Христа в римской армии царила суровая дисциплина. Страх перед наказанием заставлял солдат безукоризненно выполнять свой долг. По законам древнего Рима оставление поста или сон на посту карались смертью. Есть все основания полагать, что воины охраняли гробницу с не меньшим рвением, чем проводили распятие. Присяга и римская печать были для них священнее любых иудейских мировоззрений вместе взятых.

Получается, по своей прихоти римские воины не могли все вдруг покинуть пост и пойти «гулять». Чтобы придать версии с «прогулкой» реалистичность, нужно предположить версию подкупа. Допустим, ученики вступили в сговор со стражей. За большие деньги стража соглашается на короткое время оставить пост.

В этой версии мы предполагаем солдат грубыми и неумными. Они соблазнились деньгами, не просчитывая последствий. Но даже в этом варианте воины не могут не понимать: пропажа тела будет обнаружена на следующий день. Можно говорить в свое оправдание что угодно, но версий было бы только три: солдаты или заснули на посту, или оставили пост, или вступили в преступный сговор. За любое деяние смертная казнь. Если даже отбросить соображения о верности присяге и прочее, никто не пойдет на такой сговор хотя бы потому, что это самоубийство.

Но допустим, эти воины были особо тупыми. Увидев деньги, они еще больше оглупели и потеряли последние остатки ума. Взяли деньги и предоставили ученикам минимум времени, чтобы те успели отодвинуть камень и забрать тело. Делаться все должно очень быстро. В любой момент мог появиться посторонний. Информация дошла бы до Понтия Пилата и Синедриона. В этом случае солдат ждала не просто смертная казнь, а мучительная, вероятнее всего распятие.

Акцентируем ваше внимание: при сговоре ученики располагали очень малым временем. Версия «прогулки», «подкупа» и «засыпания стражи» имеет условием ограниченное количество времени. Как этот момент совместить с фактом, что в гробнице остались пелены в форме тела? Получается, похитители сначала размотали пелены, а потом сложили таким образом, что они остались как бы нетронутыми, сохранив форму тела. Выше мы описывали, что представляло собой тело после завершения обряда погребения. Это был скафандр. Между

слоями пелен находились порошкообразные благовония. При разворачивании пелен на полу остались бы следы благовонных порошков. Но никаких следов не было.

Как вы представляете вытаскивание тела из скафандра? Огромный, хлопотный и неприятный труд. Но это еще не все. Затем похитители тщательно убирают пещеру, чтобы на полу не осталось рассыпанных благовоний, и сооружают пустую куколку из снятых пелен. И все это под носом у спящей или гуляющей стражи, которая в любую минуту может проснуться или вернуться. Если стража подкуплена, это не снимает вопроса ограниченности времени: сюда мог в любой момент прийти проверяющий от прокуратора или Синедриона. И главное, зачем это было нужно?

При самом богатом воображении нельзя допустить такого поведения в такой ситуации. Разумно предположить: все делалось бы наспех. Сохранение пелен и уборка пещеры не влияли на конечный результат. Главным был факт пропажи тела, а не вид пелен и состояние пещеры.

Исключая множество нелепостей, версии сговора противоречит состояние гробницы Иисуса Христа — после исчезновения тела она осталась чистой, без малейшего намека на беспорядок. На каменной плите лежали осевшие под тяжестью благовоний погребальные пелены. На месте головы находился пустой сверток, сохранивший тюрбанообразную форму, приданную при погребении. Ничто не указывало на прикосновение человеческих рук.

Исследователи этого вопроса пишут — одного взгляда на пещеру было достаточно, чтобы убедиться в подлинности чудесного Воскресения. Ни одно человеческое существо не трогало, не перемещало и не складывало пелен. Они напоминали сброшенную оболочку куколки, из которой вылетела бабочка. Тело непостижимым образом исчезло из савана.

Другие похитители

Итак, мы понимаем: ученики физически не могли выполнить такую операцию. Характер учеников, их подавленное состояние после казни Учителя плюс ситуация вокруг погребения и сопутствующие обстоятельства исключают даже намек на такое намерение. Но факт исчезновения тела требует объяснения. Если ученики не крали, возможно, дельце «провернул» кто-то другой? И этот «другой» имел возможность сделать все неторопливо.

Весь Израиль можно поделить на лиц, заинтересованных в краже тела и незаинтересованных. Участвовать в похищении тела могли только заинтересованные. Вариант с мальчишеским озорством отпадает по очевидным причинам. Заинтересованными могут быть друзья или враги Христа. Мы разобрались с друзьями и пришли к выводу: у них не было ни настроения, ни желания, ни возможности провести такую операцию. Рассмотрим версию о похищении тела римскими властями или первосвященниками.

Первым делом нужно понять мотив. Зачем врагам Христа могло понадобиться имитировать кражу тела? Целью Рима было обеспечение спокойствия в Иудее. Целью вождей Израиля было обличение Христа во лжи и сохранение своего авторитета. Обе цели достигаются предоставлением мертвого тела по истечении трех обещанных дней. Это было бы идеальным доказательством обмана. Для решения этой задачи иудейские и римские власти принимают решение три дня охранять тело, после чего провезти Его по улицам Иерусалима, предъявив всем желающим факт невоскресения. Эта акция удушила бы учение Христа на корню.

Рим и Синедрион состояли из очень неглупых людей, и те сделали все возможное, чтобы предотвратить предполагаемое со стороны учеников похищение. Но тело исчезло. Может быть, власти сами взяли тело? Зачем, спросите вы? Ну, например, когда апостолы узнают, что тело исчезло, они решат, будто Христос воскрес, а в это время власти предъявят мертвое тело, чем как бы поймают апостолов на лжи. Выставив их обманщиками, они окончательно пресекут любую интерпретацию смерти Христа. И тогда с христианством было бы покончено за несколько недель или месяцев.

Но события развиваются иначе. На третий день на улицах Иерусалима появляются апостолы. Но теперь это совершенно другие люди — не робкие обыватели, подавленные казнью Учителя. Иерусалим видит несгибаемых борцов. Апостолы начинают распространять Благую Весть о воскресении Христа. Начинаются волнения. В первые дни, после того как чудесная весть облетела Иерусалим, тысячи иудеев признают Христа. Чтобы остановить

волнения, властям достаточно предъявить тело, если оно у них есть. Но власти ничего не могут предъявить. Вместо этого они арестовывают Петра с Иоанном и угрозами пытаются заставить их замолчать. Это дает обратный эффект.

Поведение иудейских и римских властей лучшее доказательство того, что тела у них не было. Оно исчезло при очень странных, даже фантастических обстоятельствах. Никто во всей Иудее и на всей планете в течение двух тысячелетий не может внятно объяснить случившееся, кроме как великим чудом Воскресения.

Загадочное исчезновение тела для современников Христа было настолько очевидным фактом, что его нельзя было подвергнуть сомнению. На пятидесятый день по воскресению Христа никто не мог возразить проповеди Петра, провозгласившего: *«Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели» (Деян. 2, 32)*. Никто не возражал Павлу, спустя некоторое время проповедовавшему воскресение Христа. Синедрион и Рим принуждали апостолов молчать, но самого события не опровергали.

Самый эффективный способ борьбы с проповедью апостолов — объявить их свидетельства ложью. Но в условиях, когда живо огромное количество свидетелей, которым явился Христос, это невозможно. Иисус явился в точно указанное время не одному или двоим, а многим. Весть о воскресении Христа пронеслась по Иерусалиму, вызвав небывалый интерес. Началось массовое принятие учения Христа.

Христа казнили, и Он воскрес, явившись многим. Каждый желающий узнать истину имел доступ ко всем обстоятельствам дела. Власти изначально делали все максимально открыто, чтобы люди могли убедиться в их правоте. Но Христос воскрес!

Теория обморока

До XVIII века отрицание воскресения Христа строилось на утверждении, не выдерживающем критики. В XVIII веке появляются более адекватные объяснения. Если тело никто не крал, может, Христос не умирал? Бывают случаи, когда человека ошибочно принимают за мертвого, отвозят в морг, и он там оживает. Вдруг сходная история произошла с Иисусом Христом? Возможно, Он просто потерял на кресте сознание от изнеможения, боли и потери крови? Солдаты, священники, апостолы и прочие люди, констатировавшие смерть, все вместе ошиблись. Они сняли Его с креста и поместили в прохладную гробницу. Холод и покой произвели на Христа благотворное действие. Он очнулся, выбрался из гробницы, пришел к ученикам, и это послужило поводом для истории о Воскресении.

Ради чистоты исследования допустим, все так и было. Над живым Христом совершили погребальную процедуру, положили в гробницу и задвинули вход огромным камнем. Если так, дальше события развивались следующим образом. Христос очнулся, освободился от погребальных пелен, осторожно, без посторонней помощи, отодвинул огромный камень от входа в гробницу и, никем не замеченный, отправился к ученикам. При этом мы не забываем: Его руки пробиты огромными гвоздями, и Он именно этими руками передвигает огромный камень и аккуратно рвет пелены. Выйдя из гробницы, Он нечеловечески быстро проходит несколько километров пешком (на ступнях Его ног, не забывайте, дырки от гвоздей).

Вы можете представить, что полумертвый выбрался из погребальных пелен, туго стянувших тело? Спеленайте себя плотно в тонкое одеяло и попробуйте выбраться без посторонней помощи. Но тут предполагают большее: Христос не просто выбрался. Он озаботился приданием разорванным пеленам формы тела, укладывая их так, будто из них никто не выбирался. Подумайте, как это вообще возможно — разорвать пелены, а потом сложить их так, что они оказываются неразорванными?

Порошкообразные благовония, насыпанные между пелен, должны были в случае такого освобождения рассыпаться по всей пещере. Но их нет. Вы можете представить, что чудом освободившийся от пелен и еле живой человек убирает следы своего освобождения? А потом отодвигает камень изнутри, тогда как чтобы отодвинуть его снаружи, требуются усилия нескольких? Камень, закрывающий вход в гробницу, был дискообразной формы, двигавшийся по подобию желоба. Снаружи его подпирал второй камень. Отвалить главный камень, просто уперевшись в него руками, было еще более нереально, чем откатить по желобу.

Все это в высшей степени странно, нетипично, нереально. Это сюжет фантастического

фильма, но не действительности. Но это только половина дела. Далее Он приходит к ученикам и своим видом так воодушевляет их, что они не просто верят в Его воскрешение, а из испуганных людей превращаются в гигантов духа, против которых оказалась беспомощной государственная машина железного Рима и власть Синедриона.

Как выглядит чудом спасшийся человек, преодолевший множество препятствий, непреодолимых даже для здорового? Наверное, он будет выглядеть истощенным от упадка сил, истязаний и потрясений. Это должен быть больной, еле стоящий на ногах человек, прикрывающий наготу тем, что попалось под руку во время пути.

Какая будет естественная реакция на такого человека? Наверное, укрыть, помочь, пожалеть… В общем, такой вид заставит признать поражение. Но мы видим обратное. Вид Христа рассеивает страхи учеников. На них нахлынули смелость и воодушевление. Они видят перед собой не чудом спасшегося человека, а воскресшего Бога, победившего смерть. Он в их глазах первооткрыватель пути, ведущего к жизни. Больше нечего бояться, все страхи позади, смерть побеждена, Христос открыл дверь в вечность.

Если бы Христос явился ученикам в виде человека, чудесным образом спасшегося от смерти и преодолевшего все препятствия, Он не произвел бы впечатления Победителя смерти. Вид человека, нуждающегося в медицинском уходе, убедил бы учеников: Христос не воскрес из мертвых. Чудесное спасение и воскрешение из мертвых — разные вещи.

В описании воскресшего Христа нет даже намека на физическую слабость. Если Иисус очнулся от обморока и пережил такое приключение, Он не мог так выглядеть. На рассвете третьего дня ученикам является не полуживой труп, а исполненный радости и полный сил Бог. Это вселяет в учеников такую уверенность, что они мгновенно преображаются, воспаряют духом и обретают веру в Христа, которую ничто в мире уже не могло сломить.

У апостолов были все мыслимые и немыслимые поводы задуматься о правильности своей веры, о свидетельствах великих событий и истин, которые они проповедовали, и только потом принять решение. На кону стояли не только жизнь и угроза страшных мучений, но и страх согрешить против Бога, признав за Бога того, кто Богом не является. Невозможно допустить, что они не стали тщательно разбираться в основаниях веры и размышлять, является ли их вера тем сокровищем, которое стоит страшных мучений и смерти. У апостолов не было иллюзий относительно намерений Синедриона и Рима. Даже если бы они решили распространять новую веру самым мирным и безобидным способом, они могли рассчитывать только на презрение, противодействие, оскорбления, преследования, побои, тюрьму, пытки и казнь.

Все это апостолы получили сполна, проповедуя воскрешение Христа. Невероятно, что ученики могли решиться на такое, если бы Иисус не воскрес из мертвых, и они не знали об этом достоверно. Люди могут отдать меньшую ценность за большую, но не наоборот. Апостолы могли отдать свою жизнь при осмыслении ее временной и желании получить вечную. И они делают это, принимая страдания не ропща и даже с радостью. Один за другим они погибают от рук палачей, и смерть никого не останавливает.

Оставшиеся в живых, имей мы дело с обычным явлением, должны были разбежаться, потому что нет мотивации, если нет воскресения Христа из мертвых. Но тут все наоборот: апостолы после смерти товарищей вкладывают в свои труды еще больше энергии и решимости. В истории человечества немного примеров подобного героического постоянства, спокойствия и несгибаемой отваги за свои убеждения.

Чтобы принять решение проповедовать Истину и за это приготовиться расстаться с жизнью, нужны очень веские основания. Таких оснований невозможно найти среди земных категорий. Но раз апостолы проповедуют, значит, они у них есть — за рамками земных.

Теория «сказки»

Самая распространенная версия нашего времени — отрицать евангельские чудеса по той причине, что они… чудесные. Это не шутка. Это единственный аргумент: отрицать явление, потому что оно не объяснимо физическими законами. А раз так, значит, не было воскресения Христа из мертвых и других чудес — просто «темные» люди поверили в придумки апостолов. Те заразили своими «фантазиями» других, да так, что уже 2000 лет эти «фантазии» волнуют

мир.

Глупость такого предположения очевидна, но допустим, воскресение Христа есть благочестивый миф, выдуманный учениками. После казни они собрались вместе и в память об Учителе сочинили сказочную историю, предварительно согласовав опорные точки сюжета. Далее они начинают рассказывать свою сказку, постепенно распространяя ее на весь мир.

Если допустить такое, получается, неграмотные люди, сломанные и запуганные казнью Христа, после которой сами подвергаются гонению, вдруг сочиняют «сказку», которой обманываются самые умные и образованные во всем мире. «Сказка» ломает языческие учения, отвечает на все вопросы мироздания, и в условиях страшных гонений распространяется по миру с невероятной скоростью.

Даже читатель-атеист увидит беспочвенность подобных утверждений. Единственный их плюс — они привычны. Но насколько привычны, настолько и безосновательны. Люди слепо верят в атеистические сказки оттого, что привыкли верить — так в школе учили, в институте доказывали, СМИ подтвердили, и все вокруг так считают. Никто сам не хочет разобраться с ситуацией, потому что… и так все «ясно». Ну, разве это не слепая вера?

Уважая добросовестное заблуждение всех современных атеистов, рассмотрим версию «сказки». Согласно официальной позиции, пропаганда «сказки» заставляет многих иудеев отказаться от иудаизма и принять христианство. Обратите внимание: христианство принимают не случайные люди. Первыми принимают христианство глубоко верующие иудеи. Для них это не новая вера, это продолжение иудаизма. У кого не было глубокой иудейской веры, заставляющей думать о произошедших событиях, те никуда не перешли. Перешли в христианство только те, кто глубоко понимал иудаизм и мог сопоставить произошедшее с предсказаниями пророков. Апостолы считали себя именно иудеями, апостол Павел говорит апостолу Петру при всех: *«если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (Гл. 2, 14).*

Первыми христианами могли быть только самые набожные иудеи. Иудеи же, воспринимающие веру больше традицией, чем живой верой, не были способны на такое. Они попросту не понимали случившегося.

Крайняя набожность древних иудеев не имела ничего общего с доверчивостью. Иудеи времен Христа — не бабушки из простонародья, определяющие истину по соответствию традиции (если батюшка правильно кадило держит, ладонью вниз, значит, все истинно; если неправильно держит, ладонью вверх, значит, не истинно). Против бабушек мы ничего не имеем, но считать их понимающими всю глубину христианского учения нельзя. Они верят сердцем, верят глубоко, но не понимают многого. Это позволяет запутать их, чему подтверждение — многочисленные секты.

Вера первых иудеев во Христа, в отличие от современных верующих, была осознанной. Зная всю премудрость иудаизма, они могли оценить слова Христа по достоинству. Сначала они слушали и не слышали. Воскресение из мертвых заставило их внимательно изучить все детали события.

Эти люди имели возможность разобраться во всех обстоятельствах дела. Самые иудеи из иудеев сверяют произошедшее с предсказанием пророков и находят воскресение Христа истиной. Это открытие потрясает их до глубины души. Они принимают Христа и Новый Закон. Они верят: Бог в лице Своего Сына пришел на Землю и показал дорогу в обещанное Царство. На этом основании они склоняются к Истине.

Древние иудеи имели четкое представление о мире и знали Бога, что входило в них с молоком матери и пропитывало жизнь. Это были не невежественные люди, готовые верить в любую чушь. Обмануть их так, чтобы они приняли новую веру, за которую пошли на смерть, — такое невозможно даже теоретически.

Спрашивается, как «сказка» могла подвигнуть Израиль, отличавшийся крайней религиозностью, к отказу от старых правил и норм? Религиозность крайне недоверчива ко всему, что противоречит вероучению. Это естественно: цельное мировоззрение не оставляет места другому толкованию мира. Оно занимает весь мир, без вариантов.

Израиль был обществом, рожденным в пустыне и структурированным вокруг почитания Бога. Иудеи с малых лет воспитывались в глубочайшем почтении к Богу. Простые люди имели серьезные познания в вере. Они принимали Бога не как абстракцию, не имеющую отношения к

текущей жизни, а как руководство к действию. Религиозные правила были всепоглощающей и доминирующей установкой, пропитывающей и подчиняющей жизнь.

И вот теперь ответьте на вопрос: насколько реальна история, согласно которой древние иудеи, услышав «сказки» апостолов о воскресении Христа, толпами переходят из иудаизма в христианство? Они даже перестают соблюдать день субботний, хотя соблюдение субботы было завещано Самим Богом: *«суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих» (Исх. 20, 10)*. За нарушение субботы (работа в день отдыха) побивали камнями. И вот теперь нам предлагают поверить, будто иудеи поменяли веру своих отцов из-за «сказки». Под угрозой смерти они стояли в вере, а под влиянием «сказки» отказались от нее.

Множество жителей Иерусалима, с самого начала враждебно настроенных ко Христу, приняли христианство под давлением фактов. Любой современник тех событий мог лично разобраться во всех деталях невероятного происшествия. После самого тщательного разбора всех обстоятельств дела у людей не оставалось иного выхода, кроме как… признать Христа Богом. Или признать себя упорствующим язычником, для которого объектом поклонения выступает не живой Бог, а традиция и ритуал.

Брат Иисуса, Иаков, до Воскресения ни во что не ставивший слова Иисуса, вдруг полностью преображается. Вместе с другими учениками он проповедует учение Господа и пишет, что стал *«рабом Бога и Господа Иисуса Христа...» (Иак. 1, 1)*. Объяснить эту перемену можно лишь тем, что Христос *«явился Иакову» (1Кор. 15, 7)*. Сказка не могла изменить мнение Иакова о Христе.

Могли ли выдумки неграмотных учеников захватить элиту? Даже такие имена как Гомер, Гораций и Аристотель не вызвали ничего подобного среди элиты. И тут вдруг рыбаки… Можно ли поверить, что кучка бродяг способна обмануть не просто элиту, а религиозную элиту? И если да, возникает вопрос: что это за элита такая и что за бродяги?

Если бы рассказ о Христе был ничем не подтвержденной небылицей, нельзя допустить, что элита общества могла отказаться от веры отцов, пойти против римской власти и первосвященников и в итоге подвергнуть себя не просто гонениям, а утрате жизни и страшным мучениям. О потере социального статуса и прочих утратах мы даже не говорим.

Очевидцы событий

Попробуйте представить: в нашем обществе, которое готово верить в любую ахинею, появились рассказчики, уверяющие, будто их лидер воскрес из мертвых, и он Бог. Как вы думаете, какой эффект вызовет такая история? Можно заранее сказать: среди элиты она не станет даже предметом насмешек, ее попросту не заметят.

Невозможно сфабриковать ложь в условиях, когда живы сотни и тысячи очевидцев. Ответьте сами себе: как вы отнесетесь к информации, уверяющей, будто покойный президент (умерший на вашей памяти), ходил по воде, исцелял мертвых, если такого не было? Как вы отнесетесь к уверению, что он воскрес, явился членам правительства и сказал, что он Бог? Разве такая история не примет анекдотичный оттенок? Чем больше ее станут пропагандировать, тем больше она будет превращаться в анекдот. Потому что живы люди, лично знавшие почившего президента и его деятельность. Если он действительно не ходил по воде и не исцелял мертвых, как в это поверят те, кто лично был с ним знаком? И тем более не поверят, что он им явился после смерти, если такого не было.

Если бы рассказы апостолов были измышлением, их легко можно было бы опровергнуть. Но это невозможно, потому что Евангелия писались, когда были живы десятки тысяч свидетелей евангельских событий. Может ли описание событий 30-, 40-летней давности стать объектом преклонения, если описанные события не реальность, а чья-то фантазия?

Элита, уверовавшая во Христа, составляет тысячи жизнеописаний Христа. Выход Благой Вести о Царстве Небесном в таком количестве само по себе крайне необычно для древнего мира. Великие произведения древности переписывались в единичных экземплярах, реже десятками и никогда сотнями. Анализ скорости распространения Евангелия позволяет утверждать: уже в первом веке счет переписанных Евангелий шел на тысячи. К сожалению, ни

одно из них не дошло до нашего времени. Первый известный экземпляр датируется II веком.

За всю историю человечества ни одна книга не переписывалась столько раз. Чтобы понять значение этого события, нужно помнить: переписывание книг было трудоемким и дорогостоящим процессом. Это не современное копирование с рассылкой по электронной почте. Но древний мир времен Иисуса Христа был переполнен рассказами о Христе. Такая «беременность» закономерно разродилась тысячами рукописей.

Если живы люди, видевшие событие, и эти свидетельства опубликованы при жизни очевидцев, можно говорить о достоверности события. Если это подтверждается косвенными доказательствами, событие становится научным фактом.

Ученики Иисуса выступали при жизни людей, знавших события, о которых шла речь. В 56 году Павел писал и говорил об Иисусе факты, которых никто не оспаривал, в том числе и лютые враги. Они предлагали иное объяснение случившегося, но не отрицали самих фактов.

Иудеи, принявшие христианство, говорят своим соплеменникам: *«Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесивши на древе» (Деян. 5, 30)*. В ответ на обвинение иудейские законники первые годы молчат, потому что не имеют что возразить. Молчание на фоне этих фактов звучит не менее громко, чем голос замученных за веру христиан.

Ни у кого не получилось изобразить людей, преобразивших нравственную структуру общества, одержимыми бредом сумасшедшими или закоренелыми обманщиками. Они свидетельствуют, и свидетельство их истинно. *«Но получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, то есть что Христос имел пострадать и, восстав из мертвых, возвестить свет народу Иудейскому и язычникам» (Деян. 26, 22—23)*. Нечему тут возразить и нельзя это интерпретировать иначе как в прямом смысле: Христос воскрес.

Сила импульса

Объяснить появление христианства в Израиле можно сверхъестественным событием. В Палестине 2000 лет назад произошло запредельное чудо. На окраине Римской империи образовался гигантский всплеск духовной и интеллектуальной энергии. Этот импульс породил энергию, охватившую весь мир.

Чтобы составить хоть какое-то представление о случившемся в Палестине событии и вообразить силу импульса, сравним его с каким-нибудь значительным современным чудом, достоверность которого не вызывает сомнения, потому что событие свежо. Например, с явлением, известным как «явление Богоматери в Фатиме». Любая поисковая система выдаст тысячи документов на эту тему.

Краткая история чуда: с 13 мая по 13 октября 1917 года в португальской деревушке Фатима девятилетнему Франсишко Марту, его сестре семилетней Жасинте Марту и их двоюродной сестре десятилетней Лучии душ Сантуш впервые явилась Богоматерь. Она указала точную дату своего будущего явления.

Дети рассказали об этом взрослым. Естественно, им никто не поверил, но ради любопытства несколько односельчан в назначенное время отправились посмотреть, что там такое углядели дети. Они вернулись в деревню потрясенные и засвидетельствовали увиденное чудо. Невероятная новость разнеслась по городам и весям. Люди начали приезжать со всей Португалии. Потом хлынул поток со всего мира. На третьем явлении присутствовало уже 5000 человек, на четвертом 20 000, на пятом 40 000. Последний раз более 70 000 человек.

И что? Кто-нибудь помнит это? Более сотни тысяч человек видели явление своими глазами, и что? Ничего. Не прошло и 100 лет, как все забылось. Сегодня об этом знают узкие специалисты и небольшой круг верующих.

Примечательна реакция СМИ. Если раньше писали «было явление», сегодня пишут «якобы было явление». Частица «якобы» стала обязательной, хотя явление видели сотни тысяч людей. С таким же успехом можно сказать про тунгусский метеорит — «якобы упал в тайге». Но нет, про метеорит так сказать нельзя, от его падения след остался. А про явление религиозного характера, свидетели которого умерли и доказательств, как с метеоритом, не осталось, можно говорить «якобы».

Добавки «якобы» достаточно для досужей публики, чтобы факт перенести в разряд мифов. Вроде как и прямого отрицания нет, но практика показывает: этой сомневающей частицы достаточно, чтобы в глазах людей настоящая информация выглядела выдумкой и даже ложью. В этом плане обыватели удивительно похожи на Буратино, которого кот Базилио и лиса Алиса учат: *«Надо еще сказать Крекс. Фекс. Пекс. Это главное»*.

Эту особенность современного общества хорошо иллюстрирует информация о башнях-«близнецах» в Америке, рухнувших 11 сентября 2001 года. Ведущие американские архитекторы и специалисты взрывного дела числом более сотни уверяют: обрушение «близнецов» методом террористической атаки невозможно по техническим причинам. Слова подтверждаются расчетами. Башни ВТЦ в принципе не могли обрушиться в результате теракта. Такое обрушение происходит только при плановом точечном минировании малыми зарядами по всему корпусу здания. Эта технология сноса строительных конструкций известна как контролируемый снос. Все расчеты в свободном доступе, их выдаст любая поисковая система. Значит, атака террористов лишь прикрытие и использование втемную. Реальные заказчики — другие люди и другие силы.

Архитектор Ричард Гэйджем, член комиссии по расследованию катастрофы, говорит, что шок помешал рационально оценить случившееся: *«Мы поверили в миф, что башни-“близнецы” обрушились из-за самолетов. Теперь нам очевидно, имел место профессиональный демонтаж с использованием взрывчатки. Подобная операция требует сложной системы минирования. С учетом существовавшей в Торговом центре системы контроля и безопасности нельзя представить, что все эти работы могли беспрепятственно осуществить террористы. Так мы приходим к ужасному выводу: теракт мог быть “срежиссирован” в правительственных кругах США»*.

Эту информацию осветили, но как? Добавили к ней «якобы» и низвели до очередной, 1001-й версии. Точные расчеты и якобы точные это две большие разницы. В итоге у обывателя в голове сложилось: здесь одни что-то говорят, там другие, где истина — непонятно. Но поскольку прямо и косвенно СМИ указывают на терроризм, большинство так и застыло на этой версии. Спросите любого: кто взорвал башни ВТЦ, и все скажут — террористы.

Примечательно, что в рядом стоящее здание самолет не врезался. Однако оно точно так же аккуратно рухнуло в результате «террористической атаки». Если удивленный обыватель спросит, почему оно рухнуло, средства массовой информации скажут — кругом террористы, все рушится, некогда рассуждать, надо бороться… Да и бюджет на борьбу с терроризмом уже утвержден.

А как же расчеты, спросите вы? А никак. Люди слепы и глухи, факты их не интересуют. Реальность определяют СМИ. Если факт неудобен и его невозможно оспорить, существует масса способов свести его на нет. Достаточно признать факт, добавив к нему «якобы», и все — факт превратится в миф.

С одной стороны, факт. С другой стороны, внушение. Большинство предпочтет внушение, навязанное через СМИ. Вопиющие противоречия не играют роли. Отсюда эмоциональная подача информации, тональность и частота повторений.

В Иудее произошло нечто многократно большее, чем фатимское чудо. Событие своей неординарностью вывело людей из тотальной пассивности, свойственной человеческой природе. Если 100 тысяч очевидцев фатимского явления не поколебали человеческой инертности, если миллионы сообщений о мифе терроризма не поколебали человеческой глупости, чем же является Воскресение, уже 2000 лет присутствующее в жизни человечества?

Значение элиты

Зафиксируем очевидное: в первые века никто не смог опровергнуть факт Воскресения, даже первосвященники. На стороне иудеев были вся возможная власть и весь ресурс. На стороне христианства не было ничего, кроме правды. Законы были против Его учения. Интересы правителей были против Его учения. Весь образ жизни мира был против. На этом фоне победа христианства выглядит абсолютной, полной и убедительной.

Христианство победило, имея неопровержимые факты. Фанатики ничего, кроме домыслов, не имели. Доподлинно известно: священники искали способ опровергнуть христианские доказательства. Они предприняли тщательное изучение гробницы и всех обстоятельств дела. В результате исследований обращение в христианство усилилось. В первые годы после Воскресения оно напоминало снежный ком.

Множество исследователей, столкнувшись с неопровержимыми фактами, оказались перед выбором: или лукавить, или принять Христа. Чем больше пытались разоблачить обман, тем сильнее росло число христиан. Люди, имевшие цель разоблачить христианство, вникали в суть дела и принимали христианство. Не было возможности не принять. Для этого требовалось обманывать себя и говорить на черное белое. За порогом христианства остались фанатики, игнорирующие факты.

До Воскресения за Христом следовало много как глубоких людей, так и простого народа, привлеченного чудесами и проповедью. После воскресения Христа в Царство Божие потянулась элита Израиля, увлекая за собой сначала жителей Иерусалима и окрестностей, и в итоге весь мир. Истину понес новый хранитель. Часть избранного народа составила новый Израиль — Церковь.

Документы того времени свидетельствуют: власти были обескуражены. Первое время христиане не признают законов, противоречащих учению Христа. Это потом появятся христиане, которые будут признавать то, что им велят признавать. Когда иерархи Церкви будут говорить, что то или иное решение они приняли не по доброй воле, а под давлением власти, византийские императоры будут потешаться над ними, спрашивая, что они за христиане, если под давлением говорят на черное белое? Но это будет потом. Пока же христиане несгибаемы. Они готовы без понуждения платить подати и нести иные бремена, но не готовы признать верховного жреца Рима источником истины. Они предпочитают умереть за свои убеждения. Возникает угроза государственной идеологии.

Власти не понимали, как реагировать на такое поведение. Что делать с иудейской элитой, перешедшей в христианство. Традиционные средства, безотказно действовавшие хоть на элиту, хоть на простолюдинов, в новой ситуации оказывались бесполезными. Чем больше людей умирало под пытками, тем больше появлялось новых христиан. Случилось точно по словам Христа: *«если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24).* Умножение христиан в течение трех веков в таких условиях есть невероятное событие в истории человечества.

Фальсификаторы

До X века никто не мог поставить под сомнение факт исчезновения тела Христа. Любое возражение выглядело смешным. Когда свежесть события утрачивается, появляются фальшивки. Первые «документы», доказывающие факт «кражи», выплывают около X—XI века. Чем больше проходит времени, тем больше появляется «документов».

Разнообразие теорий невоскресения появилось сравнительно недавно. Немудрено: в те времена фальшивка была бы слишком очевидна. Новые версии отличаются от предыдущих смещением акцентов. С версии кражи акцент переносится на мысль, что Иисус не умирал, а был или в обмороке или подменен. Ранее факт смерти Христа не подвергался сомнению. Например, теория обморока возникает примерно в XVIII веке.

Закономерный вопрос: почему эту версию не выдвинули до X века? Потому что все древние записи подчеркивают факт смерти Иисуса. Потому что враги и друзья не сомневались в смерти Христа на кресте. Потому что это так же очевидно, как египетские пирамиды.

По прошествии почти двух тысячелетий рождается венец фальсификаций — утверждение о нереальности Христа. Это самая большая, простая и одновременно эффективная для широких масс ложь. Через утверждение, что Христа как реальной исторической личности не было, все нестыковки с ранее озвученными теориями снимаются. Если Иисус миф, нет смысла разбираться, воскрес Он или нет.

Есть масса еще более одиозных версий, пытающихся с рациональных позиций объяснить историю, случившуюся 2000 лет назад в Иудее. Например, по одной версии население несколько лет пребывало в состоянии коллективной галлюцинации. Другая версия: между

Христом с учениками и первосвященниками существовала договоренность о фальшивой казни, после которой Ему организовали «воскресение». Есть версия, будто Христа украли из пещеры инопланетяне, а потом демонстрировали наивным землянам голограмму, которую все приняли за живого Христа.

Все эти версии мы не рассматриваем в силу их слишком очевидной глупости. Мы сделали акцент на основных моментах истории казни и событий после казни и пришли к выводу, что нет рационального объяснения воскрешению Христа. Мы имеем дело с иррациональным событием, противоречащим физическим законам.

Добросовестные ученые

Тело Христа исчезло при невероятных обстоятельствах, и этому нужно дать хоть какое-то объяснение. Ученые, не склонные верить в мифические истории, вскормленные на теории эволюции и атеизма, исследуют ситуацию принятыми в науке методами, чтобы раз и навсегда поставить точку. Пытаясь доказать абсурдность воскресения Христа, помимо воли они приходят к обратному выводу: Христос воскрес. Случился факт Воскресения вопреки всем законам. Этот вывод потрясает людей и заставляет менять мировоззрение.

Примечательна попытка британского ученого Фрэнка Моррисона, в начале XIX века решившего написать книгу «Кто отодвинул камень?». Его целью было разоблачить христианство с научной точки зрения. Свои усилия он сконцентрировал на краеугольном камне христианской веры — воскресении Христа. Он не собирался признавать в качестве доказательств ничего, что не соответствует современным судебным требованиям и противоречит научному методу оценки доказательств. С этими намерениями и приступил к изучению вопроса.

Погрузившись в тему, он пришел к выводу: Христос воскрес из мертвых. Вопреки всем законам. Воскрес не аллегорически, а в прямом смысле, физически. Ученый испытал шок и написал другую книгу: *«Книга, которая так и не была написана»*, где свидетельствует о факте воскресения Христа как о научном и судебно доказуемом.

Невозможно отрицать дополняющие и подтверждающие друг друга документы, факты и свидетельства — цепочка совпадений слишком убедительна. Верховный судья Англии лорд Линдхерст (1772—1863), говорил, что факты воскресения Христа отвечают общепринятым правилам, по которым надежные свидетельства отличаются от ненадежных. Он долгие годы изучал историю других времен и привык исследовать подобные дела. И в итоге он пишет: *«Я отлично знаю цену доказательствам, и могу сказать вам, что таких свидетельств, какие имеются воскресению Христа, никому еще не удалось опровергнуть»*.

В 1846 году профессор права Гринлиф в Гарварде, специалист по определению достоверности доказательств, написал книгу «Исследование свидетельств четырех евангелистов в соответствии с правилами судебных доказательств». Он пишет: *«Апостолы проповедовали, Христос воскрес из мертвых. Через веру в Него и раскаяние в грехах можно спастись. Они держались этого учения единогласно, повсеместно, несмотря на все противодействия, перед лицом самых отталкивающих заблуждений, которые можно представить человеку»*.

Сейчас ни один университет мира не может похвастаться исследованиями в этой области. Это говорит не о малости темы, а о состоянии мира. Человечество сконцентрировало свои таланты на мелочах. Рассматривая через микроскоп мир, оно не видит мира. Все, беспристрастно погружавшиеся в тему, признавали миф атеизма и факт Воскресения. Таких работ в открытом доступе великое множество. Вопрос не в недостатке фактов, а в нежелании людей осмыслить материал и составить мнение о христианстве. Люди привыкли довольствоваться околонаучными шаблонами и потому пребывают в плену атеистических мифов, в которые верят слепо и бездоказательно.

Если бы христианство требовалось принимать на веру, такое учение было бы религией неграмотных бабушек. Оно бы ушло в одно поколение, не оставив следа. Точнее, сошло бы на нет сразу после смерти Учителя. Но христианство выжило и выросло в самых

неблагоприятных условиях.

Заключение

Объективная оценка произошедшего события заставляет признать: ни одна версия неправдоподобна. Единственно реальным фактом, равно как и самым невероятным в человеческой истории, остается факт Воскресения. Этот факт не объясняется рационально. Вопреки физическим законам в гробнице Иисуса Христа произошло сверхъестественное событие.

Иисус умер в пятницу, воскрес в третий день, в воскресение. *«Видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили» (Ин. 19, 35).* Фразу «Христос воскрес» и ответ «Воистину воскрес» родил факт Воскресения, остающийся несомненным для каждого, кто потрудится составить о нем собственное мнение.

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Часть IV.
СУЩНОСТИ

Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его.
(Откр. 3, 21)

Глава 1.
Церковь — тело Христово

Более 2000 лет назад в атмосфере недавнего чуда апостолы начинают проповедь Благой Вести. На 50-й день после воскресения Христа на апостолов сходят языки пламени. В мире появляется Церковь.

Во враждебном иудейском и языческом окружении множатся христианские общины. В них собираются люди, уверовавшие, что Христос есть Сын Божий, пришедший взять на себя грехи человечества и указать путь к жизни вечной и спасение. Христиане соблюдают заповеди Христа — не воруют, не обманывают, не блудят. Формируется субкультура, которой не нужны полиция и контроль. Все эти функции выполняет совесть.

Верующий во Христа своей верой как бы прицепляется к Его одеждам, и Бог тащит его за Собой, не давая застрять в земных искушениях. После физической смерти душа человека протаскивается Богом через ад и поднимается в рай. После распятия Христос три дня был в аду, победил смерть и указал людям дорогу в жизнь вечную. Все, что им для этого нужно сделать — войти в тело Христово (Церковь). «Вцепиться» в ее «одежды», чтобы из жизни временной иметь возможность перейти в вечное блаженство.

Следовать этому совету можно, если есть понимание Церкви и Бога. Если такого понимания нет, неизбежно уклонение с истинного пути, творение себе кумиров и обожествление того, что Богом не является (повторение пути Израиля, поставившего творение Бога, Закон, сначала вровень с Богом, а потом и выше Бога).

Чтобы избежать такой участи, разберемся, что есть Церковь. Это тело Бога. Исходя из бесконечности и безначальности Творца, мы приходим к выводу о тех же параметрах Церкви. Она не была однажды сотворена. Тело Христа было до сотворения мира. Но в мире она проявилась только с приходом Христа.

Мы не можем представить Бога и потому не в силах вообразить, что есть тело Бога. Мы только осознаем: это мистическое тело. Чтобы избежать намека на многобожие, признаем: Церковь — не часть Бога и не одно из Лиц Троицы. Это именно тело, но что это такое, то не удается ухватить человеческими словами, как с «дыханием жизни». Умножение определений скорее уводит от понимания, чем приближает к нему.

Церковь есть одно из проявлений Бога, приходившего на землю видимым образом

несколько раз. В виде Троицы (три ангела, явившиеся к Аврааму), в виде Огня (терновый куст — Неопалимая Купина), в виде Облака (путешествие Израиля по пустыне). 2000 лет назад Бог пришел в виде Иисуса Христа и Его тела — Церкви.

Христос открыл доступ людям в Свое тело, а самых прочных положил в основание: *«ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою». (Мф.16,18).* В мистическое тело начинают входить люди, из которых возникает земная организация. Совокупность тела Христова и прилепившихся к нему людей образует богочеловеческий организм, состоящий как бы из двух частей. Первая часть организма — Церковь мистическая (тело Христово). Вторая часть организма — церковь земная (организация из людей).

Церковь это прямая связь с Богом. Храм — площадка для лучшей связи с Богом. Через Церковь лежит путь к вечной жизни. Вне Церкви нет спасения. Она непорочна, как непорочен Бог. Это сообщество святых и дверь в высший мир. Нахождение человека в Церкви возможно при его абсолютной чистоте. Если чистота утрачивалась, человек переставал быть членом Церкви. Но через покаяние он мог избавиться от греха и вернуться в Церковь.

Человек представляется в виде емкости, куда заливается благодать. Грех — дырка в емкости. Как только человек «продырявился», благодать из него вытекает, и он перестает быть членом Церкви. «Прорехи» для грешного человека, природа которого повреждена первородным грехом, неизбежны.

Вокруг непорочной Церкви возникает круг выпавших из нее людей, перед которыми две перспективы. Первая: каяться и возвращаться в Церковь. Вторая: выпадать во внешний мир язычников, к «обезьянам в костюмах», не имеющих понятия Бога, сосредоточенных на достижении земных удовольствий.

Схематично наш мир можно изобразить в виде трех концентрических кругов. В центре расположена Церковь с большой буквы — тело Христово и вокруг святые. Второй круг — сообщество согрешивших (церковь как человеческая организация со всеми своими страстями и прегрешениями). Третий круг — языческий и безбожный мир. Между первым и вторым кругом, равно как и между вторым и третьим, постоянно идет переток.

Люди из третьего круга заходят во второй и потом в первый. Они принимают Христа и становятся членами Церкви. В силу поврежденной человеческой природы люди прегрешают и выпадают во второй круг. Но, имея стремление в Царство Божие, они каются и возвращаются в Церковь. Потом природа берет свое, они снова грешат, выпадают во второй круг, снова каются, возвращаются, и так постоянно. Церковь в целом есть богочеловеческий организм, сообщество святых и грешников, где худшие под воздействием лучших становятся лучше. Но сама Церковь непорочна.

Чтобы вообразить непорочную Церковь, представьте настоящих христиан на земле, а на небе солнце. Каждого искренне верующего человека с солнцем связывает луч света. Как только человек согрешает, связующий луч обрывается, и он погружается в тьму греха. Но если согрешивший раскаивается, связь восстанавливается.

Непорочность — неустранимое свойство небесной Церкви, делающей своих земных членов лучше. Соотношение Церкви и церкви было в пользу сообщества святых. Первые христиане были людьми высшего состояния духа, чем заражали окружающих из второго и даже третьего круга.

С начала IV века, когда христианство становится государственной религией, эта пропорция начинает меняться в пользу церкви с маленькой буквы. До IV века толщина второго круга относительно первого (непорочной Церкви), образно говоря, была 1/10 в пользу Церкви. С момента, когда христианство становится господствующей религией, второй круг начинает нарастать, пропорция начинает меняться. Пройдет время, и будет 10/1 в пользу церкви с малой буквы. Непорочная Церковь какой была, такой и осталась. Пропорция нарушилась в обратную сторону за счет появления христиан нового толка.

Учитель церкви IV века Григорий Богослов пишет: *«Было время, когда сие великое тело Христово было народом совершенным, а что ныне — смешно то видеть. Всем отверст вход в незапертую дверь... Приходите сюда утучневшие, винопийцы, одевающиеся пышно, обидчики, снедающие народ, льстецы перед сильными, двоедушные, рабы переменчивого времени — приходите смело: для всех широкий престол».*

Иоанн Златоуст свидетельствует: *«Если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы и расстройство нашей жизни, то не знаю, каких бы еще мог он представить себе других врагов Христа хуже нас; потому что мы идем такой дорогою, как будто решились идти против заповедей Его!»*.

Церковь была подобна кораблю, к днищу которого 16 столетий налипали «ракушки» (христианствующие язычники). До IV века Церковь умела очищаться от них, сохраняя пропорцию в пользу настоящих христиан. Но с определенного момента «ракушки» начали прирастать так быстро, что Церковь не успевала избавляться от непрошенных пассажиров. Вокруг церкви вырос целый остров «ракушек». На нем возникли «поселения», позиционирующие себя церковью. Попытка отделить налипшие «ракушки» от корабля-церкви натыкается на жесточайшее сопротивление «ракушечников». Чем их больше, тем сопротивление сильнее.

В земное тело церкви, подобно вошам (помните, мы так назвали Волков в Овечьей Шкуре), пробираются политики, завхозы и коммерсанты в рясах. Они закрепляются на ключевых местах и начинают подтягивать своих, выдавливая тех, кто понимает христианское учение как практическое руководство к действию. Очень скоро христианские идеалы начинают пониматься абстракцией, не имеющей отношения к практической деятельности. Это хорошо заметно на примере католичества.

В XII—XIII веке Франциск Ассизский решил воскресить на практике идеалы первых христиан. Он проповедовал максимальный отказ от мира, от имущества, жизнь на труд рук своих или на пожертвование (подаяние). Священноначалие того времени в штыки восприняло его инициативу. Католические монахи (епископы) воспринимали свои обеты пустой формальностью. На фоне их жизни, когда они говорили о бедности, но жили в роскоши, Франциск был бельмом на глазу, живым укором и обличением. Они непременно обвинили бы его в ереси и сожгли. Франциска спасла личная дружба с папой Григорием IX.

Франциск однажды проезжал мимо прокаженного, и внезапный порыв любви заставил его остановиться около него и поцеловать. С этого момента он отказывается от богатства и начинает жить как первые христиане. Он не обнаруживал превосходства по отношению к самым дурным людям, выполняя заповедь «не суди». Он на равных общался с бедняками и грешниками, лично ухаживал за прокаженными. Со стороны было похоже, он делает это не столько ради личного спасения, сколько из любви к людям (возлюби ближнего). Франциск был своим не только среди святых, но и среди грешников.

Когда Франциск умер, его преемник решил не выделяться. Предав забвению все обеты, он погряз в роскоши. *«Фактическим итогом жизни св. Франциска явилось создание еще одного богатого и развращенного ордена, усиление мощи иерархии и облегчение преследования всех, кто выделялся нравственной чистотой»* (Б. Рассел. «История западной философии»).

* * *

На сегодняшний день нужно отбить «ракушки» от «корабля», отделить от Церкви «ракушечный остров» с населяющими его «ракушечниками». Для этого нужно создать условия, при которых начнется самоочищение Церкви и восстановление ее мощи.

Мы затрагиваем очень сложные вопросы. При их обсуждении неизбежны споры, разногласия. Можно заранее предположить: большинство будет искать не способ понять, где правда, где ложь, а отстаивать привычные шаблоны. Как быть?

Последуем совету апостола Павла: *«Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1Кор. 11, 19)*. Разномыслие не является грехом. Мы не святые, чтобы быть безгрешными. А раз так, нужно искать понимание. Христианство не слепая, а осознанная вера. Чем больше мы будем понимать, тем полнее будет наша вера, тем меньше шансов превратиться ей в суеверие или разновидность язычества. Не сотворим себе кумиров.

Глава 2.
Государство

Что такое государство? В энциклопедиях, учебниках политологии, социологии и прочих вразумительного ответа нет. Официальное определение государства, которое там можно найти, никуда нас не продвинет.

Социальная конструкция, именуемая государством, возникла из стремления людей к самосохранению. Стремление к объединению породило общину, город, государство. Все это звенья одной цепи, продолжение первичного импульса, следующего из природы человека — инстинкта жизни. Чем крепче конструкция, тем выше безопасность каждого члена этой конструкции. Прочность зависит от количества и качества собранных ресурсов. Если носителями ресурсов являются люди, получаем: чем больше людей объединятся, тем в большей безопасности они окажутся.

Идея личной безопасности может объединить ограниченное число людей. 100 человек могут объединиться на основе родственных уз. 100 тысяч человек, даже если они все родственники, родственностью не свяжешь. Они будут стремиться к безопасности, но поскольку понятие блага у всех не может быть одинаковое, неизбежен конфликт. Конструкция, части которой вступили между собой в конфликт, распадется до естественного размера.

Большие социальные конструкции возникают вокруг больших идей. Большие идеи рождаются из большого знания. Вопрос не в том, насколько правильно имеющееся знание, вопрос в его масштабе. *«Турист… имеет перед своим взором более широкую перспективу и может составить общее представление о местности, в то время как профессиональный шахтер видит только забой, в котором он работает»* (Л. Гарт. «Стратегия непрямых действий»).

Самое большое знание, максимум, на который человек может претендовать, это знание видимого и невидимого мира. Знание природы (физики) и знание за рамками природы (метафизики) — цельное. Из него выводится большая идея, определяющая смысл жизни человека. Цель, лежащая за рамками мира, может быть принята всеми, потому что не касается текущей жизни. Из-за отсутствия разногласий возникает потенциал объединить максимум народа. Это образует максимум ресурсов и в итоге максимальную безопасность.

Создание большой структуры начинается с высшей идеи. Если ее удается донести до большого количества людей, они начинают объединяться, в первую очередь ресурсами. Это позволяет приобрести (изготовить или отнять) новые материальные ресурсы. Складывается система, именуемая государством, в рамках которого вопрос выживания в примитивном смысле снимается. Люди защищены от голода, холода и прочих опасностей, характерных для не защищенного системой человека.

Со временем идея попадает в зависимость государству. Если его не будет — не будет возможности содержать храмы и приносить жертвы. Сохранить государство можно, если постоянно увеличивать его экономическую и политическую мощь. Чем больше государство преуспевает в приобретении мощи, тем больше попадает в зависимость от экономики и политики.

Принципиальный момент: при рождении государства люди объединялись вокруг мировоззренческой цели. В условиях, когда система зависит от количества золота и качества меча, акценты меняются. Первичным становится не выполнение указаний божеств, как сказали бы современные историки, а обретение земной мощи. Логика подталкивает к выводу: если не будет мощи, не будет возможности служить божеству.

Начинаются структурные изменения. Верхушка государства закономерно наполняется людьми, способными решать сиюминутные вопросы политического и экономического характера. Человека поднимает на вершину власти способность обрести материальную мощь. Мировоззрение, выходящее за политические горизонты, оказывается помехой.

Служение высшей цели отходит на второй план. Государство начинает пониматься не как инструмент достижения высшей цели, а как самоцель. Если вчера государство понималось инструментом служения божествам, теперь наоборот — государство само становится чем-то вроде божества. Религиозная идея и возникший вокруг нее культ переходят в разряд инструментов, посредством которых государство достигает своих целей. С этого момента войны в религиозных целях, которые вели языческие государства, прекращаются. Война обретет экономический смысл. Если бы цивилизация ацтеков не была уничтожена, в своем развитии она пришла бы к войнам не ради человеческого материала для жертв, а ради рабочей

силы.

Когда государство становится божеством, его голова (правитель) тоже обожествляется. Теперь это минимум верховный жрец, максимум — воплощенный бог. В процессе эволюции правитель стягивает на себя божественность. После накопления критической массы «божественности» он приобретает статус самостоятельного божества. Государство снова становится инструментом, служащим божеству, сидящему на троне. Однажды божественность правителя достигает уровня, выходящего за возможности человеческой критики. В начале процесса обожествления от сидящего на троне требовались определенные таланты. В конце процесса хватало одной «божественности».

Следующий этап: реализуется родительский инстинкт (здесь можно увидеть инстинкт самосохранения: родители хотят устроить детей, усматривая в этом свое благо). Божественность наследуется. Не важно, какие у тебя таланты, важно, какие у тебя родители. Если они имеют божественный статус, дети его наследуют. Земные божества рождают новые божества. Они как боги на Олимпе, от них не могут родиться люди, от них рождаются божества. Сын или дочь императора по факту рождения выше простого человека.

Подобное притягивает подобное. Вокруг «божества» формируется соответствующая элита, выполняющая функцию «младшего божества». Дети элиты наследуют этот статус вне зависимости от своих качеств.

По теории вероятности большинство «божеств», рожденных от правителя и придворных, заурядные люди. Очень редко во дворце появляется человек большого таланта. В основном это обыватели с соответствующим набором целей. Но это уже ни на что не влияет. Власть посредственности на троне и окружающей ее элиты, таких же посредственностей, воспринимается вся как божественная. Официальная пропагандистская машина использует все средства, чтобы внушить: само небо дало власть этой прослойке людей.

Здесь тонкий момент: власть понимается божественной не как явление, продолжение небесной иерархии на земле. Божественность усматривается во власти конкретного человека. Считается — именно он и есть божественный избранник, именно его Бог выбрал проводником своей воли.

Постепенно власть наполняют породистые простолюдины, дети императора и придворной элиты. Совокупность их интересов составляет усредненный идейный вектор государства. Единая высшая цель государства распыляется на ряд личных целей. Каждый имеет свою цель и считает ее главной. Бытовые стремления становятся чем-то вроде идолов, служению которым человек посвящает жизнь. Каждый теперь как бы сам себе жрец. По факту совокупность бытовых идей образует новое служение. Государство, народ и элита становятся инструментами, обслуживающими мамону. С этого момента государственная конструкция, утратив связующий элемент (идею), начинает расползаться, а общество атомизируется и рассыпается в прах.

Эволюция государства выражается в такой последовательности:

Первый этап. Первичный импульс задают инстинкт самосохранения и цель, выведенная из большого знания. Вокруг большой цели накручивается большая структура — государство. На этом этапе оно — инструмент служения языческим божествам (наиболее яркий пример — ацтеки).

Второй этап. Когда служение высшей цели оказывается в зависимости от государства, а само государство зависит от золота и меча, приоритеты меняются. Государство из инструмента служения божеству само превращается в божество. Свергнутое божество становится инструментом, работающим на укрепление мощи государства.

Третий этап. Развитие государства приводит к обожествлению правителя. Далее обожествляются его родственники и ближайшее окружение. Голова государства-божества стягивает на себя статус государства. Правитель превращается в самостоятельное божество, понимающее государство и религию инструментом для своих целей.

Последний этап. Элиту наполняют породистые простолюдины, не способные мыслить в должном масштабе. Формально они управляют государством, но фактически своими мелкими интересами порождают новое божество, мамону, которое пожирает государство.

Заметьте: раньше до последнего этапа государство не доходило. Оно слабело в конце третьего этапа и поглощалось соседями. Сегодня научно-технический прогресс породил

искусственную ситуацию, в которой разложение и подчинение мамоне продолжаются.

Глава 3.
Противоречие

Если природа церкви соединяется с природой государства, на стыке копится негатив. Возникает новообразование — государственная религия. Внешне это напоминает религию, но внутри имеет другую природу.

Вскоре появляются политики и дельцы в рясах, позиционирующие себя церковью, но фактически это другое. У них есть формальное осознание своей греховности, но нет стремления стать чистыми. Они говорят правильные слова, но поступают вопреки им. Христианство для них становится политическим и экономическим инструментом. Это раскалывает единую церковь на множество национальных и государственных церквей.

Начинается обмирщение церкви, что в отдельных случаях приведет к утрате благодати и выхолащиванию христианства. Теперь его понимают не стремлением ко Христу, а стремлением к абстрактному понятию «быть хорошим человеком». Со стороны кажется, здесь нет зла. В реальности под этой маской в мир вползает новое явление. Начинает утверждаться мысль: хорошим человеком можно быть и без Христа.

Общество оказывается в положении путников, от которых скрылись звезды, и они не могут ориентироваться в пространстве. Эти люди правильно рассуждают, как например, русские масоны, но в их правде нет Христа, и она перестает быть правдой. Истина, в которой нет Бога, гарантированно превращается в ложь, как бы умно она ни звучала.

Современный человек, стремящийся быть хорошим, но не имеющий понятия, что есть хорошо в абсолютном смысле, является образцом христианина без Христа. По мере удаления от Церкви он скоро перестает понимать, что вообще означают Церковь и христианство. Постепенно эти понятия деформируются миром на свой лад. То, что вчера считалось смертельным грехом с позиции христиан без Христа (просто хороших людей), теперь понимается невинным развлечением и детской шалостью. В итоге глыба человечества начинает плавный поворот в постмодернизм и сатанизм.

Любая религия зовет к достижению высших целей. Любое государство зовет к достижению материальных целей. Эти цели не просто разные, они противоположные. Противоречия любой религии с любым государством неустранимы, потому что являются следствием разной природы. Чтобы снять противоречия, нужно соединить религию и государство. Это грозит опасностью превратить государство в божество, где объектом религиозного поклонения будет само государство и его цели. Так раньше и было, но с появлением христианства, отказывающегося признать цели государства высшими, возникает неустранимый конфликт.

Церковь ориентирована на духовное, но в принципе не возражает против материального благополучия. Государство ориентировано на материальное, но в принципе не возражает против духовного. Вопрос встает ребром, когда нужно отречься от одного, чтобы достичь другого.

Церковь всегда будет считать высшей целью спасение души. Государство всегда будет считать высшей целью умножение мощи страны. Стоит любому институту уклониться от своей цели, как он исчезает. Нельзя представить церковь, в первую очередь стремящуюся к земным целям, как нельзя представить государство, стремящееся к небесным целям. Церковь всегда «работает» на Небо. Государство всегда «работает» на себя. Идеально, если умножение мощи государства ведет к спасению души, а спасение души — к умножению государственной мощи. Но на практике этот идеал недостижим в рамках одной глобальной системы (не важно, Церкви или Государства).

В качестве наглядного примера возьмем наше время. Чтобы государство было сильным, в первую очередь нужна сильная экономика. Это напрямую связано с потребительской активностью граждан, которая, в свою очередь, является прямым следствием мировоззрения. Высший смысл жизни выводится исключительно из мировоззрения. От того, как человек понимает мир, зависит иерархия его ценностей.

Чтобы человек много потреблял, он должен видеть в этом высший смысл жизни. Только

тогда он отдаст себя этому делу всего и без остатка, и только тогда экономика начнет развиваться должным образом. Исповедуя учение материализма, когда «живем один раз», и если так, то «бери от жизни все», человек начинает видеть в потреблении смысл жизни.

Если человек исповедует христианское понимание мира, он при всем желании не может видеть высший смысл жизни в потреблении. Следовательно, не станет таким же активным потребителем. Как следствие, экономика не может развиваться должным образом.

Рассматривая в таком масштабе причинно-следственную связь, мы видим: государство может быть по-настоящему сильным, если его граждане исповедуют материалистическое мировоззрение. Они могут быть сколько угодно верующими, но в их шкале ценностей над небесными целями должны доминировать земные. Проще говоря, если встанет выбор между Христом и Родиной, они должны выбрать Родину. В этом заинтересовано любое государство, независимо от его религиозного позиционирования.

Попытка выйти из этой вилки с помощью формулы «служение Богу через служение Родине» не более чем оправдание. Никто не может служить двум господам, особенно если господа имеют разные цели. Неизбежно человек будет подчиняться тому, кого считает сильнее, одновременно, на всякий случай, оправдывая свое поведение в глазах того, кого считает слабее.

Практика показывает: большинство будет служить государству. Но само государство заинтересовано представить это служение не просто как стремление к мощи, а как служение высшим целям. Отсутствие высших ценностей ведет к разложению и в итоге к ослаблению страны. Чтобы избежать такого эффекта, государству необходима карманная религия, которая помогала бы оправдывать государственные цели с религиозных позиций, сдерживая население от чрезмерного развращения.

В современной системе здесь тупик. Чтобы государство было мощным, оно должно соответствовать современному уровню экономики. Для этого ему нужно раскачивать потребление, что требует культивировать материализм. Но так как материализм ведет к развращению, государство оказывается перед безальтернативным выбором: направо пойдешь — от разложения умрешь, налево пойдешь — от экономической немощи сгинешь.

Государство выбирает компромиссный путь между материализмом и метафизикой. Это замедляет приближение к смерти, но не отменяет ее. Современное общество интуитивно чувствует приближающийся ужас. Оно как кролик перед удавом, пищит от ужаса, но лезет в ужас.

Государство пытается использовать церковь в качестве тормоза через превращение ее в «церковное министерство». Церковь худо-бедно выполняет свою функцию, заполняясь выходцами из потребительского общества. Когда критическую массу начинают составлять священники, по-настоящему ни во что не верящие, суть обыватели в рясах, сдерживающий фактор исчезает. Движение в пропасть приобретает мощное ускорение.

Современное общество, достигшее критического разложения, тем не менее, не исчезает, как, например, древний Рим. Прогресс создал новую ситуацию, где ему позволительно очень долго гнить. Возникают невиданные продукты гниения, которые однажды должны трансформироваться во что-то принципиально новое, чего еще не знало человечество.

Глава 4.
Причина гонения

Прежде чем продолжить размышление, поищем ответ на один из ключевых вопросов: почему первые христиане были жестоко гонимы государством и обществом? Если поверхностно оценивать ситуацию, ее смысл легко топится в общих словах типа «Рим гнал христиан, потому что не любил их» и далее в том же духе. Но Рим вообще был далек от любви к кому бы то ни было. Перефразируя позицию Англии, у Рима нет любви, у Рима есть интересы.

Рим был административной машиной, работающей на умножение своего земного могущества. Он завоевывал новые земли исключительно с целью получения новых доходов. Меч добывал золото, чтобы умножить меч, который добудет новое золото. Не известно ни одного случая, чтобы Рим из любви/нелюбви к кому-то отказался от источника дохода, не

говоря уже о такой крайности как превращение статьи дохода в статью расхода (гонения стоят денег).

В отношении христиан Рим занимает не свойственную ему позицию. Он превращает христиан, исправно платящих налоги, из источника дохода в статью расхода. Из всех возможных причин, способных заставить Рим пойти на столь нетипичный шаг, вырисовывается одна — угроза существованию империи. Само по себе это необычно. Как простые люди могли угрожать железному Риму, сокрушавшему целые империи? Это действительно трудно понять. Но элита видела то, чего не видит простой человек: христианство уничтожает основу могущества Рима. Внешне безобидное явление представляло смертельную угрозу мировой империи древности.

Конфликт Рима и христиан не в отрицании Христа. Рим никогда не отрицал христианского Бога. Более того, он оставил в пантеоне место неведомому Богу. Единственное, чего Рим требовал от христиан: признать религиозный приоритет императора, являвшегося верховным жрецом.

Из этого следовали остальные требования, в том числе поклонение императору и принесение жертв официальным божествам. Но главным было признать духовный приоритет императора-жреца. Признать, что только он вправе узаконить или запретить любой обряд, определять понятие ереси и истины. И при этом императору ни с кем не нужно согласовывать свое решение. Действия императора должны быть в недосягаемой для критики области.

Идея о божественности императора являлась стержнем, на котором крепилась вся конструкция государства. Отрицание императора в качестве верховного жреца империи разрушало всю государственную систему. Если император отрицался как высшая духовная власть, конструкция рассыпалась как карточный домик. Он не мог формировать установки, на которых строились законы империи, не мог задавать стратегическое направление.

Отрицание божественного статуса императора превращало его из правителя в завхоза, чьи задачи не выходят за рамки экономики и текущей политики, что суть продолжение экономики. Глобально это означало сдачу власти тому, кто будет определять, что есть истина и магистрали развития.

Христиане повели себя в высшей степени странно. Они полностью признавали приоритет императора в государственных и материальных вопросах. Они исправно платили налоги, не бунтовали, призывали к послушанию властям и прочее. Но при этом они полностью отрицали право императора быть верховным судьей в духовных вопросах.

Рим понимал: никакое усиление экономики не может сохранить систему, если ее основание рушится. Из ситуации было два выхода. Первый: заставить христиан признать религиозный приоритет императора. В противном случае ничего не оставалось, как уничтожить христианство физически. Если и это не удавалось, смерть грозила Риму.

Если бы христиане признали религиозный приоритет цезаря (верховного жреца), Рим оставил бы их в покое. Ради сохранения христиан в качестве налогооблагаемой базы он не стал бы их принуждать к языческому ритуалу типа поклонения императору. Рим прекрасно понимал: обряд вторичен. Главное — духовное признание. Церковь тоже понимала: такое признание означает ее духовную смерть. Оказавшись перед выбором физической или духовной смерти, христиане выбирают физическую.

Почему Рим христиан гнал, а иудеев нет? Почему не превратил Иудею из статьи дохода в статью расхода? Разве в иудаизме не было аналогичной опасности? Иудеи тоже в бескомпромиссной форме отказывались признать религиозный приоритет императора. Нельзя представить языческого императора председателем на собрании Синедриона, равно как и на собрании христиан. Но почему Рим иудеев не гнал, а собирал с них налоги, а христиан гнал, расходуя на это бюджет государства?

Иудаизм был ограничен биологией. Полноценным иудеем, способным стать священником, мог быть только еврей по крови из потомков Аарона. Простой еврей, не говоря уже о полукровке или человеке другой национальности, не поднимется выше рядового верующего. Закон отделял верно рожденного иудея от прозелита (язычника, принявшего иудаизм). Между иудеями-евреями и иудеями другой национальности (или полукровками) лежит пропасть, перешагнуть которую невозможно.

Ограничение биологией означало: иудаизм не может выйти за границы Израиля, то есть

не может распространиться на всю империю. Христианство не имело биологических ограничений и потенциально могло распространиться не только на всю империю, но и вместить в себя все человечество.

Одно дело, когда малая часть империи отказывается признать императора верховным жрецом (зато платит налоги). Другое дело, когда отказ распространяется на всю империю. Римская власть не сразу поняла характер и масштаб угрозы. Первое время Рим равнодушно взирал на христианство, видя в нем разновидность иудаизма. Разгоравшиеся противоречия между иудаизмом и христианством он принимал за внутри-иудейский скандал, спокойно собирая налоги с тех и других, не вдаваясь в тонкости конфликта. Но проходит время, и Рим сознает отличие иудаизма от христианства и опасность последнего.

Не сумев склонить христиан к признанию приоритета верховного жреца, Рим принимает решение уничтожить христианство. Сначала он пытается справиться с опасностью силами иудеев и языческого населения. Власть поощряет гонения, инициирует и поддерживает самые чудовищные слухи о христианах, закрывая глаза на уголовные преступления против них.

Всякого рода сброд, видя в христианах легкую добычу, начинает их грабить и убивать. Но христиане и в этих условиях демонстрируют невероятные показатели. Церковь продолжает расти, но не за счет компромиссов, как будет впоследствии, а за счет высочайшей принципиальности в вопросах Веры. Христиане продолжают отрицать претензию императора на приоритет.

Рим, не видя результата, объявляет гонения на христиан государственным делом. И терпит фиаско. Еще недавно все были уверены: языческая мощь с ее изощренными пытками и казнями может любого в бараний рог согнуть. И вдруг она оказалась беспомощна. Безотказно действовавшие инструменты не работали. На месте одного замученного возникало десять верующих во Христа. Причем, зачастую палачи, пораженные мужеством и несгибаемостью своих жертв, вслед за ними принимали христианство и шли на муки.

Христиане не боялись мучений и смерти. Их бесстрашие восхищало мир и раздражало власть. Политическая элита растерялась и прибегла к последнему средству — привлечению к борьбе языческих мудрецов. Поначалу те не видят в христианстве цельной системы и отказываются признать его учением. Раз это не системное учение, значит, хаотичный набор суеверий. Но остается открытым вопрос: как набор суеверий и басен структурируется в систему?

Самые ярые противники христианства не могли упрекнуть людей, демонстрирующих ясность и глубину мысли, в том, они умирают за выдумки и набор нелепиц. Христианство давало повод задуматься: в мир пришло что-то новое, необъятное, необычное.

Представьте: в наше время существует группа, членов которой мучают и убивают, устраивая вокруг этого публичные зрелища. На смену убитым и замученным приходят другие, поколение сменяет поколение, и так 300 лет. Наблюдай мы сегодня такую картину, вряд ли у кого язык повернется сказать, что эти люди умирают, потому что они темные и глупые. Напротив, к явлению возник бы неподдельный интерес, в первую очередь со стороны глубоких и неординарных людей. Именно это произошло с христианством.

Этот момент описывает бывший язычник Августин. Он заинтересовался, что же такое христианство, вокруг которого так много разговоров, и в итоге уверовал. *«Итак, я решил внимательно заняться Священным Писанием и посмотреть, что это такое. И вот я вижу нечто для гордецов непонятное, для детей темное; здание, окутанное тайной, с низким входом; оно становится тем выше, чем дальше ты продвигаешься. Я не был в состоянии ни войти в него, ни наклонить голову, чтобы продвигаться дальше. Эти слова мои не соответствуют тому чувству, которое я испытал, взявшись за Писание: оно показалось мне недостойным даже сравнения с достоинством цицеронова стиля. Моя кичливость не мирилась с его простотой; мое остроумие не проникало в его сердцевину. Оно обладает как раз свойством раскрываться по мере того, как растет ребенок-читатель, но я презирал ребяческое состояние, и надутый спесью, казался себе взрослым»* (св. Августин. «Исповедь»).

Учение Христа было не просто всеобъемлющим и стройным. Можно найти множество философских учений, с позиции человеческой логики не менее стройных. Проблема в том, что их носители не живут сообразно своим учениям. Приверженец, например, солипсизма (учение о мире как об иллюзии) в философских диспутах будет отстаивать принципы своего учения, но

в реальной жизни руководствоваться установками, вытекающими совсем из другого мировоззрения, которого он даже не сознает.

Христианство побуждало людей жить сообразно вере. Подобно гигантскому магниту, Церковь притягивала элиту ума и духа. Христианство как таран последовательно и методично разбивало древний мир. Самая великая структура древности оказалась в положении жителей осажденного города, стены которого рушатся под напором новой силы.

Главная проблема — Рим не смог заставить глубоких людей отвернуться от христианства. Технология, работающая на массу, никогда не работает на элиту. Иначе миром можно было бы управлять не с помощью идей, а эмоциями и «морковками». Стратегическое направление задают думающие цельные люди, а на них в глобальном смысле влияют только идеи.

В ситуации мировоззренческого противостояния нельзя силой справиться с идеей. Это все равно что из пушки стрелять по радиоволнам. Здесь нужны принципиально иные инструменты, которыми Рим не располагал. Противостоять наступлению христианского учения могло другое, более мощное учение. Но у Рима его не было.

Глава 5.
Византия

В борьбе с христианством Рим проиграл. Некогда могущественная империя распалась на две части — восточную и западную. Западная часть была завоевана варварами и поделена на ряд языческих королевств. Восточная часть сохранилась под властью политической элиты Рима.

В IV веке император Константин Великий основал новую столицу, Византию, куда перенес свой престол. Новая языческая империя стояла на той же платформе, что и Рим — на приоритете императора. И столкнулась с той же проблемой — христианством. Если не найти способа заставить христиан признать религиозный приоритет императора, система обрушится.

Давайте представим себя на месте императора и его элиты. В наших руках сосредоточена вся полнота власти и весь мыслимый духовный авторитет, который только может быть у человека. Вот мы вместе собрались и думаем: что делать? Какой выход из ситуации? Опять гнать христиан, как делал Рим? Но практика показала — грубыми методами задачу не решить. Мученичество лишь увеличит притягательность христианства. Нужно что-то оригинальное, из серии «и волки сыты и овцы целы». Теоретически вопрос решался через съедение волками пастуха (государство — волк, народ — паства, священник — пастух).

Еще одна деталь: мы, воображаемая политическая элита древности, ничего не имеем против христианского Бога. Напротив, признаем Его, готовы в честь Него строить храмы и прочее, как строим в честь Аполлона или Зевса. Единственное, что нам необходимо, — признание христианами нашего религиозного приоритета. Прикидываем варианты. Уговаривать — бесполезно. Гнать — бесполезно. Что же делать? В ходе многочисленных размышлений на эту тему приходит мысль: а что если объявить христианство государственной религией? Кажется, это единственный выход, позволяющий встать над Церковью.

Анализируя ситуацию, возникающую в случае признания христианства государственной религией, мы видим в ней сплошные плюсы. Христиане признают нашу языческую власть властью от Бога. Наша власть получает еще более высокий статус, государство укрепляется. Отсюда один шаг до признания духовного приоритета императора. Кроме того, христиане являются самым прочным человеческим материалом для укрепления империи. Они честны, не воруют, не боятся смерти и прочее.

Императору не было смысла лукавить. Он считал себя божеством (или представителем божества) и потому любое свое решение не мог понимать уклонением от каких-то принципов. Так как главный принцип сводился к сохранению империи, политическая элита была согласна на любую комбинацию, позволяющую сохранять доминирующее положение в духовных вопросах.

Византия нашла оригинальное решение вопроса, которого не могла найти политическая элита Рима. Логика проста: если события нельзя избежать, его нужно возглавить. Политическая элита приходит к выводу о необходимости такого шага и получает

ошеломляющий результат. Очень скоро без визы императора никакая христианская истина не будет считаться легитимной. Сбылось то, о чем Рим не смел даже мечтать.

Власть заинтересована, чтобы ее подданные говорили на одном языке, были воспитаны в одной культуре и одинаково смотрели на мир. Культивировать людям единое мировоззрение свойственно любому государству. Византия культивировала христианство, СССР — коммунизм, Третий Рейх — фашизм, Израиль — иудаизм, США — демократию, Иран — ислам. Эта тенденция имеет рациональное объяснение. Когда подданные исповедуют один взгляд на мир, ими проще управлять. От этого прямо зависит эффективность решения текущих вопросов.

Византия начинает христианизацию населения. Главная цель — не качество, а количество и скорость. Государственная программа христианизации рождает множество «христиан для плана». Показателем твердости их веры служит время правления Юлиана-Отступника. Когда он лишил христианство статуса государственной религии и вернул язычество, часть христианских епископов, чтобы сохранить свое положение, тут же стали язычниками. Вслед за ними последовали толпы новообращенных «для галочки» христиан.

Чтобы понять византийскую ситуацию IV века, представьте: существование некоего государства напрямую зависит от количества академиков. Если в ближайшее время их число не будет доведено до нескольких миллионов, государство рухнет. (Не будем вдаваться в суть этой фантастической ситуации, просто допустим ее). Можно быть уверенным: власть даст разнарядку довести в этом году количество академиков до 1000 человек, потом до 10 тысяч, далее до 100 тысяч, до миллиона и т.д.

Возникает интересная ситуация. Одни откажутся участвовать в производстве «академиков» и подадут в отставку. Другие увидят в этом выгоду и не только поставят под сомнение реальность такой задачи, но наоборот, обоснуют высшую мудрость решения, увидят в этом божественность правителя. Они возьмут на себя повышенные обязательства перевыполнить план.

Поголовье академиков начнет стремительно расти. Сначала соберут всех, кто хоть как-то имеет отношение к науке. Потом ряды аспирантов «подчистят». Когда кончатся те, кого можно с натягом дотянуть до почетного звания, начнут принимать в академики тех, кто в очках ходит. Понятное дело, качество академиков при таком походе упадет настолько низко, что говорить о них как об ученых будет несерьезно. Власть будет отдавать себе в этом отчет, но, поскольку это необходимо для выживания, комизм ситуации не остановит ее.

Раньше от язычников церковь защищали гонения — экзамен чистоты намерений. Каждому христианину в любой момент могли предложить выполнить официальное требование империи — признать религиозный приоритет императора. За отказ грозило как минимум лишение социального статуса и имущества, перевод из царедворца в статус раба и на полевые работы. Но чаще отказников калечили и убивали.

При наличии «вступительных экзаменов» в церкви было мало лицемеров и приспособленцев, поскольку не было мотива искать христианства. Но когда крещение стало открывать доступ к материальным благам и карьере, мотивация появилась.

Если церковь сравнить с вузом, раньше требовалось сдать очень трудный экзамен, чтобы стать «студентом». Чем выше требования экзаменаторов, тем выше качество учеников. Уровень требований прямо пропорционален результату. Если «корочки» студента можно получить без экзаменов, и они гарантируют стипендию плюс комнату в общежитии, можно не сомневаться: студентами станут торговцы ближайшего рынка и бойкие ребята подобного уровня. Если «корочки» дают право на получение крупной безвозвратной ссуды, бойких ребят вытеснят те, что еще бойчее.

Введение церкви в систему государства порождает новую ситуацию. Теперь у «абитуриентов» другие цели. Они не ищут Царства Небесного. Они ищут новые возможности, позволяющие получить блага царства земного.

Государственная христианизация рождает язычников, исполняющих обряды, но не меняющих цели. Христос призывал к небесным целям, понимая все остальное, в том числе и обряды, просто как помощь во вхождении в Царство Небесное. Язычник тоже понимал обряды не целью, а средством. Но цели христиан и язычников были разными. Язычник шел на капище и нес в жертву барана, чтобы божество помогло ему быть сытым и богатым. Христианин шел в

храм и совершал бескровную жертву (пост, длинные службы), чтобы Бог открыл ему дорогу в Царство Небесное.

В языческой практике не требовалось понимать учения, требовался только баран. Эту же логику «христиане» принесли в церковь. Они считали: не требуется понимать христианское учение. Главное, принести жертву. Если раньше они надеялись достичь языческих целей через жертву Зевсу, теперь надеются на достижение тех же целей через жертву Христу.

В лучшем случае охристианенные язычники принимали христианство не как истину, а как дополнение к ней, недостающий фрагмент. Они считали, истина — в слиянии разных учений.

Они впитывали все учения, из которых пытались составить единое компромиссное. В христианский храм пришел — помолился Христу. В языческий храм пришел — принес жертву Аполлону или Зевсу. Фактически тот же языческий пантеон, но не в одном храме, а в одном сердце.

Такие люди приходят в храм, соглашаются с догматами, выполняют ритуалы, сыплют религиозными сентенциями, но параллельно поклоняются другим богам и вообще за порогом храма ведут жизнь язычника (так сегодня живут многие христиане: пять дней в неделю фитнес, один раз Церковь, львиная доля времени — служение мамоне). Указания Христа воспринимают аллегорически, приспосабливая под свое понимание и свой образ жизни.

Христианство есть ясная четкая мировоззренческая система. Принимающий Христа начинает понимать мир по-другому, что рождает иные цели. Апостолы и первые христиане не притворно отказывались от земных ценностей, а вследствие изменения мировоззрения. Византийские язычники IV века не понимали заповедей Христа. Они хотели исполнения своих желаний, и если для этого нужно было исполнять христианские обряды, они их исполняли.

Чтобы понять, какое мировоззрение у человека, не нужно смотреть на его слова и обряды. Все это вторично. Если человек говорит о вере во Христа, но его подлинная цель — земные блага, он отличается от язычника только внешне — словами и обрядом.

Как природа тигра плотоядна, природа коровы травоядна, так природа государства ориентирована на достижение земного могущества. Если оно не достигает этой цели, его попросту сминают другие государства. Византийский император мог руководствоваться только мощью государства. В противном случае его смяли бы соседи, как это произошло в XVI веке с Филиппом II, испанским королем.

С началом государственной христианизации церковь (с маленькой буквы) начинает расти за счет формальных христиан. Если раньше слабые христиане поддерживались атмосферой Церкви, обществом святых, в новой ситуации их увлекают противоположные тенденции. Христиане грешат, выпадая из непогрешимой Церкви. Одни выпадают навсегда, другие возвращаются, третьи погружаются в спящее покаяние. Нарушение пропорции в пользу второго круга — земной церкви, приводит к глобальным изменениям. Мы живем в мире, являющемся следствием тех далеких процессов.

Небольшое отвлечение. Во время борьбы с ересью альбигойцев католики осадили последний оплот еретиков. В крепости оказались не только еретики, но и добрые католики. Рыцарь спросил аббата Мило, сопровождавшего войско против мятежного города, как им во время штурма отличить еретиков от католиков. Легат папы Иннокентия III ответил*: «Бейте всех, Бог различит своих от чужих»*. Перефразируя это выражение, Византия руководствовалась принципом: «берите в церковь всех, Бог отличит своих от чужих». В итоге начали брать тех, от кого раньше церковь защищалась всеми способами. Теперь христианами стали считаться те, для кого учение сводилось к набору благочестивых тезисов, вписанных в языческое мировоззрение.

* * *

Ритуал заменяет собой учение. Если в ранней церкви не было христиан, не понимающих учения, в поздней церкви таких много. Пройдет время, и церковь заполнят «монахи» на шикарных лимузинах в окружении многочисленной челяди, живущие в роскоши, не доступной светским богачам.

Как отличить честных христиан от вошей, политиков и коммерсантов в рясе? Само по

себе пользование материальными богатствами не является грехом. Бог не вменял большие богатства, гаремы и прочие земные ценности в грех, если люди не прикипали к этому сердцем, не ставили на первое место. Но как определить — христианин сделал себе из роскоши кумира или это нужно, чтобы показать славу Бога?

Понять, кто есть кто, можно в кризисной ситуации, когда стоишь перед выбором: или потерять богатство, но остаться в Истине, или отвернуться от Истины, но сохранить богатство и статус.

Если указания власти прямо противоречат заповедям Христа, но человек ориентируется в первую очередь на власть (естественно, через благочестивое оправдание), комментарии излишни. Кроме того, нужно принимать во внимание немаловажный факт: праотцы, которым Бог не вменил в грех богатство, не давали обетов нестяжания. В новой ситуации появляются священники, поклявшиеся Богу жить в бедности, но в реальности живущие роскошной жизнью.

Мы приходим к важнейшему по значимости выводу: критическая масса формальных христиан спровоцировала рост новообразования. Церковь оказалась втянутой в политические расклады, из-за которых потом расколется, что даст линию: католицизм — протестантизм — атеизм.

Последнее заявление имеет гигантское мировоззренческое значение, о котором мы скажем позже, чтобы не разорвать последовательность изложения. Здесь же признаем очевидное: Рим действовал грубыми методами и потому не смог заставить христиан признать приоритет императора по духовным вопросам. Византия действовала более тонко и сделала из церкви министерство для своих политических, военных и экономических целей. В новых условиях ключевые места церкви все чаще занимают не те, кто понимают учение и имеют веру, а те, кто владеют приемами бюрократического боя.

При этом нужно отметить удивительное свойство христианства. Князь Владимир собрал язычников, совершил над ними обряд, и они, ничего не поняв, продолжили жить той жизнью, какой жили до крещения. У них осталось то же понимание мира и те же цели. Кажется, считать этих окрещенных язычников христианами нельзя. Но именно из них на Руси возникла христианская атмосфера, родившая великих святых.

Государство было вынуждено сосредоточить ресурс на распространении христианства, пусть и во многом формально. В этом можно увидеть замысел Божий. Словно через это Бог приготавливал планету к глобальному событию, которое развернется спустя 2000 лет.

Глава 6.
Подмога

Язычники считали императора божеством. По их логике получалось, если божество сказало, что нужно принимать христианство (креститься), значит, так и нужно делать, не думая (что думать, если верховный жрец велел).

Сознавая невозможность всех дотянуть до понимания христианства, власть ищет замену языческой традиции в приемлемом для народа формате. Не человека тянуть к церкви, а наоборот, гнуть церковь под человека. Учение упрощают до уровня, понятного населению. Появляются технологии, призванные облегчить язычникам переход в христианство.

Население Византии из поколения в поколение впитывало пышность языческих обрядов, разворачивающихся вокруг видимых образов. Чтобы представить уровень пышности и наэлектризованность атмосферы, держим в голове: по особым случаям в жертву приносили даже людей. Известны случаи, когда император приносил в жертву детей своей элиты.

Язычники привыкли молиться о своих нуждах конкретному и видимому божеству, иметь конкретного покровителя всякой деятельности. Народ не мог и не хотел менять привычки. Людям нужны были видимые образы, которым они могли бы молиться о хорошем урожае, удачном замужестве, быстром исцелении и прочее. Языческое многобожие связано именно с этой особенностью.

Возникает серьезная проблема: христианский Бог, в ветхие времена еще не раскрывшийся в виде Троицы, прямо говорит: не сотвори себе кумира. *«Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на*

Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину» (Втор. 4, 15—16).

Показательно отношение Моисея к скрижалям, написанным самим Богом. Он разбил их, когда увидел соплеменников, пляшущих вокруг тельца. *«Скрижали были дело Божие, и письмена, начертанные на скрижалях, были письмена Божии» (Исх. 32, 16). «Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою» (Исх. 32, 19).* Этим примером Моисей как бы демонстрирует: никакая тварь, даже сотворенная непосредственно Богом, не подлежит обожествлению.

Вся Библия пронизана мыслью о невозможности человека передать образ Бога в зримом изображении. *«Итак, кому уподобите вы Бога? И какое подобие найдете Ему?» (Ис. 40, 18).* Но языческое начало берет верх. Человек стремится видеть образ поклонения, даже когда это невозможно.

Византия понимает: если не дать народу видимый образ, возникает проблема. Начинается поиск выхода из ситуации. Логика рассуждения примерно следующая: христианство описывает Бога словами. Если так, почему Его нельзя описать линиями и формами? Если Бог словами выражается как непостижимый, получается, Его можно выразить как абстракцию, красками и скульптурой. Похоже, логика в этом есть, и она получает дополнительный аргумент в виде авторитета императора.

Не забываем, император мог по своему усмотрению вносить новые традиции, трактовать вероучительные моменты, порой не созывая соборов. С позиции христианства это неприемлемо, когда один человек, будь он хоть кто, в том числе и император, определяет истину. Но в Византии сложилась именно такая практика. Император единолично мог ввести поклонение иконам, а мог и запретить. Задача подданных сводилась к исполнению воли власти, а не к ее оценке. Официально считалось, император своим обожествленным разумением проникал в суть вещей и принимал правильное решение.

Узаконивание видимых образов рождает аллегорические образы, продукты человеческой фантазии. Сегодня они присутствуют в христианских храмах в виде фресок, картин и скульптур. Католические храмы украшены фантастическими скульптурами-чудовищами. Православные храмы расписаны животными с человеческими головами и иными аллегорическими изображениями, плюс реалистичными человеческими лицами и фигурами.

Со временем абстрактные образы становятся реалистичнее. К V—VI веку изображения Бога и святых обретают черты портретной живописи. Все это причудливо смешивается с фантастическими образами, оставшимися от попыток аллегорически изобразить Бога. По задумке, у человека, глядящего на это, должны появляться мысли о Боге. Развивается пышность обряда и разные действа, которые в сочетании с видимыми изображениями образуют картину, понятную народу.

Создание видимых образов увеличивает приток христиан в церковь. Но проходит время, и обнажаются тревожные тенденции. К VII веку император Лев III обеспокоен: если политика «оязычивания» христианства продолжится, уйдет суть учения. Все сведется к выполнению традиций и соблюдению обрядов.

В начале VIII века император запрещает почитание икон. Следующий император, Константин V, находит опасения предшественника верными. Чтобы увековечить запрет на почитание икон, в 754 году он созывает Седьмой Вселенский Собор, где официально запрещает почитание всякого сделанного руками образа. Под решением Собора 330 епископов ставят свои подписи. Император визирует документ, и с этого момента он получает статус абсолютной истины.

Если подойти к этому факту с предложенной нами технологии отделения «ракушек» от Церкви, мы увидим первоисточник этой информации и найдем его человеческим. Ни у одного человека не было откровения по этому поводу. Это было мнение людей. Умное, в духе времени, но все равно людей, то есть потенциально ошибочное. Обратите внимание: мы не говорим — точно ошибочное, как в свое время заявили протестанты. Мы говорим, никакой человек не может претендовать на безошибочность, то есть любое его мнение потенциально может содержать ошибку.

Запрет Собора на почитание икон действует 33 года. Как и следовало ожидать, начинается отток населения в язычество. Империи вновь угрожает опасность, на этот раз с другой стороны. Чтобы остановить процесс, императрица Ирина собирает новый Вселенский Собор, на котором отменяет решения предыдущего Собора, лишая его статуса Седьмого Вселенского. Императорским указом предписывается считать Седьмым Собором не Собор 754 года, запретивший почитание икон, а Собор 787 года, узаконивший почитание икон (Никейский Собор).

Возврат почитания икон разворачивает процесс в обратную сторону. Народные массы снова переходят в христианство. Старая опасность, с которой боролся император Лев III и его продолжатели, возвращается — за 26 лет христианство приобретает опасные черты язычества. Эту проблему осмысливает император Лев V. Своим указом он отменяет указ императрицы Ирины и предписывает считать законным Седьмым Вселенским Собор 754 года. Никейский Собор 787 года лишается статуса Седьмого Вселенского.

Этот запрет длится почти 100 лет. В народе снова падает популярность христианства. Чтобы исправить ситуацию, в 843 году императрица Феодора отменяет указ императора Льва V и повелевает считать Седьмым Вселенским Никейский Собор. Собор 754 года в очередной раз лишают статуса Седьмого Вселенского. Решения «неправильного» Собора отменяются и признаются еретическими.

Каждый указ императора и каждое решение Собора записывались и хранились. При смене приоритетов тщательное хранение позволяло тщательно уничтожить «неправильное» решение и в очередной раз зафиксировать «правильное». В итоге мы никогда не узнаем блестящей логики проигравшей стороны. Но мы можем проникнуть в суть вещей, исходя из целей ключевых игроков. Если главной фигурой был император, а его высшей целью — сохранение империи, из этого выстраивается логика.

В какую риторику упаковывалось решение императора, вопрос десятый. Можно не сомневаться: когда в 754 году 330 иерархов подписывали решение о признании почитания икон идолопоклонничеством, под это была подведена мощная богословская и философская база. Когда в 787 году было принято обратное решение, под которым подписалось аналогичное количество иерархов, можно не сомневаться в мощности богословских оснований. Законники, к тому времени наполнившие Церковь, одинаково качественно доказывали как одно мнение императора, так и другое, противоположное. Они назначали еретиком того, на кого указывала власть.

При таком способе понимания истины появляется множество людей, признающих вслед за императором то одну истину, то ей противоположную. С этого момента на вопрос «что есть истина» отвечают во дворце. Здесь корни позиционирования любой власти «от Бога»

Христианизация по государственной разнарядке становится проблемой, которая, как ни поворачивай, все равно оказывается колючкой верх. Можно не сомневаться, политическая оппозиция того времени использовала это для достижения своих целей.

Вне всякого сомнения, были те, для кого устоять в истине было важнее, чем принять сторону императора. Многие не меняли своего мнения только потому, что его менял император. Но мы никогда не узнаем их имен. Потому что по официальной версии все решения Соборов принимались единогласно.

Вопрос об иконах предвосхитил вестфальское правило «чья власть, того и вера», впервые озвученное в 1648 году во время подписания Вестфальского мира, положив конец борьбе католиков с протестантами. Его суть: население должно исповедовать ту религию, какой придерживается правитель. В Византии «вестфальское правило» действовало задолго до XVII века.

Многие императоры и священники имели искреннюю христианскую веру. И хотели, чтобы верили их подданные и паства. Они пытались совместить свой человеческий и политический долг с требованиями веры. И достигали этой цели легитимными, с их точки зрения, инструментами. Была ли в том воля Бога или это набор человеческих ошибок, мы не знаем. Но *«по плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16).* Если церковь стоит, дает святых и хранит Истину, значит, она приносит добрый плод.

* * *

Попробуем отделить божественную информацию от человеческой. Например, иконы. Откуда информация, что они от Бога? На эту тему нет откровения. Официально утверждается, это информация от Бога, но если копнуть глубже, мы не найдем божественного первоисточника. Равно как не найдем откровения по поводу купания в проруби на Крещение. Но народ окунается, и это круто.

Как быть? Преодолеть трудность ситуации можно через вопрос: способствуют ли иконы, ношение креста, исполнение обрядов и прочее приходу человека ко Христу? Ответ однозначный — способствуют. Если так, иконы нужно не отрицать, как это сделали протестанты, а понимать как помощь слабому человеку.

Первоисточник икон имеет человеческое начало (решение государственной власти), но относиться к этому нужно как к благу. Дополнительным фактом в пользу икон было то, что Христос был реальной личностью, видимой своими современниками. Если так, теоретически они могли запечатлеть Его образ (нарисовать). Это серьезный аргумент в пользу икон.

Некоторые, подобно протестантам, могут для себя решить: все, что не от Бога, можно не соблюдать. И на этом основании перестать выполнять обряды, посещать храм, молиться, почитать иконы и прочее. Если вы перестали выполнять все, что предписано к выполнению, значит, вы или святой, и вам не нужны «костыли», или вы лицемер и лентяй. Третий вариант: вам было откровение не выполнять обряд.

Глава 7
Пленение

По официальной версии принятие Византией христианства считается звездным часом Церкви. Мы считаем это началом пленения христианства. С этого момента Государство использует Церковь в качестве инструмента достижения целей империи — военной и экономической мощи.

Могло ли быть иначе? Могла ли церковь, оказавшись включенной в государственную систему, сохранить независимость? Нет, не могла. Новый механизм отсева коренным образом изменил состав церкви. В условиях, когда большинство было чистым и искренним, соборный принцип был благом. Но когда большинством стали «новые христиане», даже соборный принцип не защищал церковь. Начальники нового толка, стянув на себя авторитет церкви, создали атмосферу нетерпимости к любой критике, рассматривая ее как возражение церкви и самому Богу.

Ключевые положения заменяются самоделками идеологического толка. Постепенно перестает работать институт церковного суда. Прорисовывается языческая тенденция — обожествление при жизни. Простые люди закрывают глаза и рот на тему церковных злоупотреблений, и так более полутора тысячелетий. Пороки церкви наслаиваются незаметно, как пыль. Ее накапливается столько, что под ней сегодня археологи находят целые города.

Без епископов церковь не могла сохраниться. Советский партийный руководитель Хрущев, обещавший показать последнего попа, понимал, что говорил. Достаточно прервать епископство, и не будет рукоположения, литургии и прочих таинств, идущих с апостольских времен.

Человек не может властвовать над церковью. Формирование власти по плотскому принципу противно природе церкви. Но это в теории. На практике очень даже может. Византийской церковью управляли потомки императора. Качества правителя не имели значения. Он мог быть умным или глупым, честным или нечестивцем, все это ерунда. Главное, родиться от императора. Факт рождения возводил его в статус избранного, которому Бог дал власть.

В новых условиях церковь не в силах отрицать божественное происхождение власти. Не важно, как образуется божественность — через факт сидения на троне или через факт рождения от сидящего на троне. Важно, что это утверждение обретает статус догмата. Юстиниан создает теорию симфонии духовной и императорской власти, согласно которой церковь управляет духовной областью, государство — мирской, и они не лезут в дела друг друга. В реальности вся власть стягивается к императору. Подчиненная императору церковь

обожествляет власть человека, сидящего на троне.

С этого момента, согласно византийской традиции, слова апостола *«нет власти не от Бога» (Рим. 13, 1)* начинают толковаться: не вообще власть, а власть конкретного человека (в данном случае императора) есть власть от Бога. Считается, каким бы ни был император, его власть священна. Если на троне недостойный человек, это кара Бога. Наличие хорошего человека преподносится благосклонностью Бога. Как ни крути, любая ситуация при любом правителе преподносится как проявление воли Бога.

Не важно, как человек попадал на трон. Важно, что он попал на трон. Ищущий власти мог убивать родственников и травить детей, но если в результате этих действий он побеждал, через помазание ему отпускали все грехи. Сидение на троне обожествляло императора, ставило его выше церкви. Как будто трон имел волшебные свойства и освящал сидящую на нем фигуру, делая ее безгрешным пожизненным обладателем власти от Бога.

Книжники по заказу государства извращают слова апостола о власти. От Бога установлен сам принцип власти: разделение людей на начальников и подчиненных, образ порядка и его отличие от хаоса. Правитель, идущий против учения Христа, имеет власть не от Бога. Десять царей, о которых говорится в Апокалипсисе, имели власть от зверя. *«И дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть» (Откр. 13, 2).* Об этой власти Господь говорит арестовывающим его стражникам: *«теперь ваше время и власть тьмы» (Лк. 22, 53).* Из этого явно следует: не всякая власть от Бога.

На практике не император зависел от церкви, а церковь зависела от императора. Единицы пытались протестовать, остальные предпочитали дистанцироваться от обсуждения подобных вопросов. В это время рождается благочестивая формулировка «Бог управит». На последующие 1500 лет эта фраза становится знаменем приспособленцев.

Глава 8.
Раскол

Император хотел иметь власть над всей церковью. Но географические границы византийской империи не совпадали с границами церкви. Получалось, стремление императора увеличить мощь государства с помощью церкви не разделялось свободной от власти императора церковью. Император мог продавить выгодное для себя решение только в рамках империи. На другую часть церкви Византия не могла влиять напрямую.

Однако неподконтрольная императору церковь была не сама по себе. Западные короли тоже объявляют христианство государственной религией. Они не разделяют стремление Византии склонить всю церковь к принятию выгодных императору решений. Они видят в этом не столько ущемление церкви, сколько усиление Византии, а значит, свое ослабление.

Император хочет склонить подконтрольную часть церкви к выгодным для себя решениям. Короли хотят склонить подконтрольные части церкви к выгодным для себя решениям. Взаимоисключающие интересы политиков ведут церковь к расколу точно по границе этих интересов.

Император оказался в невероятно сложной ситуации. Как быть с церковью за границами Византии? Для Византии с христианским населением возникает опасная ситуация. Если бы вся церковь была в рамках империи, ее превратили бы в министерство по делам христианства. Но так как значительная часть находится за пределами Византии, это невозможно реализовать. Единственный путь — договариваться с епископами. Но как можно их убедить, если глава Церкви Христос? Если ключевые вопросы должны решаться *соборно*?

В ситуации противостояния начинает формироваться западная часть церкви. Сначала она балансирует между множеством правителей, в одних случаях ускользая от власти короля, в других попадая под нее. Но генеральная тенденция наметилась: между двумя частями церкви, восточной и западной, находящимися под разным влиянием, копятся противоречия.

Уже тогда церковь де-факто перестает быть единой, но пока это скрыто от посторонних глаз. Ситуация продолжает накаляться, давление в «котле» растет. Византия не видит выхода. Тема предельно тонкая: традиционная борьба тут не просто неприемлема, она теоретически невозможна. Как подчинить церковь за границами империи? Только через подчинение государств, на территории которых находятся ее епархии. Но у Византии нет такой

возможности. Кроме того, неосторожное движение в таком деле вызовет непредсказуемые последствия внутри империи.

Византия, со всех сторон окруженная врагами, меньше всего заинтересована раскачивать идеологическую лодку. Ее позиция: если в церкви нет единства, нужно сохранить хотя бы его видимость. Но не все так просто. Не обращать внимания на выпады неподконтрольных епископов нельзя. Невизантийские епископы такие же законные представители Единой Святой Соборной и Апостольской церкви.

Кажется, если император озабочен поиском правды, а не своей выгоды в форме выгоды империи, необходимость Вселенского Собора, на котором можно решить все противоречия, очевидна. Но ни император, ни западные епископы не проявляют инициативы в этом направлении. Продолжается окопная война по принципу «куда кривая выведет». В этом «действии через бездействие» виден приоритет политического момента над христианским учением.

* * *

Борьба между императором и епископами неподконтрольной ему церкви очерчивает центры власти сторон. Восточная часть церкви структурируется вокруг императора, приоритет которого достигается за счет владения ресурсом государства. Западная часть церкви структурируется вокруг римского епископа, приоритет которого выражен в статусе апостола Петра.

Западная церковь расположена на территории относительно слабых королевств, и потому ее структурирование идет иначе, чем в Византии. Вокруг римского епископа, чья легитимность покоилась на авторитете апостола Петра, первого епископа Рима, собирается модель жесткого абсолютистского государства, именуемого церковью.

Здесь прослеживается «византийский след». Если в Византии фактом святости было сидение на троне, в Риме аналогичным фактом было сидение на римской кафедре. Не имеет значения, каким образом тебе удалось туда забраться. Имеет значение только факт, что ты сел. С этого момента сидящий обретает пожизненный статус святости и власть «от Бога».

В XIX веке немецкий ученый Хергенрётер вводит в оборот термин цезарепапизм (от лат. caesar — цезарь и papa — папа). Этим он подчеркивает абсолютную власть императора над восточной частью церкви. Термин можно принимать во внимание с поправками. Император действительно имел огромную власть над священством. Но он так и не смог добиться права назначать епископов и митрополитов. Неясно, что это меняет, ведь он имел официальное право назначать более высокое лицо — патриарха, но вероятно, что-то меняет. Также мы знаем, в отдельные периоды фактическими правителями Византии были не императоры, а патриархи. Но в целом тенденция, отражаемая термином «цезарепапизм», уловлена верная: церковь-министерство, всецело зависимая и подчиненная императору.

В ответ на «цезарепапизм» рождается термин «папацезаризм». Его тоже надо принимать с поправками. Не всегда власть папы была абсолютной. Светская элита не оставляла попыток уподобиться византийскому императору и взять всю полноту власти в свои руки. При первой же возможности она реализовала это стремление, что видно на примере протестантизма, расцветшего исключительно благодаря поддержке светских князей, видевших в этом освобождение от власти Рима. В первую очередь этому способствовала роскошная и греховная жизнь церковных лидеров. Резкая критика современников способствовала утрате духовного авторитета папской власти.

Порой папы имели огромную власть. История «стояния в Каноссе», когда в XI веке целый германский император стоял перед папской резиденцией в рубище вместе со всей семьей на покаянии, говорит о многом. К периоду папского могущества термин «папацезаризм» применим в полном объеме.

Обращаясь к этой теме, нужно держать в голове: за многими известными мнениями стояли политические интересы. Сиюминутные выгоды требовали определенной интерпретации фактов. Нанятые книжники творили историю в угоду заказчику. В общих чертах имела место тенденция, когда культ императора на Востоке уравновесил культ папы на Западе. Византийской цезарь стоял над восточными епископами. Римский епископ стоял над

европейскими цезарями. Когда политические противоречия достигли пика, Великий раскол церкви на восточную и западную закрепил фактическое положение дел.

Западная церковь подчиняет себе государственного дракона. С ней происходит то, что происходит со всеми покорителями драконов — победитель сам превращается в дракона. Церковь, вынужденная отвечать на тысячи сиюминутных вызовов политического и экономического характера, начала меняться под давлением ею же созданных условий.

Поднявшись над государством, она сама превратилась в государство, что исключало возможность жить жизнью церкви и заставляло жить жизнью государства. Чтобы выжить, государству, даже если оно церковного типа, нужно обладать ресурсом. Чтобы получить ресурс, меч и золото, нужно совершать определенные действия. Для этого система должна поднимать наверх соответствующих людей. Церковь превращается в государство с политиками в рясах, управляемых императором в рясе.

Рисуется замкнутый круг. Для выполнения земной миссии церкви нужен материальный и административный ресурс. Но как только она получает ресурс, в ее недрах начинаются структурные изменения, превращающие ее в государство. Очень скоро исчезает дух соборности, учение Христа становится аллегорией. На первый план выходят государственные приоритеты — политика и экономика.

Даже если государство одело своих чиновников в церковные одежды, как, например, сегодня Ватикан, это все равно государство. Если обычное государство не скрывает своих целей (меч и золото), то церковь-государство эти стремления упаковывает в религиозную риторику. Это предполагает двуличность. Привычка лицемерить становится нормой жизни, порождая фундаментальные проблемы.

Природа церкви-министерства и церкви-государства определяет кадровый принцип. Министерство наполняется людьми, считающими достижение сиюминутного блага своего ведомства важнее слов Христа. Государство наполняется такими же людьми с точно такой же установкой.

Не все примут такие установки, в церкви много честных людей. Но все, кто станут носителями государственных и министерских установок, найдут тысячи оправданий христианского окраса, чтобы выставить служение государству или министерству служением Богу.

Новые условия можно отнести к самой изощренной форме гонения на церковь. Они превосходят две предыдущие формы — физическое гонение и наплыв язычников. Если природа первых была открыта и понятна, новая опасность имеет внутреннюю природу — она закрыта и потому непонятна.

* * *

Догосударственная церковь была бескомпромиссной и росла на крови мучеников. Государственная церковь растет на компромиссах и за счет государственных усилий. Чем больше она уступает государству, тем больше обретает земной силы.

Дело имеет специфический оттенок. Неподконтрольная Византии церковь находится на территории относительно малых государств. Если бы вся церковь располагалась на территории двух сопоставимых государств, процесс раскола пошел бы намного стремительнее. Все свелось бы к войне между двумя «Византиями», которые использовали бы авторитет церкви в качестве оружия. Быстрого раскола не произошло потому, что ситуация с распределением церкви по территориям государств сложилась иначе. Примерно половина церкви располагалась в границах Византии. Вторая половина была на территории десятка других государств. В результате церковь пошла к расколу более длительным и сложным путем.

Был ли у церкви шанс не расколоться? Представьте себя на месте епископа ранней христианской церкви. От византийского епископа вы слышите: император желает принять христианскую веру и обратить в нее своих подданных. Как отнесетесь к этому сообщению, вы, епископ? Конечно, положительно!

На церковь прекращаются гонения. Уходит эффект «экзамена». Церковь наполняется слабым человеческим материалом. Возникает зависимое от императора священство. Церковь превращается в министерство со всеми описанными последствиями.

Как это можно было предотвратить? Могла церковь отказать императору, пожелавшему принять христианство? Или надо было попросить его сохранить гонения? Если даже допустить: некто увидел далекие последствия и выступил с инициативой отказать императору, как бы он это обосновал? Император что, не имеет права стать христианином? Или его подданные не имеют такого права? И не является ли прямой обязанностью церкви обращать людей в христианство, кем бы они ни были, хоть императорами?

Но допустим, выступающий сумел донести свои опасения почтенному собранию. Разве оно могло принять это до такой степени, чтобы отказаться сменить гонимое положение на господствующее? Разве не стали бы люди горячо доказывать себе и друг другу, что это милость Божья? Разве не сказали бы, если справились с более тяжелыми испытаниями — гонениями, с «медными трубами» и подавно справимся?

Это мы сейчас можем утверждать, с высоты прошедших веков: решить проблему, возникшую через вливание Церкви в Государство, нельзя. В начале IV века этого никто не мог утверждать. Если даже были такие, большинство попросту не могло их услышать.

Как выйти из ситуации, когда церковь: а) изменилась по качественному составу; б) разные части церкви вошли в плоть разных государств и оказались зависимы от власти? Да еще когда у всех государств не просто разные цели, но достижение цели одним государством означает недостижение цели другим. Даже не беря во внимание еще и тысячи причин личного характера, свойственных любой социальной системе, можно уверенно констатировать: выхода из ситуации не было.

* * *

Де-факто в единой церкви к IV—VI веку сформировались два центра власти. Через пять веков противоречия достигнут критической массы. Ни у церкви, ни у государства не останется иного выхода кроме как юридически зафиксировать фактическое положение дел.

Обе части назовут себя кафолическими (по-гречески — вселенскими). В западном произношении греческое слово katholikos трансформируется в «католическая». Другая часть церкви войдет в историю под названием православная (правильно славящая Бога, или ортодоксальная).

Каждая часть церкви пытается скрыть перевернутое положение вещей. Римский папа называет себя первым среди равных и рабом рабов. Но при этом «господа» будут целовать туфлю «раба» и оказывать прочие знаки внимания. Император тоже будет называть себя рабом церкви, но при этом «госпожа» будет слушаться своего «раба».

Все очевидно всем. Люди привыкнут говорить одни слова, разумея под ними другие. Когда это порастет мифами и временем, странная ситуация будет восприниматься не просто само собой разумеющейся, но и глубокой, со скрытым смыслом.

Церковь имеет или второе значение в государстве, или первое. Оба варианта приводят ее к преобразованию или в министерство или в государство. В одном случае византийский вариант развития, в другом римский. И тот и другой подразумевают умаление церкви. Если добавить возможное военное или экономическое поражение государства, где церковь была бы первой (власть) или второй (министерство), нам придется признать тупиковость ситуации.

В этом можно видеть промысел Божий. Ни одна историческая фигура не могла понимать, во что это выльется. Но по факту мы видим: Бог сохранил православную церковь тем, что оградил ее от института папства. Ни одно православное государство не управлялось монахом (епископом, патриархом). Были краткие эпизоды, например, претензии Никона стать чем-то вроде папы Римского и править государством, но под ними не было фундамента, они не превратились в систему и канули в лету.

Глава 9.
Причины

Церковь разорвали не богословские противоречия. Ученые объясняют раскол догматическими расхождениями типа «спора об опресноках», филиокве (по-латыни «и Сына»), или различным пониманием значения папства. Они не хотят задаться вопросом, почему

раньше церковь выходила из более сложных богословских ситуаций, а тут не смогла.

Можно ли поверить, что разное прочтение Символа веры (восточная церковь читала: «от Отца исходящего», западная — «от Отца и Сына исходящего») стало причиной раскола, произошедшего, кстати, точно по границе Византии? Особенно если не забывать: догмат, из-за которого якобы в начале XI века произошел Великий раскол, в V—VI веках не противоречил учению церкви (в Испании филиокве было ответом на ересь епископа Присциллиана). В XI веке филиокве вдруг так сильно начинает противоречить христианству, что невозможно сохранить единство церкви.

В XV веке Папа обещает византийскому императору помощь в борьбе против турок, если его иерархи подпишут договор о воссоединении церкви на условиях Рима. Среди прочих требований — признать истинность филиокве. Император «поговорил» с иерархами. Потом созвал Собор, который константинопольский патриарх объявил Вселенским, и предупредил: кто не подчинится решению Собора, будет отлучен от церкви. Этот Собор постановил: филиокве не нарушает христианского учения.

Единственным известным в истории иерархом, не принявшим итоги Собора, был византийский богослов Марк Эфесский. Наверное, были и другие, но они не известны. Да и что они могли сделать против целого патриарха и императора? В раскол уйти? Но тогда терялась легитимность. Если смотреть объективно, ничего они не могли сделать в условиях, когда большинство выполнило волю императора, переданную через патриарха.

Представители восточной церкви подписали римскую унию (от лат. unio — единство). Но не ради Христа и Церкви, а ради сохранения империи. Собор решил: филиокве не противоречит христианскому учению, можно подписывать, объединяемся. Но когда Византия не получила обещанной военной помощи в обмен на подпись, они снова сказали, мол, филиокве очень сильно противоречит… Настолько сильно, что предыдущее решение нельзя признать законным. А кто его признает, тот будет отлучен от церкви.

Всякий раз используется формула «так говорит Церковь». Но Церковь свята и непорочна, и потому не может ошибаться. Политики и дельцы во все времена пытались использовать авторитет Церкви в своих интересах. Это привело к огромному количеству информации, первоисточником которой был человек, но позиционировалась она как от Бога. Выражение «так считает Церковь» долгие века было палочкой-выручалочкой, при помощи которой любую сиюминутную истину можно было представить божественной.

На чье мнение ориентироваться христианину? На мнение сильных или на мнение первых? Под сильными разумеем императоров. Под первыми разумеем христиан. Как людям понять такую смену мнений? Кто скажет окончательно: филиокве канонично с точки зрения церкви или нет? Если не канонично, почему до XI века и в XV веке его каноничность признали восточные иерархи, подписавшие соответствующий документ? Если канонично, почему его отрицали с XI по XV век и далее, после кратковременного признания, отрицают по сей день?

Все эти несуразицы объясняются очень просто. Не филиокве раскололо церковь точно по границе Византии, а политические интересы. Религиозные принципы оказались вторичной ценностью, которой можно пожертвовать ради первичной (в данном случае политические цели). Все эти истории о целых войнах из-за одной буквы (homoousios — «единосущный» или homoiousios — «подобносущный» в Символе веры) есть операция прикрытия истинных причин.

Священники могли свободно дискутировать о природе Троицы, о соотношении человеческой и божественной природы Христа, о месте в Троице Христа и Святого Духа, о спасении и свободе воли. Эти споры выявили величайших мыслителей и послужили развитию христианской мысли. Но когда дело касалось политических вопросов, власть не спрашивала церковь, что делать, поступая по своему разумению.

Древний Израиль или Ватикан есть разновидность модельного ряда государств. Они отличны от традиционных вариантов — высшие политики носят там жреческое одеяние. Но не форма одежды определяет тип структуры, а принцип формирования власти и система ценностей.

Если церковь сосредоточена на политических вопросах, это государственная структура, как бы она ни называлась. Если церковь в зависимом положении, это министерская структура, как бы она ни называлась. Принцип структуры определяет принцип комплектации власти, что

в итоге определяет характер и коридор направления усилий.

Расколовшись, церковь не может объединиться по причинам внутреннего характера. Члены внутрицерковных группировок не заинтересованы в полноценном объединении: у кого-то исчезнет власть, поменяется статус и прочее. Исключения подтверждают правила. Чем больше становится самостоятельных государств, тем больше становится церквей.

По той же причине правители не заинтересованы в полноценном союзе. Если союз и случается, каждый думает не о благе союза, а об извлечении блага для себя. Каждый стремится к усилению себя за счет других. Союз никого не усиливает, но всех ослабляет. Это правило очень хорошо заметно на примере современного Евросоюза.

Объединение церквей-министерств невозможно не из-за догматических расхождений, при желании они легко преодолимы. Причина в личном нежелании политиков, под властью которых иерархи находятся, плюс глубокое нежелание самих иерархов. И в этом есть смысл.

В современных условиях попытки объединения православных с коптами или католиками приведут к еще большему обмирщению христианства. Экуменизм образует систему «корзинки». «*Вам скажут: “верьте, во что хотите”. А сами положат вас в корзинку и понесут, куда им надо»* (Паисий Афонский).

* * *

В VI веке рождается ислам. VIII—X века называют эпохой Великих Завоеваний. К XI веку ислам становится мировой силой. Люди, исповедующие эту религию, понимают ислам в мессианском назначении — удержать мир от крайности: *«Мы сделали вас общиной, придерживающейся середины» (Коран 2:143).*

К XV веку восточная и западная церкви намертво прикованы к мировой политике и экономике — к государству. Оказавшись перед угрозой вторжения мусульман, Византия ищет помощи. Рим соглашается помочь, если восточная церковь подпишет унию на условиях Рима. Православные иерархи подписывают Флорентийскую унию. Папа не притворно, как принято считать, а по-настоящему старается выполнить свое обещание. Бог не дает реализоваться политическим планам. Иначе череду событий, не позволивших сбыться папским планам, не объяснишь. Обстоятельства сложились так, что военной помощи Византия не получила.

Папа и западные правители не хотели обмануть Византию и восточных патриархов, как сейчас это представляют церковные историки. Папа имел веские причины помочь Византии. Через объединение церкви он намеревался создать единое церковное государство, что означало его огромное усиление. Папа видел в этом шанс вернуть утраченные после авиньонского пленения позиции и снова оказаться хозяином Европы.

Европе по политическим соображениям сильная Османская империя под боком была невыгодна. Она не собиралась сидеть и смотреть, как султан захватит Византию. Но случилось так, как случилось. Бог оставил Византию один на один с Османской империей и не позволил Европе и папе вмешаться в ситуацию.

Для Рима ситуация выглядела однозначно: крестовый поход. Папа рассылает правителям буллу, предписывающую пролить кровь свою и своих подданных за Христа. Каждого христианина папа обязывает выделить десятую часть доходов на крестовый поход.

Причин, по которым не состоялся поход, несколько. Во-первых, западные христиане не проявили должной расторопности, что имеет свои обоснования. С момента Великого Раскола папы внушали католикам: греки злостные схизматики. Рим обвинял византийцев в неискренности и не возражал, когда четвертый крестовый поход, состоявшийся примерно через 100 лет после Великого Раскола церкви, изменил направление удара.

Формально целью похода был Египет, оплот ислама. Далее планировалось освободить Иерусалим и Гроб Господень. Но вместо этого крестоносцы захватили Византийскую империю, ограбили Константинополь до нитки и вернулись домой. До сих пор в храмах Европы лежат в запустении мощи святых, захваченные во время этого похода.

Подобное не могло случиться без причины. Католики считали православных еретиками. Многие западные епископы считали византийцев христианами лишь по имени. Крестоносцы полагали своим долгом убивать еретиков-византийцев, считая это не грехом, а христианским

долгом.

Немалую роль сыграло обращение папы Иннокентия III, инициатора крестового похода, к византийскому императору. Прекрасно понимая тяжелое положение Византии, он предлагал заодно обсудить вопрос воссоединения церкви. Император увидел в таком предложении опасность, справедливо полагая, что все закончится подкупом ключевых иерархов, о стойкости которых к золоту не питал иллюзий. Ослабевший к тому времени император прекрасно понимал: все приведет к тому, что папа получит власть над восточной церковью и в итоге над Византией.

Отказ Византии участвовать в совместном походе создал соответствующие настроения в рядах крестоносцев. Атмосферу подогревали личные интересы. Рыцари видели в Византии не только еретика, которого нужно наказать, но и богатую беззащитную жертву. Германский король, родственник свергнутого византийского императора, имел виды на престол Византии. Все это в совокупности привело к тому, что вместо покорения Египта и освобождения Гроба Господня была ограблена Византия.

Западные христиане XV века не понимали, почему их просят отдавать деньги и жизнь ради спасения лукавых византийских раскольников. На это накладывалась информационная пропаганда, инициированная турецким султаном. За основу была взята история об ужасах греческого нападения на Трою. Турок называли тевкрами (троянцами), что позволяло воспринимать их наследниками троянцев. Разгром Византии турками представлялся западному миру возмездием за Трою.

В XV веке Османская империя перенесла столицу в Византию, и византийской империи не стало. Кажется, огромная катастрофа. Но в долгосрочной перспективе ровно наоборот. Турки, в отличие от Рима, не претендовали на духовный приоритет. Султан не рассматривал церковь идеологическим ресурсом, видя в ней налогооблагаемую базу.

Фараон, правитель древнего Египта, не видел смысла освобождать рабов по экономическим причинам. Византийский император не видел причин предоставлять церкви свободу по политическим соображениям. Исламский султан Мухаммед, преследуя политические и экономические цели, захватил Византию в середине XV века, чем освободил церковь из тысячелетнего плена Государства. Правители стремились к сиюминутным целям, но их руками решались задачи другого уровня. Так в свое время языческий царь Кир освободил Израиль из вавилонского пленения.

Мусульмане физическим усилием вынули восточную церковь из политического и экономического потока, лишили ее светской власти. Возникла долгожданная духовная независимость. Если представить обе части церкви в виде двух кусков мяса, то восточную часть мусульмане положили в морозильник, тогда как западная оставалась на солнце. Разные температуры объясняют разные скорости разложения.

Командующий византийским флотом Лука Нотар выразил смысл произошедшего: *«лучше видеть в Константинополе турецкую чалму, чем папскую тиару»*. Христианству лучше быть законсервированной Истиной, чем превратиться в иудео-языческую версию христианства.

Получается, в XV веке ислам освободил церковь от государственного плена. Не было бы мусульман, вопрос времени — когда Рим подчинил бы слабеющую Византию. Все министерства автоматически перешли бы под власть Рима, в том числе «министерство» по делам христианства. Естественно, избегая ненужных волнений, с соблюдением правил приличия. Но мы сейчас говорим не о технике, а о сути. По сути тогда это был единственный выход. Ислам приготовил ситуацию, когда церковь не только была защищена от разлагающих ее процессов, но и готовилась для вселенской роли.

Сегодня многие организации называют себя церковью, но по факту одни превратились в хозяйствующие субъекты, другие — в музеи, третьи — в дома благотворительности. Их нельзя рассматривать оком христианства. *«Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6, 23).*

Как Египет пленил евреев, так Византия пленила христианство. Как Кир освободил Израиль от вавилонского пленения, так ислам освободил восточную церковь от власти Государства, остановив ее разложение. Волей- неволей ислам стал консервантом восточной

церкви.

Часть V.
НОВОЕ ВРЕМЯ
(модерн)

Двадцатый век... еще бездомней,

Еще страшнее жизни мгла

(Еще чернее и огромней

Тень Люциферова крыла).

А. Блок

Глава 1.
Протестантизм

Ислам, на время освободив восточную церковь от Государства, исключил ее тем самым из мировых политических и экономических процессов. На планетарной арене остается церковь-государство. Она активно занимается политикой, воюет и торгует. Род занятий определяет качество людей, которых система поднимает наверх. Формально руководство католической церкви — монахи. Фактически — политики и дельцы в рясах. Этот факт в первую очередь подтверждается образом жизни католических епископов. Своим поведением они демонстрируют языческое мировоззрение.

Чем больше Рим преуспевает в земных делах, тем больше вольностей позволяет себе церковная бюрократия. Церковная организация костенеет и выхолащивается в религиозном смысле. У нее появляются не только политические и экономические, но и идеологические противники. Простые христиане видят роскошную развратную жизнь иерархов и не могут не понимать ее несоответствия христианским заповедям.

Внутри католической системы растет напряжение. Какое-то время Рим подавляет недовольство. В XVI веке пружина разжимается. От церкви-государства отделяется община немецких христиан. Буквально следом, в том же XVI веке, Англия, Швейцария, Франция и другие страны Европы превращают католические епархии в национальные церкви.

Первая волна раскольников рождает вторую. Появляются квакеры, баптисты, методисты, анабаптисты, пресвитериане, адвентисты и прочие общины, именующие себя церквями. Процесс идет с небывалой скоростью. Сегодня известны сотни таких общин. Созданы они или политиками, чтобы иметь карманное министерство, или христианами, не желающими зависеть от политиков и чиновников в рясах.

В 1517 году немецкий монах Мартин Лютер вывесил на дворцовой церкви в Виттенберге 95 тезисов, резко выступив против индульгенций и претензий папы прощать любые грехи всем без исключения, в том числе и умершим (естественно, небескорыстно). Религиозная деятельность Рима объявлялась противоречащей христианству. Лютер приглашал богословов к обсуждению своих тезисов.

Прежде чем продолжить рассуждать о протестантизме, отметим главное: протестантизм создан честными людьми, искавшими правды. Основатель его был человеком, способным действовать, не страшась предполагавшегося за такую деятельность костра.

Папа вызвал Лютера в Рим, где его непременно бы сожгли. Бунтаря спасло вмешательство немецких князей. Чем мог закончиться визит к папе, Лютер понимал лучше всех. Несмотря на маячившую перспективу смерти, он открыто говорил то, о чем шептались на кухнях. *«Вера — это согласие воли с совестью»* (Л. Толстой). Судя по поведению Лютера, его совесть пребывала в полном согласии с волей и верой. Это были не поза и жест, а

поразительная смелость честного человека. Сейчас боятся сказать что-то, противоречащее официальным установкам церкви, хотя за это уже не сжигают. Во времена Лютера сжигали. И он нашел в себе смелость говорить.

Лютер сначала действовал, а потом получил поддержку, а не наоборот. Когда его вызвал церковный суд, он сказал собравшимся: *«Пока я не опровергнут свидетельствами Писания или ясными доводами, ибо я не верю ни папе, ни соборам; известно, что они часто заблуждались и противоречили сами себе, меня осиливают приведенные мною слова Писания. А поскольку моя совесть в плену у Слов Бога, я ни от чего не могу и не хочу отрекаться, потому что опасно и невозможно идти против совести. На том стою. Я не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь».*

После этого собрания Лютера должны были казнить, но князья укрывают его, призывая умерить темп и пыл. Несмотря на предупреждение, Лютер продолжает открытый протест и чудом остается жив. Вокруг деятельности Лютера разгорается большой скандал, в него вовлекается множество самых разных сил. В результате столкновения религиозных, политических, экономических, государственных и личных интересов рождается протестантизм.

Искренние намерения первооснователей протестантизма приведут к катастрофическим последствиям. Только логики, честности и смелости недостаточно, чтобы сделать правильные выводы. Лютер не осмысливал всю ситуацию, он видел ее малую часть, что извратило благие намерения.

Строго говоря, протестантизм не совсем религия. Это больше философия, признающая некоторые христианские догмы. Не совсем понятно, по какому принципу одним догмам отдавался приоритет перед другими. Основателем новой веры был не Бог и не пророк, а обычный честный человек, свидетельствующий, что откровения он не получал. *«Я не посылал пророков сих, а они сами побежали; Я не говорил им, а они пророчествовали» (Иер. 23, 21).* Все вопросы и затруднения Лютер решал через логику и здравый смысл.

На слух это кажется правильно, но в реальности логика хороша для земных дел. Для области метафизики одной логики, хоть и со здравым смыслом, маловато. Тут нужно нечто большее. Любую структуру, духовную, государственную или экономическую, можно создать на фундаменте, для мира кажущемся безумием. На рациональном мышлении и человеческом понимании нельзя построить тысячелетнюю конструкцию.

В итоге протестантизм породил капитал, создав условия для рождения демократии и гуманизма. Это породило научное безбожие и технический прогресс. На планете рождается общество нового типа, потребительское. Его суть не в том, что люди потребляют (люди всегда потребляют) а в том, что потребление становится высшей целью и смыслом жизни. Люди начинают жить не ради Бога и Царства Небесного, а ради потребления.

Не прошло и трех веков, как протестантизм вырождается в светское философское учение. Отцы-основатели протестантизма оперируют рационализмом и приходят к идее предопределения. По их мысли, все в мире предопределено, даже судьба не родившихся младенцев. Все это отдает язычеством, в частности, учением о карме (невозможности противостоять своей судьбе).

Протестантизм превосходят результаты язычества. Если язычники оставляют человеку свободу в рамках коридора судьбы, протестанты со своим предопределением отказывают даже понятию свободы. Согласно их учению, у человека столько же свободы, сколько у шестеренки часового механизма.

Логика протестантов достаточно проста. Бог всемогущ и всезнающ, поэтому Ему известно все о будущих поступках. Получалось, жизнь человека — что-то вроде заранее снятого фильма, прокручиваемого на экране. У главного героя нет ни единого шанса поступить иначе, чем зафиксировано на пленке. Все предопределено. Если принять это за истину, отсюда следуют широкие практические выводы. Их развитие гарантированно ведет систему к хаосу. Получается, можно делать все, ни о чем не думая, потому что нельзя сделать того, что не зафиксировано на пленке.

Такой строгий, пошаговый, последовательный логический протестантизм грозит оставить общество без ориентиров. Если все предопределено, о каких ориентирах можно говорить? Предопределение устраняет само понятие свободы, заводя ситуацию в тупик. Чтобы

выйти из тупика, нужен универсальный ориентир. Протестантские мыслители ищут, на что человек мог бы ориентироваться в текущей жизни.

Возникает вопрос: что можно понимать знаком особого благоволения Бога? Перебирая всевозможные варианты, они приходят к выводу: раз ключом ко всем земным благам являются деньги, значит, Бог награждает этим ключом тех, к кому благоволит. Деньги обретают метафизический смысл. Кто обладает деньгами, тому, согласно этой логике, Бог благоволит. Богатство и богоизбранность становятся синонимами. Не имеет значения, каким образом обретены деньги. Сам факт обладания ими является показателем богоизбранности.

Деньги начинают пониматься мостиком, ведущим к спасению души. Средство становится целью и объектом поклонения (как у язычников). Теперь их нужно не тратить, а преумножать. Чем больше денег, тем больше на тебе божьего благословения. Молитва, религиозные обряды и традиция, подвижничество и прочее, считавшиеся христианской добродетелью, отходят на второй план. На первый план выдвигается золото. Если ради золота нужно быть честным, скромным, трудолюбивым, люди становятся такими.

Если кто читал книгу или смотрел фильм «Унесенные ветром», тот помнит, как главная героиня Скарлетт клянется перед небом стать богатой, даже если ей придется для этого обманывать и предавать. Это квинтэссенция протестантской морали.

Различие протестантизма и христианства не во внешних признаках. Разница в цели. Ради чего вы честны и трудолюбивы: ради золота или ради Христа? Не само действие, а цель, ради которой оно совершается, определяет его ценность. Христос говорит о земных ценностях не только как о бессмысленности, но как о помехе, мешающей человеку войти в Небесное Царство. Если человек верит Христу, он не может просить Бога дать ему то, что затруднит обретение высшей ценности христианства. Если человек молится Богу только о земных целях, это языческая мотивация.

Христиане отличались от язычников характером просьб. Язычники молят своих богов о земных благах, для них это главное. У христиан принципиально иная шкала ценностей. Все просьбы ко Христу в первую очередь не о земном, а о неземном. (Ищите Царства Небесного, остальное приложится).

Макарий Великий просит Бога: «*возстави падшую мою душу, осквернившуюся в безмерных согрешениях и отыми от мене весь помысл лукавый видимого сего жития*». Иоанн Златоуст молится: *«Господи, не лиши меня небесных Твоих благ. Господи, избави меня вечных мук»*.

Христиане просят в первую очередь о совершении воли Божьей, о прощении грехов, о хлебе насущном в рамках потребностей. В единственной молитве, данной непосредственно Богом, говорится: *«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» (Лк. 11, 2).*

Христос проповедовал отказ от земных благ (от соблазнов). Невозможно представить христиан в роли просителей соблазнов: денег, карьеры, машины, квартиры и так далее. Если христианин просит Бога о даровании соблазнов, фактически он просит, чтобы соблазны пришли через Бога. Но как можно молить Бога о таком, если Христос говорит: *«Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7)*. Через Бога соблазны прийти не могут. Если кто получает по своей молитве соблазны, возникает вопрос: от Бога ли они?

Согласно христианскому мировоззрению, высшей ценностью является душа. Для язычников таковой являются земные блага. Язычник молится о земных благах. Многие христиане молятся о тех же благах. Возникает вопрос: если мировоззрение у христиан и язычников разное, цели тоже разные. Как может получиться, что молятся они об одном?

Протестанты молят Бога о даровании денег, понимая их ключом от рая. Новое понимание денег рождает известный протестантский аскетизм: скромность в личной жизни, высокую нравственность и прочее. Христиане отказываются от земных радостей, чтобы иметь больше Бога. Протестанты отказываются от земных радостей, чтобы иметь больше денег. Каждый любит объект поклонения без меры.

Люди работают с утра до ночи, хорошо и честно, экономят каждую копейку, чтобы

скопить как можно больше денег, посредством которых спасти душу. Внешне протестантский образ жизни вызывает уважение, но если смотреть в суть предмета, если понимать, ради чего это делается, отношение меняется.

Да, конечно, поведение протестантов более уважаемое, чем поведение «обезьян в костюмах», по сути дикарей. Но если дикари не ведают что творят, в случае с протестантами мы имеем классическую дорогу в ад, выложенную благими намерениями. Они пытаются пройти в рай не дорогой, указанной Христом, а обходным путем. Их учение весьма логично, но оно никуда не ведет. В нем нет Истины, нет Христа. В итоге стараниями протестантов на планете рождается новое существо — капитал.

Глава 2.
Трансформация

Судя по поведению, капитал относится к разновидности небиологической формы жизни. Никакая мертвая сущность не способна защищаться и размножаться. Неживое пассивно по отношению к внешним условиям. Капитал живое существо, и потому реагирует. Это что-то типа церкви, только иной, антихристианской природы. Вокруг капитала, как в прежние времена вокруг религий, формируется сила. Пройдет совсем немного времени, и сила приобретет мировое значение.

Капитал демонстрирует способность расчищать себе место под солнцем. Он не просто создает материальные ценности, эти ценности способны к умножению себя за счет себя.

Первым делом капитал снимает ограничения с ростовщичества. В Израиле запрещалось давать деньги в рост единоплеменникам, но разрешалось язычникам: *«иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (Втор. 23, 20)*. Церковь запрещает давать в рост всем — и брату, и чужому. Протестантский капитализм разрешает давать в рост и брату, и свату, и тем более, чужому, и вообще кому сможешь. Появляется понятие «банкир-христианин», давать деньги в рост перестает считаться грехом. Возникает новый тип экономики, основанной на банковском проценте.

Родившаяся система начинает отвоевывать жизненное пространство. Главным препятствием на этом пути является религия. Протестантизм вместе с капиталом рождают науку нового времени, из которой вытекает идея земного рая. Начинается смещение от теории сотворенного мира к теории вечного мира. Последовательность теорий позволяет отследить становление нового общества. Сначала мир отходит от христианских догм. Далее — вообще от религиозных. В итоге приходит к мировоззрению обезьяны, для которой весь мир сводится к видимой глазу области.

Первое допущение закладывает маленькую трещинку в христианское мировоззрение. Появляется теория: Бог сотворил мир, что-то у Него получилось не так, как Он хотел, и Бог бросил мир на произвол судьбы, как горшечник выбрасывает кривой горшок.

В этой гипотезе нет логики и, тем более, откровения свыше. Эту теорию сочинили как оправдание, почему мир несовершенный, для чего в нем так много страданий, зачем зло зачастую побеждает добро и отчего Бог не вмешивается, чтобы восстановить справедливость. Этой гипотезы было достаточно, чтобы начался опасный процесс. Если Бог оставил землю, значит, Его заповеди можно не соблюдать. Если мы выброшены, как неудачная поделка, человек должен взять судьбу в свои руки (явная параллель и отголосок древнеримского мировоззрения: не боги, а люди должны управлять планетой).

Вторым шагом отступления от Истины становится понимание Бога не как Творца, а как жителя уже существовавшей вселенной. Бог из Абсолюта низводится до части. Теперь это некий дух, живущий в мире, не им сотворенном. Получаются две сущности: Бог и Мир (фактически вселенная выступает в роли второго Бога — такая же бесконечная, вечная и непостижимая).

Следующим шагом отступления становится лишение Бога личностных качеств. Теперь Бог определяется не как свободная волящая и разумная Личность, а как разновидность высшей энергии, одухотворяющей и упорядочивающей материю и низшую энергию. Невооруженным глазом виден откат к одному из вариантов языческого понимания природы.

Ученые того времени, заявляющие себя христианами и не отрицающие Бога, по факту

были самыми страшными врагами христианства и Бога. Да, на словах они признавали Бога, но какого? Что в их понимании было богом, если рассуждения на эту тему пропитаны антихристианством?

На философские тенденции накладываются естественнонаучные открытия, которые еще не могут быть правильно осмыслены. Возникает ажиотаж, в открытиях видят доказательство непричастности Бога к творению мира. Мир предлагается понимать огромным часовым механизмом. Дискуссии разворачиваются вокруг вопроса: какой запас хода у этого механизма — ограниченный или нескончаемый? И если ограниченный, что будет после окончания — новое преобразование или тотальный конец? Такая логика закономерно приводит к полному отрицанию понятия Бога. К этому времени поспевает Дарвин с теорией эволюции. Это предопределяет дальнейшую безбожную физиономию и направление нового мира. Прогрессивная общественность делает вывод: Бога-Творца нет.

Дальнейшие споры ведутся вокруг вопроса: во вселенной нет никакой сверхсущности или все же есть какой-то мировой или абсолютный дух, одухотворяющий материю? Одни придерживаются примитивного материализма, согласно которому во вселенной нет ничего, кроме материи (или кроме энергии, которая суть иное состояние материи). Другие считают, во вселенной есть абсолютный мировой дух (информационное поле, хранилище идей, творческая энергия и прочее, но только не Личность). Если это и имеет к появлению нашего мира какое-то отношение, то исключительно несознательное, как мороз к созданию льда из воды.

Все по умолчанию сходятся в одном: во вселенной нет свободной и разумной Личности. Такое единодушие среди ученого сообщества нового времени понятно. Стоит признать в абсолютном духе разумную и свободную личность, — получается Бог. Сразу возникает масса неудобных вопросов, уводящих в область метафизики. Если есть Бог, есть Его влияние на людей. Если Солнце влияет, Бог должен влиять тем более. Если все так, открывается иное понимание смысла жизни. Человек должен в первую очередь искать гармонию с вечным Богом, а не со своим бренным телом.

Рациональному уму было удобнее осознавать вселенную мертвым космосом, где нет никаких авторитетов. Есть только бесконечная и вечная природа, случайно создавшая человека. При таком мировоззрении захватывала воображение мысль о покорении природы и постановке ее на службу человеку.

Новое время характерно такими мечтаниями, когда казалось, еще немного, и мир будет лежать у ног человека. Под покровом иллюзий шла реинкарнация обезьяньего мировоззрения. Устранение из мира сверхсущности устраняло из жизни общества высшие ценности.

Мировоззрение, отрицающее цель за рамками жизни, сводило понимание жизни к двум стремлениям — прожить как можно дольше и как можно приятнее. Появляются формулировки *типа «война всех против всех», «человек человеку волк», «ты умри сегодня, я завтра», «бери от жизни все»* и прочей обывательской «мудрости», выросшей из нового понимания мира.

Традиционный мир не развалился мгновенно, но получил пробоину. Если бы новые установки мгновенно пропитали все общество сверху донизу, мир сразу бы рухнул. Но он сохранялся благодаря мировоззренческим установкам, которые дало тысячелетнее исповедание религии, предписывающей человеку нерациональное поведение, основанное на ключевых качествах: любовь, честь, долг, совесть и прочее.

Смена мировоззрения идет крайне медленно, из поколения в поколение. Подсознательные установки, формировавшиеся тысячелетиями, не исчезают сразу. Они тают постепенно, как айсберг в теплых водах. Люди искреннее забывали: величие человека не в объеме потребления, а в объеме дерзновения. Самое больше дерзновение — стремление к вечной жизни.

В новых условиях костяк общества, состоящий из этих установок, оказался как в кислоте, постепенно разъедающей его изнутри. Маленькие косточки скоро вовсе растворились, крупные становились тоньше и гнулись. Тело на таком остове теряло форму и оплывало. Система в ключевых узлах подтачивалась, несущие балки истончались, но никто ничего не замечал, а если и замечал, то не понимал.

Человечество, очутившись в безбожном море, уподобилось одухотворенной кукле, плоть которой из соли. Она хотела узнать, что такое море. Ей сказали — это можно сделать, войдя в него. Она вошла и познала море, полностью в нем растворившись.

* * *

Техническое совершенствование мира люди восприняли как подтверждение культивируемой мысли: человечество идет к счастью. Если какой чудак и указывал на признаки надвигающейся глобальной катастрофы, его слова воспринимались занудством и кликушеством. Обывателям казалось: все нормально, общество развивается, жить становится лучше и веселее.

Мы не против технических открытий. Эти открытия предопределены человеческой природой, стремлением жить лучше. Мы против направления, возникающего из совокупности хаотичных энергий этих открытий, над которыми нет всеохватывающей силы, нет контроля.

В XVI веке возникает мировоззренческий фундамент, на котором строится потребительское общество. Это стало возможно с утратой высшего смысла в жизни. Общество вслед за элитой потянулось за сиюминутным.

Религия утверждала: для достижения высших целей должно доминировать стремление к Богу. Государство утверждало: для достижения насущных целей нужны средства. Обе стороны были правы. Оба требования уживались между собой в компромиссе с перекосом в сторону сильного (государства-божества). В новых условиях перекос в сторону государства так усилился, что породил новое божество — Рынок.

Протестантизм создал дополнительный стимул развития экономики, сделав ее более эффективной. Протестантские страны задают тон всему миру. Чтобы иметь боеспособную армию, нужно иметь эффективную экономику, что возможно через устранение всех препятствий на пути капитала.

Первое и главное препятствие — религия со своими ограничениями. Все страны оказываются перед выбором. Один вариант — умаление религии, развитие экономики с наукой, что в итоге приводит к современной армии и обороноспособности. Другой вариант — сохранение религии, что означает препятствие для развития экономики, науки, армии и, как результат, понижение обороноспособности и сминание соседями. В итоге равновесие мировой конструкции было нарушено.

Капитал одолел своего главного врага — религию. Буквально за три века новая сущность выходит на оперативный простор и становится определяющей силой. Ничто в мире больше не стоит у него на пути. Начинается мировая экспансия. Капитал с каждым десятилетием раздвигает границы, стремительно расползаясь по планете. На территориях, подконтрольных ему, рождается новое мировоззрение.

Теперь вселенная — бесконечный поток материи в состоянии постоянной трансформации. Человек на этом фоне — ничтожно малая величина, случайно и на миг появившаяся из ниоткуда и через мгновение, по меркам вселенной, обреченная уйти в никуда.

Глава 3.
Декарт

Новая история начала разворачиваться с революционной мысли математика Декарта. Он задался вопросом: что есть в окружающем нас мире такое, в чем нельзя усомниться. Перебирая варианты, он не находил ничего незыблемого. Во всем, чего ни коснись, можно усомниться, начиная от существования Бога и кончая математикой, в основании которой лежат аксиомы. Считается, они не нуждаются в доказательстве. Но это и есть вера — когда доказывать не нужно. Первое положение всегда принимается на веру.

Ирландский философ Д. Беркли поколебал королеву точных наук, математику. Если 1 ґ 0 = 0, если 2 ґ 0 = 0, получается, 2 ґ 0 = 1 ґ 0. В итоге 2 = 1. Спасти математику можно запретом умножать на ноль. Никакой логики под этим запретом нет. Мы принимаем правило на веру. Математика запрещает умножать на определенные цифры, и мы не умножаем.

Примерно через 100 лет английский философ Д. Юм говорит о невозможности иметь уверенность в чем-либо. Точку в этом деле ставит австрийский математик Гедель, доказавший в XX веке: математика — не точная наука. Любая система на законах логики содержит предположения, которые невозможно доказать или опровергнуть, опираясь на логику этой системы. Самый яркий пример — сама логика. Ее можно опровергнуть только посредством

логики, то есть остаться в рамках системы. Иррациональное (интуитивное) утверждение не может поколебать логическую систему, равно как и наоборот — логика не может поколебать иррациональную систему. Мы всегда в рамках или одной или другой системы, и правила одной системы не можем перенести в другую.

Если даже математика не точная, что можно помыслить как несомненное? Может, объем? Посмотрите на помещение, в котором вы сейчас находитесь. Мысленно уберите из него все: предметы, воздух, а также атомы и стены. Кажется, все убрали. Но остался сам объем. Как убрать освободившееся пространство, объем пустой комнаты?

Кажется, в существовании объема нельзя усомниться. Он есть, независимо от наличия или отсутствия в нем чего бы то ни было. Но если развивать мысль дальше, наш вывод правомочен при наличии других условий, которые нужно принять на веру. В частности, мы должны принять на веру информацию, доставляемую до нашего мозга пятью чувствами. Фундаментом выступает условие, в которое нужно верить.

Мы смотрим вокруг себя и видим разные предметы. Но между этими предметами и нами всегда стоят посредники — наши чувства (обоняние, осязание, вкус, слух и зрение). Наш глаз получает информацию из внешнего источника и по нервным каналам доводит ее до мозга в виде импульсов. В голову непосредственно попадает не стул, а набор импульсов, которые мозг расшифровывает в образ стула. Правильно мозг расшифровывает или нет, мы не знаем, но мы верим, что правильно. Найти подтверждение этой вере нельзя.

Невозможно доказать реальность мира. На вопрос, что есть мир — гигантская реальность или гигантская иллюзия, нет однозначного ответа. Это область чистой веры. Бог через апостола говорит: *«Не любите мира, ни того, что в мире» (1Ин. 2, 15)*. Вокруг этой мысли возникло целое учение (солипсизм), согласно которому мир есть наше воображение. В реальности ничего нет, есть воображающий индивид и воображаемый им мир. Причем реальность индивида не в его существовании, а в его мышлении. Все остальное, в том числе он сам, есть результат воображения.

Казалось, что можно найти в мире несомненное, если целый мир можно усомнить? Задача выглядела неподъемной, но Декарт не сдается. Наконец его осенило: нельзя сомневаться в мысли! Результаты мышления не имеют значения. Важно, что нельзя усомнить само мышление. Подвергнув эту идею самой пристрастной критике, он не нашел в ней изъянов. Не важно, *что* я мыслю. Важно, что я *мыслю*. Сам факт мышления невозможно поколебать. В нем действительно нельзя усомниться, потому что сомнение является разновидностью мышления и подтверждает декартовскую фразу. Даже отрицание мышления возможно только через мышление. Даже отказ от мышления возможен через мысль.

Декарт изрек свое бессмертное *«мыслю, следовательно, существую»*. Эта короткая фраза оказалась искрой, воспламенившей костер, приготовленный эпохой протестантизма. Капитализм, прогресс, свободомыслие, словно сухие поленья, вспыхнули, и загорелся погребальный костер человечества, в который с тех пор неустанно подбрасывают «дрова».

Мышление представляется кораблем, в реальности которого пассажир не может сомневаться. Спит или кушает, читает или прогуливался, он всегда на корабле. Без корабля ничего невозможно, в том числе и пассажир (пока он в море). Взяв наличие корабля за базовую точку отсчета, без которой жизнь пассажира в море невозможна, философы строят новую мировоззренческую теорию. Большой загадкой остается простая мысль, лежащая на поверхности: почему не ставится вопрос — откуда взялось мышление?

Декарт не говорит, откуда берется мышление. Он фиксирует его с момента осознания факта мысли, находясь уже в процессе мышления. Что предшествовало этому, откуда его начало, Декарт не объясняет. Ключевые узлы идеи Декарта не доведены до логического конца.

Мышление есть несомненный факт, с этим никто не спорит. Но чтобы оно существовало, нужно предположить или условия, в которых мышление рождается, или признать мышление безначальным и бесконечным, никогда не рождавшимся и существующим вечно.

Последнего ни сам Декарт, ни его последователи не утверждали. Если бы даже они утверждали такое, это противоречило бы очевидному. Каждый знает про свое мышление, что оно имеет начало. Было время, когда его не существовало. Если мышления не было и оно появилось, значит, есть причина, вследствие которой мышление стало быть. Рассуждая таким образом, несложно убедиться: мышление не является первопричиной. Мышление есть

следствие более глубоких причин.

Сразу возникает вопрос: что породило следствие? Научный атеизм отвечает в рамках теории эволюции: на планете миллионы лет назад сама по себе возникла разумная жизнь, которая развилась и начала мыслить. Но если так, если принять эту идею, мы тут же отходим от идеи Декарта, где мышление объявлено как единственно несомненное. Получается, несомненное мышление рождается из сомнительного мира. Следовательно, не мышление является первой точкой, а мир, порождающий мышление. Но если мысль возникает из мира, следовательно, мир или сотворен, или существовал вечно.

Чтобы принять несомненность мышления, прежде нужно принять несомненность мира. Возникает тема солипсизма: мы должны поверить в реальность мира, чтобы затем перейти к мышлению. Проблема даже не в том, иллюзия мир или реальность. Проблема в том, что любой мир сушествовал до мышления. Если мышление несомненно, несомненным фактом является породивший его мир.

Придя к идее несомненного мира, мы приходим к необходимости указать первоисточник. Это или идея Бога, или идея мира как вечного неразумного бессмысленного существа. Первая мысль ведет нас к религиозному смыслу мира. Вторая — к человекобожию и далее к постмодернизму. Раз Бога нет, значит, человек является богом. Если так, формы общества и человеческого тела не могут рассматриваться как данность. Единственное, что сдерживает личность от превращения себя в монстра из компьютерной игры или червя, это отсутствие соответствующей технологии.

Нетрудно убедиться: все намного сложнее, чем пытался представить Декарт. Он показал основание, пригодное для построения новой мировоззренческой системы, не прибегая к понятию Бога. Это сводило Бога с уровня высшей силы на уровень гипотезы. Новый мир не отвергал Бога, он сделает это позднее. Но он уже намертво ухватился за мысль о человеческом мышлении как о единственной несомненности. Мир получил лицензию на право сомневаться во всем, в том числе в Боге. Сомневаться не просто как раньше, не в форме богохульства, а исходя из логики.

Раньше не было возможности построить систему мироздания, не взяв за точку отсчета сверхъестественную сущность. В одном случае это был Бог, в другом — абсолютный дух, в третьем — вариации языческих божеств. Картина мира была невозможна без метафизики. Декарт нашел несомненное основание в нашем мире. Это открыло дорогу к безбожию с научным оттенком. Декарта можно считать основателем научного атеизма — новой религии со своими мучениками за веру, традицией и атрибутами.

Декарт сказал — мышление первично. Мы утверждаем: мышление производно и, значит, вторично; первичны условия, порождающие мышление. Система, построенная на вторичном, принимаемом за первичное, априори ущербная и неполная.

Своим утверждением Декарт распахнул приоткрытый ящик Пандоры. Некогда из ящика вышли беды и пороки человечества. Теперь из него вылетели еще более опасные сущности, которые в своем развитии должны были поглотить мир.

Глава 4.
Новая вера

Природа общества такова, что она не стремится осмыслить мнение авторитета. Она принимает его на веру. Декарт был «брендовой» фигурой. Он указал направление для строительства новой системы, не додумав ни глубину этого курса, ни перспективы развития.

Мысль Декарта дала основание, на котором можно узаконить грех. Ранее человек не мог грешить, не вступая в конфликт с собой. Идея Декарта сняла конфликт через умаление Бога. Элита, подготовленная к такому «подарку» протестантизмом, не устояла перед соблазном. Игнорируя многие нелепости, началось строительство новой социальной конструкции, в которой Бога нет. Эта модель получает политкорректное название «светское общество».

Принятие декартовой идеи сравнимо с принятием теории эволюции. Она противоречит сама себе по всем пунктам, но, тем не менее, держится. Не потому, что доказано, а потому что люди хотят верить в нее. Они не знают, о знании речи нет, они именно верят. Слепо, истово и безоглядно. Точно так же дело обстоит с мирозданием на идее Декарта. Люди верят: это

цельная мысль, и видеть ее нецельность не желают. Почему? Потому что. Если продолжите упорствовать, вас пошлют по эротическому адресу.

Рациональная душа Запада тысячелетиями томилась в рамках иррациональности, когда дело касалось больших вопросов и ответов. Декарт пролил водопад эликсира на эту душу. Запад начал насыщаться опасной влагой, подобно высохшей губке. Когда насыщение достигло критической массы, родился научный атеизм.

Научное мировоззрение с рождения было в высшей степени странным. Позиционируя себя цельным, оно отрицало возможность цельного знания. Признавалось только относительное. Любую версию наука по умолчанию принимала как гипотезу, от которой в любой миг можно отказаться. В теории она стремилась к целому, одновременно утверждая невозможность познать целое.

Философия нового времени рождает веру в науку. Примерно через 100 лет появятся философы, которые укажут на порочность философии Декарта и сделанных из нее выводов. В XVIII веке Д. Юм доведет разрушение эмпиризма (опытного знания) до логического конца. В дальнейшем эту мысль разовьют Гедель, Хайдеггер, Деррида и другие, волей-неволей обнажая надуманность материалистических истин.

Наука поколеблет собственные выводы и заявит об их ошибочности, но будет поздно. Разоблачение не подорвет веры в науку, сознание не услышит мыслей, противоречащих шаблонам. Потому что уже возник вал событий и информации, заставляющий принимать материализм как истину на веру. Даже если вы против материализма, вы все равно движетесь в этом направлении, как человек, увлекаемый против воли толпой.

До Декарта философия всегда была служанкой религии. Декарт возводит ее в ранг самостоятельной науки. Оторвавшись от религии, она воспринимается набором чудных фантазий, неудобоваримых для нормального человека. Одни говорят так, другие эдак, ничего непонятно. В том числе и самим философам (в противном случае они жили бы согласно своим учениям, как это делали первые христиане, а не только говорили о них).

Чем больше наука узнает о мире, тем шире становится область незнания. Все относительно, приблизительно и сомнительно, ничего полностью познать нельзя, даже самую маленькую пылинку. Но при этом люди, вопреки собственной логике, верили — можно познать все. На то, что эта вера жестко противоречит природе научного атеизма, не обращалось внимания. Наука приобретает авторитет религии. Ее носители верили в способность науки потенциально познать все, вопреки здравому смыслу.

Человечество грелось в лучах странной противоречивой истины, получившей статус абсолютной. Отрицание становится истиной. Человечество перестает стремиться к полному знанию. Его заменяет иллюзия возможности иметь абсолютное знание. Наука говорит — это невозможно, но люди верят — это как-нибудь возможно. Порождается куча мнений и многословий, создавая нечто, понимаемое каждым как ему кажется, хочется и как удобнее.

Науки множатся. Каждая по ложке воды из океана судит о наличии в океане китов. Каждая копается в своем «огороде», и чем больше закапывается, тем меньше видит. Никакая наука не охватывает целого. В отсутствии цельной картины мира умножение опытных знаний увеличивает путаницу. Чем больше люди знают частностей, тем меньше понимают целое. Обществу впору повторить за Сократом: *«Я знаю, что я ничего не знаю»*. Сократ сознавал свое незнание. Общество воспринимало свое незнание как потенциальное всезнание, превращая его в реальное всенезнание.

В атеистической вере одна нелепость громоздится на другую, но люди не обращают на них внимания, потому что «наука доказала». Чтобы понять, чем это чревато, вообразите человека, ведущего себя так, словно он умеет летать. Когда он подойдет к обрыву, логика позволит сделать ему самоубийственный вывод. Он шагнет вперед и полетит. Но не как птица, а камнем вниз.

Мировоззрение без Бога обходит большие вопросы, постепенно изгоняя их из информационного поля. С каждым поколением все меньше людей способны спросить себя — зачем я живу? Как моя жизнь отразится на мне после смерти? Область больших вопросов замусоривается общими словами, замыливающими суть. Человек в этом смысле животное, живущее только потому, что оно выросло. И все, высокого смысла в жизни нет.

В новой ситуации служанка богословия (философия) превращается в служанку политики, коей и пребывает до сего дня. Из области больших вопросов она уходит в область бантиков и понимается как возможность потрепаться. Новая эпоха взрывается многословием, загоняя себя в логические топи. Выводы философии сами философы не рассматривают путеводителем по жизни, поскольку не верят в свои «истины».

Научное сообщество плодит многотомные поверхностные суждения, старательно обходя большие вопросы. Философы, окончательно приземлившись, начисто исключают из арсенала познавательных средств человеческое вдохновение, озарение и прозрение, отнеся это в разряд ненаучной мистики. И это притом, что любой ученый и мыслитель подтвердит: первая мысль образуется не как синтез имеющихся мыслей, а как подарок из других миров, пришедший через прокол оболочки нашего мира, ведущий в иную действительность. Этот «подарок» упорядочивают и раскладывают по полочкам. Получается чертеж, который люди разных специальностей материализуют. Но самая первая точка отсчета всего принципиально нового, сама идея, всегда приходит из другого мира.

Волна нового мировоззрения накатывает на Европу, восстанавливая «справедливость» и упраздняя власть монархов. Традиционная форма общества сменяется демократической. Формально это власть народа, но фактически красивый фантик, в который завернута совсем другая сущность.

По факту новая «справедливость» — разновидность права сильного на власть. В племени дикарей власть получал самый сильный. При демократии происходит примерно то же самое. Разница в другом понимании силы и в более сложном ритуале, но не в сути. Не важно, насколько вы правы. Важно, насколько вы сильны в мирском смысле. Упоминание о высшей цели — политес. Да и какая высшая цель может быть в атеистическом обществе, если атеизм устраняет такое понятие?

Демократическое «здание» хорошо выглядело на плакате. На практике оно оказалось утопией, что доказывает история всех демократий. Никто нигде и никогда не смог реализовать теорию демократии. Создавался внешний фасад, его в ярких красках описывала целая армия журналистов и писателей. Но демократии так ни разу и не было построено. Здесь удивительно точная аллегория с платьем голого короля, сшитого «невидимыми нитками из невидимой ткани». Реальными были обманщики-портные и глупые люди, зависимые от общественного мнения и не верившие своим глазам.

Проблема современного общества — привычка жить в мире неадекватных понятий. Нормально говорить о несуществующем как о реальном. Эту норму признают все участники политического процесса. Возникает хаос в понятиях и головах. С интеллектуального хаоса начинаются все виды разрушений, в первую очередь общества и личности.

Теория демократии на уровне фундамента противоречит природе вещей. Как известно, фундамент всегда скрыт от поверхностного взгляда. Это объясняет, почему общество не понимает, не видит и вряд ли сможет осознать это противоречие. Здание на фальш-фундаменте нельзя построить.

Поклонники демократии, которые не могут возразить нашим доводам по существу, в качестве последнего аргумента прибегают к Черчиллю, сказавшему, что демократия это плохо, но лучше ничего нет. В его словах отсутствует логика — лишь поза и эмоция, рассчитанные расположить к себе людей. Кроме того, рекомендуем им принимать во внимание еще одно высказывание английского премьера: *«Лучший аргумент против демократии — пятиминутная беседа с избирателем»*.

В первой книге «Проект Россия» мы достаточно глубоко и полно осветили невозможность демократического выбора. Нельзя выбирать то, о чем не имеешь знания, чего не понимаешь. Избиратели любой страны никогда не имели, не имеют, и не будут иметь знания, достаточного для сознательного выбора. Они всегда будут выбирать фантик и никогда содержимое.

Глава 5.
Гвозди

Авраам Линкольн говорил: *«Можно всю жизнь морочить одного человека, можно*

какое-то время дурачить всех, но обманывать всех всю жизнь нельзя». Президент ошибался. Практика показывает: целые народы можно обманывать веками. Линкольна оправдывает то, что он жил в эпоху, когда не было СМИ, телесериалов, рекламы и технологии манипуляции.

Если кто верит в реальность демократии, тот по-честному не понимает предмета разговора. Это бездонный колодец общих слов, из которых нельзя вывести конкретику, зато можно создать дымовую завесу. В мире реальной политики демократия в лучшем случае ширма, в худшем — коврик при двери, но уже никогда не знамя.

Демократия похожа на похотливую богатую даму в летах. Ей хочется плотской любви, но никто не желает «любить» ее бесплатно. Ушло время бурной молодости, очарования и цветения. Нет больше юношей, готовых ради нее на подвиги, на жертвы и смерть. Теперь даму окружают альфонсы, «любовь» которых прямо зависит от денег. Пока дама платит, они ее «любят». Стоит прекратить выплаты, от «любви» не остается и следа.

Это утверждение касается демократов любого розлива, хоть либерального, хоть коммунистического, хоть фашистского. Они «любят» свою даму, пока та им платит, пока они имеют с этого соития свою выгоду. Как только выгода кончится, они переметнутся на другой объект любви.

С момента публикации первой книги «Проект Россия» не нашлось ни одного возражения по сути. *Ни одного.* Никто не смог возразить нам по главному обвинению демократии — *невозможности выбора без знаний*. Ни один демократ не доказал (и даже не сказал), что совершить выбор можно без знания. Ни один либерал не кинулся подтверждать, что предвыборные кампании дают людям знания (или хотя бы имеют такое намерение).

Любой теоретик демократии подтвердит: отсутствие сознательного выбора означает отсутствие демократии. Любой практик демократии подтвердит: устроить выборы так, чтобы дать знания, во-первых, нереально, во-вторых, заведомо проигрышно на фоне конкурентов, использующих манипулятивные технологии. Тут как ни крутись, а седалище сзади.

Поскольку миллионам невозможно дать знания, людей понуждают к действию, внешне похожему на выбор, но выбором не являющемуся. Советская демократия понуждала силой. Либеральная демократия понуждает технологией. Фашистская демократия использует то и другое. Во всех случаях население понуждают физическим или психологическим насилием.

Как солдаты не способны выбрать генерала, так народ не способен выбрать власть. Это ни плохо, ни хорошо, это природная данность. Из этой данности вышел очень крепкий гроб для демократии всех видов.

Первый гвоздь в гроб демократии: **без знаний нет выбора**. Основа демократии — сознательный выбор. Основа выбора — знания. Без знаний выбор невозможен. Людей без знаний можно побудить к действиям, внешне похожим на выбор, но по факту это будет не выбор, а результат манипуляции сознанием.

Второй гвоздь в гроб демократии: **избирательные кампании знаний не дают**. Цель предвыборной кампании не в том, чтобы давать людям знания, на основе которых возможен сознательный выбор, а чтобы манипулировать. Упор не на рациональное мышление, а на эмоциональное восприятие, на создание положительного впечатления. Идет психологическое давление, манипуляция и соблазнение.

Третий гвоздь в гроб демократии образуют два первых: а) предвыборные кампании знаний не дают; б) без знаний выбор невозможен. Вывод: **демократии нет и не может быть в природе.**

* * *

Демократы советского, либерального, фашистского и любого иного толка не смогли поколебать нашей логики. Все теоретики и практики демократии прекрасно понимают, в какое глупое положение они попадут, если начнут оспаривать утверждение о невозможности сделать выбор без знаний. Но продолжают ратовать за… демократию. Как это объяснить?

Простительно, когда демократическую позицию отстаивают люди, составившие мнение по репортажам СМИ и речевкам партийных лидеров в духе «свобода, равенство, братство». Они могут искренне считать: демократии нет в России или Узбекистане, а на Западе она точно имеется. А раз так, нужно бороться за нее…

Людей настолько запутали сотворенные СМИ иллюзии, что если даже возразить нам они не могут, выбирать все равно идут. Это в прямом смысле феномен. Люди понимают: реально они ничего не выбирают, и… идут выбирать. Вероятно, для выросших в атмосфере демократической риторики это стало ритуалом. Одна часть электората действительно считает, что участвует в судьбе страны. Другую часть буфетом привлекают.

Можно понять наемных или наивных защитников демократии, прекрасно все осознающих, но им или платят, или запудрили мозги. От них требуют не истину установить, а исполнить заказ. Если заказывают называть манипуляцию сознательным выбором народа, они выполняют (особенно если платят, потому что куда денешься: семью кормить нужно, и вообще это стало источником дохода). И потом, не будешь говорить ты, на твое место очередь говорунов стоит. Защита демократии хорошо оплачивается.

С наивными и наемными все ясно. Но как понять серьезных людей, знающих о демократии не понаслышке и не по журналистским репортажам, а в реальной практике? Невозможно предположить, что ключевые фигуры политической жизни Франции, Италии, США, Германии, России, Индии, стран Латинской Америки или любой иной страны не знают реалий. Они сами заказчики и организаторы театрализованных представлений, именуемых народным выбором.

Организатор рекламной кампании кока-колы понимает: цель кампании — не правду сказать о коричневой воде, а соблазнить, обмануть, но продать. Инициаторы выборов понимают: цель — не информацию донести, а соблазнить электорат.

Все прекрасно знают цену словосочетания «народные выборы». Если кто начнет говорить о буквальном следовании теоретическим нормам демократии, это вызовет недоумение, переглядки и кривые ухмылки.

Можно понять, когда манипуляцию на публике называют демократией. Политес. Но за закрытыми дверями какой политес? В узком кругу принято называть вещи своими именами, потому что так проще понять ситуацию. Но фокус в том, что и за закрытыми дверями политики и журналисты называют манипуляцию… демократией. Ни у кого нет иллюзий, о каком «свободном выборе» они говорят, но при этом называют явление не просто чужим, а противоречащим сути явления термином.

Когда политик говорит «у нас демократия», он не имеет в виду «у нас власть выбирает народ». Он иносказательно утверждает: мы исправно выполняем ритуальное действие, которого требует система. Он дает сигнал: наша система не является монархией, диктатурой и теократией, равно как и той моделью демократии, что описана в теории. Они как бы говорят — мы сами не знаем, чем является существующая система, и говорим на черное белое, потому что… а как иначе?

Позиция демократического правительства всегда будет напоминать позицию папуаса. Дикарь не понимает физических законов, он приспосабливается к уже сложившимся законам системы, не помышляя их понимать. Зачем ему тратить на это время, если имеющихся знаний достаточно, чтобы накопать личинок и поймать самку? Только проблема в том, что папуас зависит от системы, созданной Богом и потому устойчивой. Демократы живут в искусственной системе, создатели которой не очень понимали, что же они такое создают. Такая система обречена рухнуть.

Чтобы исправить ситуацию, ее нужно осознать. Чтобы осознать явление, нужно назвать вещи своими именами. Не на кухне и не в узком кругу, а на официальном уровне белое назвать белым, черное черным. Назвать вещи своими именами значит запустить непредсказуемое развитие событий. Это породит вызов, на который система не готова ответить.

Выбирая из двух зол меньшее, власть предпочитает сохранять все как есть. А потом… Что будет потом, никто думать не хочет. В лучшем случае приходят к мысли не раскачивать лодку. Мол, что толку, если мы скажем избирателям: вы ничего и никогда не выбираете и выбирать не можете? Если взамен нечего предложить, то мы спилим сук, на котором сидим. А так молчим, нагоняем туману, что хотя бы тормозит разрушение…

Эту тактику можно понять, если бы имелась цель отвлечь людей, чтобы не мешали работать по стратегическому исправлению ситуации. Здесь была бы логика капитана, скрывающего от пассажиров беду, чтобы избежать паники. Но если капитан скрывает проблему и бездействует только потому, что не знает, что делать, возникает другая ситуация.

Чем больше упущено времени, тем глобальнее будет трагедия. Когда вода затечет в каюту, и пассажиры сами увидят катастрофу, будет поздно. В том числе и для капитана с офицерами.

Пока термин «демократия» будет расшифровываться: «не диктатура», «не теократия» «не монархия», суть системы останется тайной. Через отрицание нельзя определить сущность. Бесконечно перечисляя, чем объект не является, нельзя приблизиться к пониманию, что он есть на самом деле. Если утюг обозначать «не шкаф», «не сапог», «не компьютер» и прочее, суть объекта не станет понятной. Ясность наступит, когда утюг будет назван своим именем — утюгом.

Власть искренне не знает, как называется система, которой она правит. Понимая, что это не демократия, она пытается исправить смысловое значение через приклеивание к термину еще одного термина, чтобы подчеркнуть хотя бы для своих: это не та демократия, о которой говорит теория, это нечто иное.

Рождаются «управляемые», «суверенные» и прочие «демократии». Но они не отражают сути, напротив, еще больше запутывают ситуацию. Хорошо запутывать, если сам знаешь, но не хочешь, чтобы другие знали. А если сам не понимаешь, но путаешь, чтобы другие думали, будто тебе все понятно, это совсем другая история.

* * *

С распространением демократии мир оказался в весьма грустном положении. Маленькие люди, калейдоскопом сменяющие друг друга, не поднимаются выше административного понимания. Корабль по имени Человечество тонет. Сегодня мамы плачут – дети не хотят есть. Завтра будут плакать – детей нечем кормить.

Чтобы не быть голословными по поводу порочности конструкции, отметим только один факт: принцип крепления всех деталей демократической конструкции основан на пороке. Один из парадоксов системы — нарушение правил является… правилом. Говорить нужно одно, но жить можно, если действуешь по-другому. Например, системе необходима… коррупция. Странность этого заявления компенсируется логикой.

Всякая структура, в том числе государственная, состоит из крупных и малых блоков-группировок. Чтобы люди собрались в блоки, им нужен стимул. Должно быть что-то, что свяжет их в единую структуру. Кирпичи скрепляет в единое здание цемент. Людей в единую структуру собирает общий интерес.

Какой интерес может собрать носителей материалистического понимания мира? Материальный. Система объявляет стремление к материальному благу высшей целью. Люди, воспитанные этой системой, начинают понимать любую деятельность источником дохода. Все остальное во-вторых. В первую очередь человек идет на государственную службу не народу служить, а деньги зарабатывать. Это объясняет, почему все берут, заносят, откатывают, пилят и прочее. Взятки – это цемент, скрепляющий любое демократическое государство. Потому что скреплять больше нечем.

С подачи СМИ все уверены: наша система страдает из-за коррупции, это ее главный враг, и если победить коррупцию, все исправится. Мы утверждаем обратное: система стоит благодаря коррупции, это позвоночник государства. Если допустить, что власть чудесным образом победит коррупцию, система рухнет.

Представьте: гаишники не могут брать взятки. Жить на то, что им платят, они не хотят, это не соответствует их потребительским стандартам. Начинается отток кадров, и рушится дорожное движение. Чтобы систему восстановить, потребуется компенсировать доход, который блюстители порядка потеряли из-за невозможности брать взятки.

Гаишники, конечно, мелочь. Теоретически вопрос можно решить через увеличение зарплаты. С крупными чиновниками решение невозможно в принципе. Никаких нефтедолларов не хватит на удовлетворение запросов коррупционеров высшего звена. Все разговоры о борьбе с коррупцией — из серии «пчелы против меда». Это какой-то театр абсурда, когда власть принимает закон против коррупции, и главные коррупционеры страны, сидящие в первых рядах (а за ними коррупционеры помельче), дружно хлопают в ладоши, одобряя и поддерживая очередное «мудрое» решение власти.

Конечно, неприятно смотреть на такую картину, но все же виноваты в этом не люди.

Дайте им другую идею, они будут к ней стремиться. Если всем внушают «живем один раз», что кроме коррупции может объединить людей, занимающих высшие посты? Совместные походы за ягодами? Или красивые лозунги, призывающие честно жить, противореча официальному мировоззрению? Нет, все это пустое, если нет идеи, за которую человек готов по 15 часов работать, единственный способ заставить его работать в таком ритме – материальная выгоды. Вот поэтому все и «пилят» всё, что можно пилить, если даже понимают, в итоге они все дружно пилят не столько бюджет, сколько сук, на котором сидят.

Власть без возможности украсть в потребительском обществе никому не нужна. Если допустить фантастический вариант: коррупция будет невозможна, то начнется переток самых умных из власти в бизнес. Сформируется новый центр власти, кардинально ломающий систему, делая ее еще хуже, чем она есть сейчас.

Глава 6.
«Перегной»

Нельзя понимать историю последовательностью вытекающих друг из друга состояний. Это предполагает между ними родственность, пусть и отдаленную. Бабочка совсем не похожа на гусеницу, но при этом они родственницы. Исторические эпохи, выстроенные в пошаговой последовательности, кажутся в какой-то мере родственниками, пусть дальними и непохожими. Но это не так. Фазовый переход отрубает родственность.

Новые эпохи рождаются не из совокупности материальных и исторических причин, где количество перешло в качество, а из идей. Прежняя эпоха для новой идеи есть нечто вроде питательной среды, почвы. Новая эпоха рождается из нового зерна (идеи).

Откуда и как в мир приходят идеи, мы не знаем. Но можем констатировать: в момент появления идеи появляется весь будущий мир. Не явно, в виде свернутой идеи, но появляется весь. Как зерно содержит в себе все будущее растение, так мировоззренческая идея содержит в себе весь будущий мир.

Если нет понятия дуба, в желуде нельзя увидеть будущий дуб. Если нет понятия нового мира, в идее нельзя увидеть будущий мир. Человек никогда не имеет понятия грядущей эпохи, и потому большие идеи никому ничего конкретного не говорят. Максимум возникает тревожное ощущение новизны.

Новая идея никоим образом не связана с предшествующей эпохой. Новое приходит из другого мира. Идеи — как зерна, которые приносит ветер и бросает в почву. Нет родственности между выросшим из зерна растением и почвой, на которой семя развернулось в растение. Зерно это идея растения. Когда растение умрет и сгниет, возникнет перегной. Если в него попадет зерно другого растения, вырастет новое растение, не связанное узами родства с бывшим растением, превратившимся в перегной.

Идея материализма развернулась в новое время. Из «зерна» выросло «растение» — потребительское общество. Сегодня этот тип общества умирает. Его умершие части активно гниют и разлагаются. В возникающий перегной падает идея сверхнового общества. По мере ее роста общество наблюдает странные выходки странных людей. Никто пока понятия не имеет, во что все это вырастет и о приближении чего свидетельствует.

Кстати, мы тоже «зерно». И тоже в какой-то перегной попали. Но мы традиционное культурное растение, а они сорняк, о чем Запад сказал устами своих идеологов (Фукуяма, Хантингтон), объявив о конце истории. Человеческие ценности (семья, дети, совесть) в этой логике не просто теряют смысл, а становятся помехой. Потребительское общество спокойно стало жить животной жизнью в горизонте сиюминутности: живи здесь и сейчас, бери от жизни все, главное в мире — я и мои удовольствия.

Под лозунгом борьбы с перенаселением Запад начинает сдерживать рождаемость. Ребенок воспринимается не как дар Божий, а как составная часть потребительской корзины, некий предмет роскоши, препятствующий получению других удовольствий. Современного западного человека демократия учит понимать традиционную семью нежелательным для себя состоянием и видеть в ней опасность. Возникает понятие нетрадиционной семьи, где нет обязательств и детей. Общество начинает развращаться.

Пока члены демократического общества развращаются с оглядкой. Западные педофилы

ездят «отдыхать» в Таиланд. Пройдет совсем немного времени, и все это начнется у них дома в еще больших размерах. Растет армия извращенцев, общество не видит перспективы и будущего. Множество культур и цивилизаций, достигнув конца истории, прекращали существование. Признаки конца света всегда одни — Содом и Гоморра.

Политика развращения действует в первую очередь на носителей западной культуры. Другие культуры она меньше затрагивает. Повторяется история колониальных заболеваний. К смертельно опасным для европейцев болезням у африканцев и индейцев был выработан иммунитет. Сегодня примерно то же самое. Разница только в том, что раньше зараза приходила из внешнего источника. Сегодня Запад сам производит вирус духовной чумы и сам же себя заражает. Понижая внутри себя цивилизационное «давление», он сминается другими культурами, у которых к духовной чуме есть иммунитет.

* * *

Запад это здание, построенное на христианском фундаменте. Когда он пошел по пути материализма, фундамент и стоящее на нем здание начали рушиться. В возникающем хаосе стали прорисовываться контуры совсем не той системы, к которой стремились отцы-основатели.

Человечество не родилось с христианскими нормами. Существующие запреты на извращения не были естественными. Все они пришли из учения Христа. Надежда на то, что запреты останутся, а самого учения не будет, есть глупость, объясняемая только тем, что внимание людей перенесено с первичного на вторичное.

Стержневая идея Запада может быть выведена только из христианства. Но на сознание общества надеты мягкие кандалы, не позволяющие даже поставить вопроса в такой плоскости. Несмотря на настойчивость европейских церквей, в проект евроконституции не был включен параграф о «христианском наследии и ценностях». Не христианство, а порожденные им культурные явления не прошли через заградительные барьеры «свободного общества».

Культура и религия Греции, Франции, Германии и любой другой европейской страны погибают под ударами своего же закона. Что для европейцев закон, для неевропейцев — эффективное оружие против жителей Старого Света. Они используют его в качестве дубины, которой заколачивают гвозди в крышку гроба европейского общества.

Дети эмигрантов остаются носителями неевропейских традиций и религии и живут по своим законам. Но при этом они полноправные граждане, и значит, избиратели. В стратегии наступления на бывших христиан, а ныне атеистов-потребителей, они требуют одного — соблюдать конституцию. И под этой ширмой продавливают свои цели.

Примеров ползучей экспансии огромное количество. Кто был во Франции, видел: французы по паспорту, но не по культуре и национальности, имеют больше прав. Например, французские власти не разрешат жителю Ниццы установить спутниковую «тарелку» на дом, если он представитель европейской культуры. Но представителю восточной или южной культуры — разрешат. Что позволено арабу, не позволено французу.

В Марселе есть целые кварталы, завоеванные мирными боями. В ресторан приходили большие группы французов по паспорту и пили кофе. Шумели, галдели. Ресторан терял завсегдатаев. В итоге хозяин продавал ресторан по предложенной цене или терпел убытки.

Если в Европе появляются возражатели против такой ситуации, они тут же зачисляются самим обществом в фашисты и на них ставится крест, как бы правы они ни были. Один из политиков Франции говорит: *«Родной сын мне ближе племянника. Племянник ближе соотечественника. Соотечественник ближе иноплеменника»*. Все признают эту правду жизни, но пока нет Библии, конституция превыше всего. Общество само себя удавит своими законами и противоречащими здравому смыслу действиями.

Сегодня на Западе христианство умаляется. Космополитичному обывателю предлагают ответить на вопрос: почему христианские праздники, например Рождество, отмечаются на государственном уровне, а исламские или иудейские не отмечаются. Налицо ущемление прав и дискриминация по национальному и религиозному признаку.

В условиях доминанты мертвого закона над реальной жизнью на эти вопросы нет ответа. Европейское общество, как и позднее древнееврейское, приперто к стенке своим же законом.

Чтобы выскочить из тупика, нужно отказаться от либерального мировоззрения. Но это кажется так нереально… Помимо социальных факторов есть экономика, которая не позволит Европе отказаться от материалистического мировоззрения.

Обсуждение этой темы можно называть фашизмом, а умалчивание — либерализмом. Огромное количество европейцев понимают проблему, но демократия родила систему, заткнувшую всем рот. Система так простроена, что решение зависит не от того, кто понимает ситуацию, а от того, кто ее не понимает — от плебса, пребывающего на неприемлемо низком интеллектуальном уровне. Ставка на средний класс, которому «есть что терять», закономерно ведет к тому, что решающей силой общества становятся люди с сиюминутными целями.

Яркий пример — беспорядки во Франции. Как только обыватели узнали о грозящем ущемлении прав, неизбежном при перестройке любой системы, они, не вникая в детали, тут же вышли на улицу бастовать. Опускаем цели оппозиции, ищущей повод протестовать, вне зависимости от качества решений власти. Каким бы правильным решение правительства ни было, но если оно дает повод возмутить массу, оппозиция его использует.

Политическая система ориентирует людей не благо общества искать, а свою выгоду. В экономике человека изначально ориентируют делать не то, что несет пользу обществу, а то, что дает личную прибыль. Появляются вредные и бессмысленные виды деятельности. Человеческую природу эксплуатируют во вред обществу, если это прибыльно.

Стоит властям покуситься на малое благо, чтобы решить стратегические задачи, оппозиция тут же поднимает общество бунтовать. Возникает театр абсурда: экономическая система направляет энергию общества на свое разрушение, а политическая система охраняет этот процесс.

Глава 7.
Симптомы

В этих условиях зарождается новая, доселе неведомая система. Ее не стремятся понять. Ее заворачивают в яркие фантики гуманистического содержания и на этом успокаиваются. Система продолжает развиваться.

Появляются художники, делающие натюрморты из свежезамученных животных, сфотографированных в момент высших страданий. Ценность фотографий в том, что глаза «натурщиков» хранят отпечаток страдания. Например, одна современная художница нанизывает живых мышей через задний проход на карандаш и в этот момент их фотографирует. Фото высоко оценены соответствующими «эстетами». Другие изображают из себя собаку. Третьи сдирают с трупов кожу и делают из этого «материала» скульптуры. Появляются люди-собаки, люди-туалеты, люди-предметы и прочее.

Перечислять дерьмо, бурлящее в недрах потребительского общества, бессмысленно. Чем больше удается эпатировать публику, тем выше это ценится. С позиции научного атеизма это искусство, проявление свободы. Каждый проявляет себя так, как хочет. Если человек высший, он сам себе эталон, и тогда его действия не подлежат отрицательной оценке. Они могут нести вред, и общество имеет право от них защищаться. Но в той же мере и личность, усматривающая в действиях общества вред, может от него защищаться. В чем выражается защита, вопрос второстепенный. Главное, нет эталона добра и зла. Если общество на данный момент сильнее, формально это не означает, что оно право, потому что нет эталона. Оно просто сильнее

Потребительское общество тонет в собственных отходах физического и духовного характера. Человечество напрягается, но пока не может уловить длинную логику. Ну, проткнул через задний проход живую мышку. Ну, сфотографировал ее в миг высшего страдания. К чему тут придраться? Уголовное дело заводить? А основания? Во-первых, мышку «художник» мучил у себя дома. Во-вторых, а как же мышеловки? Там железной перекладиной по голове — хрясь! И что, судить? Нелогично.

Если мышей можно убивать одним способом, почему нельзя убивать другим? Негуманно? Здесь можно поспорить, что гуманнее — мышеловка или карандаш. Ах, да, можно сказать, мышеловкой человек борется с грызунами, защищает свое добро, а тут он просто садист и извращенец, убивающий беззащитных мышек без практической нужды.

Все возражения, какие вы можете привести в защиту животных и против садистов, не более чем ваше личное мнение. Если Бога нет, кто определяет, что есть добро и зло? Вы? А вы кто такой, чтобы другим указывать? Может, вы фашист? Почему лаборанту можно проводить опыты на мышах в медицинских целях, где их мучают, а мне, художнику, нельзя делать это в эстетических целях? Если лаборант приносит пользу обществу, испытывая лекарство, художник тоже считает, что приносит пользу, рождая новый вид эстетики. Почему творчество должно ограничиваться старыми формами?

В доказательство признания своего творчества широкой публикой (из числа продвинутых) он предъявит кучу журнальных заметок, восхваляющих его творческую смелость. И что вы скажете? Да что бы вы ни сказали, заключительным будет вопрос: а судьи кто? Неужели вы? А вы, батенька, часом не диктатор, если свое мнение выше моего ставите?

Официальная позиция: художники так выражают себя. Но сердцем многие люди, в том числе атеисты, чувствуют: что-то здесь не то, не так все просто. Но что именно не то, о том подумать некогда, спросить не у кого.

Если оставаться на позиции «Бога нет», любые ваши возражения в два счета разбиваются. Вопрос сведется в область вкуса. Вам не нравится? Но о вкусах не спорят. Силой хотите навязать? Но, во-первых, еще посмотрим, кто кого. А во-вторых, и это главное, на чем основано ваше моральное право навязывать людям свое мнение? На силе? Тогда так и нужно сказать: прав тот, кто сильнее, и не морочить людям голову суждениями о свободе личности. Но так нельзя сказать, социальная конструкция требует сохранения риторики о свободе, равенстве и братстве.

* * *

Между остатками традиционного мировоззрения (любовь, честь, совесть, стыд и прочее) и логикой безбожного мировоззрения (бери от жизни все), всегда был конфликт. Чувство справедливости, оставшееся без корней, без Бога, проигрывает рациональной логике атеизма, уступая одну позицию за другой.

Люди неосознанно и против логики хотят быть честными и благородными, но не могут найти ответ — зачем. Они твердят, мол, положено быть честными, и все, и нечего рассуждать. *«Кем положено?»* — спрашивают оппоненты. Люди теряются… Действительно, кем, если Бога нет? Чужим дядей? Но почему общество должно считать мнение дяди истиной? Или большинством положено? Но тогда нужно вводить многоженство и кушать змей с насекомыми, потому что большинство человечества, азиатский регион, делает это. Кстати, Христа распяли именно мнением большинства.

Ни один родитель-атеист не может внятно объяснить ребенку, почему надо быть честным. Объяснения в стиле «потому что» неконкурентно, по сравнению с ясной и четкой логикой научного мировоззрения, по которой честным нужно быть, если это выгодно. А если не выгодно… Ответ напрашивается сам. И это правильный ответ — если Бога нет. Потому что *«если Бога нет, то все можно»* (Ф. Достоевский).

Невнятное бормотание про то, что так принято, что честность это хорошо, не вызывает симпатии (особенно у молодежи). Попытка оправдать утверждение, что честным быть выгодно, разбивается вдребезги о вопросы типа *«а если не выгодно?»*. Что делать, если выгодно быть не честным, а рациональным?

Претензия человека на звание бога входит в противоречие сама с собой. С одной стороны, человек заявлен случайной ничтожностью. С другой стороны, объявляется высшей сущностью. Получается, высшая сущность, временный человек, зависит от низшей сущности — вечного мира. Человек оказывается как бы разодранным надвое. Атеизм объявил человека богом и одновременно назвал его временной бессмысленностью, чем-то вроде плесени, случайно возникшей на окраине галактики. Этот казус стал источником глобальных внутренних конфликтов, насыщающих общество.

Либеральный мир загоняет сам себя главными вопросами в тупик. Все цели, какие только может иметь человек в рамках этого мира, оказываются материальными, сиюминутными и поверхностными.

Логика атеизма объявляет мир бессмыслицей, но что-то в человеческой разумной и

свободной личности есть такое, что не позволяет ей признать для себя подобный ориентир высшим. Человек, не желающий считать себя просто туловищем, начинает метаться. Но будучи зажатым в тиски материализма, запрограммирован в своих метаниях на ошибку.

Современная система гниет, брезгливо отворачиваясь от своих дурно пахнущих ран, предпочитая их не замечать, в идеале вообще не думать на эту тему. Но ужасный запах распространяется на все общество, и не думать не получается. Люди стараются сохранить хорошую мину при плохой игре, создавая при этом условия для неприемлемой и неприятной ситуации. Такое поведение кажется запредельным мазохизмом, но именно такова реакция потребительского общества на собственные внутренние проблемы. Оно как бы утратило чувствительность, не ощущает боли, производимой умножающимися язвами.

Люди поверхностно и бездоказательно довольствуются мыслью: мир как-нибудь разовьется во что-нибудь хорошее. Не только обыватели, но и власть имущие мыслят о последствиях в масштабе вши на хвосте идущего в пропасть слона (на мой век точно хватит, если даже слон упадет в самую глубокую пропасть и разобьется, а потомки пусть сами думают, что дальше делать).

Неуправляемый прогресс изменил понятие о нормальном потреблении, соответствующем реальным запросам человека. Экономика в погоне за сбытом прививала новые, непропорционально завышенные стандарты. Человек-личность превращался в человека-«фуа-гра». Все стремились только к одному — увеличить потребление.

Если кто не в курсе, фуа-гра — печень гуся, получаемая садистским способом. Гусю четыре раза в день вставляют в горло воронку и всыпают в него килограммы зерна. Гусь не может его извергнуть назад. В организме птицы начинаются процессы, приводящие к фантастическому увеличению печени. Зачастую печень достигает размеров, пропорциональных самому гусю. Это в прямом смысле инвалид, не способный жить, потому что нарушена вся структура организма. Но гусю и не запланировано долго жить, его растят под нож.

С человеком современная система проделывает аналогичные манипуляции. Она заставляет его потреблять. В итоге тяга к потреблению заполняет все существо человека, подавляя другие стремления — совесть, честь, стыд и прочее. Это уже не человек, это инвалид, в котором потребление, как в гусе печень, задавило все человеческое. Общество модели «фуа-гра» не имеет шанса на нормальную жизнь, пока не избавится от того, кто вставляет ему в горло трубку и заставляет потреблять сверх нормы.

Счастье не зависит от объема потребления. Имей мы измеритель счастья, можно было наглядно показать: объем счастья и объем потребления лежат в непересекающихся плоскостях. У крестьянина в глухой провинции, живущего в согласии с окружающим миром, счастье может зашкаливать. У миллиардера счастьеизмеритель может показать ноль.

* * *

Поколение сменяло поколение. Возрастающая пропаганда потребления воспитывала класс людей с большими потребностями без возможности их удовлетворить. Это создавало атмосферу растущего негодования: почему я хочу, но не могу? Возникает ощущение собственной неполноценности, из которого рождается чувство несправедливости.

Творческие натуры, остро чувствующие бессмысленность и опустошенность безбожного мира, взрываются неосознанным протестом. Стараясь отличиться от штампованной окружающей серости, они пытаются отстоять свою индивидуальность и непричастность к этому миру. Пока под протестом нет идейной базы, он носит эмоциональный характер. Люди системы «фуа-гра» хотят летать, но не могут даже ходить… Внутренний конфликт рождает неснимаемое противоречие.

Буревестники надвигающегося нового отказываются признавать условности гуманного общества, еще не совсем понимая, чего хотят. Они протестуют против лжи и лицемерия, против навязывания ложных ценностей. В этом проявляется природа человека, его желание остаться личностью.

Они говорят: если мир — гигантская бессмысленность, а человек высшее существо, значит, каждый может делать что хочет. Власть и общество возражают: нельзя делать что

хочешь. На вопрос: почему? — отвечают: потому! Шибко умным объяснения дают держиморды.

Нерациональный запрет, противоречащий установкам власти, увеличивает армию странных чудаков. Чем больше развивается потребительское общество, тем сильнее обнажается внутреннее противоречие.

Протест против двуличного общества выражают посредством искусства, одежды, манеры поведения, извращений и немотивированных выходок. «Революционным матросам» прикольно участвовать в революции. Здесь ограбил, там изнасиловал, тут покуражился над беззащитным. А тут наоборот, проявил себя героем, страдающим за свободу и справедливость. Все это смешивается в такую кашу, что никто уже ничего не может толком понять. Жизнь становится похожа на плиту спрессованного мусора — следствие множества бессмысленностей и противоречий. Обозначаются тенденции, ведущие в пропасть постмодернизма.

Глава 8.
Постмодернизм

К середине XX века человек, защищаясь от давления капиталистической системы, начинает задаваться вопросами, выходящими за рамки системы, политики, экономики. В интеллектуальных кругах активируется поиск смысла жизни. Глубокие люди спрашивают: что есть мир? Какова роль человека в этом мире? И, не довольствуясь старыми ответами, выглядящими или казенно, или архаично, начинает формировать новое понимание мира. В итоге мир совершает умопомрачительное мировоззренческое сальто-мортале. Оставленное без Бога общество рождает идейное основание для протеста против потребительской системы. Проблема этого основания — в нем снова нет Бога. Есть благие намерения, но они ведут в ад.

Во второй половине XX века в интеллектуальной среде группа французских философов фундаментально прорабатывает идеи Платона, Декарта, Гегеля, Маркса, Хайдеггера и прочих мыслителей и, кардинально переосмыслив мир, рождает новое философское учение — постмодернизм.

Идея постмодерна построена на добросовестном следовании логике научного атеизма. Здесь нет необоснованных допущений, одно вытекает из другого. Ошибки на этом уровне нет, там все правильно. Но если посмотреть на ситуацию в большом масштабе, мы увидим — ошибка в точке отсчета.

Разберемся с фундаментом, не умножая бантики и не замыливая суть. Начнем с того, что постмодернизм формирует новое понимание мира, отличное как от традиционного, так и от потребительского. Оно не привязано к единым формам, правилам, эталону. Нет единого времени и мышления. Ничто не постоянно, все — булькающая масса, где вечно проявляются и исчезают бесформенные фигуры. Бесформенность есть не отсутствие формы, а потенция принять другую форму, от которой в любой момент можно отказаться ради новой формы. Взаимодействие бесформенных бесхребетных сущностей образует мир постмодерна.

Символ человеческой иерархии — дерево (его корень, ствол, ветви, листья). Любое государство, компания, институт построены на этом принципе. Символ постмодернизма — поле, засеянное травой. Это что-то типа толпы, предоставленной самой себе и бегущей непонятно куда. У травы нет единого корня и единого ствола. Это единая система, но без иерархии. «Трава» противопоставляется «дереву» и становится символом нового стиля жизни.

Символ травяного поля не совсем отражает стремление постмодерна. Это все же устойчивая система, тогда как, по постмодерну, любая точка любого субъекта должна иметь возможность связаться с любой другой точкой любого другого субъекта. Постмодернизм отрицает непоколебимость точки, потому что точка есть начало системы, в точке есть стремление к иерархии. Много точек образуют линию. Много линий рождают плоскость. Множество плоскостей образуют объем и в итоге устойчивый объект, от которого один шаг к иерархии — врагу постмодернизма. Преодолеть такую эволюцию можно через недопущение постоянной точки. Постмодернизм побеждает тенденцию к иерархии через отрицание точки и постоянное умножение множества. Все должно постоянно меняться, ни к чему не привязываясь и ни на чем не останавливаясь.

Чтобы любая точка поля могла связаться с любой другой точкой поля, самому полю нужна абсолютная гибкость в пространстве. Чтобы поле не превратилось в монолит (прообраз структуры), оно должно иметь множество незначительных разрывов. Они не должны быть слишком большими, иначе это разделит поле, и множество превратится в крупные разделенные куски — предтечу системы. Чтобы постмодернистское поле сохраняло суть, его множество должно мелко разрываться и тут же соединяться, чтобы разбиться в новое желание, и вновь срастись, но всякий раз иначе.

Любое проявление системы гасится антисистемой, постоянно убегающей от самой себя, чтобы не превратиться в систему. В отличие от логики дерева, где есть эталон и копия, логика травы есть карта, доступная по всем направлениям. Эту карту всегда можно разобрать, изменить, поправить, разорвать, перевернуть и прочее. Чтобы четче понять образ, представьте карту, разорванную на мельчайшие кусочки, которые кружит ветер. Это что-то типа облака с неясными контурами, где все постоянно перемешивается.

Все течет, все меняется, никто ни к чему не привязан, никому ничего не должен, ни с кем не имеет ничего устойчивого. Реальность никого не интересует, нет прошлого и будущего. Интерес представляет только миг настоящего. Внимание переключается на бессознательное желание, непознаваемое и неопределяемое. Каждый имеет право сочинить свои правила поведения, не сообразуясь с условностями и смыслами.

Традиционный «смысл» и «значение» объявляются диктаторами. Как всякие диктаторы, они лишаются власти. В мире без Абсолюта нет основания для их власти. Все смыслы знакомого мира постмодерн объявляет бессмысленными. В грядущем мире форму сменяет антиформа, открытая для любых нововведений и потому по своей природе бесформенная. Цель подменяется игровым процессом, определенность — неопределенностью, развитие — хаосом. Упраздняются границы пространства и времени.

Традиционное время линейно: прошлое переходит в настоящее и далее в будущее. Постмодернизм предлагает понимать время как разновекторный хаос, чуждый понятию линейности и последовательности. Господствует случай, нет ориентиров, прошлое попросту исчезает. Системе, замыслу и закономерности нет места. Иерархия уступает место анархии. Понятия центра и периферии утрачивают смысл. Оценка как таковая отрицается. Все оценивается с позиции личного опыта.

Нет общепринятых понятий добра и зла. Что есть добро и зло — для каждого свое, удобное в данный момент понятие. Нет смерти и нет жизни, нет белого и нет черного. Авторитет и опыт превращаются в ничто. Каждый сам себе режиссер. Мир объявляется никак не определяемой и ни к чему не сводимой данностью. Эта мысль противоположна традиционной морали, основанной на вневременных и внеличностных ценностях.

Постмодернизм отстаивает концепцию свободного желания. Традиционно желание возникает из столкновения субъекта с внешним миром. В момент столкновения субъект выходит за границы себя, пребывает вне себя, и в процессе касания с миром возникает желание. Получается, желание — не продукт внутреннего мира субъекта, а продукт столкновения внешней системы и внутреннего мира человека.

Если мир формируется капиталистической системой, значит, система навязывает личности свою волю и свои правила. Она подавляет личность, заставляя человека выполнять свой приказ. Человек принимает приказы системы за свои желания и оказывается обманутым, утверждает постмодерн.

Новое учение заявляет: истинная свобода может быть добыта человеком, если он заглянет внутрь себя и разглядит себя. Желание должно возникнуть не из столкновения с миром, а до столкновения. В момент столкновения желание должно быть уже сформировано.

Заглянуть в себя это заглянуть в свое бессознательное. В сознательном себя нет, там отражение внешней системы. Свобода — в бессознательном, там твои настоящие, не сформированные системой желания. Система еще не добралась до бессознательного (мы пока опускаем тот факт, что это неверное утверждение: бессознательное формируется системой, чему подтверждение — миллиарды наших современников, «обезьян в костюмах»).

Быть свободным значит быть во власти бессознательных желаний. Возникли сексуальные фантазии, агрессивные желания, эпатажные намерения, — реализуй их, без всяких оценок и раздумий. Желай и делай, не думая о последствиях, и через то станешь

свободным. Единственный критерий — сиюминутное благо. Если тебе хорошо — значит, это твоя истина.

Нельзя осмысливать и оценивать свои желания. Оценить что-либо означает использовать сформированные системой установки. Получается, если сознание есть отражение и продукт капиталистической системы, сознательная оценка чего-либо есть не твоя оценка, а оценка, производимая системой. В таком случае человек представляет собой не личность, а квинтэссенцию сформировавшей его системы. Он как бы не свободный человек, а система. И так как система капиталистическая, она производит человека-потребителя, оценивающего все с позиции потребления.

Постмодернизм видит освобождение от диктата системы в бессознательно-механической реализации желаний, без оценки самих желаний и осмысления действий, направленных на достижение желаний. Это чем-то напоминает ницшеанство, только там воля выступает как гарант исполнения желаний. В постмодернизме гарантом выступает полное безволие. Просто плыви в потоке желаний, не осмысливая и не оценивая их. Нет добра, нет зла… есть желания. Кому-то от их реализации хорошо, кому-то плохо, но тебя это не касается, как корову не касается судьба травы, которую она жует.

Общество способно преодолевать препятствия, община тем более. Массу же несет поток событий. Когда человек превращен из личности в часть массы, у него не просто нет понятия о чем-либо, он свободен от понятия иметь понятие. Его органы генерируют желания, и у туловища возникает хотение. Сознание служит инструментом реализации хотений. При таком позиционировании человека нет. Личность заменяется совокупностью органов. Свободу образуют желания органов. Кто сдерживает свои желания, тот, согласно постмодерну, «тело без органов», пустое место, запрограммированное выполнять желания системы.

Любое общество имеет свои элементы религиозности. В одних типах общества этих элементов было много (все типы обществ до XVII века). В других — меньше (XVII—XX). В третьих — совсем мало (современное общество с середины XX века). В надвигающемся постмодернизме их вовсе не будет, что породит принципиально новую ситуацию и… новую религию.

Постмодернизм называет общества прошлой и уходящей эпохи (соответственно религиозное и потребительское) заводами по производству желаний. Система плюс сознание определяют желания. Прошлая эпоха производила желание служить Богу. Сегодняшняя эпоха производит желание потреблять. Новая эпоха отрывает человека от «производства», образуемого системой и сознанием, и побуждает искать готовые желания внутри себя.

Английский философ Гоббс сравнивал государство с левиафаном, гигантским морским чудовищем. Постмодернисты говорят, общество-левиафан заставляет людей выполнять свои желания. Чтобы освободиться от левиафана, нужно научиться из самого себя, из своей сути производить желания. Заглянув в себя и увидев то, что общество называет пороком, нужно употребить все усилия не на подавление, а на его реализацию. Не имеет значения, какие это желания — гомосексуальные или каннибальские, или напротив, желание быть честным и благородным. Ценность тех и других не в их сути, а в том, что они твои. В этом истина постмодернизма.

Философы постмодернисты отрицают двуполый мир, сексуальные нормы, сложившиеся под действием духовных систем, школ и ценностей. Вот некоторые из постулатов постмодернизма. Сколько личностей, столько полов. Физиологического пола нет, есть психологический. Языков столько, сколько людей. Прошлого нет. Истин столько, сколько индивидов. У индивида тоже нет неизменной истины. Она меняется в зависимости от желания. Желание есть истина. Желание не имеет исходной структуры и потому заранее не упорядочено. Его нельзя оценить, оно индивидуально и одновременно абсолютная истина.

Абсолют невозможно оценить. Всякая оценка предполагает эталон, тогда как Абсолют сам себе является эталоном. Освободить свои желания значит стать свободным… Здесь хотели написать «свободным человеком», но правильнее сказать, «свободным существом». Да и это не совсем верно. Существо в умножении своей свободы приходит к отрицанию своей свободы, о чем говорилось много выше, и попадает в зависимость к системе-машине, далее к Зверю, искусственному интеллекту и в итоге к Антихристу.

Система постмодерна призывает раскрепостить мир желаний до максимума — когда

желать большего невозможно. В этот момент человек превращается в существо, вышедшее за границы человека. Для реализации нечеловеческой самости он должен быть свободен от всех правил, придуманных не им. Правила навязывают систему и создают препятствия на пути к свободе.

Под системой понимается как любая философская, либеральная или марксистская, так и любая религиозная система. Разность правил не разъединяет их, а объединяет через наличие самих правил. Постмодернизм отрицает какие-либо твердые, общие для всех правила. Идеал — атомизированный в прах мир.

Все это проповедуют, с теми или иными поправками на личное видение, современные французские философы, в частности Деррида, Фуко, Делез и другие. И все они заходят в тупик, когда нужно ответить на большие вопросы типа смысла жизни. Сначала это кажется революционным и увлекает слабые умы, не имеющие мировоззрения. Для них само заявление о необходимости понимать мир, чтобы быть свободным, является открытием. На сцену выходит сила, чуждая традиционному и потребительскому пониманию мира.

Постмодернистский протест против несправедливости рождает еще большую беду, чем несправедливость потребительского общества. Перефразируя картину Гойя, *«сон души рождает чудовище постмодерна»*. Пройдет совсем немного времени, и крик новорожденного монстра услышит весь мир.

Новый мир будет играть в игру «кто не спрятался, я не виноват». Это система из другой действительности, где нет места представителю религиозной или потребительской системы. Безграничная, ничем не сдерживаемая свобода в прямом смысле разрывает человека. Это можно сравнить с внутренним давлением человека. Если вы окажетесь в безвоздушном пространстве, отсутствие внешнего атмосферного давления разорвет вас на куски. Если исчезнет внутреннее давление, внешнее сомнет в лепешку. Чтобы человек жил, атмосферное и внутреннее давление должны быть пропорциональны. Нужна как внутренняя свобода, так и внешние ограничители свободы. При исчезновении одного из этих факторов исчезает сам человек.

Описывая, к чему ведет развитие потребительского общества, мы хотим, чтобы каждый заглянул в бездну, к которой движется мир. Действительность превзойдет самые горькие выводы. История учит: реальность всегда превосходит фантазию и логику.

Можно оценить прошлое во всей его совокупности масштабом в 500 лет. Но нельзя тем же шагом заглянуть в будущее. В его создании участвует то, что отсутствует в современности. Как в логических построениях учесть то, чего еще нет и что даже представить нельзя? Глобально будущее непредсказуемо современниками и непонятно в предсказаниях пророков. Сущности из другого мира попадают в наш мир и меняют его. Человек не может вычислить, какая сущность попадет в наш мир и как его изменит. Никакой мудрец прошлого не мог увидеть в появлении арабской системы счета (десятичной) будущую атомную бомбу, компьютер и прочее, что сегодня так влияет на мир. Десятичная система счета относительно римской и любой другой системы была гигантским компьютером, да еще доступным абсолютно каждому. Но понять, во что выльется такая возможность, никому не было дано.

Новый мир рождается не из эмоций дураков и извращенцев, озабоченных легализацией своих желаний. Он рождается из очень глубокого серьезного учения, охватывающего весь мир с принципиально нечеловеческих позиций.

Дьявол всегда соблазняет свободой. Первой жертвой этой технологии были наши прародители, Адам и Ева, мистическим образом содержавшие в себе все человечество (поэтому на каждом из нас их грех). Финальной жертвой станет человечество. Пока идет пересмотр отношения к сущности человека. Далее последует набор специфических разветвлений, что породит явления, которые сейчас вообразить невозможно.

Как видите, материализм в своем развитии трансформируется в нечто совсем нематериальное, в постмодернизм. Как и всякая религия, он не подчиняется рациональной логике. Проблема в том, что он слишком противоречит привычной информации. Современному человеку, одной ногой стоящему в традиционном обществе, другой — в потребительском, падающему в третью область (новый мир постмодернизма), трудно понять и принять такую информацию. Это кажется фантастикой и несерьезностью.

Грядет новое общество. Так в свое время традиционное общество трансформировали в

потребительскую модель. Кто понимает надвигающиеся проблемы, не может не испытывать тревоги. Кто не понимает, для того это бред, который он благополучно забудет, усевшись перед телевизором.

Глава 9.
Новый мир

Математик Льюис Кэрролл написал сказку о приключениях девочки Алисы в загадочном пространстве. Но если там по мере продвижения Алисы в глубь кроличьей норы было все чудесатее и чудесатее, у нас будет все ужасатее и ужасатее. Грядет принципиально новый мир, где, как во сне, привычные нам социальные и нравственные законы перестанут работать.

Сохранение современных тенденций превращает скрытую диктатуру Рынка в открытую. Проявляется картина, опережающая самый смелый полет фантазии. И все же ситуация поддается логическому осмыслению, если смотреть на нее не в бытовом, а в мировом масштабе.

В начале третьего тысячелетия от Р.Х. зарождается принципиально новый мир. Поклонение идолам переносится в киберпространство. Уже сегодня видно, как человечество погружается туда. Это происходит очень медленно, но неумолимо, как в зыбучие пески. Чем сильнее потребительское общество пытается оттуда вырваться, тем больше его засасывает.

Сегодня руководство крупных компаний принуждает своих сотрудников общаться друг с другом не человеческим языком, а исключительно с помощью электронных средств связи, от банального привета до деловых контактов. Это имеет рациональное объяснение: руководству проще отслеживать и анализировать ситуацию, когда «все ходы записаны».

Киберпространство входит в текущую жизнь человека. Возникают социальные киберсети. Миллионы людей по всему миру сутками сидят за компьютером, и их количество постоянно растет. Они живут там по своим законам, строят свой бизнес, систему отношений, мораль и, главное, свою религию. Это не оговорка: в виртуальном мире намечаются зачатки новой религии. Основание новой религии: «живи для себя и вечно». Там нет понятий сострадания и милости. Вся логика построена только на «все для себя любыми путями». Пока это игра, но она затекает в реальность.

Вчера пожилой человек коротал время за сериалами. Сейчас обозначается тенденция, когда он коротает время в виртуальных сообществах. Там даже 100-летняя бабушка может выдать себя за 20-летнюю девушку, блистать умом и опытом. Следующий шаг — подвижный образ. Это, безусловно, интереснее, чем реальность пожилого человека. Не за горами реальное вхождение в виртуал через установление чувственной связи с машиной и возможность жить полноценной… виртуальной жизнью.

Кому-то виртуальный мир покажется раем, но рукотворный рай в своем развитии приведет к запредельно ужасным для обитателей последствиям: к исчезновению человека во всех смыслах.

В виртуальном раю не может быть любви, любовь не является продуктом разума. Любовь это Бог. В рукотворном раю нет места Богу. Если даже в том мире будут стремиться к добру, без любви это будет зло. Мефистофель Гете вечно стремился к добру, но вечно получалось зло. По итогу *«он сеял зло без наслаждения, нигде искусству своему он не встречал сопротивленья, и зло наскучило ему»* (М. Лермонтов «Демон»). Это образует новую необычную действительность.

В шумерском царстве работала логика нашего мира. Если представить, будто мы туда попали (или они к нам), после периода адаптации мы (они) могли бы вписаться в их (наш) мир. Если так, это один мир. Мы же говорим о новом мире, понимая под этим систему, в которую нельзя вписаться члену иной системы. Как нельзя вписаться в логику сна через нашу логику.

Это значит, шумерское царство и современное общество суть одна система. Утверждая это, мы прекрасно понимаем колоссальную разницу шумерского и потребительского общества на базовом уровне. Например, общество под властью жрецов имело другие цели, нежели общество во власти Рынка. Первые могли вести войны не только за налогооблагаемые базы, но и за контроль метафизических величин (например, за энергетические центры планеты). Последнее утверждение звучит маразмом для современного человека, уверенного: воевать

можно только за материальные цели. Это кажется настолько очевидным, что даже не берется под сомнение. Если не ради захвата и передела мира, то ради чего еще можно воевать?

Великий завоеватель древности, царь Вавилона Навуходоносор, воевал не только ради передела мира. Это было сопутствующей целью. Главной была религиозная цель. Только через это можно объяснить его в высшей степени странные поступки, если бы он действительно воевал только за налогооблагаемые базы.

Навуходоносор находился в полной зависимости от жреческой корпорации. На это однозначно указывают клинописные письмена того периода. О силе жрецов говорит тот факт, что после неизвестного конфликта со жречеством Навуходоносор впал в странное состояние, известное современной медицине как ликантропия. Он стал ходить на четвереньках, выть по ночам на Луну, вести себя как волк. Через семь месяцев Навуходоносор умер.

При колоссальной разности шумерского и нашего мира, в своей еще более глубинной основе это были сущности одного порядка. Мы же делим историю на разные миры на уровне констант.

Первый мир — допотопный. Мы не можем войти в понимание логики того общества. Люди еще недавно были в раю, помнили Бога, Он разговаривал с ними, зримо присутствовал в их жизни. Это формировало особенности, которых нам сейчас не уловить.

Второй мир — послепотопный. Его населяют люди, часть которых помнит Бога, но основная масса забыла и подчинилась другим богам. В одном случае это языческие идолы шумерского общества, в другом — идолы потребительского общества. В итоге кашеобразная масса.

Грядет *третий мир*. Его характерная особенность: разделение реальности на привычный мир и киберпространство, не отличаемое от привычной реальности (и даже превосходящее ее). В новом мире не будут работать физические законы. Как следствие, нарушится причинно-следственная связь.

Через призму нашего миропонимания новый мир — бред. Но что такое бред? То, что не умещается в привычное видение мира, находится за рамками наших знаний. Все революционно новое для настоящего — бред. Попытка выйти за пределы порождает бессмыслицу.

Единственная возможность войти в ткань нового мира — смириться с необходимостью говорить то, что по логике нашего мира выглядит нелепо. Это похоже на попытки через логику язычества войти в понимание христианства. Неизбежно получалась абракадабра. Это осознавал св. Августин, когда говорил: *«И ты, скотина, не хочешь говорить бессмыслицу? Говори одну бессмыслицу, это не страшно»*.

Часть VI.
ВЫВОДЫ

Глава 1.
Хранитель

С одной стороны, спасение для человечества — Церковь. Это бесспорный факт. С другой стороны (логика нас к тому приводит), с IV века церковь, как земная организация, попав в объятия государства, находится в странном положении.

Все христиане мира признают: до III века носители учения Христа предпочитали лучше умереть, нежели признать религиозный приоритет языческого императора. В IV веке случается немыслимое: христиане признают религиозный приоритет языческого императора и ряд вытекающих из этого положений. Это официально закрепляется в соответствующих документах.

Вы можете представить христианский Собор под председательством языческого жреца? Даже представлять не надо, это исторический факт. В 325 году под председательством языческого императора Константина, верховного жреца Византии, состоялся Первый Вселенский Собор. (Крещение Константин примет через 12 лет после Собора).

Главный язычник империи получил право толковать вероучительные моменты

христианства. Все решения собора считаются легитимными, если подтверждены визой императора. Константин назначал патриархов, созывал, возглавлял и закрывал собор. В любой момент его преемники могли лишить решения собора легитимности, а через некоторое время снова вернуть.

Получается, церковь вроде как не может быть хранилищем Истины, как в свое время таким хранилищем перестал быть Израиль. Но если мир стоит, если все нравственные и физические законы действуют, значит, какая-то сила обеспечивает постоянство законов. Значит, в мире есть Истина. А если есть Истина, есть ее хранитель. В противном случае известный нам мир исчез бы, трансформировался в иную сущность.

Если Израиль пал, единственным претендентом на звание хранителя Истины является церковь. Возникает вопрос: какая именно церковь? В мире четыре христианские церкви: коптская, православная, католическая и протестантская. Каждая заявляет себя единственно верной, идущей от апостолов, с настоящим набором догм и правильным ритуалом. Все другие считаются отступившими от Истины раскольниками (схизматиками).

Например, копты признают три Вселенских Собора. Четвертый (Халкидонский) отрицают. Православные признает семь Вселенских Соборов. Собор 754 года и Восьмой Собор (Флорентийский), за неприятие решений которого патриарх грозил отлучением от церкви, лишены звания Вселенских. Католики признают все упомянутые Соборы, плюс еще 15 своих соборов называют Вселенскими. Протестанты отрицают все соборы.

Христианское учение делится на сотни подвидов. Есть древние копты и современные. Есть православие старого образца и нового. Есть древние католики и новые. У протестантов целый легион направлений. Каждое заявляет себя единственно истинным, и их около четырех сотен.

Нельзя сказать, что хранителем Истины является католическая церковь. Сразу возникает вопрос: какая именно? Католических церквей десятки, многие между собой конфликтуют. Сказать, что Истину хранят старые или новые католики, а все остальные — раскольники, тоже несерьезно. Так можно утверждать, если закрыть глаза на ситуацию и стоять на позиции: моя церковь правее всех только потому, что я там крестился.

Большинству претит мысль непредвзято посмотреть на то, что официально обожествлено. Яркий пример — ветхие иудеи. Они сделали Закон выше Бога, пророков побивали камнями, Христа отрицали вопреки здравому смыслу и фактам. И называли себя единственными хранителями Истины. Примерно на тех же основаниях национальные и государственные церкви отстаивают за собой эксклюзивное право на звание «хранитель Истины». Никто не хочет слушать факты и доводы, если они противоречат милой сердцу официальной позиции.

Может быть, Истина хранится не в одной конкретной национальной церкви, а в совокупности, например, православных церквей? Тоже не получается. Внутри православия есть не признающие друг друга церкви, ругающие друг друга на чем свет стоит. Все они наполнены «вошами» (одни больше, другие меньше).

Налицо затруднение, из которого можно выйти через признание: Истина рассредоточена по всем христианским церквям (если точнее, по честным людям, составляющим эти церкви). Они соединены с телом Христа (Церковью) как бы лучами. Между ними нет горизонтальных связей, но через вертикальные связи они соединены в Церковь, что образует невидимое хранилище Истины. Это град Китеж, сокрытый до поры от посторонних глаз.

Истина как бы раскололась на кусочки и рассыпалась по миру по честным людям. В одном человеке Истины больше, в другом меньше, но она есть в каждом настоящем человеке, не столько говорящем о заповедях, сколько живущем по ним. Язык и ритуал вторичны. Первично выполнение заповедей (обращаем внимание: речь идет именно о ритуалах, сотворенных людьми, а не о таинствах от Бога).

Сегодня подлинные христиане, будучи разбросанными по различным церквям-юрлицам, не объединены в единую земную церковь. Но они имеют в себе Духа Святого, за счет чего составляют единое целое. Это подтверждается не объяснимыми логикой фактами. Чтобы уловить их суть, начнем с утверждения: церковь стоит Духом. Любые связи:

административные, социальные, экономические вторичны. Дух оживляет любой организм, и церковный в первую очередь.

Если в организации Духа нет, она живет относительно недолго, максимум века, и умирает. Рыцарские ордена, просуществовав века, погибли. Значит, Духа в них не было. Протестантская церковь исчезает на наших глазах по той же причине. А русская церковь, едва ослабла хватка государства, восстанавливается как птица Феникс, буквально из пепла. И католическая, находясь в крайне неблагоприятных условиях в течение последних веков, продолжает сохраняться. В ней по-прежнему есть очень достойные христиане. И про коптскую церковь так можно сказать, и про многие другие — в каждой из них есть достойные люди. (Имейте в виду: мы говорим о церкви как о совокупности христиан, а не как о церковно-бюрократическом аппарате, имеющемся в каждой церкви).

Почему одни религиозные образования существуют по 1000 лет и более, а вторые уходят относительно быстро? Почему физические и духовные гонения не сломили церковь? Когда ее гнали, она давала святых и не погибала. Когда гонения прекращались, она укреплялась. Все гонители канули в лету, а церковь стоит. Это можно объяснить только наличием Духа. Там, где была логика, доблесть, поиск справедливости, но Духа не было, все быстро сошло на нет.

Хранителем Истины является невидимая конструкция, образуемая из честных людей, живущих по заповедям Бога, незримым образом соединенных в целое. Наличие вертикальных связей позволяет ей быть хранилищем. Отсутствие горизонтальных связей, которые были между ранними христианами, не позволяет иметь силу для проведения в мире своей линии, как это делала церковь до III века.

Когда мир достигнет критического состояния — придет Христос и начнется Страшный Суд. До второго Пришествия Христа в мир может прийти информация от Бога (каким образом, мы о том даже помыслить не можем). Или через пророков, или Бог придет в еще не известном нам виде, как приходил до Христа в виде Огня, Троих Ангелов и Облака. Но чтобы это случилось, люди, сегодня соединенные вертикальными связями с Богом (телом Бога — Церковью), должны объединиться в видимую силу. Если это произойдет, человечество может рассчитывать на милость Бога.

Бог открывается обществу по мере его развития и дает ему новые законы. Адаму и Еве Бог дал одни законы. Израилю дал другие. Христианам дал третьи. Все это делал один и тот же Бог. Но так как общество было разное, Бог давал законы сообразно состоянию общества. Со времен прихода Христа мир XXI века сильно изменился, и значит, находится в состоянии ожидания новой божественной информации.

Во время последнего прихода Бог сказал: *«Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить» (Ин. 16, 12).* Иными словами, человечество было не на той ступени развития, чтобы принять больше, нежели сказано. Но если сегодня общество может вместить больше, Бог даст больше.

Современный мир на пороге фазового перехода. Из глобального предположения рождаются глобальные выводы. Наш мир или получит помощь от Бога, или погибнет, и начнется Страшный Суд.

Глава 2.
Второй вариант

Было бы большим лукавством обойти молчанием ислам. В VII веке, когда церковь полностью зависит от государства, рождается третья религия, основанная на сотворении мира из ничего. Ислам получает взрывное развитие и к XI веку становится мировой силой.

В 610 году Мухаммед приносит Коран, на основании которого мусульмане объявляют себя хранителями Истины. Но если смотреть глубже, при всем уважении к исламу не получается признать такой вывод правильным.

Если христианство дробилось политической ситуацией, ислам дробится в силу своей природы. Дело не только в непримиримых шиитах и суннитах, все намного глубже. В природу ислама вшит разрушающий механизм. Отсутствие соборного принципа не позволяет исправить положение.

Чтобы вникнуть в суть, проведем параллель с христианским понятием Вселенского

Собора. Просим подняться над фактом сегодняшней разобщенности церкви и враждующими меж собой администрациями. Мы говорим о наличии принципа, а не о его действии. Вопрос его активации — технический, а не принципиальный момент. Теоретически можно допустить проведение Вселенского Собора, решения которого будут приняты всеми христианами мира.

В исламе нет такой возможности, отсутствует понятие «общеисламский собор». Если в исламском обществе возникает затруднение, например, можно ли пользоваться лекарствами с компонентами нечистых животных (свиньи), богослов высказывает свое мнение — издает фетву (по-арабски — постановление). Фетва содержит описание проблемы, изложение доводов и заключение, как действовать в конкретной ситуации мусульманину. Например, по лекарству высказано мнение: употреблять его можно. Объясняется это так: лекарство из органов свиньи не является мясом свиньи. Это предмет глубокой переработки ее органов (например, печени), и раз так, употребление такого лекарства не противоречит нормам Корана.

Если большого зла можно избежать только через малое зло, малое зло считается добром. Исламские воины, имея фетву на истребление мирного населения, убивали с чистой совестью. Исполнение фетвы считается благочестивым поступком, а не грехом.

Фетву выносят большие мудрецы, авторитетные мусульманские богословы, духовный авторитет которых признается обществом. У них нет официальной власти. Их право покоится на признании их авторитета обществом (как учителя и отцы Церкви или старцы у христиан). Если человек умен, но не благочестив, общество не признает его духовным авторитетом.

Фетва носит рекомендательный характер. Не выполняешь фетву — ничего страшного, это не грех. Но если выполняешь, никто не может поставить тебе это в вину (с религиозной точки зрения). Власть может запретить следовать фетве, но если человек истинный мусульманин, что ему эти указания? Для него главная мотивация: исполняя фетву, он идет дорогой в рай.

В исламской системе нет механизма, сдерживающего появление новых фетв. Неизбежны фетвы, имеющие малые ошибки. Отменить фетву можно двумя способами: 1) если это сделает сам «автор»; 2) совет факихов (исламских правоведов-богословов). Первый вариант отмены работает, пока жив тот, кто выпустил фетву. По сути он высказал свое личное мнение. Со смертью этого лица отменить фетву может только совет факихов. Но когда законодательных источников много, возможностей совета авторитетных богословов явно недостаточно.

На сегодня выпущены тысячи фетв. Многие из них противоречат друг другу по фундаментальным моментам. Например, фетва о демократии. Одни ученые-богословы прямо говорят о недопустимости любого участия мусульманина в демократических выборах, хоть в роли кандидата, хоть в роли избирателя. Основание такого решения — сам принцип демократической системы, объявляющей народ источником закона. Коран говорит — единственным источником закона является Аллах.

Мы знаем огромное количество мусульман избирателей и кандидатов. Это не нарушители, просто они выполняют другую фетву. Ее суть: из двух зол следует выбрать меньшее и считать совершение этого зла добром. Эта фетва не отрицает, что демократия — зло. Но если мусульманин живет в демократической стране, отказ участвовать в выборах приведет к тому, что у власти окажутся неверные. Это будет большим злом, и потому мусульмане выбирают.

Сторонники первой фетвы (антидемократической) отрицают любое участие в демократии. Демократия есть изобретение тех, кого мусульмане считают исчадием ада. Фетва, допускающая участие человека в сатанинских технологиях, как бы узаконивает инструмент, призванный разрушить исламское общество. Они указывают выходом построение исламского общества. Сторонники второй фетвы считают выходом выбор меньшего зла и призывают искать решение в рамках системы.

По разным вопросам, в том числе и системообразующим, существуют исключающие друг друга мнения. Если даже теоретически предположить, что все они проверены на соответствие Корану и противоречивые устранены, мы при всем желании не можем поверить, что мусульманину доступно разобраться с таким объемом информации. Для этого он должен стать не простым мусульманином (врачом, крестьянином, физиком и прочее), а богословом. Кроме того, у разных богословов разные точки зрения.

Ислам не может сохранить целостность, в нем нет единого центра, определяющего

генеральную линию. Напротив, есть много центров (авторитетов), имеющих разное понимание проблемы, разные таланты, разные обязательства и предрасположенности. На одну проблему они могут смотреть неодинаково, что порождает разноголосицу, последовательно и методично раздробляющую исламский мир.

Глава 3.
Крепость

Церковь сравнима с крепостью, которую непрерывно штурмуют как открытые враги, так и воши. Самую большую опасность представляют последние. Они позиционируют себя христианами и проникают внутрь крепости под видом своих. Но, не являясь своими по сути, на глубинном уровне, начинают действовать, подобно раковой опухоли. Иммунная система их не распознает, внешне они выглядят еще большими христианами, нежели настоящие. Показная набожность, не зевнут, рот не перекрестив, но при этом крепко держатся своей выгоды, карьеру делают и добывают личные блага. Оптимальный способ получить доступ к земным благам через авторитет церкви — сделать карьеру. Возникает понятие церковного карьеризма. Появляется новый тип священников, понимающих сан источником земных благ.

Растет лицемерие. Из нового «священства» оформляется группа, заранее готовая согласиться с любым указом властей, лишь бы сохранить свое положение. Пастырская деятельность ограничивается религиозными сентенциями и стратегией «чтобы была тишь и не скреблась мышь». Какой поп, такой и приход…

Между священством и чиновниками происходит как бы бартерный обмен: каждый обрабатывает свою делянку. Следующий шаг: назначение на ключевые церковные должности сопровождается договоренностями, не имеющими к христианству отношения. Политики и коммерсанты, переодетые в рясу, постепенно образуют силу в церкви. Где выгоднее молчать, они молчат. Где выгоднее соглашаться, они соглашаются.

Что раньше не подлежало обсуждению, в новых условиях становится предметом политического и экономического торга. Двойная мораль создает почву для компромиссов. Критическая масса компромиссов переводит количество в качество. Возникает новый вид лицемерия — византийский, изъедающий духовную структуру.

Приток вошей ослабляет церковь. Чем больше таких людей, тем слабее христианство. С одной стороны, размеры церкви становятся больше, что является положительным фактом. С другой стороны, пропорция между честными христианами и христианствующими язычниками нарушается в пользу последних.

В церкви растет число сторонников квиетизма (пассивно-созерцательное отношение к добру и злу как к проявлению воли Бога). Они лукавят и ловчат, молчат там, где молчание уже не просто безнравственно, но преступно и является предательством Христа.

Яркий пример — синодальный период в России. Начальником Русской Православной церкви мог быть не православный и даже не христианин. Министр по делам церкви, обер-прокурор, командовал епископами, склоняя их не к выполнению завета Христа *«паси агнцев Моих» (Ин. 21, 15),* а к выполнению государственных задач. Кто возражал против так понимаемой задачи церкви и христианства (служить государству), тех лишали сана, отправляли в ссылку, случалось, били батогами (в том числе и епископов).

В прошлые времена, когда церковь была свободной от объятий государства, такое было невозможно в первую очередь потому, что невозможно было проникновение вошей в церковь. Раннюю церковь от лицемеров защищали гонения. Она была подобна неприступному бастиону с высокими стенами, окруженному глубоким рвом. Единицы проникали и в такую крепость, но они не нарушали общей гармонии. Церковный организм более-менее успешно выводил эти шлаки из себя.

Но вот церковь оказывается во власти государства, и ситуация меняется. Первое, что делает власть поначалу, — перекидывает через крепостной ров мостики. Потом все шире приоткрывает церковные ворота, затем распахивает их настежь. И, наконец, вовсе снимает их с петель. Далее разбирает крепостные стены и выкладывает из них «стенку» по государственной границе. Формально есть повод сказать: церковь стала величиной с государство.

Явственно видна тень ветхого Израиля, где шли сходные процессы. Если там их

сдерживали биологические ограничения, в церкви таких ограничений нет. Побеждают самые сильные язычники, начинается селекция наоборот. Обозначается тенденция к возникновению структуры языческого типа. Язычники вьют внутри церкви гнездо и устраивают свою жизнь.

Византия создала систему, когда любой священник, посмевший критиковать церковную администрацию, будь он хоть трижды прав, обречен. Поэтому большинство предпочитало молчать. Кто говорил, того отправляли на покаяние в глухие места. И ослушаться было нельзя, потому как ослушание есть нарушение обета послушания, вслед за чем следовало извержение из сана или даже отлучение. Люди терпели…

* * *

Мы не обвиняем огульно всех. Огромное количество настоящих христиан есть среди священства, монашества и мирян. Но злокачественная опухоль побеждает. Она от мира сего, и потому мир ее принимает. Постепенно злокачественное образование открыто заявит свои цели. Эту тенденцию можно наблюдать сегодня. Народ в сложное время потянется к ней. И попадет во власть вошей.

Для массы *«широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф. 7, 13)*. Тем, кто идет за лжепастырями, нереально объяснить ситуацию. Они ее не поймут и слушать не станут. Они сотворили себе кумиров и пойдут за ними к своей погибели. *«И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите» (Мф. 13, 14).*

Мы понимаем резкость заявления, но что делать, если к этому нас приводит анализ ситуации? Чтобы остановить губительные процессы, нужно воссоздать крепость: восстановить стены, навесить ворота и отражать атаки язычников. *«Время разбрасывать камни, и время собирать камни» (Эккл. 3, 5)*.

Глава 4.
Три Рассказа

Историю человечества составляют три Больших Рассказа. Сущность каждого выражается в отношении к Богу. Первый признает Бога высшим ориентиром. Второй рассказ отрицает Бога. Третий рассказ ставит Бога через запятую с разными божествами и природой.

Первый Рассказ повествует о религиозном обществе и традиционном человеке. Современный человек отчасти является традиционным. Поэтому он желает быть честным, не имея для этого логического оправдания.

Второй Рассказ охватывает период активного отрицания Бога. Общество перестраивается, рождается человек-потребитель. Возникает технический прогресс и искусственная природа. Система по всем уровням и во всех плоскостях входит в конфликт с естественной природой.

Третий Рассказ начинается на наших глазах, мы современники этого процесса. Бог не отрицается и не признается. Он ставится в один ряд с другими сущностями: Природа, Общество, Бог, Наука, Человек и прочее. Третий Рассказ это рождение системы, в которой человек из личности превратится в безвольную ее часть.

Человек Первого Рассказа безусловно человек. Человек Второго Рассказа, пусть и потребитель, но тоже человек. Человек Третьего Рассказа уже не человек, он деталь. Из множества деталей будет образована новая система — мировое царство. На престол взойдет Антихрист, выдающий себя за мессию и представителя Бога. Продуктом системы будет новая форма жизни — искусственный интеллект, в котором не останется любви.

* * *

Жизнь (духовная и материальная) основана на трех константах: Движение (динамика), Направление (развитие), Любовь (правильное движение и направление). Движение в правильном направлении рождает Жизнь. Стояние или неправильное движение рождают физическую и духовную Смерть.

Историю творит действие. От того, какое оно, правильное или неправильное, зависит продукт истории — общество и личность. Чтобы двигаться, нужно выбрать направление. Выбрать значит признать приоритет одного перед множеством. Если приоритета нет, правильное движение невозможно. Чтобы правильно двигаться, нужно объять мир как целое, осмыслить его и сделать выводы. (Целое подразумевает охват не только материального, но и невидимого мира).

Большинство людей находятся в состоянии интеллектуального младенчества, у них нет «интеллектуальных зубов». Не имея чем жевать, младенцы отказываются от твердой пищи (самостоятельного мышления). Питаясь готовыми истинами, они идут за чужой «морковкой». В этом нет ничего плохого, но это нужно понимать.

Чтобы оперировать большой темой, нужно оперировать не столько логикой, сколько нервом ситуации, недоступным привычной логике. Он складывается из чего-то такого, что каждый понимает и чувствует, но не может внятно объяснить. Ситуация примерно как со временем: все знают, что это такое, но... *«Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время, если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю»* (Св. Августин. «Исповедь»).

Именно по этой причине невозможно просчитать, например, исход военного сражения. Его нужно чувствовать. Кто чувствует нерв ситуации и умеет им оперировать, тот гений. Полководец Суворов не проиграл ни одной битвы и не составил ни одного плана. Когда его однажды попросили принести план предстоящего сражения, он принес чистый лист бумаги, развернул его перед генералами, сказал: *«Вот мой план»* — и убежал.

Принципы, на которых основывал свои решения гениальный чудак, нельзя понять логикой. Великое не просчитывается. Оно совершается по другим законам. Честные люди чувствуют и видят нерв современной ситуации, но пока не хватает понимания.

Все самое великое в истории человечества произошло вопреки логике. Каждый может посмотреть на свою жизнь и убедиться: все ключевые события — рождение, свадьба, дети — не совсем логичны. Скажем больше, зачастую они совсем нелогичные.

Наши рождение и смерть не имеют отношения к логике. Многое в мире нелогично, и в первую очередь мировоззрение. Но именно оно определяет стратегическое движение всех Трех Рассказов, предопределяя форму общества. Политика, экономика, война, культура, наука и прочее — следствие проявления общественного мировоззрения.

Сегодня на планете три глобальных мировоззрения — религиозное, модернистское (материализм) и постмодернистское (сатанинско-религиозное). Сначала господствовало религиозное. Искажение христианства родило модерн — промежуточное состояние, не соответствующее собственной логике. Модерн оперировал выводами, сделанными из религиозного и атеистического понимания мира. Возникло напряжение, из которого родилось третье мировоззрение — постмодерн.

Пока локомотивом современного мира является материализм. Религиозное мировоззрение законсервировано и не играет активной роли в обустройстве мира. Оно живет внутри общества на нелегальном положении, на уровне подсознания. Потребительское общество отрицает его в качестве руководства к действию. Юридический закон выше божественного.

Требования, вытекающие из религиозного понимания мира, предлагается понимать как самостоятельные. Считается, человеку от природы свойственно стремление к честности так же, как птице свойственно стремление летать. Практика показывает обратное: природа стремится не к честности, а к реализации желаний, и если ее освободить от понятия высшего авторитета, она скатывается на уровень ниже животного.

Нерв модернового (потребительского) общества — в противоречии. Оно содержит традиционные и модернистские установки, из которых следуют непримиримые логические противоречия. Внутренний конфликт рождает сумму противоречий, умножающих хаос, в итоге рождается постмодернизм.

Новый мир завоевывает жизненное пространство так же незаметно, как в свое время его завоевывал капитал. Какой князь прошлой эпохи мог всерьез воспринимать слова, что когда-нибудь капитал станет самостоятельной силой? Это казалось глупостью. Вот у меня в руках меч, вот мои верные воины, вот зависимые от меня купцы. Какой еще капитал, если я в любое

время могу им распорядиться как мне угодно? Деньги же сами по себе не ходят, не совершают волевых действий…

Прошли века, появились биржи, акции, фьючерсы, курсы валют, и все это в совокупности сформировало систему, над которой не властен никто. На ее базе возникает искусственный интеллект и виртуальное пространство. Это ведет к установлению мирового царства, управляемого Антихристом.

Пока мир готовят к перетиранию в пудру, чтобы потом создать из нее принципиально новую конструкцию. Чтобы из кирпича получить кувшин, кирпич нужно превратить в пудру, добавить воду, и потом слепить кувшин. Если кирпич просто расколоть на мелкие кусочки, будет гравий, из которого кувшин не слепишь.

Аналогично с человечеством. Сначала разорвут саму структуру на крупные куски. Потом эти куски начнут драться между собой, разрушая себя. Далее вокруг центров устойчивости создадут новую структуру, которая начнет, как мельница, перемалывать «гравий» в «пудру». Заключительный этап операции — создание новой мировой конструкции, готовой принять Антихриста, позиционированного наместником Бога.

Сегодня завершается подготовительная фаза разрушения человечества. Процесс точечного минирования планеты подходит к концу, в действие приводятся спусковые механизмы. Демократия, как разрушающий фактор, введена во все ведущие страны. Осталось только запустить процесс, и мир начнет сам себя дробить.

Базовым условием реализации плана является тотальное непонимание происходящего. Если одиночки увидят суть ситуации, этого мало. Нужны ресурсы, чтобы реализовать свое понимание. Так как правительство комплектовалось демократическими методами, начисто исключающими попадание во власть людей выше определенного уровня интеллекта, процесс казался необратимым. Застопорить операцию может только сила, понимающая происходящее. Зло действует только в темноте. Стоит его осветить, и оно оказывается не таким сильным, как было при общем неведении.

Мы выплеснули в мир информацию, которая активирует спящий потенциал многих людей. С этого момента в мире в противовес земному проявлению Антихриста будет формироваться земное проявление Церкви. Глобальное противостояние непримиримых сущностей — Церкви Христа и церкви Антихриста — породит мировой конфликт.

Процесс структуризации, разворачивающийся сегодня, можно представить в виде синусоиды (линии с провисшей серединой). На одном полюсе сила, выступающая за традиционное общество. На другом полюсе сила, строящая нетрадиционную модель общества. Между ними атомизированная масса. Никакой идеологической ценности потребительская каша не представляет. Она ценна только скопленными в ней ресурсами.

Полюсы напоминают мощные магниты. Каждый «магнит» притягивает своих. Чем большая масса соберется вокруг каждого полюса, тем сильнее будет его притяжение. Когда вся масса потребительского общества будет «разобрана» по полюсам, между оставшимися один на один сущностями возникнет глобальный мировой конфликт.

Человечество поделится на два непримиримых в идеологическом плане лагеря. Два взаимоисключающих института окажутся в одной плоскости. Куча мелких противоречий, которые до того можно было игнорировать, превратятся в одно глобальное. Христианство столкнется с собственным искажением. По логике, оригинал сильнее искажения. Если так, христианская конструкция победит антихристианскую. И поможет нам Бог.

Глава 5.
Кто враг?

Чтобы защититься от опасности, нужно понимать источник опасности. Это позволит осмыслить природу источника и понять его цель. Далее мы поймем план и средства реализации, выстроим линию обороны, стратегию и тактику. Все это возможно, если понятен источник опасности.

Подойдем к проблеме через анализ умопостигаемых фактов. Начнем с того, что всякое большое действие требует соответствующих делателей. Если есть атомная бомба, следовательно, есть физики, разработавшие эту бомбу. Если есть действие мирового масштаба

шагом в 500 лет, следовательно, есть делатели, мыслящие и действующие в таком масштабе. Причем не отдельные личности, а самовоспроизводящийся организм, что-то типа школы. Большую стратегию реализуют только школы, но не личности.

Чтобы иметь такую школу, необходим социальный механизм, вычленяющий из общества людей, обладающих соответствующими талантами. Чем более редкие таланты нужны, тем шире должна быть область выборки. В отдельных случаях территорией интересов должно быть все человечество.

Приведем в пример математическую элиту. Она существует благодаря тому, что все человечество просеивают на предмет выискивания математиков. Дети всех национальностей и социальных слоев учат математику в школе, потом в институте. В итоге вычленяются талантливые математики, образующие элиту.

Если бы область выборки была меньше, например, только из родственников математиков или только из жителей определенной страны, математика как наука умерла бы за пару поколений. Устойчивость математической школы достигается за счет просеивания всего человечества. Это позволяет удержать высокий интеллектуальный уровень, и математика развивается.

Оперировать мировой историей шагом в 500 лет могут единицы. Это еще более редкий талант, чем математика. Следовательно, областью выборки должно быть все человечество. Нужна специальная система, цель которой — растить смену. Если такой системы нет, невозможна смена кадров, и следовательно, действие.

В древнем Египте работала система, просеивавшая общество на предмет потенциальных жрецов. В итоге жреческая элита постоянно возобновлялась. Мировому игроку тоже нужна система, выявляющая потенциальных мыслителей. Осталось ответить на вопрос, кто есть потенциальная элита. Переберем всех возможных кандидатов.

Первый кандидат — БАПС (белые англосаксонские протестанты). Легко можно проследить их рождение в Новое время (модерн), смену мировоззрения с религиозного на материалистическое, и развитие до сего дня. Можно подвести логику под их причастность к точечному минированию мира с параллельным созданием центров стабильности. Мотивация тоже понятна: чтобы достичь вечной жизни, нужна гармония на планете.

Допустим, мы правы: прогресс и развитие экономики породили перенаселение, что ведет к истощению ресурсов и нарушению экологии. Допустим, осознание проблемы дисгармонии породило стремление ее решить. Отсюда возникла мировая элита, пришедшая к описанным в первой части выводам. Допустим, все так, и не будем обращать внимания на некоторую преувеличенность проблемы. Многие страны озабочены не столько ростом населения, сколько его уменьшением, например, Россия). То же можно сказать о ресурсах и экологии: все это потенциально решаемые вопросы. Но допустим, это как раз те вызовы истории, что превратили БАПС в надгосударственного игрока.

Пазл все равно не складывается. Во-первых, материалистическая элита, в силу своего мировоззрения, оперирует шагом, приближенным к человеческой жизни. Ее цели — в рамках своей жизни, максимум в пределах поколений. Она не может удерживать вектор движения веками. Для этого требуется идея за рамками жизни.

Люди могут рассуждать о миллионах лет и мезозойских эпохах, но свою жизнь моделируют, исходя из другого охвата времени. Мышление в шаге 500 лет атеист не может воспринимать руководством к действию.

Но отбросим эти соображения. Допустим, БАПС превратился сначала в атеистическую элиту, а потом снова вошел в религиозный масштаб. Допустим, его мировоззрение позволяет мыслить в таком масштабе. Дело за малым — организовать отсеивающий механизм, выбирающий из общей массы продолжателей большого дела.

Уточним, что такое дело и какими инструментами оно достигается. Дело — разрушение стихийно структурированного человечества (как в свое время разрушили средневековый Париж и выстраивание новой мировой конструкции. Инструмент разрушения в первую очередь — демократия и свободные СМИ. Это база, на основе которой достигается остальное.

Если все так, кандидаты в элиту с детства должны воспитываться в понимании сути демократии. Если в общей школе демократию представляют главным достижением прогрессивного человечества, в школе будущей элиты должны объяснять: демократия суть

инструмент разрушения. Будущая элита и масса должны на уровне подсознания иметь разное восприятие демократии. Если такого разделения нет, если во всех школах демократия рисуется счастьем и прочее, элиту, способную понимать демократию именно как оружие, получить нельзя. Заблуждение считать, будто можно потом, в 20 лет, все объяснить человеку, и он станет думать наоборот.

БАПС на роль мирового игрока не тянут. Да, они развязывали войны и мировые кризисы, но при ближайшем рассмотрении больше похожи на инструмент, чем на пользователя инструментом. Это максимум менеджеры, выполняющие часть операции, не понимая ее в целом и не улавливая конечного смысла. Все эти Бельведерские клубы и их аналоги, наполненные надутыми спесью индюками, близко не понимающими происходящего, — ширма других сил. Косвенный признак «потемкинских деревень» — их известность. Реальный игрок не может быть известен в первую очередь потому, что люди не видят такой масштаб, как планктон не видит сети, закинутой рыбаками.

В поисках кандидата на роль мировой элиты мы упираемся в пустоту. Никто из потенциальных кандидатур не подходит на эту роль по разным причинам. Выходит, мировой элиты нет, она нами придумана? Но как тогда объяснить стратегические действия типа минирования планеты, создания центров стабильности? Это есть и свидетельствует о наличии силы, мыслящей в крупном масштабе (500 лет).

Если англосаксы не подходят, остается Израиль. У них есть главное — цельное религиозное мировоззрение, из которого вытекает цель. Ее наличие позволяет идти к ней в течение тысячелетий. Настоящие иудеи — в высшей степени глобально мыслящие люди. Они могли бы запросто манипулировать элитой БАПС, и тем более, населением планеты.

Но пазл опять не складывается. Про Израиль можно уверенно сказать: это одна из самых мощных мировоззренческих фигур, 2000 лет назад отошедшая от линии Истины. Что он представляет собой сейчас и какую роль играет в мировой истории — непонятно. Но ясно одно: имея метафизическую цель, Израиль не мог сойти с мировой арены. Чтобы он ушел, цель должна пропасть или быть достигнутой. Насколько мы знаем, цель сохраняется — Израиль ждет Мессию (человека, который объединит земной мир с высшим и будет править образовавшимся царством).

Согласно христианскому учению, Мессия уже пришел, но часть иудеев Его не узнала. Они как бы отвернулись, когда пришел Мессия, и теперь ждут напрасно. Получается, Израиль примет за Мессию кого-то другого, внешне похожего на Него. А кто может быть похож на Мессию? Мы не находим на эту роль иного кандидата, кроме Антихриста. Ветхий иудаизм примет за Мессию противника Бога. Христианство тоже находится в ожидании второго пришествия Мессии.

Допустим, за обрушением мира стоит иудейская элита. Тем более, это вписывается иудейское учение — спасутся избранные, масса погибнет. (Под избранными понимаются знающие Бога и имеющие высшую цель, под массой — люди, цели которых в рамках животных интересов с поправкой на интеллект и технический прогресс).

В иудейских текстах проводится мысль: Мессия придет, когда все в мире будут или праведниками, или грешниками. Если сегодня мир языческий (и еще ниже, животный), очищение мира от языческой биомассы, отрицающей Бога или вовсе не знающей Его, с точки зрения иудаизма есть богоугодное дело.

Ради справедливости отметим: христиане тоже считают, что спасутся избранные. Званных, которые не пришли по зову Царя, бросят *«во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 22, 13*). Разница в том, что Христос под избранными понимает всех, кто знает Бога, тогда как в иудаизме присутствуют биологические ограничения.

Неужели черты мирового игрока обретают контуры? Нет, опять возникает проблема. Чтобы из века в век удерживать такой масштаб, нужен механизм вычленения элиты из всего общества, а не из малой части. А поскольку иудаизм еще более закрытая система, чем англосаксы, возможность воспроизводства элиты в объеме, необходимом для удержания мысли в таком масштабе, исключается. Сегодняшняя система послехристианского иудаизма дает начетников, обожествляющих Закон, но «*буква убивает» (2Кор. 3, 6)*. Они не дотягивают до фигуры, действующей в мировом масштабе.

Остается предположить — процесс инициируется нечеловеческим игроком. Возникает

ощущение: во главе мирового процесса стоит необычайно умное и долго живущее существо. И никак не получается представить в этой роли человека (слишком коротка жизнь) и школу (нет механизма воспроизводства элиты). Сложность операции не в масштабе и непривычности, а в невозможности ее реализации человеком.

Правила игры таковы: прямо говорить нельзя. Но одно можно утверждать: враг человечества — дети дьявола. Кто они такие — тема отдельного разговора в узком кругу. Чтобы не было соблазна «жидобоям» и маргиналам, определяющим врага по крови, сразу скажем: евреи не являются врагами.

Глава 6.
Константы

Линия Истины. Бог (Троица: Отец, Сын и Святой Дух) создает мир, в основе которого лежит Истина. Под Истиной мы понимаем нечто метафизическое, обеспечивающее постоянство констант, удерживающих физический и духовный мир. Понятие абсолютного нуля, скорости и энергии неизменно, пока есть Истина. Без нее постоянство констант нарушится, и гармония станет хаосом. Представьте, какие возникнут последствия, если электроны увеличат или замедлят скорость вращения вокруг атомного ядра.

Сам факт существования мира свидетельствует о присутствии в нем Истины. Вся история крутится вокруг линии Истины, пронизывающей мир от Сотворения до Конца. Истина одна, уклонений множество. Бог един, сущностей, выдающих себя за Бога, множество.

Линия истории. *Первый этап*. Для удержания в мире высшей Истины нужно высшее хранилище. Бог творит человека. Человек подобен сосуду, в котором сохраняется Истина. Величие человека видно в том, что сам Бог стучит в дверь, не входя без разрешения *«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 12)*. Человек выше ангелов и *«мы будем судить ангелов» (1Кор. 6, 3)*. Мы совершим дела большие, чем совершил Бог. *«Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду» (Ин. 14, 12)*.

Второй этап. Первые люди, Адам и Ева, совершают грех. Это делает их прохудившимися «сосудами», в которых Истина не держится. В новых условиях сохранение Истины требует большего количества хранителей. Люди изгоняются на землю, где начинают размножаться. Вопрос удержания Истины решается за счет умножения подпорченных хранителей Истины.

Третий этап. Примерно за 2000 лет земной жизни человечество еще больше умножает свою греховность (дырявость). Многие становятся «кувшинами без дна», Истина в них не удерживается. Распространение греховности грозит утратой Истины. Чтобы этого не произошло, Бог смывает «дырявых» людей Великим Потопом. В живых остаются относительно цельные «сосуды» — праведный Ной с семейством.

Четвертый этап. Примерно за 1500 лет потомки Ноя снова развращаются. Бог принимает решение построить принципиально иное хранилище Истины. Для этого нужно объединить множество цельных «сосудов» в новую конструкцию — коллективный хранитель Истины.

Пятый этап. Бог производит от Авраама потомство *«как песок морской, которого не исчислить от множества» (Быт. 32, 12)*. Далее Он помещает еврейское племя в Египет в рабство, где оно размножается около четырех веков. Потом вождь Моисей выводит 600 тысяч мужчин-рабов, плюс женщин и детей, на 40 лет в пустыню. За это время вышедшие из Египта рабы умирают. Их потомство, люди, рожденные в условиях пустыни, являются новым «стройматериалом», который Бог структурирует вокруг Закона. Возникает принципиально новая конструкция — Израиль, где теперь хранится Истина.

Шестой этап. Вскоре законники узурпируют Закон. В силу биологического наследования статуса священника среди них появляются малые люди, толком не понимающие глубины учения. Они используют Закон в земных интересах. С этого момента начинается разрушение Израиля. Хранилище Истины вновь становится непригодным.

Седьмой этап. Чтобы дать миру новое хранилище, Бог приходит на землю и дает Свое

тело — Церковь. Вокруг нее возникает сообщество святых, продолжающих хранить Истину до сего дня. Но поскольку они разобщены и подчинены церковной администрации, то не представляют на земле силы, как это было раньше, когда самая мощная империя не могла их сломать.

Чистота ветхого Израиля определялась принципом биологической идентификации. Чистота нового Израиля, Церкви, определяется духовной идентификацией. Церковь есть общество святых. Она непорочна и без изъяна. Стоит члену Церкви согрешить, стать «дырявым», как он выпадает во внешний мир — земную церковь. Но через покаяние (латание дыр) восстанавливает цельность и возвращается в святую Церковь. Вокруг Церкви (сообщества святых), возникает церковь из людей.

Восьмой этап. Христиане отказываются признать императора верховным жрецом. Начинают рушиться основы языческого государства. Спасаясь от разрушения, власть делает христианство государственной религией. Появляется казенное христианство. Земную церковь наполняют язычники. Возникает принципиально новая сущность — христианствующие язычники.

Девятый этап. По накоплению критической массы новый тип язычников преобразуется в принципиально иную структуру. Формально она христианская, но фактически языческая. Люди творят себе кумиров, обожествляя то, что не является Богом. Вера сводится к обряду, на фоне которого церковь задействуется в политике и экономике.

В этот же период (VII век) рождается ислам. Пророк Исайя предсказал появление царя Кира, который освободит плененный Израиль. Исламу предстоит, подобно Киру, сыграть сходную роль в христианстве.

Десятый этап. Участие церкви в политике раскалывает ее на православных и католиков (до этого откололись копты). Стремление к земным ценностям, зависимость от власти и прочее продолжают нарастать.

В XV веке ислам захватывает Византию, приостанавливая разрушение восточной церкви. В западной церкви языческие тенденции получают ускорение, количество переходит в качество. Христианствующее язычество сначала перерождается в католицизм, далее в протестантизм и атеизм.

Из язычников новой формации простраивается структура, внешне похожая на христианскую церковь-организацию. Тонкая христианская позолота осыпается, и начинается поклонение мамоне. Восточная церковь, будучи законсервированной, разлагается медленнее.

Одиннадцатый этап. Поначалу светское общество состоит из язычников иудейского, христианского и исламского толка. Они трансформируются в дикарей, видение мира которых ограничено политикой, экономикой и бытом. Отсутствие цельного взгляда инициирует неконтролируемое развитие прогресса. Возникает мировая экономика, суть мировая религия.

Двенадцатый этап. Примерно в XVI веке начинает формироваться научный атеизм. Раньше это учение не выступало направляющей и структурирующей силой. Вытекающие из него цели (построение земного рая и достижение вечной жизни) казались сказкой. К началу XIX века обозначается тенденция, указывающая на реальность того, что вчера казалось сказкой. Прогресс позволяет оформить мечту в четкую цель.

Тринадцатый этап. С развитием технического прогресса увеличивается скорость перемещения материальных объектов и информации. Пространство в прямом смысле сжимается, порождая новый мир — модернизм.

В XVII веке появляется элита нового типа — масоны. Они позиционируют себя разновидностью христианства, по сути являясь нехристианским учением. По масштабу их цель можно отнести к религиозной — добиться для человечества вечной жизни и блаженства (земной рай без Бога). Решение этой цели возможно, если человечество сосредоточит на ней все усилия. Чтобы достигнуть такой концентрации, требуется мировая власть.

Возникает сила, попадающая во власть мирового игрока. Ее официальная мотивация – если не взять под контроль ситуацию, мировая катастрофа неизбежна. Перед ней два пути — или погибнуть, или пожертвовать частью населения и выжить.

*Четырнадцатый эта*п. В XX веке начинается установление мировой демократии (почва для установления мировой власти). Сначала создается глобальная финансовая система, позволяющая контролировать ключевые узлы мировой экономки. К середине XX века

появляется информационная система: мировые новостные агентства, мировая киноиндустрия, эстрада, интернет и прочие элементы. Начинается контроль мирового сознания.

Обратите внимание на принципиально важную деталь: любая мировая система создается не ради денег, а ради власти. Здесь как с авианосцем — его можно создавать только для решения геополитических задач. Для целей более мелкого уровня такое оружие непригодно.

Пятнадцатый этап. Мировой игрок приступает к точечному минированию мира. Сегодня на наших глазах началось обрушение системы. Ее вводят в управляемый кризис посредством известных технологий (крах экономики, теракты, большая война). Параллельно создаются центры стабильности, вокруг которых будет структурироваться новая модель — «гармоничное» общество (земной рай без Бога).

Шестнадцатый этап. Мир перемалывается в пудру и из полученного материала строится мировое царство. Правителем нового царства становится Антихрист. На планете возникают неприемлемые условия для христиан. Человечество делится на две части. Одна часть встраивается в новые условия, принимает метку, «покупает и продает». Вторая не принимает метку, но чтобы выжить в новых условиях, образует новую социальную конструкцию. Не новое государство и церковь, и именно какую-то новую структуру, ковчег, защищающий от неприемлемых требований. Решающую роль в этом деле выполнит соработничество церкви и человека.

Семнадцатый этап. Второе Пришествие Иисуса Христа. Страшный Суд и переход в новую действительность.

Часть VII.
КОВЧЕГ

Ничего, кроме общего дела,
Лично каждого не спасет.

Глава 1.
Слепота

Глобальные процессы необратимы. Изменились константы, как в свое время изменился угол наклона земной оси. Наступает незнакомая чужая действительность.

Впервые население земли приближается к семи миллиардам человек. Впервые огромная масса народу спрессована в невероятно плотный объем (мегаполисы). Впервые люди в прямом смысле живут на головах друг у друга (многоэтажные дома). Впервые жизнь такого огромного количества людей абсолютно зависит от искусственной системы жизнеобеспечения (источник питания — магазин; источник тепла — батарея и т.д.). Впервые ключевые узлы региональной системы полностью зависят от мировой.

Обрушение мировой системы приведет к цепной реакции. Самые страшные ужасы прошлых тысячелетий на фоне недалекого будущего покажутся детским лепетом. Мир будет перетерт до состояния беспринципной кашеобразной массы, живущей по американскому принципу «спасай свою задницу». Как в свое время Бог провел египетских рабов через горнило пустыни, так теперь другие силы проведут человечество через горнило кризиса. Из выживших и прошедших селекцию создастся мировое царство, в котором без метки нельзя *«ни покупать, ни продавать» (Откр. 13, 17)*.

Перспектива отключения от системы жизнеобеспечения обяжет каждого принять правила новой конструкции. Большинство примет новый мировой порядок и поклонится Антихристу. Христиане откажутся быть гражданами этой системы, потому что *«кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем; и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его» (Откр. 14, 9—11).*

Выдавленные из мировой системы люди или начинают строить свою систему (ковчег, защищающий от неприемлемых условий мирового царства), или умирают. Мог бы быть третий вариант — не допустить возникновения мирового царства Антихриста. На слух он хорош, но теоретически невозможен. Слишком большой материальный и информационный массив сдвинут в сторону пропасти. Человеческими усилиями остановить движение такой массы нереально. Это под силу только Богу, что и произойдет во Второе Пришествие Христа.

Мы выбираем первый вариант: строить центр стабильности, имеющий фундаментом христианское мировоззрение — своеобразный ковчег. Это абсолютно новая человеческая конструкция, потому что все модели докризисной эпохи: народ, государство, партия, община и прочее, не подходят. Они не смогут защитить от поражающего фактора нового мира.

Человеческой природе свойственно искать выход из новых проблем с помощью старых решений. История учит: в старом выхода нет. В целом люди соглашаются с этим, но, не понимая, что делать, возвращаются к старому. Сегодня можно наблюдать множество бессмысленных усилий, направленных на создание общин, партий, государств. Апофеозом этой суеты должно стать создание империи, объединяющей нескольких государств под одной властью.

Такое направление мысли ведет в тупик. Никакая конструкция дома не могла спасти от потопа. Ни община, ни государство не спасут от надвигающихся процессов. Общину рано или поздно раздавит окружающий мир, как трактор яичную скорлупу. Это подтверждает пример всех общин — они гниют с той же скоростью, что и мир.

С государством доказательная база не столь очевидна, как с более мелкими образованиями. Кажется, если построить крепкое государство (или еще лучше, империю), современные угрозы будут решены. Воображение рисует замечательных правителей, устойчивую экономику, сильную армию и далее по списку. Можно создать что-то типа железного занавеса и не просто держать оборону, а по накоплению сил перейти в наступление и расширить свои границы. Все это кажется хорошим решением, потому что привычно и патриотично. Но этот эффект возникает из-за малого осмысления системы. Проблема лежит в другом масштабе. Увидеть ее можно, если рассматривать тему не с привычной, а с соответствующей высоты.

Итак, рассмотрим прообразом ковчега государство. Зафиксируем: государство есть иерархичная конструкция. Оно состоит из несущей части (костяк), обладающей главными человеческими качествами: дух, ум, воля, честь и т.д., а также из вторичной части. Так как дух, ум и воля не передаются по наследству, костяк нельзя создать из детей элиты, поскольку не из кого выбирать. Значит, неизбежна слабость и неустойчивость системы.

Некоторые апологеты теории, согласно которой только государство может защитить людей от надвигающейся опасности, говорят, что все проблемы государства — от обывателей, не способных быть гражданами. Мол, граждане это особая порода людей, и если отделить массу от граждан, как в Риме, возникнет мощная империя.

Опустим эмоции. Рассмотрим «римскую» государственную концепцию. Если граждане не обыватели, значит, они собрались служить высшей идее (если идеи нет, люди не могут собраться воедино).

В любом обществе есть люди, не умеющие довольствоваться жизнью потребителя. Допустим, эти люди создали конструкцию типа древнего Рима, способную выдержать давление внешней среды. Задача противостоять врагу определяет статус этих людей — воины. Это не мыслители и не жрецы, а именно воинское сословие. Между ними формируется иерархия по тому же принципу, как это происходило во всех государствах. Царь — первый воин, рядовой солдат тоже воин, все они из одного сословия. Уже в этом разделении вшито зерно раздора, но опускаем весь негатив, поскольку проблема гораздо глубже.

Чтобы воинское сословие сохраняло высокие свойства, нужна масса людей. Именно она производит потомство, из которого можно выбирать нужны. Напоминаем, что сословие может сохранить свои качества при условии, если кадровый принцип не наследственный, а проточный. Стоит допустить наследственный принцип, костяк тут же наполнится элитными простолюдинами.

Опустим нюансы и зададим главный вопрос: что есть высшая идея, вокруг которой люди объединились и за которую готовы умирать? При такой постановке вопроса государственная

элита служит или государству, или Богу. Одновременно *«не можете служить двум господам» (Мф. 6, 24)*. Поэтому сразу откинем лукавую мысль, типа элита будет служить двум высшим идеям. Так не бывает. Если провозгласить две высшие ценности, по факту не будет ни одной, да еще на горизонте замаячит третья, компромиссная. В итоге получится вариант своеобразного многобожия, что гарантированно разорвет структуру.

Вопрос ребром: что будет высшей ценностью элиты — государство или Бог? Если государство, мы приходим к эволюции. Сначала государство — само божество. Далее божественность стягивает на себя голова божества (император). Потом божество наполняется породистыми простолюдинами, не способными по природе иметь высшую идею. Они начинают понимать государство как личную кормушку. Далее возмущение системы, призывы установить ту или иную форму народовластия. Совокупность многих факторов порождает опасность, против которой собирались защищаться.

Если высшей ценностью является Бог, возникает вопрос: в чьих руках будет высшая земная власть? В руках воинов или в руках священников? В данном случае это не важно — все равно получим Рим или Византию (или церковь-государство, или церковь-министерство). С учетом ситуации последствия могут быть более отвратительными.

Здесь идея построить ковчег посредством создания государства заходит в тупик, потому что нельзя строить, не понимая, что строишь.

Глава 2
Экономический СПИД

Чтобы действовать, нужно ответить на вопрос «что есть ковчег» не на интуитивном или эмоциональном, а на рационально-практическом уровне. Общими словами тут не отделаешься. Ной построил ковчег, точно зная природу надвигающейся опасности — потоп. Это позволило ему определиться с конструкцией, материалом и технологией. Будь у него вместо конкретного понимания опасности абстрактное, в стиле «грядут страшные времена», никакого ковчега он бы не соорудил.

Особенности любой защитной конструкции определяет характер надвигающейся опасности. Если человечеству угрожает потоп, — надо строить плавучие средства, если вирус чумы, — делать прививки. Если прогнозируется засуха, — нужно строить оросительную систему. Если наступает вражеская армия, — необходимо собирать свою армию. Каждая опасность предполагает свой тип защиты, универсального средства нет. Пушка не защитит от чумы, а вакцина — от снаряда.

Пока нет понимания природы опасности, не может быть конструктивного действия. Люди будут суетиться, действуя не по ситуации, а по шаблону, тогда как решение лежит за рамками известных штампов. Это ослабит систему, распыляя энергию и ресурс. Мир умрет, если не найдет прорывного решения.

Часто приходится слышать, мол, в Евангелии и у святых отцов все написано, ничего искать не нужно. Это правда, но информация дана, во-первых, без привязки к ситуации. Во-вторых, настолько крупными штрихами, что нет возможности перейти к действию. Единственное, что ясно — призыв начать с себя. В этом совете очень глубокий смысл, намного глубже, чем тот затасканный образ, который он рождает. На нем построено наше понимание ковчега.

Ответить на вопрос: что конкретно делать сегодня, завтра, послезавтра, чтобы построить ковчег, можно, если отказаться от решений уходящей эпохи, равно как и от благих порывов и сентенций в стиле «Бог управит».

Главной бедой и проблемой является непонимание разворачивающейся ситуации. Люди прячут его за многословием наукообразного характера, теша себя необоснованными надеждами. Но датчики фиксируют рост тревожных показателей. Особенно ярко это заметно на разрастании главной сегодняшней язвы — экономического кризиса.

По этому поводу нынче в мире жуткая суета. Истеблишмент напоминает муравейник, в который воткнули лом. Политическая элита сыплет общими словами и призывами к объединению прогрессивного человечества перед лицом опасности. Экономическая элита разделилась на два лагеря. Одни находят порочной саму экономическую систему, сравнивая ее

с финансовой пирамидой, а доллары — с «билетами МММ», другие отрицают порочность, указывая на частности типа неправильной системы кредитования. Но все эти объяснения больше относятся к категории заклинаний, умножающих кризис.

Ошибка сделана на первой развилке. Последующий выбор не имеет значения, в любом случае движение идет по ложному пути. В этой ситуации знание о своем незнании есть подлинное знание, а заблуждение, принимаемое за знание, есть ложь.

Проблема лежит глубже объяснений про необеспеченный доллар. Великая депрессия 30-х годов XX века случилась при обеспеченном долларе, задолго до Бретон-Вудского соглашения, «отвязавшего» доллар от золота. Многозначительный штрих, иллюстрирующий уровень непонимания: в день инаугурации 44-го президента США все предсказывали рост биржевых индексов. В реальности фондовый рынок в этот день провалился на 4,5 %. Ни разу за всю историю Америки ничего подобного не было. В этот день рынок рос всегда, что имело безупречное логическое объяснение (победа большинства в политическом секторе логично отражалась на экономическом секторе). В 2009 году выбор большинства привел к падению индекса.

* * *

Политики и экономисты рассуждают о крыше здания, максимум о стенах, тогда как проблема находится на уровне фундамента. Чтобы уловить ситуацию, нарисуем аллегорию. Перенесемся на 100 лет назад, когда наука не знала понятия «вирус». Представим человека, пораженного вирусом иммунодефицита. Он простудился, и врач уверенно поставил диагноз и прописал постельный режим плюс теплое молоко с медом. Больной старательно выполнял рекомендации и вскоре умер.

Был ли у больного хоть один шанс на спасение? Нет. Как бы тщательно пациент ни выполнял предписания доктора, глобально это на конечный результат не влияло. Нельзя вылечить больного, если непонятен корень болезни тому, кто его лечит. Даже если бы кто сказал медицинским светилам того времени про вирус СПИДа, они попросту не поняли бы, о чем речь.

Люди умирали от легких болезней, и никто не понимал, почему. Так продолжалось до тех пор, пока наука не зафиксировала непонимание явления. С этого начались поиски за границами известного. Прошло время, и установили причину — поражение иммунной системы. Далее стали искать поражающий фактор, и открыли вирус. Микробиологи сконцентрировали усилия на изучении природы вируса. Через некоторое время пришло теоретическое понимание проблемы, что позволило обозначить коридор опытно-экспериментальной составляющей. Сегодня уже есть практический результат.

Мировую систему можно с полным основанием считать единым живым организмом, и потому биологические параллели здесь уместны. Наш мир болен СПИДом, но современные врачи от экономики не имеют понятия вируса. Они фиксируют внешние признаки пустяковых недомоганий — температуру, кашель, озноб, и ставят диагноз «грипп». Назначают лечение, которое не помогает. Тревожные признаки растут, малое недомогание превращается в большую проблему, организм демонстрирует предсмертные симптомы.

При обычном СПИДе было понятно: проблема в области биологии (пусть за рамками ее видимой части, но точно в рамках биологии, а не металлургии, например). В случае с экономическим СПИДом проблема усугубляется непониманием области. Искать причину в экономике равносильно поиску лечения СПИДа в рамках гриппа.

Понять, что корень ситуации за рамками экономической сферы, — полдела. Есть более глубокие проблемы. С вирусом СПИДа как минимум было ясно: это новый микроорганизм. С мировым кризисом затруднение возникает на уровне понимания природы мирового организма. Сегодня нет науки, осмысливающей мир как целое. Проблема носит не внутринаучный и даже не междисциплинарный характер. Она за рамками любой из существующих наук.

Чтобы понять характер затруднения, представим мировой единый организм сложно сплетенной системой из политических, экономических, социальных, культурных, научных и прочих энергий, вплоть до энергии отдельной личности. Вообразим каждый вид энергии в виде цветного светового потока, причудливо переплетенного с другими потоками. Все вместе

это образует объемную подвижную картину, сотканную из разных по цвету, размеру, скорости и траектории потоков. Все вместе они движутся, переливаются, мерцают, вспыхивая и тускнея. Но вот между ними появляется тоненький черный поток. Он начинает передавливать и удушать, обвивать и утончать соседние с ним потоки. Часть цветных потоков истончается или рвется, запутывается, перекрывает движение друг друга. Идет цепная реакция.

По достижении критической черты симфонию разноцветных мазков, образующих картину, сменяет какофония беспорядочно перемешанных красок. На картине возникают пятна-болота, разрастается серо-грязный тон. Серое пятно расползается, постепенно закрашивая систему в черный цвет. Движение останавливается, гармонии больше нет.

Если в мире идут разрушительные процессы, значит, есть причина, породившая их. И вот тут самая большая проблема, в принципе непреодолимая для ученых, работающих в области опыта и логики. При анализе биологического организма, пораженного СПИДом, было понятно: неизвестная причина материальна. При анализе мирового социально-экономического организма мы приходим к выводу: причина нематериальна. Образно говоря, в организме из потоков-энергий завелся вирус, природа которого тоже поток-энергия.

Здесь двойная трудность. Помимо традиционных затруднений фазового перехода мышления, мы сталкиваемся с проблемой обнаружения нового за рамками материального. Как искать вирус в области мыслей, идей и энергий? Проблема понимать мир как поток энергий совмещается с другой — найти нематериальный вирус в мире потоков. Все это выводит задачу далеко за границу привычной области мышления. Но мы говорим о самом глобальном, до чего может дотянуться наша логика: о механизмах, формирующих природу корней. Получается трехэтажная конструкция: на поверхности явление, у явления имеется корень, у корня есть среда, формирующая его природу.

Видимые явления имеют тот же временной шаг, что и человек, и потому составляют нашу текущую жизнь. Корни имеют больший временной шаг, человек не ощущает их непосредственного воздействия, но с помощью мышления может увидеть в них причину явления. Природа, формирующая корни, имеет еще более крупный временной шаг, и потому еще менее заметна и тяжелее постигается интеллектуальным аппаратом человека.

Начавшиеся несколько веков назад процессы на наших глазах придут к своему завершению. Изменить ситуацию нереально. Но реально осознать эту неизбежность и переключить энергию с бессмысленных вариантов на осмысленные. Попытки найти решение в области экономики, политики или любой иной материальной дисциплины — легкомысленная глупость. Все видимые проблемы, кажущиеся совершенно несвязанными, в том числе экономика со всеми ее дефолтами, инфляциями и дефляциями, на самом деле связаны на глобальном уровне. Точно так же разные недуги у больного СПИДом в реальности питаются из пораженной иммунной системы.

* * *

Чтобы приблизиться к причине, образующей условия для развития экономического негатива, зафиксируем системообразующий элемент мировой системы — банковский процент. Это ключ, без которого войти в систему нельзя. Природа банковского процента видна в том, что это деньги из воздуха, из ничего. Если так, значит, природа источника процента нематериальна, за рамками опыта и логики.

Бог запрещает производство денег из ничего, не объясняя причину запрета. Можно предположить, деньги в рост есть вирус (или его часть), убивающий иммунитет общества и создающий условия для экономического и социального негатива. Социальная конструкция сохраняется, если дает деньги в рост не своим, а членам другого организма. Производство «вируса» за счет собственного социума вызывает поражение иммунной системы. Если весь мир становится единой системой на банковском проценте, вирус в прямом и переносном смысле начинает разлагать общество. Бродяги на помойках и гламурные тусовщики в клубах — внешние проявления больного общества.

Само по себе изготовление чего-то из ничего является нечеловеческой прерогативой. Бог из ничего сотворил мир. Виртуальные деньги тоже в прямом смысле сделаны из ничего. Вопросы: кем сделаны и для чего, требуют осмысления. Чтобы обозначить уровень

осмысления, вспомним средневековых алхимиков, искавших философский камень, чтобы свинец превращать в золото. Вчерашние алхимики сегодня позиционированы странными чудаками, движимыми страстью к наживе. Такое объяснение кажется само собой разумеющимся. Ситуация обретает другую тональность, если учитывать огромную стоимость работ.

Если алхимики искали богатства, зачем ТАК рисковать уже имеющимся богатством? Вообразите: у вас есть деньги, много денег. Вы хотите их умножить в 1000 раз. Обычный способ не дает такой прибыли, и вы ищите оригинальный.

Первый вопрос: зачем нужны суммы, превышающие понятие бытового богатства? У человека есть предел использования. Ему не надо пять самолетов или 10 яхт, 100 шуб или 1000 пар ботинок. У него попросту не хватит времени и сил этим пользоваться. Следовательно, цели алхимика — за рамками бытового представления о богатстве.

Второй вопрос: как вы представляете себе человека, манипулирующего деньгами с риском их уничтожения, пытаясь найти способ из одной купюры получить 1000 купюр? Ненормальный может сделать такой эксперимент один раз, два, но постоянно уничтожать деньги никто не будет. Алхимики же постоянно уничтожали реальное золото. В теорию поиска богатства это не вписывается. Может быть, алхимики искали не способ производства золота, а способ его уничтожения? Очень странная версия… Но странная не значит безумная. В любом случае встает вопрос о заказчике.

Кому теоретически может понадобиться что-то подобное? Как минимум финансировать такие проекты могли крупные политические и экономические игроки. Но можно допустить заказчика более высокого ранга, цели которого лежат за границами интересов королей. Он не делит налогооблагаемые базы, он ищет другое.

Ситуация становится еще загадочней, если вспомнить алхимиков от философии. Если обычные алхимики ломали голову над задачей превращения чего-то в золото, философские алхимики искали способ получения золота из ничего. Даже еще круче: они искали виртуальное золото, которое можно использовать точно так же, как реальное, но за счет его виртуальности оно более мобильное. Превращение виртуального золота в любую услугу или товар намного проще, чем превращение реального золота в те же услугу или товар. Кроме того, тонны виртуального золота можно носить в нагрудном кармане, тогда как тонны обычного золота в кармане не поносишь.

Тайные общества искали способ получить такое золото. Самые известные из них масоны. Идеи масонов позволили реализовать такие проекты как Федеральная Резервная Система и доллар (американские «билеты МММ»). Смысл создания этих инструментов лежит за границами бытового понимания.

Люди уверены: система создавалась с экономическими, максимум политическими целями. Но ведь золото есть финансовая кровь единого организма, обеспечивающая движение товаров и услуг, а кровь подвержена заболеваниям, в том числе свертыванию, что ведет к смерти. Если создать организм с единой кровеносной (финансовой) системой, а потом «свернуть» кровь, организм мгновенно погибнет. Если параллельно создать резервную «кровеносную» систему, где кровь защищена от свертывания, она стянет на себя ресурсы разрушающейся системы. Через фазовый переход возникнет новая система. Вопрос: кому и зачем это нужно — за рамками интересов политиков.

Цели алхимиков-философов реализованы в полном объеме. Цифры на банковском счете суть виртуальное золото, волшебная субстанция, превращаемая в любую услугу и товар. Нет в мире больше ничего, что можно так же быстро трансформировать в нужный вам объект. Сегодня настоящее золото, бриллианты, нефть и прочее нельзя напрямую поменять на то, что вам нужно. Виртуальное золото можно превратить во что угодно.

Волшебные качества сделали виртуальное золото главной силой. Прорисовываются контуры нового мира, подчиненного источнику виртуального золота. Грядут огромные изменения. Они обрушат современную систему, что вызовет к жизни новые явления, из которых образуется новый мир. Мы на пороге новой эпохи — результата многовекового развития незначительных явлений, невидимых в период зарождения. Но вот они развились, и началась трансформация мира.

Глава 3
Задача

Глобальные механизмы сегодня не просто вне зоны внимания, отсутствует понятие об их существовании. Больному СПИДом в теории прописывают лечение от гриппа — антибиотики. На практике средства на антибиотики крадут исполнители, покупая взамен носовой платок. Но если бы даже никто ничего не крал, антибиотик не сильно бы отсрочил наступление смерти.

Чтобы представить уровень проблемы, вообразите: жизнь человечества зависит от его способности за одну минуту перемещать многие тонны груза на 1000 километров в условиях Земли. При такой задаче все известные способы можно сразу отмести. Концентрировать усилия в наращивании мощности двигателей бессмысленно не только потому, что это нереально технически. Если допустить такой скоростной контейнер, внутри будут возникать перегрузки, сминающие любой материальный объект.

Выход, например, в сворачивании пространства. Рисуются эксперименты по изменению констант, типа замедления скорости вращения электрона вокруг атомного ядра. К чему это приведет, о том сегодня даже предположить сложно, но в теории это может образовать коридоры в пространстве и, возможно, во времени, всасывающие материальные объекты в одной точке и выталкивающие в другой.

Идущий первым получает все и задает тон. Нельзя ставить цель догнать и перегнать врага там, где он далеко впереди. Когда в кильватере большого судна идет более быстроходный катер, у него нет шанса обогнать идущий впереди корабль. Выход из кильватера перевернет его. Чтобы обогнать, нужно сначала отстать и выйти на оперативный простор. И только потом включить полную мощность.

Мы не должны играть по чужим правилам. Кризис искусственно остановил «догонялки». Осталось осмыслить энергию кризиса, заставить ее работать на себя. Большой вопрос, кто возьмется за решение такой задачи. Например, власть может? Нет, нельзя дать задание, не понимая его реальности. Как власть 100 лет назад могла заказать изготовление компьютера? Это звучало бы как бред. Власть подключается к теме, когда становится понятно: задача имеет решение. Выделяется ресурс, и прорыв в неизвестное начинают развивать и углублять. Пока прорыва нет, никакое углубление и расширение в принципе невозможно. Более того, когда идет только нащупывание темы, власть, если в нее влезет, скорее всего, уподобится слону в посудной лавке. Выделит деньги, которые намагнитят не творцов, а чиновников от науки и жучков, понимающих толк в «освоении бюджета». В этой атмосфере у идеи нет шанса выжить.

Парадокс, но на первом этапе любые искусственные условия, и в первую очередь деньги, уничтожают все живое. Духовные законы так устроены, что главное возникает через интерес, не связанный с земными благами. Человек — не автомат, в который можно кинуть монетку, и он заиграет мелодию. Деньги без идеи инициируют другое направление мысли (воровство и халтуру). Именно поэтому людей, имеющих главным мотивом деньги, нельзя оставлять без контроля. Не за страх, а за совесть способны работать только те, у кого есть внутренний контролер (совесть).

Первопроходцы по своей воле, благодаря озарению и вдохновению, проявляют инициативу. Именно так рождалась ядерная физика. Странные люди интересовались странным излучением, не понимая, какое практическое применение может иметь их работа. Энтузиазм был единственным стимулом. Они тратили свои небольшие средства на покупку склянок и приборов, а не на ремонт квартиры, не надеясь в будущем вернуть свои вложения. Их интерес был один — насытить свое любопытство. Они тянулись в область тайны, не имея рациональных оснований, болели идеей, и в итоге получалось невероятное.

Пока не ухвачена суть порока системы, люди будут лечить экономический СПИД оздоровлением банковской системы и фондовой биржи. Чтобы ухватить эту суть, нужно искать людей, не просто согласных, что корни современного кризиса лежат далеко за границами политики и экономики, но и способных думать в этом направлении. Не акцентироваться на бантиках, а зрить в корень. Точка отсчета всякого дела — поймать нерв ситуации. Остальное вторично.

Собирать людей карьерного формата нет смысла, потому, как заранее известно: когда идея станет заметной, ее хозяином будет тот, кто больше предложит карьеристам. Вызовут

таких «борцов» в коридоры власти и попросту купят. Как вещь. Ну и какой тогда в этом действии смысл, если все обман, причем, самый гнусный, когда через озвучивание высоких идей человек пытается решить свои мелкие вопросы.

Мы не говорим, что с властью нельзя работать. Можно, при условии, что она понимает опасность так же как вы и становится стратегическим партнером. Если же это дети, дорвавшиеся до ресурса и теперь скупающие все известные им игрушки и удовольствия, предмета для разговора нет.

Понимание опасности образует стимул, задающий генеральный вектор действия. Человек начинает собирать людей под стать себе. Если появляется сила и предлагает деньги (власть, чин), но просит при этом изменить вектор, человек не согласится только при одном условии: если осознает, что изменение курса — смерть. Если таких людей возникает критическое количество, они начинают выталкивать, как птенцы кукушки, всех, кто мешает. В итоге возникает что-то типа партии власти, аморфной безыдейной массы. Самый надежный способ защиты от «кукушат» — отсутствие личной выгоды. К тому же, если человек не может без выгоды работать на свое спасение, значит, он не понимает опасности, и нам с такими не по пути.

Мы не образуем политический или социальный бренд, не принимаем на работу людей, согласных трудиться на свое спасение только потому, что их для этого наняли. Мы стараемся создать условия, по максимуму отталкивающие «птенцов кукушки». Мотивом должно быть горение делом. Люди служат делу, когда не могут не служить. Как обыватель не может жить без своих сериалов, вещей, карьеры, так наши единомышленники не могут жить без честного служения на благо человечества.

Глава 4
Заказ

Главную проблему высветил мировой кризис. Никто не думал, что вообще может возникнуть такое. Все исходили из предположения — будет только лучше. И когда кризисная ситуация все-таки случилась, пришла полная растерянность. В глазах временной власти тревога и печаль. Некоторые пакуют чемоданы… Только интересно, куда они побегут, если кризис накрыл всю планету.

Все демократии сейчас испытывают страх еще и потому, что чувствуют: они чужие в своей же стране. Так французы в 1812 году ощущали в России свою чужеродность. Французская армия оказалась внутри системы, которой не понимала. С одной стороны, крестьяне подмосковных деревень мародерствовали в брошенной Москве. С другой стороны, жгли сено, не продавая его оккупантам. Мародер и патриот в одном лице… Что за непонятная русская логика. Наполеон принимает решение: бежать, и как можно быстрее.

Временные правители не понимают корень ситуации. Возникает ощущение беспомощности, ведь нештатную ситуацию не исправить шаблонами. ЧТО ДЕЛАТЬ? Чтобы искать ответ на поставленный вопрос, нужно иметь мотивацию на поиск ответа. Без стимула действие невозможно. Зачем я буду думать (мышление — первый акт действия), если нет заинтересованности?

Возможны три варианта мотивации. Первый: когда человек понимает ситуацию, из чего делает вывод — бездействие в прямом смысле означает смерть меня и моей семьи. Второй вариант мотивации, когда человек не понимает, но верит. Третий вариант: я не понимаю ситуации, но если мне будут платить, я буду действовать.

Первичной мотивацией является понимание. Иначе откуда возьмутся люди, верящие в вашу правоту. Чтобы они появились, прежде должны появиться те, что упорядочат первичную идею в чертеж, который реализуют на практике. Люди поверят в летающую «железную птицу», когда увидят ее. Из чертежей и расчетов, объясняющих подъемную силу крыла, человек не увидит «птицы», это за рамками его интеллектуальных возможностей. Когда модель появится, первопроходцы будут предметом восхищения. Пока действующей модели нет (люди называют это реальным, то есть видимым делом), первопроходцы будут объектом насмешек и косых взглядов. Особенно это касается парадоксальных идей — большинство над ними или насмехаются, или восторгаются ими.

Есть четвертая ситуация, заставляющая человека, у которого нет ни понимания, ни веры, активно действовать — безысходность. Рузвельт принял решение о создании атомной бомбы, ничего не смысля в атомной физике. Чтобы понять уровень решения, представьте: власть решила финансировать разработку технологии по сворачиванию пространства. И не просто решила, а постановила выделять львиную долю бюджета, и так несколько лет. Причем, такое решение обескровило и без того минимальное финансирование пенсионеров, здравоохранения и т.д.

Для такого революционного решения нужны очень веские основания. Какие основания были у американского президента? Его подтолкнула безвыходность ситуации, складывающейся для США по итогам Второй мировой войны. Не имело значения, кто победит, Гитлер или Сталин. Победитель оккупировал бы Европу, Китай, Индию и, в итоге, Евразию. Геополитическое правило Макиндера: *«Кто правит центральным регионом, тот правит островом мира (Евразией). Кто правит островом мира, тот правит и самим миром»*. Власть над Евразией означает власть над мировыми торговыми путями, то есть по сути над планетой.

Рузвельт осознал угрозу, и начались поиски «штуковины», которая остановит победителя. Чем должна быть эта «штуковина»: паранормальными технологиями, позволяющими залезть в сознание диктатора-победителя, или физической мощью, на порядки превосходящей оружие того времени, это было вторично. Рассматривались самые сумасшедшие идеи. Единственное требование: понимание, как достигается результат. Для этого привлекались специалисты из различных областей науки, устраивалась перекрестная аналитика. В итоге власть пришла к выводу: «штуковиной» является ядерная энергия.

Чтобы еще ярче представить уровень решения, укажем на любопытный факт: Эйнштейн говорил — ядерная энергия реальность, но доступной она станет человечеству не раньше, чем через пять веков. Вопреки мнению авторитета Рузвельт принимает запредельно сложное решение. Американские спецслужбы начинают собирать физиков по всему миру. Предлагаются любые условия, используются все методы, лишь бы собрать критическую массу физиков. Нужна была атмосфера, в которой люди могут говорить о том, что для неподготовленного уха кажется бредом сумасшедшего.

Самые блестящие ученые со своими наработками оказываются в США. К 1945 году США имеют атомную бомбу. Ядерная атака на Японию не имела военного смысла. Хиросима была рекламной акцией, рассчитанной на одного зрителя — Сталина. Имея под ружьем более чем десятимиллионную армию победителей-фронтовиков, он смел бы любую силу на своем пути. Бомба, по словам Оппенгеймера, *«вспыхнувшая ярче тысячи солнц»*, остановила СССР в границах завоеванного.

Незадолго до этой демонстрации военного превосходства Сталин оказался почти в такой же безысходности, как Рузвельт. Разведка доносила: американцы приступили к созданию атомного оружия. На это указывали сотни мелких деталей типа исчезновения из научных журналов статей на тему ядерной энергии, особый режим физических факультетов, организация секретных лабораторий и прочее. Цена вопроса — огромные материальные и человеческие затраты. Учитывая, что страна находилась в состоянии войны, траты представлялись просто фантастическими. Этот ресурс можно было пустить на создание традиционного оружия — танков, самолетов и т.д.

Если США не получают бомбу, СССР становится хозяином мира. Но если получают, то советские танки и самолеты ничего не стоят, и ситуация разворачивается ровно наоборот. Если же оба, и СССР, и США, ошибаются, Союз проседает сильнее Штатов за счет ослабленной войной экономики. Суммируя все эти факты, представьте, какого уровня решение нужно было принять Сталину. Он принимает правильное решение. Открывается советский атомный проект «Арзамас», который, согласно некоторым источникам, по стоимости равнялся расходам на Вторую мировую войну для СССР.

* * *

Пока опасность кажется абстракцией, люди не будут вкладывать в нестандартное решение ни ресурс, ни время, ни энергию. Ресурс лишь потенция, и потому вторичен. Если

папуасам дать неограниченный ресурс и поставить задачу построить самолет, результата не будет. Они просто разворуют ресурс, и на этом «самолетостроение» закончится. Во что одеты папуасы — в набедренные повязки или дорогие костюмы, не важно. Важно, что они мыслят на другом уровне. Статус человека определяет не одежда и аксессуары, а способность осмыслить ситуацию и действовать сообразно выводам.

Современная система устроена так, что большинство демократических правителей являются именно папуасами. Они не охватывают и не понимают ситуацию, и раз так, у них нет мотивации. Чтобы ускорить переход к практике, ситуацию должны осмыслить ресурсные люди. Иначе стратегические ресурсы будут не просто скованы, это еще полбеды, они будут работать на врага.

Чтобы высвободить ресурсы, нужно осмысление в верхах. В идеале нужен кружок по аналогии с Андроповским. Первое лицо СССР привлекло людей, способных мыслить в мировом масштабе. Андропову возражали и спорили, и он или соглашался с доводами, или доказывал свою правоту. Начетничество и подобострастие не приветствовались. Кто демонстрировал нечто подобное, тех больше не приглашали. Смерть Андропова прервала попытку осмыслить разворачивающиеся процессы. Власть оседлали серые в интеллектуальном смысле аппаратчики. Абсолютно не понимая происходящего, они не оставили СССР ни единого шанса на спасение.

Сейчас складывается примерно такая же ситуация. Специалисты подковерной борьбы с горем пополам держались, когда нефть стремилась к цифре 200 долларов за баррель. Когда пошло снижение к 20 долларам за баррель, власть показала недееспособность, в первую очередь на интеллектуальном уровне.

Всякий ресурс работает, если есть команда, понимающая задачу и способ ее реализации. Если бы одних денег было достаточно, давно бы сделали лекарство от старости и прочие так нужные человечеству штучки. Но деньги имеют свой предел, за рамками которого не работают. Самое главное лежит за границей действия денег. Вы никогда не купите ни озарения, ни любви, ни совести. *«Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святый, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго. Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги» (Деян. 8, 18—20).*

* * *

Булочнику, как бы ни был он богат, не может понадобиться атомная бомба. Если миллиардеру подарят бомбу, он откажется от нее, потому что у него нет задач, решаемых таким инструментом. Каждому — свое. Нашему делу в первую очередь нужны люди глобальной мысли, а не глобальных денег. Перед нами два направления усилий. Первое: искать людей, понимание которых видно из действий. Второе: донести информацию до тех, кто обладает стратегическим ресурсом, то есть до власти.

С мировой системой нужна такая же ясность, как с демократией, порочность которой обнажена через выявление зависимости выбора от знания. С современной ситуацией та же проблема. Большинство интуитивно улавливают порочность мировой финансовой системы, но не могут так же точно, как это сделано относительно демократии, указать корень порока. Отсюда ее сравнение с финансовой пирамидой и выставление США исчадием ада. В реальности проблема гораздо глубже подозрения американцев во вредительстве ради денег. Как бы там ни было, но мировая система подняла на высокий уровень потребления не только американцев. Другой вопрос, насколько это хорошо…

В логике все так, но на практике невозможно парадоксальную тему упростить до уровня, понятного не погруженному в проблему человеку. Если власть с утра до вечера вязнет в политической текучке, откуда у нее возьмется база, необходимая для понимания? Разгребая кучу вторичных проблем, власть, судя по действиям, понятия не имеет о главном.

* * *

Мир так устроен, что человек не поворачивает головы в сторону непривычного, пока не

убедится в бесполезности привычных вариантов. Это ярко заметно на проблеме сохранения активов. Пока люди не убедятся в невозможности сохранить свои активы традиционным способом, они не посмотрят в сторону нетрадиционных вложений. Пока Сталин не убедился в невозможности решить вопрос обычными средствами, он посылал физиков на фронт. Как только история приперла к стенке, он начал по всем фронтам собирать уцелевших физиков.

Не за горами время, когда власть окажется в положении Рузвельта. Сегодня президенты, лидеры и короли надеются исправить ситуацию известными действиями и проверенными «лекарствами». Признавая непонимание происходящего, они, тем не менее, верят безответственно-оптимистическим прогнозам. Когда тупиковость пути станет очевидна не на умопостигаемом, а на практическом уровне, все обратят взор в сторону парадоксального. Но это имеет смысл, если к тому времени будет понимание. Когда власть обратилась в сторону ядерной физики, теория была сформирована.

«Сегодня люди ведут себя как бабочки-однодневки на тонущем судне. В силу масштаба мышления никакая «бабочка» не в состоянии осмыслить тот факт, что судно тонет. Живущая несколько часов «однодневка» не фиксирует проблему, потому что скорость затопления для нее незаметна. Когда над водой останется только одна мачта и счет пойдет на минуты, то есть скорость затопления будет равна скорости мировосприятия «бабочек», она поймет, что тонет. Но толку от понимания будет ноль, потому что уже ничего нельзя сделать. До этого момента сделать тоже ничего нельзя, потому что «бабочка» будет высмеивать всякую мысль о грядущей беде. Призыв к действию в обществе «бабочек» — всегда глас вопиющего в пустыне.

Размах мысли большинства людей никогда не выходит за рамки «посадить дерево, построить дом, воспитать ребенка». Все это, безусловно, прекрасно, но кто-то должен думать о посадке лесов, строительстве городов и воспитании народа. Если этим никто не занимается, если каждый делает все на свое усмотрение, судьба деревьев, домов и людей постепенно оказывается в руках хищников. Они, как разбойники, попавшие в дом, где нет взрослых, преспокойно грабят его, уверенные в своей безнаказанности. Потому что знают — дети ничего не поймут, а взрослых нет» («Проект Россия», первая книга).

Глава 5
Идейная группировка

Нам нужна защита от поражающего фактора, коим сегодня является совокупность действий мирового игрока и процесса слома привычной человечеству экономической конструкции. Чтобы понять, какова форма и структура защитной конструкции, определимся с природой материала, из которого эта она может быть создана. Варианта три: материя, люди, дух. Из материи можно построить каменную крепость. Из людей можно построить общину. Из духа можно построить… Мы не можем ничего построить из духа, это за рамками человеческих возможностей. Максимум, что можно создать, это или материальную структуру, или конструкцию из людей, или смешанный тип — государство либо армию.

Государство, и, тем более, община или партия, не смогут выполнить функцию защиты. Нужна принципиально иная конструкция, скорее всего, смешанная (из людей и материи), где основная компонента — люди.

Справиться с негативными процессами может группа, по ключевым параметрам напоминающая организацию ранних христиан. Отличительным признаком там было не богатство или обладание административным ресурсом, а понимание ситуации: *«покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3, 2)*. Для людей понимание учения Христа было стимулом к добровольному и неформальному объединению.

Возникшая структура была живой, но не иерархичной, и не нуждалась в регистрации, как не нуждается в регистрации дружба. Между людьми возникали горизонтальные связи (как в структуре типа Интернета), но с более активной динамикой. Если по Интернету любой связывается с любым в несколько шагов, в христианской структуре любой связывался с любым через один шаг. Такой эффект достигался через открытость ключевых фигур — апостолов.

В иерархичной структуре практически нереально простому человеку выйти на первое лицо. Теоретически это возможно (через несколько шагов), но на практике невероятно. Можно всю жизнь записываться на прием к президенту, но ни разу не попасть. В христианской структуре «попасть» к апостолу мог любой. Это обеспечивало как высокую устойчивость и живость структуры, так и формировало жесткие правила приема, чтобы не брать в тело церкви чужих людей.

Члены ранней христианской системы как говорили, так и жили. Своим поведением и образом жизни они распространяли учение, и это было очень эффективное действо. Они были словно белые точки на черном фоне. И эти точки постоянно разрастались, раздвигая тьму.

Наша цель — добровольное объединение единомышленников. Это образует мощнейшую силу, своего рода «монастырь для своих». У него нет крепостных стен, но его духовные стены крепче каменных. Эту команду составляют люди, по-честному признающие воскресение Христа и живущие (или стремящиеся жить) по Его заповедям. Строится такой коллектив на том же принципе, что и общение с друзьями — доверие и единомыслие. Все живут своей жизнью, но есть высшие цели, разделяемые всеми участниками.

Мы не находим лучшего термина для живой команды, кроме как группировка — определенная форма организации, отличающаяся от формальных структур. Ее нельзя назвать иерархичной организацией традиционного типа, и потому нельзя контролировать теми же способами, что и политические партии. Она не имеет учредительных документов, в которые можно вписать новых учредителей, и потому каждый член группировки есть часть целого, пока соответствует ее правилам. Нарушение правил ведет к естественному исключению из жизни коллектива. Группировка не зависит от денег, и потому ее нельзя убить, перекрыв финансовые каналы. Финансы влияют на активность действий, но не на факт существования.

Между официальными и неофициальными структурами серьезные отличия. Официальная структура «склеивает» человеческий материал заработной платой. Группировки «склеивают» своих членов признанием полезности друг друга относительно общей цели. В ком нет полезности, тот не может быть членом действующей команды.

Мы не открыли Америку, группировки с давних пор существуют в обществе. Любую формальную структуру контролируют неформальные группы. Они есть в любом министерстве, на предприятии, в учебном заведении и в любой администрации (в том числе и президентской). В церкви свои группировки. Вокруг одного владыки одна группировка сложилась, вокруг другого другая. В ООН и ТНК тоже группировки. Везде, где есть социальная структура, существуют группировки. Исключений нет.

Члены группировки держатся друг за друга сильнее, чем в любой формальной организации. За членство в неформальной структуре люди готовы нести повинности, жертвовать своим временем, ресурсом и прочее. За членство в официальной структуре люди требуют ровно обратного: чтобы им давали пакет соответствующих благ.

Любопытный факт: в мире нет ни одной христианской группировки. В любой стране есть национальные, преступные, чиновничьи, церковно-чиновничьи и прочие группировки, а христианской нет. Как министерства не лезут в дела друг друга и, тем более, в мировые проблемы, так и церковь дистанцировалась от стратегических тем (точнее, ее дистанцировали). Патриарх Никон пытался преодолеть этот момент, но тут Бог не попустил превратить Москву во второй Ватикан.

Живой социальный организм зарождается по той же технологии, что и биологический. Сначала возникает идея (аналог ДНК в биологии). Вокруг идеи собираются единицы, деятельность которых привлечет десятки, сотни и тысячи. В результате получается монолитная и высокоэнергетическая структура.

Группировку может выбить с занимаемых позиций только другая группировка. Официальная организация даже теоретически не в состоянии противостоять ей. Группировка не разделяет презумпцию невиновности. Напротив, исповедует презумпцию виновности. *«Люди ведут себя в полном соответствии со своей природой. Не доверять незнакомому — это нормально. Демократы со своей надуманной презумпцией невиновности запутали народ, но против природы не попрешь. Нет никакой презумпции и быть не может. Ерунда какая — изначально предполагать невиновность человека. В жизни все наоборот. Оказавшись в компании незнакомых людей, какие бы красивые слова они ни говорили, мы первым делом за*

карманы держимся. Своим поведением мы изначально обвиняем людей в намерении причинить нам зло. Налицо презумпция виновности. Доверяем мы только тем, кого давно знаем. Доверяем… и проверяем. Потому что слаб человек, и всегда готов пасть» («Проект Россия», вторая книга).

Группировка вообще не является религиозной организацией, путь в нее открыт всем: и верующим, и светским людям. Наша группировка имеет христианские корни, как армия Суворова. Будучи православным воинством, она не была религиозной структурой.

Мы не касаемся религиозных догм и дистанцируется от всех противоречий и разногласий между различными церквями и учениями. Мы не богословы и не арбитры в этих вопросах. Стоит нам ступить в эту сферу, как мы утонем во множестве болот, словно заранее приготовленных для искателей истины в религиозном секторе. Человек не может охватить такой объем информации. Он может только верить. А раз так, пусть каждый верующий считает свою веру самой правильной, но не выносит это на обсуждение.

Сложный вопрос: если мы не позиционируем себя религиозной структурой, у нас не должно быть конфессиональных ограничений. Полезность человека делу должна определять не конфессия (от лат. confessio — исповедание), а его искренность и глубина понимания. Выходит, если, например, мусульманин в целом разделяет наше понимание мира и технологию действия, ничто не мешает ему участвовать в общем деле. Как это согласуется с его официальной верой, пусть каждый решает сам. Здесь как в случае военной ситуации: *«если Родина в опасности, значит, всем идти на фронт»* (В. Высоцкий). Сейчас в опасности душа человеческая.

Людям, еще вчера отрицавшим религию, но сегодня изменившим мнение, прямой путь в традиционную церковь. Многие наслышаны о негативе в церковных кругах, и это мешает им сделать шаг в сторону храма. Нужно укрепляться мыслью, что вы пришли к Богу, а не к священнику как личности. Священник это посредник, по сути телефон. По грязному телефону можно говорить так же хорошо, как и по чистому.

* * *

Долгое время единственным надгосударственным игроком является неизвестная группировка мирового масштаба. Она устраивает оранжевые революции, приводит к власти марионеток, распространяет демократию — работает в мировом масштабе.

Новое понимание мира дало начало противостоящей ему группировке. Потенциально мы превосходим противника, но наши возможности пока не реализованы. Наша сила в нашей открытости, что позволяет надеяться на духовный и интеллектуальный потенциал всего человечества, тогда как враг вынужден скрывать свои карты.

Мировоззренческая идея — то единственное, против чего нет защиты. Зацепив ум и сердце, она укореняется там, начинает расти и в итоге меняет сознание. Следом меняется понимание мира, и далее по цепочке преображаются воля и действие. Новое действие в итоге меняет мир. В этом смысл фразы «миром движут идеи».

Сопротивление любого материала можно преодолеть. Можно гору пройти насквозь или разрушить. Человек — самый трудно разрушаемый материал. Идейность увеличивает его прочность в разы. Человек становится непреодолимым препятствием, как в случае с христианами, которых не могла сломать железная машина Рима.

Мы не протокольная структура, живущая, пока у спонсора хорошее настроение и есть «подключение» к финансовой розетке, и не ура-патриотическая аморфность, собирающая людей под идею типа «за все хорошее и против всего плохого». Мы живая команда, состоящая из людей, удерживающих в голове конечную цель. Мы делаем дело, которое определит мировую историю. С одной стороны, дух захватывает. С другой стороны, это длительный и тяжелый процесс, но иного пути нет.

Идейная группировка притягивает глубоких и деятельных людей, понимающих ситуацию и чувствующих надвигающиеся проблемы. Кто не понимает и не верит, тот никогда не войдет в подобную структуру, потому что стимула нет. Если стимул человека — карьера, деньги и прочий личный интерес, он обречен быть просто инструментом в чужих руках.

Объединение глубоко мыслящих и энергичных людей образует коллективный разум,

единое информационно-энергетическое поле. Между ними устанавливаются горизонтальные связи, как между клетками единого организма. Это и есть ковчег. Это и есть защита. Наша задача — создать условия, в которых честные неравнодушные люди объединятся в систему, не имеющую иерархии, но позволяющую связаться с любым человеком через один шаг.

Но нельзя построить общий ковчег, не построив прежде свой. Это одновременно самое простое и самое сложное. Потому что начинать надо с себя и надо не бояться пробовать это делать. Сегодня наблюдается странный парадокс: люди готовы попробовать наркотики, блуд и прочие греховные действия, потому что им кто-то сказал — это приятно. Но не готовы попробовать жить по заповедям Христа. Почему? А вдруг это намного приятнее? Измените свой образ жизни, и вы увидите, как мир вокруг вас начнет становиться лучше. Возможно, это будет первая ваша победа над собой.

Каждый честный человек, понимающий ситуацию, может считать себя членом группировки. Главное, чтобы он не лежал и рассуждал, а действовал в меру своих талантов по ситуации, согласно заповедям Христа. Чем больше появится таких людей, тем больше будет малых ковчегов. И тем сильнее станет общий ковчег как помощь тем, кто действительно хочет спастись сам и спасти свою душу. И даст Бог, он через какое-то время соединится с небесным ковчегом — Церковью.

Глава 6
Сопротивление

Мы сказали о глобальном. Теперь пару слов о практике. Сама по себе идея не овладеет широкими массами. Необходим комплекс внедряющих мер. Хороший пример демонстрирует христианство. Христос принес в мир идею, но чтобы распространить ее, потребовались гигантские усилия огромного количества людей. Как только эти усилия стали затухать, возобладало стремление к земным ценностям. Под нажимом государства христианство вступило в конкуренцию за массовость с другими религиями. Это породило упрощение: учение начали опускать к массе, вместо того, чтобы поднимать тех, кто способен подняться, к учению.

Подход «много званных, но мало избранных» создавал людей, способных вести дискуссию с язычниками с их (языческой) позиции, что заставляло задуматься и, как следствие, даже отказаться от языческого учения. Современные христиане начисто утратили такую способность. Сегодня официальная позиция: все как-нибудь само устроится. Враг, напротив, придает этому вопросу огромное значение. Результат говорит сам за себя. Враг имеет стратегическую власть, направляя человечество в пропасть. Христиане не имеют такой власти и потому не могут адекватно ему противостоять, хотя потенциально имеют такую возможность.

Успех врага, продвигающего потребительскую идею, объясняется наличием команды, имеющей глобальную цель и подчиняющей этой цели все свои действия. Враг четко понимает, что и зачем он делает. Коммерческая прибыль, равно как демократия или коммунизм, для него не самоценность, а инструменты.

Противовесом врагу могут выступить люди, понимающие суть христианства, ситуацию и состояние общества. Объединенные в команду, они будут способны действовать не в региональном масштабе, а сообразно объему идеи — на всю планету в соответствующем временном шаге.

* * *

В эпоху до пороха война велась металлом. В эпоху пороха — огнем. В наше время война ведется информацией, поскольку это единственное оружие в борьбе за сознание. Солдаты этой войны — режиссеры, сценаристы, композиторы, писатели и прочие работники творческой «фабрики». Образуя информационную армию врага, они понятия не имеют о цели, на которую работают. Грубо говоря, армия талантов используется втемную.

Яркий пример: режиссеры и сценаристы закладывают в сюжет фильма постельные сцены не для того, чтобы народ развратить, это цель не их уровня. Они хотят привлечь публику и заработать деньги. Какие задачи через это решаются, коммерсанты от творчества и творцы-исполнители не подозревают. Все стремятся к своей маленькой доходной цели, активно

работая на чужую. Комизм ситуации в том, что большинству нельзя сказать, что они на чужую цель работают, фундамент традиционной цивилизации разрушают. Нет, сказать, конечно, можно, но люди рассмеются. Единицы из творцов способны задуматься: почему это все дружно идут одним направлением, не сговариваясь? И единицы из единиц готовы искать ответ.

Возникает ряд вопросов. В первую очередь, как это вообще возможно технически — всем творческим людям присобачить навигатор и заставить двигаться курсом, которого они не осознают? Как можно заставить человека играть роль в чужой пьесе, не посвящая его в сценарий? Как можно использовать в качестве инструмента целую армию талантов?

«Во второй половине XX века был разработан принципиально новый, не силовой план уничтожения традиционных государств. Впервые в истории человечества в качестве основного инструмента наступления были задействованы манипулятивные технологии. Ранее они тоже использовались, но исключительно как вспомогательное средство. В новом типе войны упор делался не на промышленные и стратегические объекты, как в классической войне, а на сознание. Идеологическая бомбардировка сознания заменила традиционное мировосприятие потребительским. На основе чужой мировоззренческой базы создавался светлый миф о потребительском обществе и темный — о традиционном. В государственном организме после таких идеологических бомбардировок возникали глубокие трещины, куда стали забивать различные «клинья», — от преклонения перед потребительским образом жизни до безнравственности. В итоге структура страны начинала разваливаться. Никто толком ничего не понимал, потому что ни одно правительство не охватывало весь объем ситуации. Начавшиеся процессы воспринимались как стихийные» («Проект Россия», первая книга).

Системе может противостоять только система. Информационной армии может противостоять другая информационная армия. Если у врага есть армия творцов, противостоять ей может только армия творцов. Отдельные гении не котируются по многим причинам. Во-первых, они не образуют вала продукции, сопоставимого с «армейским». Во-вторых, действуют каждый в меру своего понимания, тогда как армия «работает» в жестком коридоре.

Можно ли создать сейчас такую армию? Ответ однозначный — ДА. Несмотря на то, что общество насквозь пропитано потребительством, остатки традиционного мировоззрения есть в каждом человеке, в том числе человеке-творце. И даже продукция, основанная на традиционных ценностях, имеется. Другое дело, что ее целенаправленно игнорировали, а бойкие «кукушата»-конъюнктурщики выталкивали традиционалистов из всех сфер деятельности.

Пришло время основательно потеснить «кукушат». И вместо насаждаемых нам мыльно-порно-кровавых «дешевок» дать людям качественный продукт, несущий любовь, доброту и чувство гордости за дело рук человеческих.

* * *

Советские творцы вчера и либеральные сегодня не имели цели создавать потребительское общество, но именно они его создали. Люди, выросшие на их книгах и фильмах, стали атеистами и «верующими материалистами» не от употребления колбасы, а от употребления информации. Какого качества была продукция, такого качества становились потребляющие ее люди.

Забавно видеть, как состарившиеся творцы сетуют: новое поколение нас обижает. Комичность ситуации в том, что они сами в свое время своим творчеством навязали людям ту модель поведения, которой сегодня недовольны. Творческие люди искренне не понимают, что плевали в колодец. Теперь пришла пора пить воду, и они морщатся…

Творцам казалось, они просто творят, пишут книги, снимают фильмы, сочиняют песни, через что выражают себя. Поднимались человеческие темы про любовь, подлость, честь и прочее. Некоторые мечтали сделать общество лучше, другие просто за славой и деньгами гнались. Но все они, помимо воли, вшивали в ткань своих произведений штрихи, образующие картину второго плана, формирующую подсознание. Советская и либеральная системы создавали творцов с тем, чтобы они внушали обществу материалистическое понимание мира и разрушали религиозное.

При попытке создать армию из существующих творцов есть опасность получить волка в

овечьей шкуре. Причем сам волк не будет понимать, кто он есть. Мы охотно допускаем, он добросовестно возьмется за создание заказанного продукта, но от своего подсознания никуда не денется. Не будучи христианином, он разрисует свой продукт красками, которые, по его мнению, и есть христианские. В итоге получится лубочный формат, работающий не за идею, а против. Хотя внешне все будет благолепно, придраться не к чему. Плюс нашпигует его материалистическими и потребительскими установками, которых сам не увидит, но которые юркнут в подсознание общества еще одной змеей.

Вся надежда на творцов, способных контролировать свое творчество. За счет своего интеллекта или сохранившегося традиционного подсознания они понимают или чувствуют: нет «просто развлечения». Любая информация несет закладки, из которых рождается понятие нормы. От того, какими будут нормы и шкала ценностей, зависит поведение и действие. Это образует мир.

Именно такие творцы «взорвут» своей продукцией потребительское понимание мира, потому что они мыслители, понимающие объем поднимаемой темы и способные этот объем переложить в эмоциональный формат.

Глава 7.
Обратный отсчет

Чтобы понять, как противостоять врагу, посмотрим, как христианское общество трансформировалось в потребительское. Это был колоссальный процесс, вытянутый в веках. Сегодня, за счет современных технологий, это произойдет намного быстрее.

Первый шаг смены мировоззрения начинается, когда в обществе совпадают два момента: а) появляются сознательные носители новых идей мировоззренческого уровня; б) носители господствующего учения утрачивают глубину понимания, воспринимая его больше эмоционально, чем сознательно. Учение быстро костенеет. Элита оставляет его и оказывается «в объятиях» нового учения.

Второй шаг. Люди большого ума осмысливают новый объем информации и раскладывают его по полочкам. Формируется новое учение. Разработчики понимают его на сознательном уровне, а на подсознательном продолжают быть носителями прежнего мировоззрения. Возникает внутренний конфликт. Подсознательная и сознательная информация вступают в противоречие. С одной стороны, «я должен», с другой стороны, «я знаю».

Третий шаг. Состояние внутреннего конфликта инициирует в интеллектуальной среде дискуссию. Но так как места интеллектуалов занимают чиновники, в лучшем случае честные воины, спор обретает специфический оттенок. С одной стороны выступают чиновники и ученые, с другой стороны — яркие интеллектуалы, живущие тем, о чем они говорят. Людей сжигают и пытают, но сожженные и замученные придают процессу силу. Светское общество уподобляет их святым, за научную веру пострадавшим, от католиков умученным.

Джордано Бруно сказал трибуналу инквизиции: *«Вероятно, вы с большим страхом произносите приговор, чем я выслушиваю его»*. Эта фраза пронзила сердца многих людей, поколебав веру в Христа и зародив веру в науку. На этой волне к делу подключаются художники и поэты. Воскрес образ Прометея, давшего людям огонь. Данко вырывает сердце из груди, освещая выход из тьмы. Эти настроения овладевают самыми пытливыми умами из народа.

Католицизм тоже в первую очередь был побежден на интеллектуальном фронте. Политики в рясах полагали: от вражеских идей можно защищаться грубой силой. Инквизиция не собиралась спорить с несогласными. Она намеревалась выбивать им зубы. Если кто-то вышел и написал формулу, а второй подошел и дал ему в морду, это нельзя назвать победой над идеей. Скорее, это признание своей интеллектуальной импотенции.

Инквизиторы вели себя как воины, они не собирались выяснять, кто прав. С врагом не спорят, его уничтожают. Проблема в том, что врагом был не чиновник, которого можно

подсидеть, и не армия, которую можно разбить. Врагом были идеи, не чувствительные к чиновничьим и воинским приемам боя. Но власть не понимала этого и наращивала физические гонения. Энергии тратилось много, но все удары били мимо цели.

Решающее значение играла не суть, а форма. Чиновники и инквизиция легко обманывались, если антихристианские мысли были упакованы в христианский формат. Если информация по сути безбожная, но выглядела божественной, инквизиция не обращала на нее внимания.

Антихристианские интеллектуалы обманули и чиновников, и воинов. Они перешли на новую терминологию, сохраняя свои мысли. Они проповедовали языческое понимание мира, обволакивая проповедь религиозными сентенциями. Чиновники от инквизиции глядели в их книгу и видели фигу. Славословий Богу там было предостаточно, в чем легко убедиться, почитав гуманистов той эпохи, но между строк читались антихристианские мысли. Инквизиция их не видела, она больше ведьм ловила, доносы разбирала, а у нее под носом в это время разрушали фундамент дома, в котором она жила. Христианство оказалось беззащитно перед интеллектуальными атаками из-за того, что система перестала вычленять отцов-мыслителей.

Четвертый шаг. Творцы-мыслители создают продукцию, ориентированную на подсознательное восприятие. Они упрощают сложную информацию до состояния, годного служить «упаковкой» в эмоциональном формате. Романы, памфлеты, пьесы, картинки и прочие творческие продукты культивируют новые образы.

Пятый шаг. Новую информацию впитывает элита, что делает ее модной. Воспитание идет в духе нового понимания мира. Появляется первое поколение, подсознание которого насыщено новыми установками. Из этого поколения появляются творческие личности, которые постепенно начинают образовывать творческую армию. Их еще мало, они «звезды». Им начинают подражать, они становятся властителями дум и законодателями интеллектуальной моды, не понимая, что происходит.

Шестой шаг. Новый взгляд на мир однажды охватывает критическую часть общества. Начинается самовоспроизводящийся процесс. Творческая армия растет за счет массы. Новое мировоззрение становится привычным, прежнее — архаичным.

* * *

Потребительское общество можно преобразовать в религиозное. На первом этапе нужны мыслители, готовые за свои убеждения на костер идти. Нет смысла собрать говорящие головы, они недееспособны. Если они понадобятся, их проще купить, чем хороводы вокруг них водить. В первую очередь нужны личности.

Процесс видится так.

Первый этап — *точка отсчета* (идея) — цельное мировоззрение, охватывающее мир от его творения из ничего до исчезновения, систематизированное и разложенное по полочкам (в книге мы изложили свое мировоззрение).

Второй этап — распространение мировоззрения на все человечество. Цель операции: выявить людей, способных принять информацию на сознательном уровне (много званных, но мало избранных). Появляются люди, понимающие нашу идею и способные ее упростить до эмоционального формата. Они создают творческие продукты, сознательно преодолевая свои подсознательные установки. Идет распространение творческой продукции с вшитыми в нее христианскими идеями в количестве, образующем на первом этапе малый информационный поток (чисто техническая задача).

Третий этап — среди глубоких людей возникает субкультура, воспитанная на нашей продукции. За поколение формируется масса с традиционными подсознательными установками.

Четвертый этап — из элиты выделяются творческие личности с религиозным подсознанием, образованным средой (окружением). Это первый плод. Далее процесс расширяется за счет энергии общества по той же схеме, как это происходило в эпоху смены религиозного мировоззрения безбожным.

Первые творцы будут преодолевать свои подсознательные установки. Новые творцы будут творить согласно своим подсознательным установкам, что серьезно увеличит количество продукции, и в итоге — зону покрытия.

Пятый этап — по накоплению критической массы творцов возникнет что-то вроде массовой культуры.

Эта последовательность вызывает массу вопросов, отвечать на которые сейчас преждевременно. Достаточно сказать: у нас есть понимание ключевых узлов темы, доказательством чего является наша деятельность. Вы никогда не увидите плакатов, указывающих на наши дела, но заметите новые стратегические направления, образуемые нашими делами.

Враг формирует человечеству единое мировоззрение эгоистично-потребительского характера. Наша цель — формировать человечеству христианское мировоззрение. Мировой информационной агрессии может противостоять мировая информационная защита, переходящая в мировое наступление. Нельзя ограничиваться своей территорией. Полноценное сопротивление возможно только в соответствующем масштабе.

Послесловие

Мир на пороге принципиального преобразования. От начала эпохи колоссальной трансформации нас отделяет шаг. За счет приближенности к Главному событию, за счет ускорения текущих процессов мы видим то, чего наши предки не могли видеть. Кончилась игра в бирюльки, история бросает человечеству нечеловеческий вызов. Мы называем все (или почти все) своими именами, чтобы в первую очередь побудить глубоких людей расстаться с иллюзиями.

Большинство людей суть динозавры современного формата. Они вымрут в прямом смысле, и мы не видим способа их спасти. Это примерно как с жителями Чернобыля: сколько бы власть ни предупреждала о радиации, она не могла добиться, чтобы люди бросили свое добро и дом и уехали из смертельно опасной зоны. Радиацию не видно, авось пронесет. Когда последствия проявятся, будет поздно. Замкнутый круг.

Мы в ситуации, когда высокие стремления подавляются торжеством низких истин. Узкое понимание мира делает людей детьми, для которых глобальные темы кажутся несусветной глупостью. Мы пишем это открыто, потому что уверены*: «совсем простые люди не будут читать эту книгу хотя бы потому, что ее нужно читать»* («Проект Россия», первая книга).

* * *

Если есть Бог, сотворивший мир, значит, нет у человека большей цели, нежели выполнять заветы Бога. Через бездействие невозможно выполнить две самые главные заповеди: возлюбить Бога и возлюбить ближнего. Возлюбить Бога значит выполнять Его заповеди. Возлюбить ближнего значит защитить его от опасности.

Вера в Бога первую очередь демонстрируется делами. *«Вера — это дела. Причем не вообще дела, а дела, соответствующие ситуации. Человек не сам себе выдумывает «добрые» дела, их определяет ситуация. Видишь, тонет ребенок — спасай его. Видишь, твою Родину разоряют — защищай ее. В этом твоя вера. Если говоришь, что Бог все управит, это не вера, а лицемерие. Если говоришь, что некогда ребенка спасать, потому как занят «добрым делом», например, дерево сажаешь, это еще большее лицемерие. Делай, что должен, и будь что будет — вот настоящая вера. Если у верующего нет дел, сообразных его талантам, получается, у него вера бесовская»*. («Проект Россия», первая книга).

Есть разные дела. Простой человек честно делает свои малые дела и через то спасает душу. Большой человек делает большие дела и через то спасает душу. Чем больше человеку дано талантов, тем больше с него спросится. *«И от всякого, кому дано много, много и*

потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48).

Перед человечеством стоит большая задача. Взяться за ее решение могут люди с большими талантами, видящие в этом достижение своей высшей цели — спасение души. Главное в большом деле — не отступать от задуманного. Честных намерений достаточно для успеха. Усилия малых разбудят сильных, иначе *«камни возопиют» (Лк. 19, 40).*

Кто не отступает, как не отступал Икар, тот однажды полетит. Поэтому делай, подавляя желание все бросить, если не получается сразу. Ищи логику, доказывающую необходимость активности. Если такой логики нет, если логика против действия, делай против логики. Главное — делать. Остальное приложится. Господь взирает не на широту возможностей, а на усердие посильной ноши. Бог не по силам креста не дает. Не нужно браться за большее, чем можешь. Но чтобы определить, что можешь, берись за большее, и постепенно сбрасывай непосильное.

Никому не удастся остаться в стороне. Потому что, бездействуя, вы пособничаете врагу, даже если категорически не приемлете его и верите в Бога. Наступает момент истины. Какой эта истина будет Завтра, зависит от того, как Вы поведете себя Сегодня.

Мы общаемся только с действующими людьми. Поэтому если решите нам писать, прежде сделайте хотя бы маленькое дело.

Наш адрес: project2008@mail.ru

Проект Россия. Третье тысячелетие. Книга 3.
Серия: Проект "Россия"
Издательство: Эксмо, 2009 г.
Твердый переплет, 448 стр.
ISBN 978-5-699-34786-5
Тираж: 1000000 экз.
Формат: 84x108/32